V 10/339
т. 1

В. В. Розановъ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗГНАННИКИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Съ портретомъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

V 10
339.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ

ИЗГНАННИКИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Ж 10/339.

В. В. Розановъ

Г 10/339

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗГНАННИКИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Съ портретомъ

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХЩ-23578
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

2007041689

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

Единственный видъ литературы, который я признавать сталъ — это ПИСЬМА. Даже въ «дневникѣ» авторъ принимаетъ позу. Письмо-же пишется столь спѣшно и въ такой усталости, что не до позъ въ немъ. Это единственный искренній видъ писаній.

Священникъ *Павелъ Флоренскій*
(изъ частнаго письма ко мнѣ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе . . . . . IX—XII

Н. Н. СТРАХОВЪ, его личность и дѣятельность . . . . . 1—414

О борьбѣ съ Западомъ,—въ связи съ литературною дѣятельностью одного изъ славянофиловъ 3

Идея раціональнаго естествознанія . . . 65

Разсѣянное недоразумѣніе. 107

ПИСЬМА Н. Н. Страхова . . . . . 112—414

Некрологи и замѣтки о Н. Н. Страховѣ . 415—435

Ю. Н. ГОВОРУХА-ОТРОКЪ въ нѣсколькихъ *ПИСЬМАХЪ* . . . . . 437—454

Вѣчная память. 24 января—27 іюля 1896 г. . 455—531

Портретъ и автографъ Н. Н. Страхова 401

Печатая «Письма А. С. Суворина», я печаталъ *его* письма,—человѣка всегда стоявшаго внѣ меня, какъ и я былъ внѣ его. Суворинъ былъ единственный вполнѣ *историческій* человѣкъ, съ *исторической* ролью, котораго я много лѣтъ наблюдалъ какъ *проходившее около меня явленіе* и *меня нисколько не задѣвавшее:* но которому я отдалъ много удивленія, глубочайшее уваженіе за чистоту и незлобивость, за глубокую правду души; котораго я любилъ какъ *великое русское явленіе*, подобно какъ могъ-бы любить Толстого, Менделѣева и проч.

Отношеніе—объективное; двухъ касательныхъ круговъ.

Печатаемыя ниже письма издаются совсѣмъ въ другомъ тонѣ;—съ другимъ чувствомъ, въ другомъ намѣреніи. Исторія—умолкла. Площади—нѣтъ; улицы—нѣтъ. Дверь крѣпко заперта. Горитъ старая русская свѣчка, даже едва-ли стеариновая.

Самъ я въ туфляхъ и гости мои въ туфляхъ. Тутъ—«мы»; и это—«наши письма», гдѣ мы споримъ, ругаемся, любуемся другъ другомъ, или по крайней мѣрѣ я любуюсь своими корреспондентами.

Отношеніе—субъективное.

Круги — концентрическіе другъ къ другу; кругъ—въ кругѣ, или какъ въ дѣтской игрушкѣ: «яичко — въ яичкѣ», большія, маленькія, до совершенно крошечнаго, до исчезающей трухи.

Начинаю со своего «крестнаго отца» (въ литературѣ), Николая Николаевича Страхова.

Человѣка, который въ одномъ «я» совмѣстилъ:

1) философа-аналитика,
2) біолога,
3) литературнаго критика,
4) публициста.

Являясь вездѣ лишь изрѣдка патетическимъ *утверждателемъ* (отношеніе къ Толстому, и то съ оговорками), а постоянно — *предостерегателемъ*, *удерживателемъ*... Здѣсь—его смертная часть. Поистинѣ, онъ казался вѣчно «толкущимся на *одномъ* мѣстѣ», вѣчно путающимся «все въ *тѣхъ*-же словахъ», понятіяхъ, тезисахъ, предостереженіяхъ, угрозахъ. Но часть эта «смертна» въ смыслѣ успѣха для земли, славы, шума,—въ смыслѣ толпы «слѣдующихъ учениковъ». За нимъ «никто не шелъ», да и трудно было за нимъ идти, ибо онъ

самъ никуда не шелъ. Что̀-же онъ дѣлалъ?!! Онъ стоялъ около «вѣчныхъ истинъ» [1]), немногихъ въ религіи, немногихъ въ философіи, немногихъ въ искусствѣ, даже въ публицистикѣ—немногихъ; не у *него* (Стр.)—немногихъ, а въ *дѣлѣ самомъ*—немногихъ; и не отходилъ отсюда, и умолялъ другихъ не отходить. Здѣсь, такимъ образомъ, въ смертной для успѣха части его существа—лежала и безсмертная часть этого-же существа.

Нѣтъ,—онъ «звалъ»; нѣтъ,—онъ «шелъ впередъ». Стоя на одномъ мѣстѣ. Какъ вотъ «неподвижныя звѣзды» среди блуждающихъ кометъ.

Тайна Страхова вся—въ мудрой жизни и мудрости созерцанія. Сюда-то онъ и звалъ, сюда-то онъ и *самъ пришелъ*,—и недалеко, всего «на Торговую улицу»; и вмѣстѣ очень далеко—ибо это была вѣчность. Что̀-же «вѣчнѣе» кельи старца у воротъ шумнаго пригорода? что̀ «вѣчнѣе» Александрійской Библіотеки? что̀ «вѣчнѣе» астронома, разсматривающаго въ трубу небесныя «туманности»? или—святого, читающаго вечернюю молитву? Они «никуда не идутъ», потому-что они «всего достигли». Они—«въ пристани», и эта «пристань»—просто чистая совѣсть, вѣра въ Бога; мудрая жизнь; и нѣкоторое требованіе къ «пригороду» или молитва о томъ, чтобы тамъ власти были «не безчинны».

И только. Но довольно; я никогда не кончилъ-бы, если-бы сталъ развивать это дальше.

---

[1]) Заглавіе одной изъ книгъ Н. Н. Страхова.

Къ письмамъ я прилагаю нѣсколько статей своихъ о Страховѣ, а также нѣсколько писемъ Юрія Николаевича Говорухи-Отрока. Это былъ лучшій публицистъ-критикъ нашихъ 80-хъ и 90-хъ годовъ XIX-го вѣка, писавшій подъ псевдонимами «Ю. Николаевъ» и «Елагинъ» въ *Моск. Вѣдомостяхъ* и въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

В. Р.

Сахарна, Бессарабск. губ.
4-го августа, 1913 г.

Н. Н. СТРАХОВЪ

ЕГО ЛИЧНОСТЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

О борьбѣ съ Западомъ, въ связи съ литературной дѣятельностью одного изъ славянофиловъ.

Мы привѣтствуемъ появленіе только что вышедшаго, вторымъ изданіемъ, второго тома «Борьбы съ Западомъ въ нашей литературѣ» г. Н. Страхова. Тѣ, кто знакомъ съ его первымъ изданіемъ, найдутъ въ настоящемъ рядъ новыхъ статей, и между ними «Роковой вопросъ», надѣлавшій въ свое время столько шуму и послужившій причиною закрытія журнала Ѳ. М. Достоевскаго «Время». Есть въ этомъ второмъ изданіи и статьи, никогда еще не появлявшіяся въ печати. Онѣ всѣ примыкаютъ къ «Роковому вопросу», служа поясненіемъ его или дальнѣйшимъ развитіемъ. Здѣсь воспроизведена также въ полномъ составѣ статей вся полемика г. Страхова противъ проф. К. Тимирязева (касательно дарвинизма) и противъ Вл. Соловьева (касательно теоріи культурно-историческихъ типовъ Н. Я. Данилевскаго).

Всегдашнія черты таланта г. Страхова цѣнители и знатоки его сочиненій встрѣтятъ и въ настоящей

книгѣ, какъ и въ длинномъ рядѣ другихъ, которыя онъ издалъ въ послѣдніе годы [1]). Товарищъ по журнальной дѣятельности Ѳ. М. Достоевскаго, Ап. Григорьева и Н. Я. Данилевскаго, онъ только въ восьмидесятыхъ годахъ, когда началъ выпускать цѣльные сборники своихъ статей, сталъ получать прочную и широкую извѣстность. Его статьи о Герценѣ и Ренанѣ [2]) читались и перечитывались; а всякій, кто слѣдилъ за его полемикой по поводу различныхъ научныхъ вопросовъ, не могъ не чувствовать почти постояннаго превосходства его надъ своими противниками, быть можетъ поэтому именно всегда соединеннаго со спокойнымъ изяществомъ постоянно правильнаго спора.

I.

Чрезвычайная вдумчивость составляетъ, кажется, главную особенность въ умственныхъ дарованіяхъ г. Страхова, и она же сообщаетъ главную прелесть его сочиненіямъ. Ихъ можно снова и снова перечитывать [3]), и все-таки находить еще новыя мысли въ

---

[1]) «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи», «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ», «Критическія статьи о Л. Н. Толстомъ и И. С. Тургеневѣ», «О вѣчныхъ истинахъ». *Примѣчаніе 1900 года.*

[2]) Въ 1-мъ т. «Борьбы съ Западомъ въ нашей литературѣ», изд. 2-е, Спб. 1887.

[3]) Трудно сказать, *слабость* это или *сила*. Есть цѣлая категорія писателей, которые какъ бы ни очаровывали *во время чтенія*, послѣ чтенія черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, даже не очень большой, уже не помнятся иначе какъ въ *общемъ своемъ образѣ*, какъ *во*

нихъ, которыя или остались незамѣченными при первомъ чтеніи, или впечатлѣніе отъ которыхъ закрылось впечатлѣніемъ отъ другихъ, болѣе важныхъ мыслей: Эта особенность его таланта становится всего болѣе ярка, когда переносишься мыслью отъ него къ его умершему другу, Н. Я. Данилевскому. Связанные тѣсною и многолѣтнею дружбою[1]) и единствомъ убѣжденій, они были люди въ сущности противоположнаго умственнаго склада. Н. Я. Данилевскій разработалъ двѣ громадныя идеи, изъ которыхъ одна положительная по содержанію, другая—отрицательная. Мы разумѣемъ его теорію культурно-историческихъ типовъ, развитую въ книгѣ «Россія и Европа», и критику дарвинизма, изложенную въ двухъ томахъ неоконченнаго сочиненія, которое носитъ названіе этой теоріи. По своему универсальному значенію обѣ идеи эти высоко возвышаются надъ

всемъ вообще теченіи своихъ мыслей. Къ нимъ принадлежалъ Страховъ. И взявъ книгу его,— случайно,— и перечитывая опять читанныя прежде страницы, переживаешь ихъ вторичнымъ переживаніемъ, совсѣмъ *сѣежимъ*. Конечно, это—*слабость*, что онѣ не запомнились, но—и прелесть, что онѣ всегда новы. Таковы, кажется, вообще *тихіе писатели*, т.-е. самые благородные. Страницамъ и строкамъ ихъ недостаетъ силы *удара*. Они не «рѣжутъ бумагу» перомъ, а будто разрисовываютъ бумагу тихой кисточкой. Рисунокъ акваренъ и носитъ спеціальное изящество акварели, но—явно тутъ чего-то и недостаетъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Въ 2-мъ т. «Борьбы съ Западомъ» есть нѣсколько страницъ, посвященныхъ воспоминанію о Данилевскомъ, стр. XIX—XX и 512—514. См. также предисловіе къ четвертому изданію «Россія и Европа», Спб. 1889.

умственною производительностью нашего общества; и, конечно, чѣмъ далѣе ряды смѣняющихся поколѣній будутъ отходить отъ нашего времени, тѣмъ яснѣе проступятъ передъ ними величественныя черты умственнаго зданія, которое онъ пытался воздвигнуть. Но, подходя ближе къ этому зданію, мы замѣчаемъ, что многое въ немъ выполнено просто и грубо, хотя въ общемъ—всегда вѣрно [1]). Истинность и совершенство цѣлаго при грубости въ обработкѣ частей есть общая черта научно-литературныхъ произведеній Данилевскаго. Онъ всегда видѣлъ только главную идею, для которой работалъ; эта идея поглощала его мысли,— и онъ менѣе внимательно смотрѣлъ на самый процессъ выполненія. Отъ того, разъ прочитавъ его труды и согласившись съ нимъ въ главномъ, не имѣешь охоты возвращаться къ нимъ снова, зная, что не найдешь въ нихъ уже ничего новаго. И, однако, самыя идеи его

---

[1]) Страховъ былъ ювелиръ, Данилевскій—архитекторъ. Страховъ вѣчно точилъ и обтачивалъ чужія мысли, чужія идеи, чужіе замыслы и порывы. Вся его работа, на протяженіи всей жизни и во всѣхъ разнообразныхъ областяхъ, гдѣ онъ трудился—біологіи, механики, психологіи, метафизики—*критическая*, безъ рѣшимости и даже безъ желанія *творчества*. «Мыслей создано достаточно и незачѣмъ выдумывать новыхъ; но прекрасныя мысли, какія имѣетъ человѣчество, мѣстами не такъ сказаны, мѣстами невѣрно восприняты, и въ общемъ до сихъ поръ мало связаны и частью не продуманы еще». Такъ, казалось, говорилъ ему внутренній голосъ, нѣкоторый спеціально страховскій δαιμόνιον (предохраняющій, «страхующій отъ пожара и потопа»). И онъ всю жизнь «продумывалъ» чужія мысли, уча, наставляя и вѣчно читая самъ (колоссальная личная библіотека, занимавшая даже всю прихожую до потолка). *Примѣчаніе 1913 года.*

уже входятъ въ систему вашихъ убѣжденій, онѣ не могутъ ни исказиться, ни забыться.

Совершенно противоположны по своему характеру труды г. Страхова. Его занимаетъ слишкомъ много мыслей, чтобы мы могли выдѣлить которыя-нибудь изъ нихъ, и, забывъ остальное, сохранить только ихъ. И, что въ особенности важно, эти мысли отличаются чрезвычайною сложностью и тонкостью, онѣ трудно усвоимы,—и это не смотря на совершенную прозрачность языка. Онѣ трудны не потому, что трудно выражены,—но сами по себѣ, именно какъ мысли [1]). Все слишкомъ ясное и простое, все умственно грубое—не особенно занимаетъ его; и если во 2-мъ томѣ «Борьбы съ Западомъ» такъ много мѣста отведено имъ теоріи Дарвина, то это, конечно, лишь изъ желанія выяснить достоинства труда Данилевскаго и этимъ почтить память своего умершаго друга. Въ дѣйствительности же теорія эта, слишкомъ простая и грубая, не могла надолго приковать къ себѣ вниманіе критика, разъ ея истинное достоинство стало для него ясно. Съ неудержимою силою [2]) его мысль влечется къ темнымъ и неяснымъ сторонамъ въ жизни природы, во всемірной исторіи и въ вопросахъ общественныхъ; онъ ходитъ около этихъ областей, тщательно взвѣшиваетъ все, что о нихъ думали выдаю-

---

[1]) Сюда относится много удивительныхъ и лучшихъ страницъ въ «Общихъ понятіяхъ психологіи и физіологіи». Спб. 1886.

[2]) Теперь я сказалъ бы: «съ постояннымъ очарованіемъ». *Примѣчаніе 1913 года.*

щіеся умы разныхъ временъ и народовъ; и вывести изъ этой темной глубины хоть что-нибудь къ свѣту яснаго сознанія—вотъ что̀ составляетъ его постоянную и тревожную заботу. Отсюда вытекаетъ необыкновенная оригинальность его мысли: вы никогда не увидите у него повторенія того, что уже извѣстно вамъ изъ другихъ книгъ; отсюда же—отрывочность этихъ мыслей, ихъ рѣдкая законченность; и вмѣстѣ—обиліе ихъ. Первое происходитъ отъ того, что онъ никогда не хочетъ говорить болѣе, нежели сколько знаетъ; второе—отъ того, что чѣмъ труднѣе занимающій его вопросъ, тѣмъ менѣе онъ въ силахъ оставить его, и все съ новыхъ и новыхъ сторонъ пытается его разрѣшить. Вотъ почему онъ не создалъ ни одного большого систематическаго труда; «замѣтка», «очеркъ» или, какъ дважды озаглавливаетъ онъ свои статьи, «попытка правильной постановки вопроса»—вотъ самая обыкновенная и дѣйствительно самая удобная [1]) форма для выраженія его мыслей. Онѣ напоминаютъ собою ажурную работу необыкновенной тонкости и изящества, каждый уголокъ которой занимаетъ васъ, въ которой вы открываете все новые и новые узоры, хотя издали она представляется однородною [2]). Его труды—это не величественный храмъ, который издали привлекаетъ путника, но это—удивительная и разнообразная орнаментація, которую онъ неожиданно замѣчаетъ, войдя въ него, и прихотли-

---

[1]) ... самая подходящая. *Поправка 1913 года.*

[2]) ... сплошною и слитною. *Поправка 1913 года.*

вые изгибы ея уходятъ въ неопредѣленную даль [1]). Ничего крупнаго и рѣзкаго не запомпнается въ ней; но, долго всматриваясь въ ея мягкія черты, начинаешь чувствовать препебреженіе и даже непріязнь ко всему умственно-грубому, что̀, отвернувшись, находишь снова въ обыденной жизни и что̀ раньше не казалось грубымъ. Она не столько входитъ какою-нибудь опредѣленною мыслью въ составъ вашихъ убѣжденій, сколько изощряетъ вашу мысль и воспитываетъ ее; и хотя бы предметомъ ея потомъ стали другіе вопросы,—на всемъ, что создастся ею, ляжетъ уже своеобразная печать.

Мы сказали объ однородности впечатлѣнія, которое остается отъ чтенія всѣхъ трудовъ г. Страхова. Это зависитъ отъ единства настроенія, съ которымъ писались они, и отъ цѣльности мысли, отсутствія разорванности въ ней,—при всемъ разнообразіи предметовъ, которымъ они посвящены. Множество мыслей, переплетаясь и, повидимому, прерывая другъ друга, въ дѣйствительности связываются въ одну узорную ткань. Вы чувствуете, что о чемъ бы ни писалъ онъ, будетъ ли то научный вопросъ, явленіе литературы, политическое увлеченіе,—онъ постоянно думаетъ о чемъ-то одномъ: и въ отношеніи-то къ этому одному, не называя его, онъ и высказываетъ всѣ свои мысли, чего бы ни касались онѣ прямымъ, точнымъ значеніемъ своихъ словъ.

---

[1]) ...орнаментація (чужой мысли, чужихъ созданій)—это въ самомъ дѣлѣ выражаетъ *всего Страхова. Примѣчаніе 1913 года.*

Это сообщаетъ его разнообразнымъ критическимъ, публицистическимъ и научнымъ статьямъ глубокую, хотя не рѣзко выраженную сосредоточенность. Слѣдя за направленіемъ, въ которомъ она возрастаетъ, мы открываемъ двѣ идеи, которыя, не будучи центромъ всѣхъ его мыслей, стоятъ наиболѣе близко къ нему; самого же центра онъ никогда почти не касается словомъ; о чемъ онъ постоянно думаетъ, онъ не говоритъ совсѣмъ[1]). Вы только чувствуете этотъ центръ, открываете его изъ общаго теченія его мысли и изъ общаго настроенія, подъ которымъ онъ писалъ всѣ свои труды.

Два ближайшія къ центру средоточія, о которыхъ заговорили мы,—это, во-первыхъ, идея *раціональнаго естествознанія*, и, во-вторыхъ, идея *органическихъ категорій*, какъ особыхъ понятій, исходя изъ которыхъ можно было бы наконецъ пролить объясняющій свѣтъ на никогда не разгаданную область жизни и смерти. Первая идея установлена въ самомъ почти раннемъ и наиболѣе цѣльномъ, закругленномъ трудѣ его: «Міръ какъ цѣлое; черты изъ науки о природѣ» (Спб. 1872 г.); вопросъ о вторыхъ уже поставленъ имъ въ первомъ не спеціальномъ его трудѣ: «О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи» (Спб. 1865 г.), и къ нему же вернулся онъ снова и съ величайшею энергіею въ позднемъ и лучшемъ трудѣ своемъ: «Объ основныхъ поня-

[1]) А «о чемъ», въ самомъ дѣлѣ? Я думаю—о Богѣ, о правдѣ, о душѣ. И смущеніе о томъ, что все это въ мірѣ линяетъ, «цвѣтъ (всего) стирается». *Примѣчаніе 1913 года.*

тіяхъ псіхологіи и физіологіи» (Спб. 1886 г.). Нужно прочитать обѣ эти книги, чтобы понять всю глубину мысли, которая заложена въ нихъ, чтобы дать себѣ ясно отчетъ во всей геніальности догадокъ, которыя здѣсь высказаны, но, къ сожалѣнію, не развиты [1]).

---

[1]) Въ силу никогда недоказаннаго предположенія «инженерныхъ философовъ» (Контъ былъ инженеромъ), что біологія есть *дальнѣйшее усложненіе* физики, а психологія есть *дальнѣйшее усложненіе* біологіи, всѣ тогдашніе европейскіе философы, а за ними и всѣ русскіе философы, по крайней мѣрѣ преподававшіе въ университетахъ и писавшіе въ журналахъ, «уперлись лбомъ» въ ту стѣну, что въ собственномъ смыслѣ *нѣтъ* и *невозможна* біологія и *нѣтъ* и *невозможна* психологія; ибо ни одна, ни другая не имѣютъ *самостоятельнаго* и *новаго* объекта для себя. Иными словами, что нѣтъ ни *жизни*, ни—*души*, такъ какъ одно и другое суть лишь усложненія *механики*. «Физіологія имѣетъ дѣло съ особенно-утонченными и особенно сложными физическими и химическими процессами», а психологія есть «физіологія мозга», пока лишь недоработанная, и «доработать» которую старались журналисты и профессора. Ни вправо, ни влѣво, ни впередъ, ни назадъ, ни вверхъ, ни внизъ изъ этого запертаго чулана нельзя было двинуться, и *запрещено* было двигаться,—запрещено Лесевичемъ, Лавровымъ-Миртовымъ, а потомъ Михайловскимъ, а еще раньше Чернышевскимъ и его дѣвицами по «Что дѣлать». Никто и не двигался. Страховъ одинъ имѣлъ мужество и имѣлъ проницательность начать *сразу* же учить, наставлять, внушать, притомъ не какъ «публицистъ», а какъ *ученый*, держащій компасъ и карту въ рукахъ, что біологическія науки имѣютъ свои *самостоятельныя категоріи*, отнюдь не находящіяся среди категорій физики и механики, равно также имѣютъ *свою группу категорій*—и явленія психическія. Что такимъ образомъ области знанія

физика
біологія
психологія

Объ идеѣ раціональнаго естествознанія написано имъ немного, и однако же она совершенно ясна изъ этого немногаго; напротивъ, объ органическихъ категоріяхъ написано имъ гораздо болѣе, и между тѣмъ сущность ихъ, точное значеніе и формальное опредѣленіе гораздо менѣе ясны. Очевидно, онъ встрѣтился здѣсь съ гораздо болѣе труднымъ вопросомъ, который не столько разрѣшилъ, сколько твердо выставилъ и рѣзко указалъ на него, какъ на такой, безъ предварительнаго рѣшенія котораго всѣ труды натуралистовъ осуждены вѣчно оставаться только собираніемъ безмысленныхъ фактовъ, а не созиданіемъ

не суть концентрическіе другъ другу круги, съ однимъ общимъ центромъ и лишь разнаго радіуса, а суть совершенно *разныя области*, и по *предмету*, и по *отношенію къ нимъ разума*, и по *методу*. Что ужъ если это и «круги»,—то лишь *касательные* одинъ къ другому, но *съ особымъ у каждаго центромъ*. Скорѣе же всего они относятся, какъ «домохозяйство» Ивана Ивановича къ «добродѣтели» Ивана Ивановича, или—къ его «родству». «Иванъ Ивановичъ», т.-е. Міръ—или Богъ—конечно *одинъ и Единъ*: но законы его «хозяйства» не лежатъ «подспудно» ни подъ его *добродѣтелью*, ни подъ его *родствомъ*.—«Особыя-съ категоріи». Вотъ эти «особыя категоріи» Страховъ и тесалъ какъ «колъ» на головахъ нашихъ позитивистовъ: но не могъ переубѣдить. Тѣ все пѣли одну томительную пѣсню,—объявивъ «по линіи» лозунгъ: «никуда не пускать Страхова», «смѣяться вездѣ надъ Страховымъ». И къ этой доблестной компаніи имѣлъ малодушіе примкнуть и Влад. Соловьевъ, не говоря уже объ университетскихъ тупицахъ, въ родѣ А. С. Фаминцына и К. Тимирязева. Да... приходится сказать страшную вещь, что въ двадцатилѣтіе послѣ 60-хъ годовъ Страховъ былъ единственнымъ у насъ *живымъ, подвижнымъ, свободнымъ и шедшимъ впередъ* мыслителемъ. Все *отстало* и все *застыло* позади его и вокругъ его. *Примѣчаніе 1913 г.*

науки въ истинномъ и строгомъ значеніи этого слова.

Невѣрность надежды достигнуть когда-нибудь полнаго проведенія первой теоріи по всей области естествознанія и достигнуть полной ясности въ разрѣшеніи второго вопроса—была, вѣроятно, единственною причиною того, что г. Страховъ не посвятилъ этимъ двумъ задачамъ всей своей жизни, какъ хотѣлъ сдѣлать это вначалѣ[1]).

Мы сказали уже, что идеи эти, стоя ближе всего къ центру его интересовъ, однако все-таки не составляютъ этого центра,—и онъ, предавшись имъ, не могъ закрыть глаза на то, что вѣчно и неумолкаемо тревожило его мысль. Онъ сошелъ съ пути чистаго естествознанія, и, весь руководимый одною мыслью, обратился къ разнообразнымъ сферамъ исторіи, литературы, политики, какъ будто повсюду и въ нихъ продолжая искать чего-то, чего не нашелъ въ естествознаніи за несовершенно яснымъ рѣшеніемъ двухъ главныхъ вопросовъ, занимавшихъ его тамъ. Въ явленіяхъ литературы его болѣе всего интересуютъ произведенія, въ которыхъ среди мимолетнаго и бѣгущаго уловлены вѣчныя черты человѣческаго существа и вѣчныя основы, по которымъ движется жизнь народовъ. Отсюда—восторгъ, который онъ почувствовалъ при

[1]) См. въ особенности объясненіе кристаллическихъ формъ въ минералахъ и теорію внѣшнихъ чувствъ человѣка въ «Мірѣ какъ цѣлое». Спб. 1872.

появленіи «Войны и мира» гр. Л. Н. Толстого, и лучшая оцѣнка имъ этого произведенія, какая была сдѣлана до сихъ поръ въ нашей литературѣ; отсюда—его колеблющееся отношеніе и наконецъ непріязнь къ Тургеневу, который ради интереса къ текущему и временному въ человѣкѣ препебрегалъ этимъ вѣчнымъ въ немъ [1]). Отсюда же вытекаетъ его глубокій интересъ къ отрицательнымъ и разрушительнымъ явленіямъ въ исторіи Западной Европы,—къ французской революціи, къ паденію философіи, къ особенному характеру, который приняло тамъ естествознаніе. Онъ съ любопытствомъ всматривается во всѣ эти явленія, старается уяснить смыслъ ихъ возникновенія и точныя причины, которыя сдѣлали его возможнымъ. Но эта научная сторона въ его взглядахъ на текущую исторію есть только предварительная ступень къ тому, что всего болѣе занимаетъ его: онъ пытливо всматривается въ лица людей, которые идутъ впереди этого историческаго движенія, и ищетъ въ нихъ выраженія тревоги и смущенія. Онъ какъ будто спрашиваетъ: «какъ же вы будете жить, заглушивъ въ себѣ вѣчныя потребности человѣческой души, что̀ вы поставите на мѣсто ихъ; и, чего бы ни достигли вы въ жизни, что̀ почувствуете вы въ самихъ себѣ?» Симптомы этой внутренней тревоги съ проницательностью человѣка, слишкомъ много пережившаго въ себѣ, онъ отыскиваетъ въ великихъ представителяхъ

[1]) См. «Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ». Изд. 2-е. Спб. 1887.

современной западной литературы, въ Ренанѣ, Штраусѣ, Д. С. Миллѣ, у насъ—въ Герценѣ. Отсюда—рядъ удивительныхъ его статей объ этихъ писателяхъ. (См. «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ», т. 1-й). Можно сказать, что духовная физіономія этихъ писателей, внутренній и скрытый центръ ихъ дѣятельности, такъ хорошо извѣстной и такъ мало понятой, впервые раскрылись въ своемъ истинномъ значеніи въ этихъ статьяхъ. Объективное значеніе трудовъ этихъ писателей, ихъ содержаніе и то новое, что оно пытается внести въ науку—все это, какъ второстепенное и имѣющее пройти, оставлено въ сторонѣ г. Страховымъ. Онъ разсматриваетъ эти труды не въ ихъ значеніи для читателей, но въ ихъ отношеніи *къ самимъ писателямъ*, какъ показателей ихъ внутренняго настроенія. Именно оно служитъ предметомъ его постояннаго размышленія, какъ моментъ въ развитіи человѣческой души, какъ исполненная захватывающаго интереса страница изъ судебъ человѣческой совѣсти въ исторіи.

Здѣсь мы подходимъ къ тому, что уже не около центра постоянныхъ размышленій нашего автора, но составляетъ самый центръ въ немъ, въ его дѣятельности и многолѣтнихъ исканіяхъ. Искусный въ опредѣленіи скрытаго нерва другихъ, онъ ни разу не вскрылъ передъ читателями своего собственнаго, высказавъ о томъ, что его постоянно въ сущности занимало, лишь немного отрывочныхъ словъ, сказанныхъ по поводу чего-нибудь посторонняго и только произ-

несенныхъ съ чрезвычайной вдумчивостью. Есть извѣстіе, что самый религіозный народъ въ исторіи, еврейскій, никогда не произносилъ имени своего Бога и не писалъ его всѣми буквами, такъ что древній звукъ этого имени наконецъ утерялся и въ поздпія и менѣе религіозныя времена сталъ предметомъ разысканій, но уже тщетныхъ. Нѣчто подобное мы наблюдаемъ и во многихъ писателяхъ. Какъ будто какой-то страхъ удерживаетъ ихъ говорить о томъ, о чемъ однимъ они хотѣли бы говорить, и они только подводятъ читателя къ этому главному, но подведя—сами ничего о немъ не произносятъ. Боязнь сказать что-нибудь не такъ, ошибиться хоть въ одномъ словѣ о предметѣ столь важномъ, все-таки есть не единственное, что̀ закрываетъ имъ уста. Тутъ есть дѣйствительно нѣчто цѣломудренное, есть рѣзко сознанное нежеланіе выносить словомъ изъ своей души то, что составляетъ самую сущность этой души и потому должно быть на вѣки схоронено въ человѣкѣ,—должно быть цѣльнымъ и нерастерянпымъ возвращено имъ туда, откудо оно пришло.

Отъ этого, вѣроятно, происходитъ то, что о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сторонахъ человѣческаго существа и человѣческой жизни оставлено такъ мало истинно цѣнныхъ словъ во всемірной литературѣ и такъ много посредственнаго и ненужнаго. О нихъ говорили люди, которые даже не понимали, о чемъ собственно они говорятъ, и часто молчали тѣ, которые могли сказать нѣчто дѣйствительно значительное. Но, хотя изрѣдка и почти всегда не прямо, эти

слова иногда произносились,—и они всѣ запомнены человѣчествомъ, какъ самыя дорогія для него. Въ образахъ поэзіи, въ идеяхъ философіи, и—гораздо рѣже—въ прямомъ ученіи, во всемірной исторіи было создано хоть и немногое, но за то такое, что̀ и сообщаетъ ей все значеніе, въ чемъ и лежитъ ея главнѣйшій смыслъ.

Религіозное составляетъ область самую важную изъ тѣхъ, которыхъ изрѣдка дѣйствительно достойнымъ образомъ умѣлъ касаться человѣкъ. Всѣ великіе умы въ исторіи явно или скрыто тяготѣли къ этой области; и даже по степени, въ которой они испытывали это тяготѣніе, можно судить о ихъ сравнительной силѣ. Но говорить о ней что-нибудь они не могли, и это было причиною, почему они избирали для себя иныя сферы дѣятельности—искусство, науку или философію, рѣже—политическую дѣятельность; однако на всемъ этомъ уже отразилось то̀ главное тяготѣніе, которому они были подчинены. Они любили и хотѣли только религіознаго; но, не осмѣливаясь любить его прямо, любили его сквозь науку, философію, поэзію. И въ то время, какъ болѣе чувствуя, нежели зная истинный смыслъ этого тяготѣнія, они о немъ молчали, всѣ остальные, отъ которыхъ не могло укрыться это странное тяготѣніе, пытаясь опредѣлить его причину, начали произносить о немъ—то̀ положительно, то̀ отрицательно—безчисленныя пустыя слова. Такъ образовалась необозримая, у всѣхъ народовъ, литература о предметахъ религіи, гдѣ всѣ они уже давно объяснены, класси-

фицированы и разсказаны. Но, какъ само собою ясно, эта литература въ дѣйствительности не столько касается религіознаго, сколько появилась потому, что религіозное дѣйствительно существуетъ въ человѣчествѣ.

Мы уже имѣли случай однажды высказать, что для народовъ арійскаго племени, вслѣдствіе особенностей ихъ психическаго склада, религіозное доступно съ особеннымъ трудомъ,—они чувствуютъ его почти всегда не прямо, рѣдко безъ искаженія и, большею частью, черезъ посредство другихъ народовъ. Сферы знанія, политической дѣятельности, объективнаго воспроизведенія природы и жизни въ искусствѣ суть настоящія сферы ихъ дѣятельности, и онѣ-то составляютъ неумолчный шумъ исторіи, который тысячелѣтія стелется по землѣ, изрѣдка поднимается надъ нею, большею-же частью низко къ ней склоняется. Подобно тому, какъ для народа не арійскаго племени странно и чуждо было-бы заинтересоваться внѣшними очертаніями окружающихъ предметовъ, и онъ съ удивленіемъ, какъ на нѣчто непонятное, посмотрѣлъ-бы на попытку найти ихъ геометрическое опредѣленіе; такъ точно для арійца странно и чуждо исключительно религіозное настроеніе и обращеніе мыслью къ тому, что служитъ его вѣчнымъ источникомъ. И только встрѣчая у нѣкоторыхъ народовъ постояннымъ и всеобщимъ это настроеніе, онъ невольно задумывается надъ нимъ; и, даже усвоивъ,—перелагаетъ, согласно съ своею психическою природою, въ форму *идей* о религіозномъ и *знанія* о немъ. Но и тогда, при

всѣхъ средствахъ воспитанія извнѣ, даже дѣлая знаніе религіознаго предметомъ своихъ постоянныхъ занятій, аріецъ рѣдко достигаетъ того, чтобы и все внутреннее его существо обратилось къ религіозному,— чтобы это религіозное перестало, наконецъ, быть для него чѣмъ-то внѣшнимъ и лишь занимательнымъ или нужнымъ.

Изрѣдка появлялись, однако, среди этихъ народовъ люди, въ которыхъ ограниченность ихъ племенной природы какъ-бы подавалась, и они самостоятельно и извнутри себя начинали ощущать религіозное. Но, подавшись отчасти, эта природа въ главномъ все-таки сохранилась, и вотъ почему, не будучи въ силахъ прямо обратиться къ религіозному, и живо чувствуя недостаточность только внѣшняго обращенія къ нему другихъ людей, они искали его въ природѣ—то изучая ея явленія, но какъ будто съ мыслью не о ней,—то изображая ея красоту, но какъ будто чувствуя при этомъ красоту чего-то иного.

Къ ряду людей этого типа, очень немногихъ и очень рѣдкихъ, принадлежитъ и разбираемый нами писатель: религіозное составляетъ ни разу не названный центръ постояннаго тяготѣнія его мысли [1]). Отъ того и предметы, надъ которыми онъ вдумчиво останавливается, такъ разнообразны, что ни одинъ изъ нихъ не занимаетъ его самъ по себѣ, но лишь въ отношеніи къ

[1]) Болѣе ясно интересъ къ религіозному высказанъ у него только въ «Критическихъ статьяхъ о И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ», стр. 459—484.

иному, о чемъ говорить прямо онъ не хочетъ и не можетъ; отъ того и люди, къ мысли которыхъ онъ прислушивается, такъ до странности несхожи: это и Кювье, недавній творецъ трехъ точныхъ наукъ, и старикъ Платонъ съ его полузабытыми «идеями», и нашъ мистикъ Лабзинъ, цитату изъ котораго не помѣстилъ бы въ своей статьѣ ни одинъ ищущій популярности, но нисколько не ищущій истины, современный журналистъ. Онъ прослѣдилъ каждый изгибъ мысли въ Герценѣ и въ Ренанѣ, а потомъ захотѣлъ поѣхать на Аѳонъ, чтобы и тамъ посмотрѣть, какъ чувствуютъ себя и что думаютъ нѣсколько странныхъ анахоретовъ;—тотъ же ли встревоженный у нихъ взглядъ и то-же ли смущеніе, какое онъ подмѣтилъ въ такъ хорошо знакомой ему Европѣ. Впечатлѣніе, имъ вывезенное оттуда, было иное; но онъ уже такъ отвыкъ говорить собственно о томъ, что его занимаетъ, чего онъ ищетъ въ людяхъ и въ жизни, что онъ и здѣсь о главномъ умолчалъ; и только съ удовольствіемъ разсказываетъ о своей поѣздкѣ въ этотъ своеобразный уголокъ Европы, столь на нее непохожій [1]).

Всѣхъ людей подобнаго типа можно назвать скорѣе ищущими, нежели уже нашедшими; и вотъ почему такъ много въ европейской литературѣ произведеній религіознаго характера, написанныхъ подъ конецъ жизни людьми, которые о своемъ интересѣ къ религіи прежде ничего не говорили и только отрицательно

[1]) См. «Воспоминанія о поѣздкѣ на Аѳонъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 г., октябрь.

относились къ тому, что̀ обычно грубо писалось о ней ихъ современниками. Они не хотѣли говорить, пока не нашли, и не найдя до конца—не могли удержаться, чтобы не высказать хотя въ несовершенной формѣ того, чего не успѣли для себя выяснить, но къ чему тяготѣла всегда ихъ мысль. Это тяготѣніе, однако, скрыто опредѣляетъ сферы знанія, литературы или искусства, которымъ была посвящаема и вся остальная ихъ жизнь. Оно же опредѣлило и кругъ интересовъ разбираемаго нами писателя.

Граница между матеріальнымъ и духовнымъ—тотъ узелъ, гдѣ мы видимъ, какъ теряются они, но не видимъ, какъ они связываются,—составляетъ главный предметъ вниманія г. Страхова. «*Человѣкъ*—вотъ *узелъ* мірозданія, его величайшая загадка, и, если-бы ее удалось объяснить—совершенная разгадка этого мірозданія», говоритъ онъ не одинъ разъ въ своихъ трудахъ [1]). Законы внѣшней, механически устроенной природы, какъ и законы чистой психической дѣятельности, хотя и занимаютъ его, но—менѣе, нежели та неясная область, гдѣ какимъ-то непостижимымъ образомъ они переплетаются и взаимно переходятъ другъ въ друга. Отъ того физіологія—его любимая наука, и въ ней эмбріологическіе процессы—предметъ его усиленнаго вниманія; и, рядомъ съ этимъ, предметомъ его неустаннаго вниманія служатъ глубокія и скрытыя движенія человѣческаго сердца въ исторіи,

[1]) См. объ этомъ въ особенности «Міръ какъ цѣлое». Спб. 1872.

его вѣчныя потребности, безъ удовлетворенія которыхъ человѣкъ не можетъ жить и которыя отразились въ литературныхъ и философскихъ произведеніяхъ—все равно Лабзина или Платона. Съ величайшею отчетливостью онъ видитъ то, что съ противоположныхъ концовъ, какъ исключительно-матеріальное и какъ чисто-психическое, подходитъ къ этому узлу; и, точно блѣднѣя, теряетъ ясность своихъ очертаній и наконецъ становится неуловимымъ—когда входитъ въ него. Послѣ долгихъ мыслей, онъ наконецъ рѣшается отвергнуть представленіе, къ которому мы всѣ такъ привыкли. Организмъ, говоритъ онъ, вовсе не есть предметъ или существо; это — *процессъ*, послѣдній въ природѣ, черезъ который выдѣляется изъ нея духовное; созданіе-то его, этого духовнаго, вызвало всѣ особенности организованности, какъ необходимыя свои условія[1]). Мы видимъ, что въ этихъ простыхъ и краткихъ словахъ содержится новая точка зрѣнія на двѣ великія области, органическаго и психическаго, связь которыхъ представляется столь неуловимою. Мы ожидали-бы, что вслѣдъ за установленіемъ этой точки зрѣнія онъ начнетъ искать ея оправданія на всѣхъ частностяхъ организаціи; но онъ только опредѣляетъ задачу физіологіи словами: *показать, почему для появленія духовнаго та или иная и, въ концѣ концовъ, каждая черта организаціи есть условіе необходимое*,— и затѣмъ переходитъ къ инымъ областямъ знанія, всюду и тамъ останавливаясь лишь на общихъ точкахъ зрѣ-

[1]) См. тамъ-же.

нія и не проникая въ глубину частнаго. Этотъ единичный примѣръ лучше всего можетъ объяснить, какимъ образомъ онъ не сдѣлался ученымъ натуралистомъ. Слишкомъ большая субъективность, отсутствіе способности заинтересоваться подробностями такъ-же сильно, какъ и *цѣлымъ*, помѣшала ему разработать до конца какую-нибудь мысль; и вотъ почему онъ повсюду не обосновываетъ теоріи, но только роняетъ сѣмена, изъ которыхъ могли-бы вырости прекрасныя теоріи,—только вкидываетъ различные вопросы или ограниченія въ разработку науки другими, или—рѣзко порицаетъ ихъ, когда они уклоняются отъ своихъ задачъ.

Подобное рѣзкое порицаніе ему случилось высказать, когда въ недавнюю пору увлеченія спиритизмомъ наши ученые перемѣшали всѣ области, и начали отвергать, ради утвержденія духовнаго, *неотмѣнимость законовъ внѣшней механической природы*. Подобное грубое заблужденіе не могло не вызвать протеста со стороны человѣка, уже десятилѣтія стоявшаго надъ вопросомъ объ этомъ же духовномъ и ясно видѣвшаго, *гдѣ* лежитъ узелъ его разрѣшенія. Съ необыкновенною силой онъ утвердилъ неотмѣнность и повсюдность законовъ матеріальной, физической природы [1]); и не только ему самому, но и каждому постороннему читателю, безъ сомнѣнія, больно и трудно было видѣть, какъ самыя ясныя его слова о томъ, *гдѣ*

[1]) См. его «О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ)». Спб. 1887.

нужно искать духовное, какъ-будто пропускались мимо, и явился удивительный вопросъ среди небрежныхъ его противниковъ: «да ужъ не скрытый ли онъ *матеріалистъ*»?

II.

Человѣкъ, столь напряженно живущій мыслью, не могъ не стать раціоналистомъ; и хотя г. Страховъ нигдѣ этого не выказываетъ, однако для всякаго его внимательнаго читателя не можетъ не стать яснымъ глубокій *теоретизмъ* всего его душевнаго склада. У него нѣтъ трактатовъ по логикѣ или метафизикѣ, всѣ его писанія удивительно просты,—и, однако, за простотою этою невольно чувствуется присутствіе громадной теоретической работы, которая совершилась въ духѣ писателя и только послѣдніе результаты которой мы видимъ въ его утвержденіяхъ и отрицаніяхъ, всегда просто выраженныхъ и въ то же время глубокомысленныхъ до трудности усвоенія. Но здѣсь, съ этою мыслью объ его теоретизмѣ, невольно связывается мысль о той книгѣ, появленіе которой мы избрали, какъ предлогъ для того, чтобы поговорить о давно занимающемъ насъ мыслителѣ.

Главный и, можетъ быть, лучшій сборникъ своихъ статей г. Страховъ озаглавилъ «Борьба съ Западомъ»; и это невольно должно удивлять каждаго, кто хорошо освоился съ его умственнымъ міромъ. Авторъ, такъ озаглавливающій свои статьи, не впалъ-ли въ недоразумѣніе относительно самого себя? Такъ точно разгра-

ничивая всѣ области знанія и не терпя смѣшенія ихъ съ другими [1]), вѣрно-ли опредѣлилъ онъ свое собственное положеніе между двумя великими духовными областями,—ветхой и мудрой, которую онъ нашелъ на Западѣ, и—юной еще, неразвитой и часто нелѣпой, которую онъ находитъ вокругъ себя и которую иногда такъ страстно ненавидитъ. Правда, къ Россіи и къ ея будущему обращены всѣ его надежды и желанія, но онъ—не публицистъ, онъ—прежде всего мыслитель, и какими же мыслями живетъ онъ? Развѣ не ясно для всякаго, что духовный міръ *Европы*, глубокія идеи ея философіи, чудныя и сложныя зданія ея наукъ—это есть то самое, во что вросъ онъ своею душою, что живетъ въ немъ такою могущественною и яркою жизнью, какъ быть можетъ въ немногихъ и европейцахъ. Встрѣчая въ различныхъ мѣстахъ его книгъ слова, въ которыхъ онъ отдѣляется отъ западниковъ и становится на сторону славянофиловъ, недоумѣвающему читателю невольно хочется спросить его: «развѣ въ васъ есть это соединеніе простоты и ясности созерцанія, которое присуще нашему народу и отразилось въ простотѣ и ясности его великихъ поэтовъ, каковы Пушкинъ и авторъ *Семейной Хроники* [2])? Развѣ съ жизнью *нашего* народа связаны ваши самые глубокіе интересы? Знатокъ и любитель поэзіи, зачитывались-ли вы когда-нибудь нашими былинами, заслушивались-ли народною пѣснею, слѣдили-ли съ интересомъ за прихотли-

[1]) См. тамъ же, возраженія противъ Вагнера и Бутлерова.

[2]) См. «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ». Спб. 1888 г.

вымъ вымысломъ народной сказки? Развѣ вы знаете хорошо русскую исторію? Цѣнитель поэзіи «преданій русскаго семейства» въ *Капитанской дочкѣ* и въ *Войнѣ и мирѣ*, развѣ вы искали ее когда-нибудь въ русскихъ мемуарахъ? И, напротивъ, развѣ вы съ бо́льшимъ интересомъ говорите даже о Пушкинѣ, чѣмъ о Ренанѣ и Штраусѣ? Развѣ вы писали о всѣхъ перемѣнахъ прошлаго царствованія столько, сколько о дарвинизмѣ? Развѣ самая идея культурно-историческихъ типовъ занимала васъ сильнѣе, нежели идеи Клода Бернара объ общей физіологіи? Если когда-нибудь появлялся писатель столь *мало мѣстный* и такъ слабо связанный съ *текущею дѣйствительностью*, то это именно—вы. Вѣковѣчные вопросы всего человѣчества, искапіе «вѣчныхъ истинъ», какъ озаглавили вы одинъ сборникъ своихъ статей,—вотъ ваша постоянная тревога, главный смыслъ вашей жизни?.. И неужели, столькое понявъ, вы не поняли смысла всей вашей дѣятельности?!»

Повторяемъ, сомнѣніе это невольно, и можетъ пройти много лѣтъ прежде, чѣмъ для читателя прольется на него хоть какой-нибудь объясняющій свѣтъ. Повсюду, полемизируя съ западниками, онъ поправляетъ ихъ пониманіе главнѣйшихъ идей, которыми живетъ Европа, и нерѣдко поправляетъ въ знаніи ея литературы и философіи. Однажды, дѣлая подобную поправку, онъ замѣчаетъ: «для того, *чтобы* хорошо *понимать Европу*, конечно *менѣе всего нужно быть западникомъ*». Въ словахъ этихъ какъ-будто слышится признаніе, что именно глубокое вниканіе въ ду-

ховную жизнь Европы, долгое и постоянное вращеніе въ сферѣ ея идей и интересовъ, произвело въ концѣ концовъ и его собственное отчужденіе отъ нея. Въ «Воспоминаніяхъ о поѣздкѣ на Аѳонъ» есть нѣсколько любопытныхъ строкъ, бросающихъ свѣтъ на характеръ этого отчужденія, быть можетъ болѣе желаемаго, нежели уже достигнутаго. «Имѣя два мѣсяца свободныхъ»,— разсказываетъ онъ,—«мнѣ *хотѣлось присоединиться душою къ какой-нибудь людской жизни, идущей не по тѣмъ началамъ, по которымъ мы живемъ*... Но гдѣ же искать другой жизни? Европейскіе нравы и обычаи уже распространились по всему земному шару; вездѣ власть и движеніе, ростъ и сила принадлежатъ Европѣ, а всякая другая жизнь лишена развитія и будущности. Сотни милліоновъ людей, *еще не уподобившихся европейцамъ*, составляютъ лишь служебное, рабочее, податное населеніе, которое уже не можетъ мечтать о своеобразной культурѣ, о какомъ-либо участіи въ ходѣ исторіи человѣческой». Онъ думалъ сперва о поѣздкѣ въ Египетъ, но мысль, что и тамъ онъ найдетъ ту же Европу, какую можно видѣть въ Петербургѣ, тѣ же пароходы, гостиницы и итальянскую оперу, остановила его. Онъ былъ въ затрудненіи, куда поѣхать: «не то же ли самое и вездѣ, что въ Египтѣ? *Вездѣ остались только обломки и дребезги былой жизни*, вездѣ туземное населеніе на заднемъ планѣ, *лишенное средоточія и самобытнаго движенія*, а на первомъ планѣ живетъ и движется Европа». Ему пришло, наконецъ, на мысль поѣхать на Балканскій полуостровъ. И что же?! Не въ родныя славянскія страны потянуло его, и не

въ близкую Грецію, гдѣ онъ могъ бы еще увидѣть памятники такъ цѣнимой имъ, такъ понимаемой античной жизни. Онъ останавливается на странѣ, которая должна бы быть ненавистна и отвратительна для всякаго русскаго и каждаго славянофила: онъ вспоминаетъ, что «у насъ подъ бокомъ есть страна, представляющая высокую занимательность новизны и оригинальности. *Сама страшная Азія, послѣдняя могучая форма восточной жизни,—еще царитъ въ Константинополѣ;* на самомъ европейскомъ материкѣ еще сохраняется грозное нѣкогда владычество турокъ». Цѣлью его поѣздки сдѣлался Константинополь, а по близости сосѣдства онъ посѣтилъ и Аѳины.

Во всякомъ случаѣ, какъ страненъ тонъ всѣхъ приведенныхъ словъ, и какъ странно самое желаніе поѣхать посмотрѣть базары и мечети Турціи, чтобы хоть тамъ забыться отъ впечатлѣній Европы, отъ которой некуда теперь уйти. Какъ не похоже это на все, что обычно говорятъ наши путешественники. Г. Страховъ самъ, впрочемъ, не скрываетъ этого различія. «*Куда* ѣхать? *зачѣмъ* ѣхать?»—спрашиваетъ онъ самого себя нѣсколькими страницами выше; «спасать свою душу одинаково надобно и возможно на всякомъ мѣстѣ, *и отъ души своей никуда спастись невозможно.* Да и вообще, не вездѣ-ли вокругъ насъ люди, а передъ нами земля и небо, всѣ стихіи природы и жизни человѣческой? *И счастливъ, конечно, тотъ, кто прямо живетъ этими окружающими его стихіями, кого не тянетъ въ даль, кто почерпаетъ свою душевную пищу изъ близкой и родной почвы.* Для такихъ людей путе-

шествіе не можетъ имѣть глубокаго интереса; оно всегда будетъ для нихъ только забавою, только охотою».

Только на два мѣсяца оставляя городъ, гдѣ Европа свила одно изъ своихъ гнѣздъ, онъ бросаетъ взглядъ назадъ и произноситъ о людяхъ своего времени и своего положенія нѣсколько словъ, которыя поражаютъ своею вѣрностью и проникнуты какою-то грустью. «Мы, русскіе, легко вникаемъ въ чужую жизнь, легко отдаемся чужимъ понятіямъ, и нельзя не сознаться, что, большею частью, мы этимъ портимъ свою душевную дѣятельность. Если бы мы были посерьезнѣе, то насъ должно-бы ужасать то *отсутствіе крѣпкихъ связей со всякою жизнью,—и со своею, и съ чужою,*—которое у насъ такъ часто встрѣчается. Все мы понимаемъ, всѣмъ умѣемъ интересоваться, и ничѣмъ серьезно не заняты, и *ни къ чему не питаемъ* глубокаго, *кровнаго участія*, кромѣ развѣ своихъ мелкихъ личныхъ выгодъ и прихотей. *Вслѣдствіе долгаго умственнаго блужданія по разнымъ эпохамъ исторіи и народамъ земного шара, русскій* образованный человѣкъ часто *по душевному складу бываетъ похожъ на отжившаго старика, невольно пришедшаго къ той степени отвлеченнаго пониманія, на которой всѣ вещи равны, и — нѣтъ уже ничего ни новаго, ни важнаго, а все сливается въ однообразномъ потокѣ вѣчности».*

Какъ напоминаютъ эти слова другія жалобы, которыя онъ подслушалъ у Герцена,—на холодный міръ абстракцій, который окружаетъ наконецъ душу человѣка, слишкомъ сильно живущаго теоретическою

мыслью. И весь тонъ приведенныхъ строкъ, и самъ странный замыселъ посѣтить Турцію и Аѳонъ,—не пробуждаетъ ли все это въ умѣ далекое воспоминаніе объ одномъ тоже писателѣ,—о великомъ и странномъ поэтѣ, который оставилъ, и навсегда, свою родину, и поѣхалъ въ тѣ же страны, съ тою же мыслью прильнуть къ новой, еще не испытанной и первобытной жизни, и тамъ погибъ, сражаясь за свободу возставшаго народа? Но о чемъ поэту мечтается, что̀ онъ хочетъ сдѣлать и дѣлаетъ,—то̀ мыслителю всегда хочется только видѣть.

Но не будемъ вдаваться въ аналогіи и сближенія, которыя могли-бы повести насъ слишкомъ далеко. И безъ нихъ не можетъ не стать ясенъ особенный смыслъ вражды противъ западничества, который мы встрѣчаемъ у г. Страхова, но находимъ также у и другихъ славянофиловъ. Есть въ европейской цивилизаціи одна черта, которую очень трудно объяснить, трудно понять, по которой невозможно не почувствовать всякому, кто внимательно къ ней присматривался. «Страна святыхъ чудесъ»[1])—она неудержимо влечетъ насъ къ себѣ, и все, что̀ находимъ мы въ ней, мы не можемъ не одобрить, не въ силахъ бываемъ отрицать. Сколько душевной красоты разлито въ ея исторіи, въ этихъ крестовыхъ походахъ, въ ея свободныхъ коммунахъ, въ величественномъ зданіи Средневѣковаго Католицизма, и—въ томъ полномъ одушевленія возста-

[1]) Слова Хомякова.

нiи противъ него, которое мы называемъ Реформацiею! Гдѣ найдемъ мы этотъ трепетъ жизни, какой наблюдаемъ въ Возрожденiи, гдѣ увидимъ ясновидцевъ-художниковъ, какъ Рафаэль и Мурильо, и окутанные вѣчнымъ полумракомъ чудные каѳедралы, стѣны которыхъ возводились благочестивымъ населенiемъ цѣлыхъ городовъ? И какою мыслью все это облито,—мыслью еще болѣе, нежели красотою! Станемъ-ли говорить мы, что все это только *внѣшность?* Не будемъ ни обманываться, ни обманывать: именно *обилiе духа* неудержимо влечетъ насъ къ этой цивилизацiи, глубокая *вѣра*, скрытая въ ея исторiи, чрезвычайное *чистосердечiе* въ отношенiи къ тому, что она дѣлала въ каждый моментъ этой исторiи, къ чему стремилась, чего хотѣла. Развѣ эти художники, которые постомъ и ночною молитвою приготовлялись къ своему труду, не были глубокiе люди? Развѣ перепуганные и обрадованные спутники Колумба, запѣвшiе «Тебе Бога хвалимъ» на цвѣтущемъ берегу новой земли, не были вѣрующiе? Оставимъ ложное и злое въ своемъ отношенiи къ Европѣ,—оно недостойно насъ, недостойно того смысла, уразумѣть который мы хотимъ, подходя къ ней.

Этотъ глубокiй, странный и необъяснимый смыслъ заключается въ томъ, что чѣмъ глубже входимъ мы въ духовный міръ Европы и чѣмъ тѣснѣе сливаемся съ нимъ, тѣмъ сильнѣе поднимается въ насъ чувство странной неудовлетворенности, необыкновенной душевной усталости; и—что особенно замѣчательно—эта неудовлетворенность и усталость испытывается и

самими европейцами, именно тѣми изъ нихъ, которые являются глубочайшими и послѣдними выразителями ея началъ, движущихъ ею идей. Повидимому, усвоеніе правильныхъ мыслей ея философіи и строгихъ истинъ ея наукъ должно-бы удовлетворить *разумъ*, который и не ищетъ ничего, кромѣ истины, и не стремится къ иному, кромѣ какъ къ правильности въ своемъ мышленіи; *чувство* должно-бы испытывать тѣмъ большее наслажденіе, чѣмъ совершеннѣе міръ красоты, который передъ нимъ раскрывается; *воля* должна-бы быть удовлетворена стройностью и обдуманностью всѣхъ учрежденій, черезъ посредство которыхъ она дѣйствуетъ на народныя массы. И это удовлетвореніе всѣхъ способностей человѣческой души дѣйствительно испытывается: оно-то имено вовлекаетъ всѣ народы въ своеобразный и чудный міръ европейской цивилизаціи и дѣлаетъ неотразимыми удары, которые она наноситъ прочимъ культурамъ, отъ которыхъ всѣхъ теперь остаются почти только «обломки»,—она-же одна неудержимо и могущественно разрастается по землѣ. Но такъ должно-бы быть *до конца*, потому что окончательное совершенство мысли, послѣдняя красота искусствъ, полнота всѣхъ учрежденій еще болѣе должны-бы удовлетворять требованіямъ человѣческой души, нежели все это въ несовершенной степени, только на пути къ идеалу. И вотъ именно здѣсь-то, гдѣ *еще одинъ шагъ*—и окончательное, вѣчное торжество европейской цивилизаціи было-бы несомнѣнно, вдругъ обнаруживается то странное явленіе, о которомъ мы заговорили, и неожиданно раскрываетъ двусмысленный

характеръ этой цивилизаціи, заставляющій нѣкоторые народы пугливо сторониться отъ нея. По мѣрѣ приближенія къ идеалу, къ завершенію, даже болѣе—по мѣрѣ полнаго проникновенія въ душу того, что̀ уже и ранѣе, явившись въ Европѣ, съ наибольшею силою выразило въ себѣ это стремленіе,—чувство внутренней удовлетворённости пропадаетъ и замѣняется ощущеніемъ душевной усталости. И тотчасъ-же является вопросъ, не менѣе ясный и неотразимый, чѣмъ и самыя лучшія истины ея наукъ и философіи: развѣ *въ цѣломъ своемъ* все, что̀ создается человѣкомъ въ его исторіи и что мы зовемъ «цивилизаціею», имѣетъ какую-нибудь иную цѣль, кромѣ какъ удовлетвореніе человѣка? И если такая цѣль есть, но она не достигнута,—то̀ гдѣ-же смыслъ въ этомъ, столь осмысленномъ, зданіи?

Мы утверждаемъ только фактъ, безъ какихъ-либо объясненій къ нему. Нужно читать великія произведенія европейскихъ поэтовъ, нужно всматриваться въ созданія искусствъ, чтобы почувствовать всеобщность и постоянство этого факта. Что можетъ быть выше нежели «Фаустъ»? а сколько невысказанной грусти залегло въ это чудное созданіе, въ это соединеніе высочайшей красоты и самой глубокой мудрости! Нужно читать воодушевленныя страницы Байрона, Шатобріана, Руссо, Ламенэ и множества другихъ писателей, чтобы увидѣть повсюду, что чѣмъ глубже проникли они къ тѣмъ скрытымъ силамъ, которыми движется европейская исторія, тѣмъ болѣе покидалъ ихъ духъ свѣтлой радости. И то, что̀ мы наблюдаемъ

въ частностяхъ, развѣ не очевидно для всякаго и въ цѣломъ? Развѣ когда-нибудь достигало развитіе наукъ такой высоты, какъ въ XIX в.? Не въ этомъ-ли столѣтіи жили самые великіе поэты? Въ какое время еще въ европейской цивилизаціи было столько могущества? въ ея движеніяхъ — столько силы и правильности? когда она давала народамъ столько покоя? такъ заботливо охраняла каждаго? столько предоставляла всѣмъ наслажденій и умственныхъ, и эстетическихъ? А удовлетворены ли это народы? Кто, кромѣ дурныхъ, подходитъ къ этимъ наслажденіямъ? Не ищутъ-ли лучшіе скорѣе какого-то страданія, и не странепъ-ли этотъ фактъ? Кто не смутится отъ него и не задумается надъ смысломъ европейской цивилизаціи и исторіи?

Мы все понимаемъ только въ частностяхъ, смыслъ же цѣлаго отъ насъ скрытъ. Прослѣдить, *какъ* именно *произошло* это странное явленіе, что наилучшимъ образомъ посаженное дерево приноситъ столь горькій плодъ,—мы не въ силахъ. Одно несомнѣнно для насъ:— что въ европейской цивилизаціи есть какое-то странное *искривленіе*; что, будучи столь правильной *въ частяхъ*, она заключаетъ что-то ложное *въ своемъ цѣломъ;*—и то, надъ чѣмъ трудилось столько поколѣній и съ такими надеждами, вовсе не достигаетъ цѣли, ради которой надъ нимъ трудились. Первосвященники, законодатели, мудрецы и поэты цѣлаго ряда народовъ, самыхъ глубокихъ и даровитыхъ въ исторіи, воздвигали чудное зданіе: и вотъ, когда оно почти уже готово и осталось положить послѣдніе

камни,—мы, поздніе потомки ихъ, входя въ это зданіе, испытываемъ странное смущеніе, тревожно какъ никогда бьется наше сердце, и рука не поднимается, чтобы подобрать оставшіеся камни и положить ихъ на мѣсто. Великій Гёте задумывается надъ нимъ; Байронъ съ отвращеніемъ и ненавистью бросаетъ въ него свои проклятія; всѣ торопливо стараются выйти,— и только слѣпые да совершенно глупые не испытываютъ никакого страха и продолжаютъ идти впередъ.

Очевидно, какое-то тонкое и глубокое зло, которое мы не въ состояніи различить, анализировать и понять, вошло въ цѣлый строй европейской цивилизаціи; и для того, чтобы наука достигла когда-нибудь возможности оцѣнить его, повидимому ей нужны гораздо болѣе глубокія свѣдѣнія о природѣ человѣческой души и о строѣ историческаго развитія, нежели какими она обладаетъ теперь. Мы-же можемъ пока только чувствовать, что совершилось что-то похожее на древнюю исторію о томъ, какъ нѣкогда голодный сынъ стараго отца промѣнялъ свое первенство и связанныя съ нимъ обѣтованія на чечевичную похлебку. Что-то невознаградимо-дорогое, безъ чего невозможно и жить, европейское человѣчество утратило, созидая свою цивилизацію, и томится, войдя въ ея чудныя формы.

Здѣсь именно и лежитъ разгадка нашихъ особенныхъ отношеній къ Западной Европѣ и причина возникновенія двухъ великихъ партій, которыя въ теченіе цѣлаго столѣтія раздѣляютъ нашу литературу

и наше общество на два враждующіе лагеря. Не разъ проводилась мысль, что значеніе этихъ партій уже минуло теперь, что никто болѣе не можетъ въ настоящее время оставаться ни чистымъ западникомъ, ни исключительнымъ славянофиломъ. Напротивъ, мы думаемъ, что споръ этотъ не конченъ, и даже утверждаемъ, что значеніе его далеко переступаетъ тѣсныя границы національнаго и имѣетъ всемірно-историческую важность. Въ подобномъ-же отношеніи къ западно-европейской цивилизаціи, въ какомъ стоитъ и нашъ народъ, стоитъ длинный рядъ другихъ народовъ, но *только у насъ* возникъ вопросъ, слѣдуетъ-ли, оставивъ пути самостоятельнаго развитія, вступить на путь европейской цивилизаціи, или—удержаться отъ этого? Другіе же народы вступаютъ или готовятся вступить на этотъ путь, не задавшись вопросомъ, который такъ смущаетъ насъ. Ясно, что то или иное рѣшеніе, которое *мы* вынесемъ для него, будетъ имѣть значеніе и для всѣхъ другихъ народовъ.

Различіе въ отношеніи къ *частному* и къ *цѣлому* составляетъ узелъ всѣхъ этихъ вопросовъ,—всего, что мы рѣшали и не умѣли рѣшить, и всего, что намъ предстоитъ разрѣшить съ трудомъ гораздо большимъ, нежели мы когда-нибудь думали объ этомъ. Когда—два вѣка назадъ—совершался переломъ въ нашей исторіи, великій Государь, ведшій за собою нашъ народъ, видѣлъ передъ собою также только *частное* и къ *частному*-же относилось каждое его дѣяніе, всякій его замыселъ и каждый поступокъ. *Частное*-же въ европейской цивилизаціи невозможно не одобрить,

и нельзя удержаться отъ того, чтобы его не принять. Отсюда—твердость его дѣятельности, отсутствіе какихъ-либо сомнѣній въ ея благотворности, при величайшей любви къ своему народу, при жертвѣ будущности его—себя, себѣ близкихъ и цѣлаго поколѣнія этого народа. Не могло быть сомнѣнія о томъ, нужно-ли, оставивъ прежній строй войска, завести регулярное,—когда первое били, а второе било; нельзя было оставаться при прежнемъ судостроеніи и при неопытныхъ матросахъ и не ввести перемѣнъ, сводившихся къ тому, чтобы люди не тонули болѣе въ морѣ и суда не разбивались. И во всемъ другомъ, также, вопросъ сводился къ ясной и простой дилеммѣ: нужно-ли данное дѣло совершать по-прежнему и дурно, или—какъ-нибудь иначе и хорошо? и слѣдуетъ-ли намъ, какъ и прежде, всегда ожидать неуспѣха, или—стремиться, надѣяться, и наконецъ достигнуть успѣха? *Дѣятельность* имѣетъ всегда предметомъ своимъ *конкретное,* единичное; она не можетъ коснуться общаго иначе, какъ черезъ это конкретное,—улучшать которое составляетъ задачу всякаго практическаго дѣятеля. Европейская-же цивилизація содержитъ въ себѣ *неопредѣленное множество улучшенныхъ формъ всего частнаго,* и притомъ во всѣхъ направленіяхъ;—почему каждый разъ, какъ мы думаемъ объ улучшеніи, нашъ взоръ всегда и невольно обращается къ Европѣ. Здѣсь и лежитъ ея неотразимость, и здѣсь-же тайная причина того, почему съ вопросомъ объ отношеніи къ ней всегда связывается вопросъ объ отношеніи къ *прогрессу*, какъ просто—къ *улучшенію*, въ абстрактномъ значеніи этого слова. Прошло два вѣка

со временъ Петра Великаго,—и цѣлая группа людей съ утонченнымъ умомъ и благородными характерами фанатично борется противъ его дѣла, видитъ въ немъ гибель дорогой Россіи; но однако всякій разъ, когда и имъ предстоитъ не говорить и мыслить, но *поступать* и *дѣлать*, то и они *поступаютъ* и *дѣлаютъ* совершенно *какъ Петръ*. Развѣ желая издать «Семейную Хронику» своего отца, И. С. Аксаковъ не заботился о томъ, чтобы печатаніе книги было наиболѣе скоро, дешево и красиво? Когда заболѣлъ онъ самъ, развѣ онъ не послалъ за медикомъ, наилучше изучившимъ природу и свойства болѣзней и способы бороться съ ними, по наилучшимъ книгамъ и у наиболѣе опытныхъ учителей? И далѣе, когда уже существуютъ въ странѣ движеніе и торговля, и прорыты дороги, облегчающія все это, развѣ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что ѣздить по нимъ скорѣе—лучше, чѣмъ медленно, что уставать при этомъ тяжело и было-бы лучше не уставать, что платить дорого—трудно, а дешево—легко? Но точно также и министръ, вѣдѣнію котораго поручено образованіе подростающихъ поколѣній цѣлаго народа, развѣ не долженъ тревожно заботиться о томъ, чтобы обученіе происходило по наилучшимъ книгамъ и съ помощью наилучшихъ методовъ; чтобы свѣдѣнія, выносимыя дѣтьми изъ школы, были обильны и твердо усвоены? Развѣ не должна была смущать другого министра несправедливость въ судахъ, запутанность и противорѣчія въ законахъ, невообразимая медленность каждаго процесса,—и всѣ они не должны были поступать такъ-же,

какъ поступалъ Преобразователь Россіи въ заботахъ объ арміи, флотѣ и администраціи? И такимъ образомъ *всѣ мы*, отъ Государя до послѣдняго бѣдняка, руководимые цѣлью *дѣлать каждое дѣло наилучшимъ образомъ*, все болѣе и болѣе втягиваемся въ формы европейской цивилизаціи, гдѣ уже все и во всѣхъ направленіяхъ улучшено въ наибольшей степени.

Абстрактность улучшенныхъ формъ и составляетъ могущество европейской цивилизаціи, универсальность ея характера и всемірность ея стремленій; ею одержпваетъ она всѣ побѣды, даже и не стремясь къ нимъ, невольно; противъ нея безсильны бороться другія культуры, или тая и претворяясь въ формы этой цивилизаціи, или разбиваясь при встрѣчѣ съ нею. Народы, нѣкогда столь-же слабые, такъ-же грубые и темные, такъ-же гибнувшіе въ борьбѣ съ природою и между собою, какъ и другіе, не захотѣли переносить своихъ страданій, какъ терпѣливо переносили ихъ тѣ. Болѣе ярко, чѣмъ всѣ другіе, чувствовали они несправедливость—и не захотѣли мириться съ нею; вдумывались въ причины бѣдствій, которыя наносила имъ природа—и стали бороться съ ними. Шагъ за шагомъ, въ теченіе полутора тысячелѣтія, они переходили отъ улучшенія къ улучшенію, все болѣе преодолѣвая препятствія, все чаще научаясь достигать успѣха. Въ неустанной борьбѣ силы ихъ укрѣпились и умъ ихъ изощрился, все шире становилась ихъ дѣятельность; желая прежде избѣжать только невыносимыхъ страданій, они стали, наконецъ, думать о томъ, чтобы не переносить болѣе и легкихъ. Отъ борьбы противъ

частнаго, что̀ губило ихъ, отъ стремленія къ единичнымъ цѣлямъ,—они стали переходить къ цѣлямъ и заботамъ болѣе общимъ. Изощрившаяся мысль послужила могучимъ средствомъ для всего этого. Ничѣмъ не пренебрегали они, ни у кого не стыдились учиться, но ко всему прилагали свой трудъ и свою мысль—и все претворялось, какъ пища, въ растущее тѣло ихъ. Надъ чѣмъ не думали никогда люди—они задумались; чего не хотѣли они ни разу—эти народы захотѣли; и поняли они почти все, что̀ доступно для человѣка, и достигли почти всего, чего онъ могъ пожелать. Создались государства и удивительныя учрежденія въ нихъ; возникли стройныя зданія наукъ и чудный міръ философіи. И теперь, послѣ столькихъ вѣковъ историческаго труда, силы этой цивилизаціи такъ напряжены и такъ полны, что, кажется, что́-бы ни поставила она для себя цѣлью,—она успѣетъ ее достигнуть; и никогда не устанетъ она въ этомъ, потому что именно достиганіе составляетъ высшее ея наслажденіе.

Вотъ почему прогрессъ, какъ *улучшеніе*, составляетъ сущность европейскаго развитія; и европейскую цивилизацію можно опредѣлить какъ *полноту улучшенныхъ формъ человѣческаго существованія*. Однако, кромѣ частнаго, эта цивилизація есть и нѣчто *общее;* и сверхъ того, что въ ней всѣ части улучшены, есть нѣкоторый *смыслъ* въ цѣломъ, составленномъ изъ этихъ частей. Въ высшей степени замѣчательно, что Европа сама не знаетъ этого смысла; но не менѣе замѣчательно, что *къ нему* именно—къ этому общему—относится все недовольство, все смущеніе и порою

ненависть и отвращеніе, которое она внушаетъ собою. Отсюда вытекаетъ неопредѣленность этого смущенія,— кажущаяся безпредметность этой ненависти, которая всегда представляется несправедливо-придирчивою, когда, пытаясь говорить для всѣхъ понятнымъ языкомъ, она обращается противъ чего-нибудь частнаго. Всегда можетъ быть предложенъ вопросъ: почему вы не боретесь противъ этого или того зла въ формахъ политической борьбы, которая для васъ открыта, или путемъ ученыхъ трактатовъ, издавать которые вамъ никто не мѣшаетъ? Отсюда-же—тотъ замѣчательный фактъ, что не политическіе и общественные дѣятели, видящіе наибольшее количество еще неисправленныхъ золъ, выказываютъ недовольство европейскою цивилизаціей, но поэты и философы. Первые всегда обращены къ частному и не чувствуютъ общаго; и какъ ни много зла предстоитъ имъ улучшить—зная, какъ въ европейской исторіи ничто изъ частнаго никогда не было непреодолимо,—они любятъ эту исторію и созданную ею цивилизацію, на нее одну надѣются,—готовы простить все и примириться со всѣмъ, кромѣ какъ съ возстаніемъ противъ нея или даже простымъ ея осужденіемъ. Напротивъ, мыслители и поэты, которые наиболѣе слабо чувствуютъ частное, но за-то наиболѣе глубоко связаны съ общимъ и (какъ всѣ признаютъ это) наиболѣе чутки и проницательны изо всѣхъ людей,—непреодолимо и безотчетно отвращаются отъ того, что̀ такъ цѣнятъ и любятъ практики.

Къ этому-то *общему* относится и отрицаніе, которое высказываютъ славянофилы, и *общее*-же осу-

ждаютъ они и въ реформѣ Петра. Два вѣка спустя послѣ его преобразованій, все частное, что сдѣлалъ онъ, исчезло: оно или замѣнено другимъ, или уничтожено, или измѣнено до неузнаваемости. Ни одинъ изъ фактовъ, имъ созданныхъ, не существуетъ болѣе вполнѣ; но *существуетъ общій смыслъ этихъ фактовъ*, о которомъ онъ вовсе не думалъ, и мы живемъ въ циклѣ исторіи, имъ начатомъ,—движемся въ направленіи, имъ даннымъ. Только къ этому *общему смыслу,* который одинъ остался и одинъ значущъ, мы можемъ относить свои сужденія;—какъ онъ, въ свое время, только къ частному могъ относить свою дѣятельность. Дилемма, которая была для него такъ проста, для насъ сдѣлалась необыкновенно сложною и трудною. Онъ улучшалъ армію, создавалъ флотъ, искоренялъ злоупотребленія въ администраціи; мы-же, ничего не говоря объ этомъ, думаемъ о *разрывѣ въ нашей исторіи*, утверждаемъ *невозможность нормальнаго роста для дерева, разъ оно переломлено;*— мы страшимся *за все наше существо* и спрашиваемъ: «что же останется отъ насъ, кромѣ языка и его формъ, когда, все стремясь стать лучше, мы шагъ за шагомъ будемъ входить въ улучшенныя формы европейской цивилизаціи и, наконецъ, войдемъ въ нихъ *безъ остатка*? Не станемъ-ли мы только этнографическою массою?—и неужели словарь своеобразныхъ словъ, да своеобразная грамматика, которую мы сами не сумѣли даже обдумать, есть все, что мы оставимъ послѣ себя въ исторіи? Неужели *для этого* появился народъ нашъ и самобытно росъ уже восемь вѣковъ? Мы стали лучше во всѣхъ

отношеніяхъ, въ каждой подробности, по какою *цѣною купили мы это?* Мы стали *пустымъ остовомъ*, принявшимъ *чужое содержаніе* послѣ того, какъ его собственное выброшено за ненужностью; стали одеждою, въ которой движется, живетъ и развивается иное существо, которое съумѣетъ и сохранить ее до времени, но, конечно,—и броситъ, когда она износится, и замѣнитъ другою одеждою».

Вотъ одна половина славянофильскаго отрицанія, вытекающая изъ общаго взгляда на нашу исторію и будущность нашего народа.

Его вторая половина обращена къ самой европейской цивилизаціи и состоитъ въ отрицаніи ея, основанномъ на знаніи въ ней *общаго*. Эта цивилизація не можетъ быть нормальною для всего человѣчества, она не нормальна даже для европейской части его, если заканчивается страданіемъ. Пусть все частное въ ней совершенно: есть глубокая разстроенность въ ея цѣломъ, если вмѣсто того, чтобы испытывать гармонію, радость и успокоеніе,—естественную награду столь продолжительнаго труда,—духъ человѣческій испытываетъ въ ней неудовлетворенность. Происходитъ-ли это отъ того, что столь совершенныя части въ ней несовершенно соединены, и эта дисгармонія отражается разстроенностью духа; или другое что́ закралось въ европейскую цивилизацію?—этого рѣшить невозможно. Но если несомнѣнно, что стремиться къ страданію какъ вѣнцу своего бытія—было-бы ложно, то также

несомнѣнно, что человѣчество должно удержаться отъ того, чтобы ему всему вступать въ формы европейской цивилизаціи.

Ясно, что подобное отрицаніе не могло быть результатомъ безотчетнаго, инстинктивнаго отвращенія слѣпыхъ національныхъ инстинктовъ противъ стремящейся вытѣснить ихъ иной культуры. И дѣйствительно: оно всегда сосредоточивалось въ тѣсномъ кругѣ немногихъ людей, утонченныхъ по своему образованію, въ высокой степени склонныхъ къ обобщенію, наконецъ свободныхъ по своему положенію отъ какихъ-нибудь частныхъ заботъ или единичныхъ и временныхъ интересовъ. Они не были людьми, отрицающими то, что́ они мало понимали; напротивъ, они отрицали именно потому, что слишкомъ глубоко поняли извѣстное другимъ только своею поверхностною стороной и лишь въ частностяхъ. Скажемъ болѣе: они были люди, *до конца выполнившіе мысль Петра I, и именно изъ полноты этого выполненія вынесшіе ся отрицаніе*. Тогда какъ всѣ остальные еще только движутся въ предѣлахъ этой мысли, только еще идутъ выполнять ее, главною-же, коренною частью своего существа продолжаютъ оставаться людьми дореформенными: дѣятельность и благожелательность, какъ и въ самомъ Петрѣ I, остается и въ нихъ главною чертою. Такимъ образомъ, если мы глубже всмотримся въ психическій складъ славянофиловъ и западниковъ, мы найдемъ въ немъ обратное тому, что́ они видимо утверждаютъ. Западники являются таковыми *лишь въ своихъ стремленіяхъ*,—и именно потому, что

по своему духовному содержанію и его складу *они остаются часто еще нетронутыми русскими;* славянофилы-же, напротивъ, оттого такъ страстно тянутся *прикоснуться къ родному*, такъ глубоко понимаютъ его и такъ высоко цѣнятъ, что уже безвозвратно *порвали жизненную связь съ нимъ*, что такъ повѣрили нѣкогда универсальности европейской цивилизаціи; и со всею силой своихъ дарованій не только въ нее погрузились, но и страстно коснулись тѣхъ глубокихъ ея основъ, которыя открываются только высокимъ душамъ, но прикосновеніе въ которымъ никогда не бываетъ безнаказаннымъ. Кто станетъ отрицать, что во многихъ нашихъ западникахъ, оставшихся таковыми до конца, болѣе жилъ ясный и спокойный духъ нашего народа; и кто не замѣтитъ, напротивъ, нѣкоторой сумрачности въ складѣ чувства и глубокаго теоретизма въ складѣ ума у всѣхъ нашихъ славянофиловъ? Исторіи, самой конкретной изъ наукъ, они никогда не изучали ради ея самой, обращались къ ней лишь за пособіемъ для оправданія своихъ теорій; они не любили факта, какъ такового; даже изъ всѣхъ русскихъ историковъ совпалъ съ ними во взглядѣ на нее, равно какъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, единственный, который обрабатывалъ ее, и съ такимъ успѣхомъ, теоретически [1]); напротивъ, самый слабый изъ нашихъ историковъ по силѣ обобщенія и наиболѣе

[1]) В. О. Ключевскій. См. предисловіе къ его «Боярской думѣ древней Руси», напечатанное предварительно въ «Русской Мысли», а также извѣстный разборъ типа Онѣгина.

привязанный къ конкретному [1]), былъ чистый западникъ.

Едва-ли не здѣсь слѣдуетъ искать разгадки постоянной безуспѣшности славянофильскаго ученія: ихъ мудрость не привлекала къ себѣ, ихъ горячее слово не убѣждало; холодъ и почти враждебность всегда окружали ихъ. Они сами склонны были приписывать это глупости окружающихъ, и высокомѣрное отношеніе ихъ къ людямъ и фактамъ своего времени общеизвѣстно. Но кажется, что причины здѣсь лежатъ гораздо глубже. Онѣ скрываются въ дисгармоніи ихъ психическаго склада съ психическимъ складомъ нашего общества, или—слабо тронутаго, или—еще нетронутаго европейскою цивилизаціей.

Понять, на чемъ именно разошлись двѣ великія партіи нашего общества—значитъ понять глубокую правоту каждой изъ нихъ; невозможность для одной изъ нихъ—*поступать* иначе, и для другой—иначе *мыслить*. Понять особенности въ психическомъ ихъ складѣ—значитъ понять множество литературныхъ явленій. Мы обращаемся снова къ одному изъ нихъ, которое такъ надолго оставили для этихъ общихъ разсужденій.

III.

«Неудовлетворенность тѣмъ, что обыкновенно называется познаніемъ, есть чувство очень обыкновенное», писалъ г. Страховъ въ 1887 г., начиная свою

[1]) Разумѣемъ Костомарова.

полемику съ Бутлеровымъ, который обнаружилъ это чувство и высказалъ его въ прекрасныхъ и глубокихъ словахъ.—«Не только питаясь естественно-научными познаніями, но *поглощая и всякія другія*, мы можемъ оставаться совершенно голодными. Но возможно-ли составить общую и точную формулу этого недовольства? Когда я окончилъ свою книгу *Міръ какъ цѣлое* (1872 г.), въ которой съ увлеченіемъ развивалъ главныя и общія ученія о природѣ, то мною овладѣло это чувство неудовлетворенности, и я позволю себѣ привести здѣсь то мѣсто, гдѣ я пытался тогда дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ» [1]). Мы повторимъ его также, потому что оно можетъ служить ключомъ объясненія ко всей литературной дѣятельности г. Страхова. Высказанное и повторенное потомъ черезъ двадцать пять лѣтъ, оно обнимаетъ почти всю его дѣятельность:

«Если мы чувствуемъ недовольство этимъ взглядомъ (т.-е. пріемами раціональнаго естествознанія), если онъ въ насъ что-то затрогиваетъ и чему-то противорѣчитъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что источникъ такого сомнѣнія заключается *не въ умѣ*, а въ какихъ-нибудь *другихъ требованіяхъ души* человѣческой. Человѣкъ постоянно почему-то *враждуетъ противъ раціонализма* (курсивъ автора), и эта вражда упорно ведется всѣми, спиритуалистами и матеріалистами, вѣрующими и скептиками, философами и натуралистами».

---

[1]) «О вѣчныхъ истинахъ (Мой споръ о спиритизмѣ)». Стр. XXIX.

«Отдать себѣ отчетъ въ этой враждѣ есть величайшая задача мысли» [1]).

Вотъ слова, могущія внушить самое глубокое удивленіе. Обращаясь къ предисловію книги «Міръ какъ цѣлое», мы узнаемъ изъ него, что основою для мыслей автора, развитыхъ въ этой книгѣ, послужили, во-первыхъ, данныя естественныхъ наукъ и, во-вторыхъ, философія Гегеля, именно его діалектика. Лапге въ въ «Исторіи матеріализма» замѣчаетъ, что одна спеціальная работа въ какомъ-нибудь отдѣлѣ естествознанія болѣе знакомитъ того, кто произвелъ ее, съ общимъ духомъ и методомъ всего круга наукъ о природѣ, нежели самая обширная начитанность въ этихъ наукахъ, сдѣланная съ цѣлью ознакомиться съ ихъ содержаніемъ *въ послѣднихъ выводахъ*. Это условіе, очень рѣдко выполняемое, было выполнено г. Страховымъ. И спеціальныя его работы (произведенныя въ области сравнительной анатоміи) внушили ему столь общую идею, какъ идея раціональнаго естествознанія. Склонности ума совлекли его съ пути чистаго естествознанія, или, точнѣе, онъ вошелъ въ болѣе широкій и гибкій міръ философіи, чтобы съ точекъ зрѣнія, въ ней открывающихся, посмотрѣть на тѣ данныя, которыя въ кругѣ наукъ о природѣ скорѣе излагаются только, нежели объясняются.

Интересъ къ факту, однако, уже настолько окрѣпъ въ немъ, что во всемъ рядѣ послѣдующихъ философскихъ трудовъ его мы не находимъ и тѣни развитія

[1]) «Міръ какъ цѣлое». Стр. IX.

чистыхъ понятій, съ какимъ обычно встрѣчаемся въ философскихъ книгахъ, но видимъ только философскій анализъ, приложенный къ явленіямъ внѣшней природы или внутренней жизни человѣка. Философія Декарта и философія Гегеля наиболѣе, какъ кажется, послужили къ выработкѣ его міросозерцанія, и объ не столько содержаніемъ своимъ, сколько *методомъ*. Въ первой онъ нашелъ принципы, и до сихъ поръ развиваемые физическими науками: это—принципы механическаго объясненія природы; во второй онъ нашелъ разработку категорій, т.-е. понятій, не сводимыхъ одно на другое и однако выводимыхъ другъ изъ друга, подъ которыя подводятся, какъ подъ общее, всѣ единичныя явленія природы и всѣ разнообразныя ея области.

Такимъ образомъ подъ раціонализмомъ, неудовлетворенность которымъ почувствовалъ г. Страховъ, разумѣется не какая-нибудь односторонность научнаго изслѣдованія, но *духъ знанія* во всей широтѣ его,—*въ его цѣломъ;* и въ этомъ духѣ, которымъ онъ такъ глубоко и, повидимому, такъ довѣрчиво проникся вначалѣ, ничто не было рождено тѣмъ народомъ, къ которому самъ принадлежалъ: онъ возникъ и выросъ въ Западной Европѣ, какъ одна изъ лучшихъ и самыхъ совершенныхъ формъ ея развитія. Въ различныхъ мѣстахъ многочисленныхъ книгъ г. Страхова можно видѣть, до какой степени высоко въ авторѣ понятіе о наукахъ, какъ удивляется онъ твердости ихъ началъ и выдержанности ихъ методовъ. И вотъ, однако, противъ этихъ именно наукъ—предмета его глав-

наго удивленія, очевидно не въ частностяхъ ихъ, но въ цѣломъ, поднимается у него чувство общей неудовлетворенности.

Высказанное болѣе нежели четверть вѣка назадъ, это чувство опредѣлило его отношеніе къ западноевропейской цивилизаціи и къ той, которой смыслъ еще неизвѣстенъ, но которая можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, развиться въ средѣ нашего народа. Отсюда — горячая его полемика (противъ Вл. Соловьева) въ защиту книги Данилевскаго «Россія и Европа», гдѣ развита теорія культурно-историческихъ типовъ, какъ ряда своеобразныхъ цивилизацій, развивающихся въ историческомъ процессѣ человѣчества; онъ же первый, въ журналистикѣ [1]), привѣтствовалъ и объяснилъ главный смыслъ этой книги. Отсюда участливое его вниманіе къ судьбамъ славянофильской партіи, высказавшееся, напримѣръ, въ статьѣ «Помники по И. С. Аксаковѣ», одной изъ лучшихъ въ сборникѣ «Борба съ Западомъ». Отсюда — всегда исполненныя уваженія слова его о русскомъ народѣ и его исторіи. Но когда читаешь ихъ, всегда и невольно приходятъ на умъ его «Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ», который былъ его близкимъ другомъ и товарищемъ по журнальной дѣятельности (см. первое посмертное изданіе сочиненій Достоевскаго, 1882 г., т. I). Слишкомъ глубокій теоретизмъ душевнаго склада потому, быть можетъ, и вызываетъ неудовлетворенность, что всякаго, кто имѣлъ

[1]) Въ «Зарѣ» за 1871 г., мартъ.

несчастье дойти до него, онъ отдѣляетъ глубокою и уже никогда не переступаемою чертой отъ всего живого и единичнаго. Тѣ связи, которыя соединяютъ каждаго съ окружающею средою, какъ будто перерываются; и глубокое внутреннее одиночество, способность ко всякому предмету или явленію, къ лицу, народу или исторіи, становиться лишь въ отношеніе наблюдателя и мыслителя—есть невольное послѣдствіе этого проступка противъ собственной души, есть неизбѣжная кара за нарушеніе гармоніи въ ея развитіи. Мы склонны думать, что эта отчужденность теоретическаго ума была присуща и разбираемому нами писателю; и всякій разъ, когда онъ привязывался къ чему-нибудь, онъ собственно *оцѣнивалъ* дорогія ему *качества*,—и влекся болѣе къ *нимъ*, нежели къ ихъ живому носителю. Это не можетъ не причинять глубокаго внутренняго страданія; и отсюда-то, думается намъ, вытекла та особенность, что неудовлетворенность раціонализмомъ высказалась у г. Страхова какъ *враждебность* къ нему, а не какъ простое сознаніе его недостаточности только. Не менѣе знаменательно и то, что, попытавшись истолковать точный смыслъ этой враждебности, онъ заговорилъ объ исполненіи *долга*, какъ о томъ, что̀ можетъ болѣе всего другого успокоить встревоженный духъ человѣка [1]). Понятіе долга, выросшее на холодной почвѣ Рима, абстракцій его права и тоски его стоицизма, есть лишь сомнительная замѣна истинныхъ чувствъ,

[1]) «Міръ какъ цѣлое», стр. X.

которыми жива всякая жизнь. «Должное» указывается умомъ и выполняется, когда болѣе не подсказывается сердцемъ,—когда жизнь уже не творится, не играетъ, но только поддерживается.

Мы входимъ здѣсь въ темную, всегда скрытую область соотношенія отдѣльныхъ сторонъ психической жизни. Духовный міръ человѣка есть уже отъ начала нѣчто въ высшей степени сложное, но одновременно съ этимъ и нѣчто глубоко гармоничное, цѣльное. Сохранить эту цѣльность, не разстроить эту гармонію душевныхъ силъ есть важнѣйшая задача всякаго личнаго существованія, но она, къ несчастію, обыкновенно сознается человѣкомъ тогда уже, когда разстроена непоправимо. Грусть, доходящая до помѣшательства у Гамлета, и вызывающая въ Фаустѣ жажду, возвратившись къ юности, вторично и иначе пережить свою жизнь, вытекаетъ изъ того именно, что въ нихъ обоихъ основная гармонія души была нарушена,—что у одного надъ волею, а у другого надъ чувствомъ такъ возпреобладала мысль. Но уроки особенно глубокіе для человѣка всегда выслушиваются имъ небрежно, или не понимаются; ихъ, правда, трудно и выполнить. Во всякомъ случаѣ духовное развитіе, которое старается дать намъ государство и общество, къ которому мы стремимся сами, всегда почти состоитъ въ томъ, даже начинается съ того, чтобы нарушить цѣльность и гармоничность внутренней жизни. Мы силимся стать виртуозами, не замѣчая, что становимся только калѣками.

Трудно сохранимая въ личномъ существованіи, эта гармонія душевныхъ способностей еще неизмѣримо труднѣе сохраняется въ исторіи; и мы склонны думать, что глубокая разстроенность европейской цивилизаціи объясняется чрезмѣрнымъ нарушеніемъ въ ней равновѣсія духовныхъ элементовъ,—подавленностью однихъ изъ нихъ, исключительнымъ развитіемъ другихъ, наконецъ несогласованностью ихъ всѣхъ между собою. Сюда слѣдуетъ, быть можетъ, присоединить ложность и самаго типа, по которому развиты по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ элементовъ. Со всѣмъ этимъ въ высшей степени соединима необыкновенная изощренность, высокое совершенство частей и чрезвычайное могущество, видимое обиліе жизни,—все то, о чемъ мы единственно и можемъ утверждать, что оно несомнѣнно присуще европейской цивилизаціи. Но не будемъ слишкомъ входить въ разсмотрѣніе этихъ трудныхъ вопросовъ; и сказаннаго достаточно, чтобы понять отчетливо, какими путями разбираемый нами писатель пришелъ ко всѣмъ своимъ отрицаніямъ и утвержденіямъ.

Перенесенное страданіе, какъ и испытанное счастье, всегда является источникомъ завѣтнаго и непреклоннаго въ нашихъ убѣжденіяхъ; оно же открываетъ для насъ и внутреннюю, тайную жизнь чужой души, углубивъ и усложнивъ жизнь собственной. Въ незамѣтномъ уклонѣ мыслей, въ особомъ тонѣ рѣчи,—мы открываемъ присутствіе чертъ, которыя не можемъ не сознавать и въ собственномъ, и по нимъ

заключаемъ безошибочно объ общности причинъ, которыя ихъ вызвали. Эту проницательность сужденія, основанную на богатствѣ собственной внутренней жизни, мы находимъ и у г. Страхова. Неудовлетворенность—и безотчетная—одною изъ самыхъ общихъ и великихъ формъ европейской цивилизаціи дала ему возможность безошибочно опредѣлить подобное же недовольство ею и въ другихъ умахъ, которое сказалось такъ же враждебно, повело къ такимъ же, какъ и у него, страстнымъ отрицаніямъ. Раціонализированіе природы въ философіи и наукѣ,—безграничное стремленіе, избѣгая всякаго страданія, улучшать каждую частность жизни, и черезъ это надежда достигнуть ея полнаго совершенства,—вѣра въ могущество своей природы и отверженіе необходимости для себя какой-нибудь помощи въ религіи—вотъ что̀ можетъ считаться главными и самыми общими чертами европейскаго общества второй половины XIX-го вѣка. Въ цѣломъ рядѣ западныхъ писателей онъ открываетъ, какъ вѣра въ раціонализмъ, столь же горячая, какую онъ исповѣдывалъ нѣкогда, привела къ недовольству и отрицанію другихъ сторонъ европейской цивилизаціи, то̀ подавляемому еще, какъ у Штрауса, то̀ колеблющемуся, какъ у Д. С. Милля, то̀ исполненному какого-то недоумѣнія, какъ у Фейербаха, то̀ открытому и рѣзкому, какъ у Ренана и отчасти у Герцена [1]).

[1]) См. «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ», т. 1, и первое изданіе 2-го т. (статья о Фейберахѣ).

Но если для западно-европейскихъ писателей за отрицаніемъ своей цивилизаціи остается только сумракъ и отчаяніе, то для писателя иного народа, еще не вошедшаго окончательно въ формы этой цивилизаціи, остается надежда на возможность иной культуры. Къ этой надеждѣ примыкаетъ, изъ нея исходитъ вся критическая дѣятельность г. Страхова.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ заблужденій первыхъ представителей славянофильской партіи составляло мнѣніе, что пережитое въ два послѣднія столѣтія нашимъ обществомъ можетъ быть какъ-то забыто, и мы снова можемъ вернуться къ простотѣ своего быта до реформы Петра, чтобы затѣмъ продолжать свою исторію такъ, какъ будто въ ней не было перерыва. Здѣсь забылось, что если все можемъ мы измѣнить, все заимствованное—снять съ себя, то не можемъ возвратиться къ простотѣ прежняго созерцанія, не можемъ истребить въ себѣ понятій и чувствъ, усвоенныхъ и сложившихся въ два послѣдніе вѣка. А въ нихъ, очевидно, и заключается все дѣло, формы же быта и все прочее, внѣшнее, являются лишь необходимою ихъ оболочкою, которая не можетъ не соотвѣтствовать своему содержанію. Такимъ образомъ возможность иной культуры въ нашей исторіи обусловливается возможностью для насъ, сохраняя уже возникшую сложность своего созерцанія, перейти въ немъ съ типа западно-европейскаго къ типу иному, который соотвѣтствовалъ бы тому, какой въ неразвитой формѣ продолжаетъ и до сихъ поръ существовать въ нашемъ простомъ народѣ. Эта возможность

дѣйствительно открывается въ нашей литературѣ, историческія заслуги которой теперь нельзя даже и оцѣнить.

Въ произведеніяхъ ряда поэтовъ и художниковъ, начиная отъ Пушкина, послѣ нѣкотораго колебанія и склоненія въ сторону западно-европейскихъ типовъ духовной красоты человѣка, мы замѣчаемъ возвращеніе къ самостоятельности, и—созданіе типовъ и характеровъ, въ безусловной нравственной красотѣ которыхъ мы не можемъ сомнѣваться, передъ которыми преклоняются, какъ только узнаютъ ихъ, и западные писатели, и которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно гармонируютъ съ душевнымъ складомъ, до сихъ поръ живущимъ въ нашемъ простомъ народѣ. Эта особенность нашей литературы впервые была замѣчена Ап. Григорьевымъ,—критикомъ, который ни при жизни, ни послѣ смерти не былъ оцѣненъ по достоинству. Онъ открылъ новую точку зрѣнія на нашу литературу; и такъ какъ она есть истинная, то трудно допустить мысль, чтобы она не стала когда-нибудь общепринятою. Съ чуткостью, которая послѣ всего сказаннаго должна быть ясна, г. Страховъ понялъ вѣрность этого воззрѣнія, оцѣнилъ всю его значительность для нашего духовнаго развитія и со всею страстностью примкнулъ къ воззрѣніямъ Ап. Григорьева. Онъ собралъ его статьи, разсѣянныя въ малораспространенныхъ журналахъ, и, приведя ихъ въ систематическій порядокъ, издалъ со своимъ предисловіемъ, біографіею и указателемъ [1]). Къ величай-

[1]) «Сочиненія Аполлона Григорьева», т. 1., Спб. 1876.

шему сожалѣнію, изданіе это не имѣло успѣха. Въ долгіе годы послѣдующей собственной литературной дѣятельности онъ испыталъ самъ, какъ трудно добиться въ читающемъ обществѣ вниманія, какъ всякая оригинальность и самостоятельность проводимыхъ воззрѣній сопровождаются враждебностью или отчужденностью остальной журналистики, въ своей совокупности представляющей непреодолимую силу, способную какъ дать распространеніе самымъ пустымъ мыслямъ, такъ и задавить идею, самую высокую и плодотворную.

Энергія дѣятельности, когда она неутомима и сопровождается талантомъ, можетъ однако преодолѣть и эту косную силу. Въ рядѣ собственныхъ превосходныхъ статей по поводу «Войны и мира», г. Страховъ изложилъ предварительно точку зрѣнія Ап. Григорьева, и тѣмъ гораздо болѣе, нежели изданіемъ его сочиненій, способствовалъ ознакомленію съ нею широкихъ слоевъ читающаго общества [1]). Затѣмъ эту же точку зрѣнія онъ приложилъ и къ произведенію Л. Толстого. Ихъ глубокое соотвѣтствіе, какъ теоріи и факта, не могло не поразить всякаго. Въ отношеніи ко всему предыдущему развитію нашей литературы, великая эпопея гр. Толстого являлась свѣтлымъ и высокимъ торжествомъ той стороны ея, которая впервые сказалась у Пушкина, была совершенно не по-

[1]) «Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ», первое изд. 1885, второе въ 1887.

нята его современниками и послѣдующими критиками, и оцѣнена впервые Ап. Григорьевымъ.

Но и для самого г. Страхова появленіе «Войны и мира», можно думать, было важнымъ моментомъ во внутреннемъ развитіи. То, чего онъ смутно искалъ, чего ожидалъ съ сомнѣніемъ, появилось въ образахъ удивительной красоты и твердости, передъ которыми невольно склонилось читающее общество, еще не понимая всего ихъ значенія. Ни для кого значеніе это не могло быть такъ ясно, какъ для него. Въ шести томахъ громаднаго литературнаго произведенія онъ нашелъ двѣ строчки, мимоходомъ брошенныя авторомъ, въ которыхъ была сгруппирована вся мысль романа, быть можетъ не такъ отчетливая для самого знаменитаго художника. Эти строки онъ и избралъ эпиграфомъ для своего разбора: «*нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды*»—въ этихъ короткихъ словахъ содержится указаніе иного и высшаго типа для всемірной исторіи, по которому она еще никогда не двигалась и который хранится, какъ нравственный идеалъ, безсознательно, въ нѣдрахъ народа нашего; по нему, конечно ступая и вкривь и вкось, развивался и былъ нашъ до реформы Петра. Этотъ типъ можетъ быть удержанъ при всей сложности развитія, при всякой высотѣ умственныхъ созерцаній или обширности замысловъ и стремленій. Нельзя не согласиться, что онъ есть норма для человѣческаго духа и мѣрило достоинства для человѣческой дѣятельности. Придерживаясь его, первый никогда не почувствуетъ неудовлетворенности и тревоги, а вторая успѣетъ достигнуть вся-

кихъ цѣлей. Если мы всмотримся въ двухъ-тысячелѣтнюю исторію Западной Европы, мы увидимъ, что все великое, въ ней совершившееся, совершилось по иными типамъ, нежели этотъ. Могущество внѣшняго авторитета въ одни моменты ея развитія, свобода личной совѣсти въ другіе, гражданское равенство въ третьи, далѣе спиритуализмъ или матеріализмъ воззрѣній, чувствъ и отношеній—вотъ окончательныя цѣли, которыя преслѣдовались западными народами и породили великіе циклы ихъ развитія: католицизмъ и реформацію, систему централизованныхъ государствъ и революцію, рыцарство и промышленность, аскетизмъ монастырей и шумъ энциклопедистовъ. Идеалъ всегда бываетъ несложенъ, онъ называется двумятремя словами; но его осуществленіе на всѣхъ ступеняхъ жизни, проникновеніе имъ всѣхъ формъ развитія, всѣхъ моментовъ личнаго существованія и общественныхъ отношеній — все это наполняетъ вѣка народной жизни, поглощаетъ трудъ безчисленныхъ поколѣній. Западная Европа въ теченіе всего послѣдняго столѣтія движется въ предѣлахъ мысли, которую мы можемъ читать въ двухъ словахъ, вырѣзанныхъ на французскихъ пушкахъ, хранимыхъ въ Московскомъ Кремлѣ—«liberté, égalité»: сюда примыкаютъ рядъ монархій и республикъ, законодательства и журналистика, индустрія и пролетаріатъ. Итакъ, слова эти кратки, но смыслъ ихъ дологъ. Не трудно понять, какъ забвеніе великаго идеала, хранимаго въ нашемъ народѣ, пренебреженіе которою-нибудь изъ его чертъ, порождаетъ наше безсиліе достигнуть хоть какихъ-

нибудь изъ своихъ цѣлей; и не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы предвидѣть, до какой степени легко и радостно мы достигли бы ихъ всѣхъ, если бы въ стремленіи своемъ дѣйствительно были всегда просты, совершенно правдивы и не заботились ни о чемъ, кромѣ добра. Но къ добру мы примѣшали лживость, къ правдѣ—ожесточеніе, извратились сами и извратили свою жизнь,—и несемъ ее какъ бремя, ненавистное для себя и для другихъ.

Къ разбору «Войны и мира» прилегаетъ, какъ къ своему центру, и вся остальная критическая дѣятельность разбираемаго нами писателя. Въ ней особенно слѣдуетъ отмѣтить превосходныя «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ». Въ противоположность основнымъ славянофиламъ, которые геніальнаго, но извращеннаго Гоголя признавали самымъ великимъ дѣятелемъ въ нашей литературѣ, потому что онъ отрицаніемъ своимъ совпалъ съ ихъ отрицаніемъ,—вѣтвь этой партіи, къ которой принадлежитъ и г. Страховъ, выдвинула Пушкина. Ясность и спокойствіе этого поэта, равно какъ широта его симпатій, болѣе соотвѣтствовала положительному характеру идеаловъ этой вѣтви славянофильства, главными представителями которой были, кромѣ разбираемаго нами критика, Ап. Григорьевъ и Ѳ. М. Достоевскій (къ ихъ же кругу принадлежалъ и Н. Я. Данилевскій). Пушкинъ сдѣлался центромъ ихъ влеченія и толкованій. Въ его знаменитомъ стихотвореніи «Возрожденіе» они видѣли высказанною судьбу каждой сколько-нибудь даровитой русской души: долгое скитальчество за идеалами, страстное и

не окончательное преклоненіе передъ богами чужихъ народовъ, утомленіе всѣми ими, и—возвращеніе къ идеаламъ своего роднаго народа.

Это можно почти толковать такъ, что уже при первомъ выступленіи на историческое поприще каждый народъ, какъ и всякій вчера рожденный человѣкъ, въ своихъ скрытыхъ духовныхъ дарахъ носитъ опредѣленіе своей судьбы. Въ теченіе долгаго времени онъ смутно и безотчетно идетъ правильнымъ путемъ, руководимый этими раскрывающимися дарами, но не сознавая ихъ. Но настаетъ время, когда онъ сходитъ съ этихъ путей, и временныя желанія, придуманныя цѣли становятся его руководителями. Онъ называетъ это время періодомъ пробужденія въ себѣ *сознанія*, пробужденія своей *личности* въ исторіи. Однако онъ скоро познаетъ, какъ недостаточны его силы для поддержанія его на этихъ путяхъ, какъ слабъ его умъ для выбора наилучшихъ изъ нихъ. Измученный и не достигнувъ ничего, онъ снова возвращается тогда на великіе пути, по которымъ шелъ раньше. Но все перемѣняется теперь: не тотъ уже и онъ, и иначе понимаетъ онъ путь, который уже совершилъ и который ему предстоитъ еще кончить. Онъ догадывается, наконецъ, что было сознаніе, великое и глубокое, которое и вывело его на историческую сцену и долго вело по ней; не мыслью своею, но дѣяніями, повиновеніемъ онъ совпадалъ и прежде съ этимъ сознаніемъ. Утомленный, онъ и теперь хочетъ только повиноваться ему и повинуется; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ совпадаетъ теперь съ нимъ своею мыслью. Этотъ послѣдній періодъ

и есть періодъ *дѣйствительнаго сознанія*, которое можно назвать *мудростью*.

Мы поставили для себя задачею—указать главныя линіи въ строѣ мышленія избраннаго писателя и объяснить ихъ происхожденіе; при этомъ, естественно, мы опустили все частное, что содержится въ его трудахъ. Сдѣлаемъ теперь общую характеристику его значенія.

Прекрасная и уже обширная въ поэтическомъ и художественномъ отношеніяхъ, наша литература не даетъ еще достаточной пищи для *ума собственно*, для *размышленія*. Любя своихъ великихъ писателей и постоянно перечитывая ихъ, мы можемъ воспитаться нравственно: научиться съ достоинствомъ проходить свою жизнь, быть внимательными ко всякому страданію и воздерживаться отъ всякаго зла. Кругъ отношеній къ ближнему, къ своему народу, разныя житейскія отношенія—все это истолковано въ образахъ нашей литературы съ удивительнымъ разнообразіемъ, съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца.

Но если проходить свой жизненный путь правильно есть самая сложная и трудная задача всякаго человѣка, то за нею остается еще и другая. Часть жизни своей всякій человѣкъ проводитъ наединѣ,—и здѣсь онъ невольно обращается своею мыслью не къ временному и текущему, что окружаетъ его, но къ вѣчному и постоянному. Онъ хочетъ сколько-нибудь уразумѣть тотъ міръ, въ которомъ мгновеніе назадъ появился и черезъ мгновеніе же исчезнетъ; хочетъ унести съ со-

бою что-нибудь вѣчное. Это желаніе дѣлается источникомъ размышленія.

Чего-либо соотвѣтствующаго ему недостаетъ въ нашей литературѣ, и мы склонны думать, что въ ближайшемъ будущемъ ея главною заботою станетъ восполненіе этого недостатка. Нужно понять эту великую задачу во всей ея строгости, нужно отнестись къ ней съ тою же простотою и серьезностью, съ какою относится къ ней каждый въ глубинѣ своей души, наединѣ съ собою. Для литературы—это задача неизмѣримо-трудная. Заинтересоваться единственно предметомъ своимъ и относиться къ читателю такъ же правдиво, какъ къ самому себѣ—это можетъ быть доступно только высокимъ душамъ.

Имъ будетъ принадлежать умственное воспитаніе нашего общества, руководство его мыслью. Не разъ, вчитываясь въ многочисленные труды разобраннаго нами писателя, мы старались дать себѣ отчетъ, почему именно онъ такъ не похожъ на всѣхъ другихъ, что̀ сообщаетъ ему такое своеобразіе? Цѣльнаго міровоззрѣнія онъ не даетъ, никакой яркой идеи не высказалъ и не утвердилъ,—и даже ни на одинъ вопросъ не отвѣтилъ ясно и отчетливо, окончательно. Но со всѣмъ этимъ, страннымъ образомъ, соединяется, однако, чувство какой-то совершенной удовлетворенности. Стараясь дать себѣ отчетъ въ немъ, невольно останавливаешься на отношеніи автора къ предметамъ своего размышленія и къ своему читателю.

Заинтересованность первымъ—до *забвенія личнаго въ себѣ*, и, въ силу этого,—до забвенія *личнаго и въ чи-*

тель, есть постоянная и отличительная его черта. Это и порождаетъ въ размышляющемъ читателѣ чувство совершеннаго удовлетворенія. Никакой дисгармоніи между своею душою и книгою онъ не испытываетъ; все временное, все личное, что̀ отдѣляетъ его отъ другихъ людей и минутно соединяетъ съ ними—также какъ и тогда, когда онъ остается наединѣ съ собою, уходитъ куда-то въ безграничную даль и пропадаетъ. Мысли, въ дѣйствительности усваиваемыя имъ извнѣ, какъ будто вырастаютъ въ его собственной душѣ и развиваются въ ней.

Это и составляетъ притягательную силу разбираемаго автора. Онъ не столько разрѣшаетъ наши вопросы, сколько научаетъ насъ серьезно искать ихъ разрѣшенія;—не такъ наполняетъ умъ, какъ приготовляетъ его къ принятію истинно-достойнаго содержанія. Длинный рядъ книгъ, имъ написанныхъ, касающійся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ внѣшней природы и внутренней жизни человѣка, исторіи и политики, философіи и религіи, служитъ прекраснымъ началомъ выполненія нашею литературою той задачи *умственнаго воспитанія общества*, разрѣшенія которой мы ожидаемъ отъ нея послѣ того, какъ она столь прекрасно выполнила задачу его художественнаго и отчасти нравственнаго воспитанія.

1890 г., Елецъ.

Идея раціональнаго естествознанія.

Н. Страховъ.—Міръ, какъ цѣлое.—Черты изъ науки о природѣ.—Изданіе второе. Спб. 1892 г.

Лучшая философія, безъ сомнѣнія, есть та, которая возникаетъ изъ изученія природы и *послѣ* этого изученія; названіе, данное когда-то собранію трактатовъ Аристотеля ихъ неизвѣстнымъ хранителемъ—μετὰ τὰ φυσικὰ, «то, что слѣдуетъ *послѣ физики*», потому и обратилось изъ случайнаго въ постоянное, что въ немъ непреднамѣренно былъ указанъ истинный смыслъ *философіи;* ея отношеніе *къ реальнымъ наукамъ*, и самый предметъ, съ ними одинаковый—*природа*. И съ тѣхъ поръ и до нашего времени всякая философія, заслуживающая этого названія, есть непремѣнно мета-*физика*; какъ и всякая «метафизика», носящая это имя не по одному недоразумѣнію, есть только *углубленное познаніе природы*, есть рядъ идей *о дѣйствительномъ*, невольно пробуждающихся въ умѣ человѣка *послѣ того* (μετὰ), какъ его чувства, его способности ощущенія уже вполнѣ насыщены впечатлѣніями этой дѣйствительности.

Въ сущности, каждое ощущеніе само по себѣ—безпросвѣтно темно для человѣка, непроницаемо въ своемъ смыслѣ, пока оно не возведено къ смыслу чего-то, что̀ уже ранѣе присутствовало въ его душѣ, образуетъ какъ бы элементъ этой души, и въ самомъ себѣ совершенно ясно и понятно. *Уподоблять природу себѣ*, переводить ея темные знаки, ея неясные стимулы на ясный, отчетливый языкъ *своего разумнаго существа*—въ этомъ состоитъ сущность всякаго изученія, неуничтожимый источникъ нашихъ размышленій послѣ того, какъ мы видѣли, осязали, слушали, ничего еще не понимая въ моментъ этого видѣнія, осязанія, слушанія. *Понятность ощущаемаго*—вотъ вѣчная цѣль и философіи, и науки, за которою для нихъ нѣтъ движенія, но достигнуть границъ которой слишкомъ достаточно, чтобы наполнить содержаніемъ жизнь неопредѣленной вереницы человѣческихъ поколѣній.

И въ самомъ дѣлѣ, что все *ощущаемое* можетъ быть *понято*, т. е. все, идущее извнѣ въ человѣка, можетъ найти въ немъ уже отзвукъ себѣ, но осмысленный, но проясненный,—увѣренность въ этомъ есть prius всякой философіи, безъ которой человѣкъ никогда не началъ бы размышлять, т. е. изыскивать, трудиться, напрягать свой разумъ,—конечно не безъ надежды, что это къ чему-нибудь приведетъ. Такимъ образомъ, ранѣе всякаго философскаго размышленія въ человѣкѣ есть уже главная для него основа—*увѣренность*, что онъ самъ, со своею разумной душой, есть какъ бы *самая зрѣлая дѣйствительность по отношенію ко*

всякой другой, какая только можетъ встрѣтиться для его ощущенія, и которая, послѣ внимательнаго въ нее всматриванія, всегда окажется только *менѣе зрѣлою*, *но однородною* съ тѣмъ, что уже въ немъ самомъ есть.

Отсюда вытекаетъ потребность человѣка понимать явленія и предметы внѣшней природы какъ только повторенія, и притомъ вещественныя, процессовъ и состояній собственнаго его первичнаго сознанія. Рядъ фактовъ, которые онъ видитъ идущими одинъ за другимъ, онъ понимаетъ, какъ рядъ фактовъ, *причинно* вытекающихъ одинъ изъ другого; сплошныя тѣла, лежащія передъ нимъ, онъ понимаетъ какъ *части*, образующія одно *цѣлое;* въ безконечномъ *разнообразіи* вещей ищетъ и находитъ связующее ихъ *единство*. Ни о чемъ этомъ не говоритъ ему сама природа, но все это онъ находитъ въ ней, и даже только *это* находитъ, потому что лишь при этомъ *обобщеніи съ собою* и при наложеніи на природу этихъ *своихъ общихъ понятій*, онъ можетъ понимать природу,—эти міріады частностей, которыя дѣйствуютъ на его ощущенія. Сведеніе темнаго воздѣйствія на себя къ одному изъ этихъ общихъ понятій, и, наконецъ, сведеніе всѣхъ воздѣйствій въ гармоническую связку ихъ—вотъ неуничтожимая потребность человѣка, вызывающая его на размышленія, на изысканія, и породившая философію.

Каждая реальная наука можетъ быть разсматриваема какъ подведеніе природы подъ которое-нибудь одно изъ этихъ общихъ понятій; или, иначе, какъ разсмотрѣніе, *гдѣ* и *какъ* въ природѣ осуществлено

это понятіе. Такъ, физика есть изученіе всѣхъ явленій, связанныхъ между собою *механическимъ сцѣпленіемъ*; иначе—разсмотрѣніе природы, насколько и какъ въ ней осуществлена идея *причинности;* классификація (напримѣръ, органическаго міра) есть разсматриваніе той же природы подъ понятіемъ *сходнаго* и *различнаго*, *единаго* и *многаго*; и т. д. Философія же, не несправедливо называемая «матерью всѣхъ наукъ», есть, во-первыхъ, разсмотрѣніе этихъ самыхъ понятій, каковы они, сколько ихъ и откуда они въ человѣкѣ; и, во-вторыхъ, сведеніе ихъ въ одно, т. е. синтезъ цѣлой природы въ сознаніи человѣка, какъ единомъ связующемъ своемъ центрѣ.

I.

Въ легкой формѣ прихотливыхъ очерковъ г. Страховъ разбрасываетъ передъ глазами читателя факты органической и мертвой природы, всюду обращая мысль его къ этимъ общимъ понятіямъ, въ которыхъ содержится разъясненіе смысла неопредѣленнаго множества какъ приведенныхъ, такъ и другихъ подобныхъ же фактовъ. Мысль читателя, нигдѣ не утомляясь, остается постоянно возбужденною разнообразіемъ предметовъ, передъ нимъ проходящихъ, и, главное, особою точкой зрѣнія, съ которой они ему показываются. Авторъ всегда почти говоритъ о самомъ обыкновенномъ, каждому знакомомъ изъ собственнаго опыта или изъ книгъ; но въ этомъ обыкновенномъ онъ неизмѣнно указываетъ что-нибудь особенное, что̀ рапѣе вовсе не приходило въ голову читающаго и о чемъ не

пятвердили ему во множествѣ прочитанныя журнальныя статьи о тѣхъ же предметахъ. Таковъ общій характеръ книги, заглавіе которой мы привели выше, одновременно и самой популярной по философіи въ нашей литературѣ, и одной изъ самыхъ глубокихъ и содержательныхъ въ ней [1]).

Говорить о всемъ содержаніи этой книги—значило бы останавливаться на всѣхъ безчисленныхъ вопросахъ, возникающихъ при разсматриваніи природы органической и мертвой. Мы укажемъ только на общее направленіе ея, на тѣ главныя линіи, по которымъ движется мысль автора, прихотливо перебѣгая отъ одной частности къ другой, и, повидимому, болѣе всего занятая интересомъ этихъ частностей.

Съ точки зрѣнія на науку, какъ на нѣкоторое построеніе нашихъ *свѣдѣній* о природѣ, обычно принято начинать изслѣдованіе съ наиболѣе простыхъ, элементарныхъ существъ, чтобы потомъ, мало-по-малу, прилагая одну черту къ другой, перейти отъ нихъ къ самымъ сложнымъ. Но наиболѣе простыя существа, столь легкія для описанія, могутъ быть вмѣстѣ и наименѣе понятными для человѣка. Съ точки зрѣнія *понятности*, т. е.—съ философской, гораздо правильнѣе, поэтому, начинать обсужденіе природы не съ самаго элементарнаго, но съ самаго понятнаго, непосред-

[1]) Въ западной литературѣ есть одна только, намъ извѣстная, книга, которую по замыслу своему, по разнообразію, легкости и содержательности, напоминаетъ книга г. Страхова, во всемъ остальномъ ей, однако, противоположная. Это—«Разговоры о множествѣ міровъ» Фонтенеля.

ственно извѣстнаго уже для насъ, хотя бы оно и было, одновременно, самымъ сложнымъ. Такъ именно поступаетъ нашъ авторъ и, прежде всего, разсматриваетъ, въ рядѣ разсужденій, самого человѣка. Этимъ разсмотрѣніемъ онъ вводитъ читателя въ кругъ идей объ органическомъ и безжизненномъ, о вещественномъ и духовномъ.

Организмы суть существа *развивающіяся*, въ противоположность безжизненнымъ тѣламъ, которыя всѣ *дѣлаются*, образуются силами и вліяніями, для нихъ внѣшними; такимъ образомъ средоточіе, образующая причина, главное—для организмовъ заключено *внутри* ихъ, для мертвыхъ тѣлъ—*внѣ*. Далѣе, совокупность перемѣнъ, испытываемыхъ какимъ-нибудь тѣломъ, неопредѣленно продолжительна, какъ и самое его существованіе; какъ бы много ихъ ни было, они никогда не сложатся въ процессъ, какъ *необходимое и послѣдовательное видоизмѣненіе тѣла*, черезъ которое оно становится *лучше*; напротивъ, развитіе, черезъ которое проходитъ организмъ, представляетъ собою тѣсный кругъ видоизмѣненій развивающагося, изъ каждой стадіи котораго оно выходитъ болѣе и болѣе совершеннымъ [1]). Организмъ есть *самоулучшающееся* существо—вотъ его самое важное отличіе отъ всякаго мертваго предмета природы. Возможность примѣнить къ нему понятія «хорошее» и «дурное», и притомъ хорошее или дурное для самого организма—это обна-

[1]) Организмы—каждый — суть «я», механика всегда—«это», «то», «вонъ *то*». Вотъ краткое выраженіе дѣла. *Примѣчаніе 1913 г.*

руживаетъ въ немъ присутствіе совершенно новаго чего-то, вовсе неизвѣстнаго въ безжизненной природѣ. Отсюда—явленія въ нихъ *болѣзни*, *уродства*, отсюда—понятіе *выздоровленія*, какъ возвращенія къ лучшей нормѣ, какъ возстановленіе своей *цѣлости* и *полноты*. Только въ организмахъ мы наблюдаемъ это удивительное явленіе, что, потерявъ какую-нибудь часть, они изъ крови своей, изъ безформеннаго матеріала своего тѣла возстановляютъ въ прежнемъ видѣ эту утраченную часть: какъ будто внутри ихъ, за покровомъ видимыхъ вещественныхъ очертаній, есть у нихъ невидимыя и строгія очертанія, по которымъ течетъ матерія ихъ тѣла, только облегая (эти очертанія) собою, видимо овеществляя ихъ въ процессахъ возстановленія,—подобно тому, какъ кусокъ тѣла, которымъ геометръ чертитъ сложную фигуру, только обнаруживаетъ идею этой фигуры, бывшую ранѣе въ умѣ его [1]).

Если каждый организмъ въ опредѣленный моментъ своего существованія есть синтезъ такихъ необходимыхъ, овеществленныхъ очертаній,—то, въ свою очередь, этотъ синтезъ подлежитъ столь же опредѣленнымъ и строгимъ передвиженіямъ во времени, т. е. видоизмѣненіямъ; *возрастаніе*, *зрѣлость* и *смерть* суть только самые важные моменты этого передвиженія. Такимъ образомъ двоякое и одинаково строгое огра-

[1]) Все *мертвое*—безъ *зародыша;* все *живое*—съ *зародышемъ*. Зародышъ-то, развертываясь, и творитъ *жизнь*. «Зародыши» суть души и источники жизни всего «съ глазами», «глазатаго» міра (живого). Вотъ—дѣло. *Примѣчаніе 1913 г.*

ниченіе лежитъ на всякомъ организмѣ: *онъ ограниченъ, опредѣленъ въ пространствѣ*—безъ какой-либо способности переступить черезъ это ограниченіе, лишь съ слабою возможностью отъ него отступить—заболѣть или стать уродливымъ; и *онъ ограниченъ, опредѣленъ во времени*, между моментами зачатія и естественной смерти—также безъ всякой возможности черезъ нихъ переступить, и лишь съ возможностью отступить нѣсколько отъ второй—умереть случайно ранѣе времени отъ какой-нибудь побочной причины. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ существъ природы организмы суть *наиболѣе ограниченные*[1]), тѣсно опредѣленные; и, въ связи съ этимъ—*наиболѣе совершенные въ ней.*

Рядомъ остроумныхъ разсужденій г. Страховъ показываетъ, что по строенію своего тѣла человѣкъ есть *механическій предѣлъ* для органической природы, всякое видоизмѣненіе котораго въ одной какой-либо части неизбѣжно повлекло бы за собою ухудшеніе въ нѣсколькихъ другихъ: легкость, красота, подвижность, сила—все это соединено въ немъ такимъ образомъ, что малѣйшее усиленіе котораго-нибудь изъ этихъ качествъ тотчасъ вызвало бы ослабленіе всѣхъ остальныхъ. Такимъ образомъ, человѣкъ есть наиболѣе совершенный изъ организмовъ, и всякія предполо-

[1]) Всякое *ограниченіе* есть *отреченіе*,— и, пожалуй, можно сказать, что «аскетизмъ» входитъ въ вещество живыхъ вещей. «Ты—совершенъ насколько *уединился*, насколько *отрекся*». *Примѣчаніе 1913 года.*

женія о томъ, что возможны въ природѣ еще другія, болѣе совершенныя, нежели онъ, одушевленныя существа—не имѣютъ для себя никакого правдоподобія, какъ не имѣетъ правдоподобія разрѣшеніе задачи о квадратурѣ круга—здѣсь на землѣ въ будущемъ и равно теперь—во всей вселенной.

Обращаясь отъ этой внѣшней *предъльности человѣка* къ внутреннему смыслу, который скрытъ за ней, г. Страховъ останавливается на совершенно особенномъ и удивительномъ его отношеніи къ мірозданію. Внѣшнія вліянія, дѣйствуя на безжизненныя тѣла, въ сущности разрушаютъ ихъ, или вообще нарушаютъ ихъ цѣлость, единство съ собою; ударъ, раздробляющій камень—правда образуетъ множество новыхъ камней, но—прежняго камня уже нѣтъ; кислота, которою мы обдаемъ тотъ же камень, превращаетъ его въ рядъ газовъ и земель, не имѣющихъ съ прежнимъ его существомъ ничего общаго по виду и внутренней структурѣ. И какія бы другія дѣйствія природы мы ни избрали, мы увидимъ, что всѣ они или совершенно не вліяютъ на безжизненныя тѣла природы, или вліяютъ такъ же, какъ только что указанныя, т. е. *разрушаютъ ихъ*. Если отъ нихъ мы перейдемъ къ растеніямъ и животнымъ, то увидимъ, что многія изъ вліяній природы на нихъ уже дѣйствуютъ не разрушая, но *поддерживая, продолжая* ихъ существованіе, однакоже нисколько его *не трансформируя*. Пища или воздухъ, вбираемые растеніемъ или животнымъ, ничего въ сущности къ нимъ не прибавляютъ новаго: они замѣняютъ собою, становясь свѣжею живою тканью, прежнюю уже обветша-

лую ткань, и черезъ это поддерживаютъ строй и силы организма въ прежнемъ видѣ. Какъ въ первомъ случаѣ, по отношенію къ минераламъ, такъ и во второмъ, по отношенію къ органическому міру до человѣка, мы во всякомъ единичномъ существѣ находимъ только нѣкоторую реальность, которая можетъ *или остаться такою же*, какой была ранѣе, или—*разрушиться*.

Въ противоположность всему этому, всей природѣ до себя, въ человѣкѣ реальное (организмъ) есть только необходимая, тѣсная *основа для обнаруженія* безчисленныхъ явленій и свойствъ, которыя могутъ совсѣмъ быть не проявлены (и не проявляются въ безчисленныхъ индивидуумахъ), но по которымъ единственно мы и узнаемъ и оцѣниваемъ истинную природу человѣка, его внутреннее и глубочайшее существо. *Человѣчность*—это понятіе такъ далеко отходитъ отъ «натуральнаго» состоянія людей, что въ немъ мы не замѣчаемъ для нея еще никакихъ почти задатковъ, видимъ именно только физическую основу, на которой можетъ возрасти это идеальное явленіе. И оно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ шире и шире, дальше и дальше человѣкъ начинаетъ соприкасаться съ природой. Прошедшее интересуетъ его, будущее манитъ его къ себѣ, далекія звѣзды, глубокіе пласты земли—все кажется ему бѣднымъ и скучнымъ, черезъ все это, въ глубокомъ самодовольствѣ, онъ снова и снова пытается перестушить если не мыслью, то воображеніемъ. Никогда, ни на какой степени знанія, онъ не хочетъ повѣрить, что уже «все узналъ»; напротивъ, чѣмъ болѣе онъ узнаетъ—тѣмъ сильнѣе пробуждается

что-то особенное въ немъ и глубокое—отъ сего онъ говоритъ себѣ, что «ничего еще не знаетъ». Такъ по мѣрѣ того, какъ возможное прежде — становится въ немъ дѣйствительнымъ и какъ темныя предчувствія замѣняются яркимъ сознаніемъ, — на мѣстѣ проявленнаго, и еще въ большемъ обиліи пробуждаются новыя темныя влеченія, необъятныя возможности чего-то еще новаго. И чѣмъ далѣе идетъ проявленіе этой скрытой дѣйствительности, чѣмъ болѣе мы видимъ все новыя и новыя явленія,—*недавнія* явленія на *древней* основѣ,—тѣмъ съ большей увѣренностью мы говоримъ объ этой основѣ: «вотъ что́ *содержалось* въ ней, вотъ *каковъ* человѣкъ, вотъ къ чему онъ *способенъ*». Въ противоположность всегдашнимъ пріемамъ своимъ въ обобщеніи, мы не постоянное, не повсюдное въ человѣкѣ считаемъ главнымъ въ немъ, выражающимъ его природу,—не эту жалкую его «двуногость и безкрылость»: но считаемъ главнымъ именно особенное, иногда на мигъ проявляющееся въ немъ, и всегда непремѣнно *личное* (одному лицу принадлежащее). То, что̀ совершилъ Ньютонъ, что̀ почувствовалъ Рафаэль, что̀ выразилъ Бетховенъ—это для опредѣленія человѣка, для понятія о его сущности важнѣе, чѣмъ черный цвѣтъ кожи десятковъ милліоновъ людей; это для самихъ негровъ существеннѣе и ихъ самихъ выражаетъ болѣе, нежели то, что они всѣ рождаются черными.

Такимъ образомъ на самыхъ далекихъ концахъ своихъ, свѣтомъ мерцающихъ звѣздъ, движеніемъ невидимыхъ существъ на узкомъ полѣ микроскопа, глу-

хими преданіями о давно исчезнувшихъ народахъ—природа дѣйствуетъ на человѣка, *возбуждая*, *обнаруживая* его скрытую сущность, но не подавляя, не затирая ее; не низводя ее до уровня своей мертвенности, своего механизма, своей слѣпой и грубой вещественности, но возводя къ высшей идеализаціи. И, между тѣмъ, только «подобнымъ воспринимается подобное», и что не имѣетъ никакого соотношенія съ первозданной природой человѣка, конечно никогда не могло бы и быть воспринято имъ,—какъ ухо до конца не воспринимаетъ свѣта, или глазъ—звука. И, такимъ образомъ, если вся природа дѣйствуетъ на человѣка, если она вся только проявляетъ, выводитъ на свѣтъ его сущность, то не ясно ли, что уже отъ начала со всею этой природою соотносится, и темно взаимодѣйствуетъ essentia hominis; что въ этомъ темномъ взаимодѣйствіи, отъ начала предуставленномъ и въ исторіи только обнаруживаемомъ, и кроется *сущность души человѣческой*, ея *особенность*, ея *единственность въ мірѣ*, наконецъ, ея *великій и святой смыслъ*. Какъ для сферы нѣтъ многихъ центровъ, такъ и для міра въ красотѣ и въ его смыслѣ нужно было только одно средоточіе, гдѣ бы онъ могъ весь отразиться, быть воспринятъ весь: это и есть—человѣкъ.

Несомнѣнно, что съ этою многосторонностью человѣка, его всемірной *связностью*, неотдѣлимо соединена и его физическая *хрупкость:* изъ всѣхъ организованныхъ существъ онъ наболѣе болѣетъ, наименѣе способенъ выносить рѣзкія перемѣны въ окружающей

дѣйствительности. Это отъ того, что изъ всѣхъ живыхъ существъ онъ совмѣщаетъ въ себѣ наибольшее число предѣловъ, что съ разныхъ сторонъ и полно, какъ ни одно изъ нихъ, онъ опредѣленъ, и притомъ непарушимо. Множество физическихъ вліяній, которыя даже не затрогиваютъ собою другія существа, потому что вовсе съ ними не соотносятся, колеблютъ и разрушаютъ жизнь человѣка,—потому что не только соотносятся съ нимъ, но, съ приближеніемъ къ нему, входятъ въ кругъ множества другихъ соотношеній, изъ которыхъ ни одно не должно быть нарушено. Изъ всего въ природѣ онъ выраженъ въ наибольшемъ числѣ опредѣленій: поэтому существованіе его наиболѣе въ ней стѣснено, сужено, и наибольшимъ же числомъ причинъ нарушимо; хотя отъ того же онъ и наиболѣе совершененъ, а слѣдовательно предусмотрѣніемъ своимъ властенъ надъ самыми причинами.

II.

Среди аналитическихъ разсужденій, проводящихъ границу между мертвымъ и органическимъ, между органическимъ только и одухотвореннымъ, г. Страховъ бросаетъ освѣщающія мысли въ обѣ стороны—въ міръ нравственныхъ движеній человѣка и въ наиболѣе темный для разумѣнія міръ безжизненнаго вещества. Этому послѣднему посвящена вся вторая половина его книги, гдѣ разсматривается древній атомизмъ и новѣйшее ученіе объ элементахъ въ химіи, теорія физическихъ силъ и законъ сохраненія

энергіи [1]). Среди многаго интереснаго, что здѣсь высказано имъ, отмѣтимъ указанія на коренную причину образованія матеріализма.

Эта причина,—говоритъ нашъ авторъ,—кроется въ преобладающей способности большинства человѣческихъ умовъ къ *представленіямъ* только, а не къ *понятіямъ*; въ силу чего *механизмъ* въ отношеніяхъ всѣхъ предметовъ, распаденіе всѣхъ предметовъ на вѣчные, неизмѣняемые *атомы* — есть единственная *форма, подъ которою непреодолимо является ихъ созерцанію цѣлая природа.* И механика—*представленіе*, образъ, и атомъ—тоже *представленіе* и образъ: вотъ въ чемъ дѣло и вотъ гдѣ причина торжествующихъ механическихъ ученій. «Что̀ непредставимо, того не существуетъ»—это есть первая аксіома, изъ-подъ видимой очевидности которой не могутъ выбиться матеріалисты, разлагающіе лишь *на представимое* всякій актъ въ природѣ, всякую дѣятельность въ ней, ея жизнь, ея неуловимыя внутреннія отношенія. «Вещество», «атомъ», «бытіе», но непремѣнно неподвижное и ограниченное, что можно было бы выдѣлить передъ собою, поставить передъ своимъ умомъ, и столь же отдѣлимое отъ всего и достушное воображенію «движеніе»—вотъ два основныя начала, съ помощью которыхъ матеріалистъ объясняетъ невольно

[1]) Глава о законѣ сохраненія энергіи, весьма любопытная по истолкованію его смысла и историческаго происхожденія, появилась первоначально въ шестой книгѣ «Вопросовъ философіи и психологіи» за 1891 г. и составляетъ цѣнное прибавленіе ко второму изданію книги «Міръ, какъ цѣлое».

для себя и своего ума всю природу [1]) безъ исключенія. Между тѣмъ область дѣйствительнаго обширнѣе сферы представимаго, и даже, прибавимъ, она шире сферы только мыслимаго. Никакъ нельзя *представить* себѣ радость, т.-е. какъ чисто душевный актъ, не какъ лицо только или движеніе радующагося человѣка; и то же должны мы сказать о всякомъ подобномъ душевномъ состояніи; и, между тѣмъ, оно *дѣйствуетъ*, является источникомъ поступковъ, родникомъ поэтическаго или художественнаго вдохновенія, къ которому примѣнивъ терминъ «механически дѣйствующей причины»—мы грубо ошиблись бы. Вообще какъ представимо только количественное, *имѣющее какую-нибудь мѣру*, такъ и мыслимо только опредѣлимое *въ самой своей сущности*: а между тѣмъ природа полна еще и качественнаго, и среди послѣдняго есть много даже такого, что̀ опредѣлимо лишь косвенно: черезъ указаніе вытекающихъ изъ него послѣдствій, или порождающихъ причинъ, или какихъ-нибудь неизмѣнно сопутствующихъ обстоятельствъ, но отнюдь не въ природѣ своей. Такъ и чувство радости, конечно, можетъ быть опредѣлено какъ «душевное состояніе, которое человѣкъ ищетъ и достигнувъ котораго—стремится его продолжить», или еще какъ-нибудь иначе; но ясно, что во всякомъ подобномъ опредѣленіи сущность этого акта вовсе не будетъ выражена, хотя бы этотъ актъ и былъ въ немъ *отличенъ* отъ всего другаго, указанъ.

---

[1]) Уже Декартъ пытался свести всю природу къ протяженности, и въ ней—къ фигурамъ, ихъ положенію и численнымъ отношеніямъ.

Матеріализмъ, оперирующій только съ представимымъ, достаточенъ и совершенъ *какъ методъ объясненія* нѣкоторой части природы, именно всей той, которая видима, ощутима, которая всюду и постоянно передъ глазами всѣхъ. Но когда изъ частнаго метода онъ пытается стать философіей всей природы, онъ впадаетъ въ такую же ошибку, въ какую впалъ бы математикъ, задумавшій отвергнуть алгебру на томъ основаніи, что мнимыя величины, отрицательные и дробные показатели не покрываютъ собою ничего реальнаго, совершенно непредставимы и лишь условно мыслимы.

III.

Сверхъ множества подобныхъ методическихъ разъясненій, невольно воспитывающихъ мысль читателя къ осторожности въ заключеніяхъ, въ книгѣ г. Страхова есть и положительныя теоріи, которыя приближаютъ познаніе природы къ тому идеалу *совершенной понятности*, о какомъ мы упомянули выше какъ о конечной задачѣ философіи. На двухъ подобныхъ теоріяхъ мы хотѣли бы остановить вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что предметъ ихъ до такой степени теменъ, что съ перваго взгляда кажется, что для него не можетъ быть никакого объясненія и онъ долженъ быть принятъ какъ только *фактъ*.

Кто не удивлялся формамъ кристалловъ, которыя принимаютъ минеральныя вещества всякій разъ, когда имъ дается полная свобода сложиться безъ влія-

нія какихъ-либо побочныхъ, препятствующихъ обстоятельствъ. Въ массѣ воды мутный растворъ, отлагаясь частица за частицей, не водимый ничьей рукой, не управляемый линейкой и циркулемъ, слагается въ правильныя геометрическія формы, какія могъ бы вывести только самый искусный чертежникъ. Чрезвычайно разнообразны бываютъ эти формы, и особый отдѣлъ минералогіи, кристаллографія, тщательно описываетъ ихъ, классифицируетъ и располагаетъ въ системы. Но есть одно общее во всѣхъ этихъ формахъ, это—то̀, что онѣ всѣ образованы изъ системы *плоскостей* и *угловъ*, и притомъ симметрически расположенныхъ [1]). Правильность, т.-е. прямолинейность всѣхъ этихъ плоскостей и угловъ, превосходитъ всякое искусство человѣка, и также всѣ приближенія къ ней въ остальной природѣ: — она безусловно строга, это плоскости и углы—чисто геометрическіе.

Явленіе столь постоянное въ наружномъ видѣ минераловъ не могло быть внѣ связи съ чѣмъ-либо постояннымъ же и всеобщимъ въ самомъ ихъ существѣ, въ ихъ содержаніи. И вотъ какимъ образомъ нашъ авторъ изъ необходимости этой связи исходитъ къ объясненію интересующаго явленія:

---

[1]) Въ «Лекціяхъ по минералогіи» академика Кокшарова упоминается, впрочемъ, но только объ *одной* кристаллической формѣ какого-то интереснаго минерала, *ограниченной кривыми поверхностями*. «Ихъ кривизна»—замѣчаетъ онъ—«столь правильна, что рождается невольно мысль о ея вычисленіи».

«Легко замѣтить прежде всего, что плоскость есть *простѣйшая* [1]) изъ всѣхъ поверхностей, какія возможны. Но въ чемъ состоитъ ея простота, и какое значеніе она имѣетъ для самаго минерала?»

«Во-первыхъ, части плоскости ничѣмъ не отличаются между собою; это показываетъ, что части кристалла, которыя ими ограничиваются, точно также ничѣмъ не различаются,—что онѣ совершенно однородны на всемъ протяженіи плоскости. Совершенно подобнымъ образомъ капля воды представляетъ однородную шарообразную поверхность; и, хотя бы капля состояла изъ различныхъ веществъ (земля и всѣ небесныя тѣла тоже суть почти совершенныя капли), для того, чтобы она была вполнѣ шарообразна, необходимо, чтобы ея части, прилегающія къ поверхности, были дѣйствительно вполнѣ однородны».

«Но плоскость имѣетъ наибольшую простоту еще въ другомъ отношеніи. Обѣ стороны плоскости—одинаковы. У шарообразной поверхности одна сторона выпуклая, другая вогнутая; *у плоскости, и только у одной плоскости, обѣ стороны ничѣмъ не отличаются.*

---

[1]) Для новичка-любителя форма правильнаго кристалла можетъ показаться *искуснѣйшею* сравнительно съ формою напр. комка глины, а эта послѣдняя, поэтому, болѣе простой. Но въ дѣйствительности, для размышляющаго ума, всякая неправильная, случайная форма, какъ напр. комка чего-нибудь, есть неизмѣримо болѣе сложная и трудная для пониманія, нежели какая бы то ни было правильная форма; такъ что только этими послѣдними, *по извѣстному закону образованными и отъ него не отступающими* формами, геометрія и въ спѣхъ заниматься.

Отсюда выводимъ, что *эта поверхность имѣетъ совершенно одинаковое отношеніе къ самому кристаллу и къ тому, что внѣ кристалла. Ограничивая* кристаллъ, *она* просто *только отдѣляетъ его отъ всего остальнаго*, тогда какъ *всякая другая* поверхность представляетъ не только ограниченіе, но и *особенное* ограниченіе. Такъ, даже простѣйшая изъ неплоскихъ поверхностей, именно шарообразная, уже представляетъ особенное ограниченіе; *потому что мы всегда въ правѣ предложить себѣ вопросъ: почему она обращена внутрь тѣла вогнутою стороною, а снаружи выпуклою?»*.

«Отдѣлять *особеннымъ образомъ* внѣшнее отъ внутренняго, очевидно, можно только на основаніи какого-нибудь особеннаго отношенія между внѣшнимъ и внутреннимъ; напримѣръ, если предметъ имѣетъ форму шара, то, во-первыхъ, это указываетъ на *одинаковыя* отношенія со всѣхъ сторонъ. Круглая форма капли дѣйствительно зависитъ отъ того, что частицы жидкости въ ней слѣдуютъ только собственному притяженію и не подчиняются ни съ какой стороны внѣшнему вліянію. Во-вторыхъ,—тò, что поверхность обращена внутрь вогнутою стороною, указываетъ на стремленіе всѣхъ частицъ капли *снаружи внутрь*, на ихъ взаимное притяженіе по прямой линіи,—чѣмъ и опредѣляется и исчерпывается форма капли. Если та же поверхность будетъ имѣть обратное положеніе, напримѣръ въ шарообразной *вогнутой* чашечкѣ цвѣтка, то это будетъ указывать на другое отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мы можемъ спро-

сить: куда цвѣтокъ обращенъ отверстіемъ? Извѣстно, что большею частью цвѣтки обращены кверху, или,— если обобщимъ разныя положенія цвѣтковъ,—*кнаружи* отъ растенія, на которомъ сидятъ. Такое положеніе необходимо должно имѣть значеніе для самой жизни цвѣтка (оплодотвореніе)».

«*Такимъ образомъ мы видимъ, что поверхность кристалловъ показываетъ отсутствіе всякихъ отношеній къ тому, что ихъ окружаетъ*».

«Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся дальнѣйшимъ разсмотрѣніемъ. Если отношеніе между внѣшнимъ міромъ и предметомъ имѣетъ большое значеніе для предмета, то онъ необходимо представляетъ внутреннее раздѣленіе, именно: въ немъ можно различить *наружныя* и *внутреннія* части. Такъ, у всѣхъ организмовъ наружныя части, какъ взаимодѣйствующія съ внѣшнимъ міромъ, отличаются отъ внутреннихъ. Такъ и простѣйшій организмъ, клѣточка, представляетъ внутреннее содержимое и оболочку, которая устанавливаетъ извѣстныя отношенія между нимъ и веществами, окружающими эту клѣточку».

«Ничего подобнаго нѣтъ у кристалла. Кристаллы однородны во всей массѣ; въ нихъ нѣтъ ничего *центральнаго* или *внутренняго*, что́ бы отличалось отъ наружнаго. Отсюда объясняется второй законъ кристаллическихъ формъ, т.-е. *параллелизмъ соотвѣтствующихъ плоскостей*. Положимъ, съ какой-нибудь стороны кристаллъ ограниченъ плоскостью, имѣющею извѣстное направленіе. Такъ какъ *вся масса кристалла одинакова*, то она *въ каждой точкѣ способна*

принять это самое ограниченіе; въ каждой точкѣ можетъ образоваться плоскость, идущая по тому же направленію. Слѣдовательно, *на другой сторонѣ* кристалла, гдѣ онъ долженъ кончиться и принять *какую-нибудь* поверхность, непремѣнно явится плоскость, имѣющая *то же самое направленіе*. Такимъ образомъ, *параллельность плоскостей кристалла объясняется совершенною однородностью его массы*».

«Я сказалъ—*гдѣ онъ долженъ кончиться*; но, собственно говоря, кристаллъ не имѣетъ никакой причины, почему бы онъ кончился здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. И въ самомъ дѣлѣ, кристаллы оканчиваются всегда случайно, т.-е. *гдѣ-нибудь*. Отъ этого происходитъ, что величина кристалла и его размѣры по разнымъ направленіямъ никогда не бываютъ опредѣленные. Болѣе или менѣе опредѣленная величина свойственна животнымъ и растеніямъ; минералы же способны давать самые разнообразные кристаллы, отъ микроскопическихъ до сажепныхъ».

«Точно также, разстояніе между каждыми двумя параллельными плоскостями кристалла можетъ быть какое угодно. Оттого-то кристаллы почти никогда не имѣютъ совершенно правильной формы. Мы говорили, что соль кристаллизуется въ кубахъ; представьте же себѣ, что разстояніе между каждыми двумя противоположными сторонами этихъ кристалловъ можетъ быть какое угодно; тогда вмѣсто кубовъ могутъ образоваться четыреграпные прямоугольные столбики, или же плоскія таблицы».

«Мы сказали, что масса кристалла въ каждой точкѣ способна принять то ограниченіе, которое она имѣетъ снаружи. Это подтверждается удивительнымъ явленіемъ *листопрохожденія*. Многіе кристаллы очень легко дѣлятся по плоскостямъ, параллельнымъ ихъ гранямъ,—*листятся* по этимъ направленіямъ. Обыкновенно, объ этомъ говорятъ какъ объ *строеніи* кристалловъ, именно утверждаютъ, что кристаллы состоятъ изъ *слоевъ*. Но чѣмъ совершеннѣе кристаллъ и его листопрохожденіе, тѣмъ онъ ближе къ тому, что можетъ раздѣлиться въ *каждой* точкѣ, какую бы мы ни взяли; такова, напримѣръ, *слюда*. Слѣдовательно, всякіе *замѣтные* слои суть только несовершенство кристалла, происходятъ отъ неправильнаго, неравномѣрнаго его образованія, отъ перерывовъ при кристаллизаціи. Слоевъ—безчисленное число, точно такъ, какъ безчисленное число *частицъ* въ каждомъ тѣлѣ. Это значитъ, что и слои, и частицы существуютъ только въ возможности, а не въ дѣйствительности».

«Такимъ образомъ, мы видимъ, что форма кристалла выражаетъ собою его внутреннюю сущность» [1]).

Вотъ то, что можно назвать истиннымъ мастерствомъ философскаго объясненія. Здѣсь строго конкретный, наблюдаемый фактъ становится не только *ясенъ* для нашего ума, но и *внутренне необходимъ для нашего понятія путемъ связанія его съ самой идеей* минеральнаго вещества, какъ абсолютно *инерт-*

[1]) «Міръ какъ цѣлое», стр. 149—153.

наго, ко всему безразличнаго, не имѣющаго никакихъ внѣшнихъ отношеній и никакихъ же внутреннихъ, кромѣ химической своей структуры. Безъ сомнѣнія, только нахожденіе этого объясненія въ книгѣ, философской по содержанію, а не спеціально посвященной минералогіи, мѣшало до сихъ поръ ему перейти, какъ общему введенію къ ученію о кристаллическихъ формахъ, во всѣ курсы по кристаллографіи. Каждый спеціалистъ, ставъ на точку зрѣнія, здѣсь установленную, могъ бы произвести дальнѣйшія прекрасныя изслѣдованія, напр. о томъ, почему всякій данный минералъ, опредѣленной химической сложности, кристаллизуется въ опредѣленное же число формъ? нѣтъ ли связи между этими формами какъ производными отъ формы каждаго вещества порознь, входящаго въ минералъ? есть ли возможность физическаго перехода всѣхъ формъ другъ въ друга, разъ онѣ присущи одному и тому же минералу? и пр.

IV.

Форма вообще есть *ограниченіе* каждой вещи, *отдѣленіе* ея отъ окружающаго,— и, слѣдовательно, *обособленіе* отъ него; поэтому, именно изъ отношенія вещи къ окружающему мы должны стремиться уразумѣть смыслъ ея формы.

Въ противоположность безразличію кристалловъ ко всѣмъ направленіямъ, въ растеніяхъ—и это безъ какого-либо исключенія—всегда есть двѣ совершенно неодинаковыя стороны: *верхняя*, образованная од-

нимъ способомъ, и *нижняя*, имѣющая совсѣмъ другой видъ. Это зависитъ отъ двоякаго отношенія ихъ: къ *атмосферѣ* и къ *землѣ*. Во всѣхъ остальныхъ направленіяхъ окружающія растеніе условія одинаковы, и одинакова отовсюду его форма: въ отличіе отъ животныхъ, оно не имѣетъ передней стороны и задней, лѣвой и правой. Но даже лишаи, простѣйшіе изъ растительныхъ организмовъ, являющіеся въ видѣ круглыхъ зеленыхъ пятенъ на камняхъ и корѣ деревьевъ, имѣютъ различными эти стороны: верхнюю, обращенную къ атмосферѣ и солнцу, и нижнюю, обращенную къ питающей ихъ основѣ.

Далѣе, *круглый видъ* лишайнаго ли пятна, или древеснаго *ствола* зависитъ отъ этой самой одинаковости въ отношеніи растенія ко всѣмъ боковымъ условіямъ: нѣтъ причины, почему бы въ одну сторону оно наростало болѣе, нежели въ другую, и, не наростая никуда по преимуществу, его слои естественно располагаются около сердцевины, какъ ея окружности. Но, сверхъ круглоты своей, всякій стволъ имѣетъ еще и ту особенность, что онъ *вытянутъ*, т.-е. образуетъ *цилиндръ*. Стволъ есть сѣдалище вѣтвей и листьевъ, и только при этой вытянутой, цилиндрической его формѣ, послѣдніе могутъ *размѣститься* на немъ свободно и свободно же могутъ обвѣваться воздухомъ и освѣщаться солнцемъ: а отношеніемъ къ нимъ растенія опредѣлена форма его верхней половины.

Та же причина, которая вытягиваетъ стволъ, вытягиваетъ и развѣтвляетъ сидящіе на немъ сучья:

только при этомъ расположеніи, не кучась въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, они могутъ наилучшимъ образомъ разставить по отношенію къ свѣту и атмосферѣ прикрѣпленные къ нимъ листья, въ потребности которыхъ, какъ органовъ взаимодѣйствія съ воздухомъ и солнечными лучами, и лежитъ основаніе всего устройства дерева. Но и этого еще недостаточно: каждый листъ сидитъ на длинномъ и тонкомъ стебелькѣ, и черезъ это удаленъ какъ отъ сука древеснаго, такъ и отъ другихъ листьевъ: онъ купается въ необходимомъ ему воздухѣ и свѣтѣ, качаясь и дрожа при малѣйшемъ движеніи вѣтра.

Все тѣмъ же отношеніемъ опредѣляется и форма самаго листа: онъ плосокъ и топокъ, онъ часто прихотливо разрѣзанъ по краямъ,—наконецъ, онъ не можетъ свернуться и закрыть однѣми своими частями другую отъ проходящихъ по нему упругихъ жилокъ:— т.-е. имѣетъ въ себѣ всѣ, и притомъ всюду и всякимъ образомъ выраженныя, условія для наибольшаго соприкосновенія съ воздухомъ и свѣтомъ. Къ солнцу, къ теплу, къ эѳирной обвѣвающей его стихіи растеніе какъ бы вывернуто всѣмъ существомъ своимъ, въ противоположность свернутому внутрь животному; оно все наружу, обнажено—въ стеблѣ, въ листьяхъ, въ цвѣткѣ своемъ, сосредоточивая на поверхности своей всю жизнь и смыслъ свой, облекшись какъ покровомъ своей особенной, дремлющей, взаимодѣйствующей съ солнцемъ, нервной тканью.

Собственно, съ землею взаимодѣйствія растенія тѣ же; но, имѣя плоскую и широкую поверхность,

какъ листья, корни не могли бы внѣдряться въ нее и расходиться; поэтому, вѣтвясь, какъ и наверху, растеніе внизу имѣетъ тонкія и длинныя нити цилиндрической формы, которыми легко пробирается въ землѣ къ питающимъ его веществамъ.

Такимъ образомъ въ растеніяхъ *общая* и *постоянная* форма также строго связана съ ихъ отношеніемъ къ наружнымъ условіямъ, какъ у минераловъ она связана съ ихъ безотносительностью къ этимъ условіямъ. На этомъ общемъ, *разнообразя* его, но *не нарушая*, развивается все обиліе родовыхъ и видовыхъ растительныхъ формъ.

Общее, чѣмъ отличаются животныя отъ растеній, есть *ощущеніе*, т.-е. способность *различать* внѣшнія впечатлѣнія, воспринимая одни изъ нихъ какъ *пріятныя* и другія—какъ *непріятныя*. Уже изъ различія этого съ необходимостью вытекаетъ, что всѣ животныя, безъ какого-либо исключенія, одарены *произволомъ*, какъ внутреннимъ стремленіемъ избѣгать непріятныхъ впечатлѣній и искать пріятныхъ: удаленіе и приближеніе есть только дѣятельное выраженіе двухъ качественныхъ различеній, о которыхъ мы сказали, что они прежде всего входятъ въ понятіе животнаго организма.

Внѣшнимъ образомъ это внутреннее стремленіе выражается въ передвиженіи—или всего своего тѣла, какъ у большинства животныхъ, или какой-нибудь его части, какъ напр. у коралловыхъ полиповъ и нѣкоторыхъ другихъ. *Самопроизвольное движеніе*

обычно и входитъ въ первичное опредѣленіе животныхъ, хотя въ дѣйствительности оно составляетъ уже третичное качество ихъ (ощущеніе—воля—движеніе). Къ этой потребности, черезъ которую внутреннія, субъективныя отличія животнаго уже выражаются извнѣ, приспособленъ ихъ внѣшній видъ: все тѣло свернуто въ болѣе или менѣе *овальную форму*, и съужено въ направленіи, по которому происходитъ движеніе, вовсе не представляя этой съуженности въ той части, которая обращена назадъ. Отсюда получается различіе между *переднею* стороною и *заднею* въ устройствѣ, и къ этому различію у высшихъ животныхъ прибавляется еще и другое: передвигаясь, животное *ищетъ* потребное ему,—и все, при помощи чего оно ищетъ, расположено на передней именно части—зрѣніе, слухъ, обоняніе, всѣ способности различенія и ощущенія. Далѣе, *верхняя* и *нижняя* части ихъ тѣла также различны: верхняя спина, обращенная къ солнцу, всегда бываетъ ярче окрашена, но затѣмъ она бываетъ только закрыта, защищена; напротивъ, нижняя (грудь и брюхо), обращенная къ землѣ, по которой совершается движеніе, имѣетъ на себѣ органы передвиженія. Разнообразіе этихъ органовъ приспособлено къ особенностямъ среды, въ которой происходитъ движеніе: у наземныхъ животныхъ это ноги, у рыбъ—плавательныя перья, имъ соотвѣтствующія, у птицъ—крылья, соотвѣтствующія двумъ переднимъ конечностямъ наземныхъ животныхъ, при сохраненіи у двухъ заднихъ конечностей формы, необходимой для передвиженія ихъ и по землѣ.

Что касается до *боковыхъ сторонъ*, т.-е. правой и лѣвой, то здѣсь всѣ окружающія условія одинаковы для животнаго, и поэтому одинаковы эти стороны у нихъ. Но, сверхъ этого, для удобства движенія, для самой возможности его, эти стороны должны быть *симметричны*: иначе животное перевѣшивалось бы на одинъ бокъ и при быстромъ движеніи падало бы. Мы и видимъ, дѣйствительно, что лѣвая и правая стороны животнаго расположены въ строгомъ соотвѣтствіи другъ другу около оси его движенія. Исключеніе, и лишь незначительное, составляютъ очень медленно движущіяся животныя, какъ напр. улитка съ раковиной, завернутой въ одну сторону.

Число конечностей соотвѣтствуетъ потребности наибольшей быстроты и легкости передвиженія: три точки опоры необходимы для устойчивости всякаго предмета, но если онъ удлиненъ (какъ корпусъ животнаго)—ихъ должно быть четыре, расположенныхъ по двѣ съ боковой передней и задней стороны. Такъ именно и расположены ноги у всѣхъ наземныхъ животныхъ. Увеличеніе числа ихъ до 6 (насѣкомыя), 8 (пауки) и 10 (раки), встрѣчающееся у животныхъ небольшихъ, не представляетъ какой-либо выгоды для движенія, и животнымъ массивнымъ положительно мѣшало бы при ходьбѣ и бѣганьи. Напротивъ, уменьшеніе органовъ движенія, какъ мы встрѣчаемъ у одного только человѣка, имѣетъ въ себѣ замѣчательныя особенности и преимущества. Въ силу этого уменьшенія его тѣло получило подвижность и свободу, *незанятость* всей своей главной части при ка-

ждомъ положеніи,—что̀ открыло возможность самой разнообразной для него дѣятельности. Въ устройствѣ тѣла его удивительнымъ образомъ соединено устойчивое и неустойчивое равновѣсіе: собственно, какъ предметъ, имѣющій центръ тяжести *выше* точки опоры, и этихъ опоръ только *двѣ*,—онъ не устойчивъ въ равновѣсіи; и лишь отъ того, что въ каждой изъ точекъ опоръ, черезъ особое устройство ступни, заключены собственно три, расположенныя близко другъ къ другу опоры, онъ не падаетъ даже и на одной ногѣ: этими тремя точками служатъ пятка и правый и лѣвый передніе углы ступни. Отъ этого, стоя на обѣихъ ногахъ, но опираясь лишь пятками ихъ, человѣкъ неудержимо падаетъ впередъ или назадъ; стоя на полной ступнѣ одной ноги, онъ удерживается въ равновѣсіи; на обѣихъ ногахъ онъ уже совершенно твердъ, хотя и способенъ упасть, къ чему, напр., совершенно неспособна кошка, собака; но зато, при этой слабой устойчивости, онъ можетъ придать своимъ движеніямъ легкость, красоту и разнообразіе, какихъ не можетъ придать ни одно животное (пляска, танцы).

Далѣе, переходя отъ внѣшняго строенія тѣла животныхъ къ устройству ихъ внутреннихъ органовъ, мы видимъ, какъ и оно вытекло необходимо изъ главной ихъ особенности: ощущенія и связаннаго съ нимъ передвиженія. Въ силу небольшаго объема ихъ тѣла, какъ бы свернутаго въ видахъ передвиженія, у нихъ взаимодѣйствіе съ воздухомъ черезъ поверхность тѣла (какъ у растеній) было бы недостаточно. И вотъ, для

удовлетворенія ея, образованы у нихъ *легкія*, эти обращенныя внутрь, книзу листвой, деревца, висящія на общемъ стволѣ дыхательнаго горла. Въ нихъ, какъ и въ жабрахъ рыбъ, разрѣшена задача: на небольшомъ, возможно, пространствѣ размѣстить наибольшую, по возможности, поверхность соприкосновенія съ воздухомъ. Ритмическія движенія грудной клѣтки, которыми вбирается и выгоняется изъ легкихъ воздухъ, для животнаго возможны уже, какъ для одареннаго способностью самодвиженія. Такимъ образомъ избытокъ въ опредѣленіи сущности животнаго воспособляетъ нѣкоторый недостатокъ въ опредѣленіи у него одной функціи; такъ какъ при устройствѣ легкихъ, но безъ движенія, возможно лишь соприкосновеніе съ воздухомъ, всегда однимъ и тѣмъ же, но не *обвѣваніе* имъ, какъ у растеній, которое именно и необходимо для жизни организма.

Наконецъ, при передвиженіи не можетъ быть у животнаго того же отношенія къ питающимъ веществамъ, какое есть у растенія: оно не можетъ быть непрерывнымъ въ силу необходимости иногда удаленія отъ мѣста, гдѣ эти вещества находятся; и, между тѣмъ, для поддержанія жизни въ организмѣ, питаніе не можетъ останавливаться. Соединеніе этихъ двухъ, взаимно исключающихъ, условій мы и находимъ въ устройствѣ *желудка*: въ немъ животное *носитъ* съ собою пищу, однажды набранную въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ нужно было въ моментъ набиранія,— и тамъ, внутри его, и уже независимо отъ окружающихъ условій, происходитъ непрерывное ея усвоеніе

организмомъ, какъ у растенія оно непрерывно при помощи корней, внѣдренныхъ въ землю. Внѣшніе органы питанія, устройство рта и зубовъ—все это приспособлено къ необходимости быстраго и обильнаго ея вбиранія въ короткій срокъ.

Для того, чтобы обновленіе организма черезъ принятую пищу совершалось на всемъ его протяженіи и непрерывно, необходимо, чтобы во всѣ его части непрерывно разносились ея частицы: отсюда вытекаетъ устройство кровеносной системы, этой сѣти всюду проникающихъ каналовъ, по которымъ гонится кровь біеніями сердца и разноситъ съ собою кислородъ и питающія вещества, сосредоточенныя—одинъ въ легкихъ, другія—въ пищевой системѣ.

V.

Повсюду мы видимъ, такимъ образомъ, что организація живыхъ существъ строго отвѣчаетъ условіямъ ихъ внѣшняго существованія; и, зная эти условія, мы почти построяемъ своимъ умомъ ихъ организацію, предвидимъ, какою она не можетъ быть и какою должна стать. Наблюдаемое въ природѣ такъ точно отвѣчаетъ умственно требуемому, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что соотвѣтствовало же нѣкоторымъ умственнымъ требованіямъ и тогда, когда возникало. Возрастаніе взаимодѣйствій съ внѣшнимъ міромъ есть, повидимому, основная задача, развиваемая въ органическомъ мірѣ,—взаимодѣйствій, т. е. нѣкоторой *дѣятельности*, какъ противоположности

неподвижному *бытію*. Вещество, косное и темное, ко всему безотносительное—вотъ одинъ полюсъ міра, вотъ начало всякой космогоніи, какую мы способны себѣ представить. На *этомъ* полюсѣ еще не можетъ быть взаимнаго притяженія частей, потому что притягиваться—это уже значитъ чувствовать другъ друга, быть не безразличнымъ къ окружающему; еще менѣе можетъ осуществляться здѣсь соединеніе веществъ въ опредѣленныхъ пропорціяхъ для образованія тѣлъ, потому что оно предполагаетъ уже извѣстныя градаціи и различія во взаимномъ ощущеніи [1]). Какъ всемірное тяготѣніе, такъ и частичное сродство—уже моменты въ процессѣ образованія міра, но не моментъ, этому процессу предшествующій, не его исходная точка. Въ противоположность этому всебезразличному бытію, на другомъ полюсѣ міра намъ предстоитъ представить себѣ чистую *дѣятельность*, какъ отрицаніе косности и безразличія; и какъ тамъ бытіе не сопровождалось никакой дѣятельностью, такъ здѣсь, мы можемъ ожидать, дѣятельность не сопровождается никакимъ бытіемъ, какъ своей основой. Нѣкоторое подобіе такой дѣятельности мы наблюдаемъ въ умѣ че-

[1]) Какъ само собою разумѣется, здѣсь и рѣчи не можетъ быть объ *ощущеніи*, о *чувствѣ* въ томъ смыслѣ, какъ это явленіе существуетъ для животнаго. Но несомнѣнно, что, въ моментъ соприкосновенія двухъ взаимно соединяющихся тѣлъ, каждое ихъ нихъ *испытываетъ* въ себѣ нѣчто, чего оно вовсе не испытываетъ при близости къ тѣлу, къ которому индиферентно. Только эту неиндиферентность, чисто внутреннюю, до самого соединенія, и соединеніе производящую мы и имѣемъ здѣсь въ виду.

ловѣка, матеріальная основа у котораго, конечно, есть, но она уже слабо уловима въ своей связи съ нимъ; напротивъ, его дѣятельность, при этой незначительной основѣ, почти безгранична по своей разнообразности, объему, напряженію,—въ особенности, если мы сравнимъ ее съ «дѣятельностью» массивныхъ тѣлъ природы, которыя только взаимно притягиваются.

Между этими полюсами движется *міровой процессъ*, въ которомъ дѣятельность мало-по-малу превозмогаетъ косность. Каждый видъ существъ представляетъ собою какую-нибудь степень этого превозмоганія—меньшую, если онъ стоитъ ближе къ его началу, бо́льшую—если онъ ближе къ его завершенію. Какъ синтезъ противоположныхъ, взаимно борющихся началъ, каждый видъ существъ непостоянен въ своемъ бытіи; но, разрушаясь, онъ переходитъ неизмѣнно въ высшій видъ, потому что именно превозмоганіе дѣятельности надъ бытіемъ составляетъ сущность мірового процесса. Только въ разрушеніи индивидуальныхъ существъ, въ смерти, наблюдаемъ обратное паденіе къ косности, возвращеніе вещества, связаннаго дѣятельностью, къ свободному и болѣе элементарному прежнему состоянію.

VI.

Дѣятельность и взаимное отношеніе съ окружающимъ мірозданіемъ въ *человѣкѣ* доведена уже до возможнаго своего предѣла, непереступаемаго для животной организаціи. Интересно, какъ это подтвер-

ждается, между прочимъ, устройствомъ его органовъ чувствъ. Эти органы суть орудія общенія человѣка съ міромъ, и еслибы оно могло еще расшириться,—это могло бы произойти не иначе, какъ черезъ расширеніе именно этихъ органовъ, т. е. черезъ прибавленіе къ тѣмъ пяти, какими обладаетъ человѣкъ, еще шестого или седьмого. Въ разное время многіе мыслители и дѣйствительно предполагали возможность такого расширенія способности ощущенія,—если не для человѣка, то для нѣкоторыхъ подобій его, населяющихъ другіе міры. Предположенія о жителяхъ планетъ, организованныхъ то выше, то ниже человѣка, и въ первомъ случаѣ одаренныхъ болѣе обильными органами чувствъ, а въ силу этого и понимающихъ міръ совершеннѣе, чѣмъ мы его понимаемъ,—вытекаютъ именно изъ такихъ соображеній. Имена Кеплера, Гюйгенса, Вольтера, Лапласа, Огюста Конта—вписаны въ исторію подобныхъ попытокъ перенестись воображеніемъ на другіе міры, посмотрѣть хоть въ мечтѣ своей на то, что̀ тамъ есть, и, сообразно всегдашней натурѣ человѣка, представить нѣчто неизмѣримо лучшее, чѣмъ что мы знаемъ или чѣмъ владѣемъ на нашей землѣ, которую мы такъ мало—гораздо менѣе, чѣмъ должны бы—любимъ.

Возможность разрѣшить этотъ вопросъ, безъ какого-либо дѣйствительнаго общенія съ другими мірами, для всякаго показалась бы мало правдоподобной. И, между тѣмъ, рядомъ остроумныхъ соображеній г. Страховъ показываетъ, какъ *въ пяти чувствахъ*, которыми одаренъ человѣкъ, *уже положенъ предѣлъ вообще всякаго общенія съ міромъ*.

Чувства, какъ орудія общенія субъекта съ объектомъ (человѣка или кого другого съ внѣшней природой), могутъ быть трехъ родовъ: или только *субъективныя*, или *субъективно-объективныя*, или только *объективныя*. Ясно, что кромѣ этихъ трехъ видовъ отношенія между субъектомъ и объектомъ никакого четвертаго еще не можетъ быть; и всѣ они уже осуществлены въ чувствахъ человѣка.

И въ самомъ дѣлѣ, *вкусъ* и *обоняніе* суть чувства совершенно субъективныя, такъ какъ въ нихъ выражаются лишь *наши собственныя внутреннія состоянія*, а не какія-либо дѣйствительныя качества внѣшнихъ вещей. Горькое или ароматное—не горько и не ароматно, пока впѣ насъ; тамъ—это просто вещества, тяжелыя или легкія, несоединимыя или соединимыя, но въ этомъ соединеніи не горькія и не ароматныя другъ для друга. Сверхъ этихъ двухъ чувствъ, у человѣка есть еще множество внутреннихъ ощущеній, напр. возбужденности, усталости, какой-нибудь боли; но въ отношеніи къ внѣшнему міру, для связи съ нимъ, есть только эти два. Интересно, что они соотвѣтствуютъ двумъ *состояніямъ* тѣлъ, въ какомъ послѣднія единственно могутъ дѣйствовать другъ на друга, какъ извѣстныя вещества, составы,—и въ какомъ, конечно, могутъ единственно дѣйствовать на человѣка: органъ вкуса соотвѣтствуетъ *жидкому* состоянію тѣлъ, органъ обоняніе соотвѣтствуетъ *газообразному* состоянію тѣлъ. Есть еще третье, *твердое*, которое или переходитъ въ жидкое подъ вліяніемъ слюны для одних тѣлъ, и тогда они дѣйствуютъ на вкусъ, или не

переходитъ въ это состояніе для другихъ тѣлъ, и тогда они вовсе не дѣйствуютъ на человѣка и не могутъ дѣйствовать. И въ самомъ дѣлѣ, только въ растворѣ или какъ газы тѣла дѣйствуютъ другъ на друга составомъ, corpora non agunt nisi soluta—это аксіома въ химіи. Два субъективныя чувства человѣка и имѣютъ отношеніе къ субъективному же, исключительно внутреннему содержанію тѣлъ—или положительное, указывая ихъ пользу для него, или отрицательное, предупреждая объ ихъ вредѣ. Нѣтъ третьяго состоянія, въ которомъ тѣла также дѣйствовали бы своимъ составомъ, и слѣдовательно не можетъ быть третьяго органа чувствъ, аналогичнаго обонянію и вкусу.

Посмотримъ, однако, не можетъ ли быть дальнѣйшаго развитія человѣческихъ ощущеній по которой-нибудь изъ двухъ остальныхъ категорій. *Субъективно-объективное* чувство у человѣка одно: это—*осязаніе*. Оно въ равной мѣрѣ есть чисто субъективное ощущеніе, есть *состояніе нашего тѣла*; но и вмѣстѣ—объективное, ощущеніе *внѣшняго предмета*, который къ нашему тѣлу прикасается. Черезъ него для насъ опредѣляется *граница* своего тѣла, т. е. то, что равно обращено къ субъекту и къ объекту. И какъ не можетъ быть двухъ подобныхъ границъ, такъ не можетъ быть никакого второго субъективно-объективнаго органа чувствъ.

Наконецъ, *объективныхъ* чувствъ у человѣка два: *зрѣніе* и *слухъ*. Видимое и слышимое является намъ такъ, какъ оно существуетъ внѣ насъ, безъ всякаго ощущенія ихъ вхожденія и безъ всякаго же отнесе-

нія нами ихъ внутрь себя. Треугольникъ, который я вижу, остается для меня *тамъ*, *гдѣ* я его вижу, и его форма или размѣры вовсе не состоянія только моего глаза, вызываемыя непзвѣстными въ своей сущности внѣшними возбужденіями. То же можно сказать о звукѣ или всякой послѣдовательности ихъ: происходя внѣ насъ, они безъ всякой перемѣны въ себѣ на пути къ воспринимающему ихъ органу и безъ всякаго же измѣненія насъ самихъ въ моментъ воспріятія, являются просто какъ бы происходящими внутри насъ.

Всматриваясь во взаимное отношеніе этихъ двухъ чувствъ, крайне несходныхъ, мы безъ труда замѣтимъ, что въ одномъ изъ нихъ воспринимаются нами *пространственныя* отношенія, въ другомъ—*временныя*; пространство же и время суть какъ бы двѣ координаты, по которымъ устроенъ и существуетъ міръ *протяженный* и вмѣстѣ—*текущій*. И какъ нѣтъ еще никакой, имъ соотвѣтствующей и равнозначущей координаты, такъ и для воспріятія этого міра, для его усвоенія нѣтъ и не можетъ быть еще никакого третьяго чувства, аналогичнаго зрѣнію и слуху.

VII.

Мы отмѣтили, что для непосредственнаго усвоенія внутренняго содержанія вещей служитъ намъ внутреннее же, чисто субъективное чувство; для усвоенія его внѣшности, какъ мы видимъ; служатъ, напротивъ, чувства чисто объективныя. По аналогіи мы должны допустить, что внутреннѣйшее, что происходитъ въ

насъ, отвѣчаетъ внутреннѣйшему же, что лежитъ въ мірѣ. Но здѣсь мы переходимъ къ соображеніямъ, которыя по самой своей сущности не могутъ имѣть никакого подтвержденія въ опытѣ; они переступаютъ также за грань и вообще *раціональнаго* пониманія вещей—въ область совершенно иного ихъ постиженія. Мы не будемъ ихъ продолжать, но ограничимся приведеніемъ глубокихъ и прекрасныхъ словъ, которыя высказаны нашимъ авторомъ о вѣчныхъ и инстинктивныхъ усиліяхъ человѣка переступить эти грани.

«Если мы чувствуемъ недовольство раціональнымъ созерцаніемъ, если оно въ насъ что-то затрагиваетъ и чему-то противорѣчитъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что источникъ такого разногласія заключается *не въ умѣ*, а въ какихъ-нибудь *другихъ требованіяхъ души человѣческой*. Человѣкъ постоянно почему-то *враждуетъ противъ раціонализма*, и эта вражда упорно ведется всѣми, спиритуалистами и матеріалистами, вѣрующими и скептиками, философами и натуралистами» [1]).

«Отдать себѣ отчетъ въ этой враждѣ есть величайшая задача мысли».

«Такъ какъ мы назвали міръ *цѣлымъ*, то, примѣняясь къ этому выраженію, можемъ сказать, что человѣкъ постоянно ищетъ *выхода* изъ этого цѣлаго, стремится

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что матеріалистъ, которому сказали бы, что его *атомы* совершенно *понятны*, тотчасъ и горячо возсталъ бы противъ этого.

разорвать связи, соединяющія его съ этимъ міромъ, порвать свою пуповину».

«Едва ли когда это было такъ ясно, какъ въ наше печальное время,—время очень интересное, но страшно тяжелое. Люди мечутся, ища выхода, ищутъ страданія и почитаютъ за стыдъ быть довольными этою жизнью, какъ она есть. Самые ограниченные—спиритисты—уже передѣлали міръ по-своему и наслаждаются бесѣдою съ *жителями планетъ*. Другіе, политическіе фанатики, мечтаютъ о томъ, чтобы передѣлать человѣка, измѣнить *ходъ всеобщей исторіи*. Чтобы найти себѣ какой-нибудь выходъ, они разжигаютъ въ себѣ чувство недовольства современнымъ порядкомъ міра, жизнью, правами и свойствами людей, и тогда начинаютъ вѣрить въ какое-то *новое* человѣчество, которое будетъ свободно отъ самыхъ коренныхъ свойствъ человѣческой природы и которое, въ сущности, такая же мечта *въ будущемъ*, какъ жители планетъ, бесѣдующіе со спиритистами,—*въ настоящемъ*. Такъ стремятся люди насытить желанія своего сердца; одни вздыхаютъ о прошедшемъ и погружаются въ него, облекая его фантастическими красками; другіе мечтаютъ о будущемъ; третьи населяютъ планеты и звѣзды. Никто только не думаетъ, что задача должна быть рѣшена *теперь* и *здѣсь*, и что всякое перенесеніе рѣшенія въ другое время и въ другое мѣсто есть только обманъ, которымъ мы сами себя тѣшимъ. Если же кто это и чувствуетъ, то не умѣетъ ни формулировать вопроса, ни приняться за его рѣшеніе; современное просвѣщеніе не даетъ для этого средствъ. Такъ что въ настоя-

щее время едва ли не самый мудрый тотъ, кто, питая нѣкоторое довѣріе къ Неизслѣдимому, отказывается отъ попытокъ схватить умомъ роковую задачу и находитъ удовлетвореніе въ ея практическомъ рѣшеніи, т. е. въ возможномъ исполненіи *долга*» [1]).

У г. Страхова есть манера, одновременно и привлекающая къ нему читателя, и раздражающая его— не договаривать своихъ мыслей до конца. Такъ и здѣсь, указавъ на фактъ, глубину и вѣрность котораго мы всѣ живо чувствуемъ, онъ оставляетъ судить о немъ читателю, полагаясь лишь на свои силы. Здѣсь сказывается не одно опасеніе впасть въ ошибку, сказать что-либо опредѣленное о предметѣ, столь трудно опредѣлимомъ. Сверхъ этого, тутъ есть нежеланіе обнаружить самыя завѣтныя, быть можетъ, изъ своихъ убѣжденій передъ толпой, каковою, въ концѣ концовъ, не могутъ не представляться каждому автору его читатели. Для каждаго пишущаго есть основаніе предполагать, что если среди этихъ читателей не одинъ станетъ для него близкимъ другомъ, то гораздо больше найдется такихъ, которые не поймутъ и профанируютъ именно самыя дорогія его убѣжденія. Здѣсь сказывается темная сторона вообще печати: черезъ нее общеніе людей между собою чрезвычайно расширилось, но оно не стало лучше и, въ особенности, ближе. И это потому особенно дурно, что именно въ этой близости высказываются если не самыя «велико-

[1]) Предисловіе, стр. VIII—X.

лѣпныя», то самыя дорогія наши черты. Есть великій недостатокъ во всякомъ видѣ общественности, гдѣ люди являются болѣе «прибранными», нежели какъ бываютъ обыкновенно, но и вмѣстѣ—неизмѣримо болѣе чуждыми другъ другу, чѣмъ какъ могли бы стать, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Мы здѣсь входимъ опять въ сферу «ирраціональнаго»: быть непремѣнно только разумнымъ, быть всегда правильнымъ, размѣренно добродѣтельнымъ—вовсе не есть для человѣка наилучшее. Правда, извѣстно изреченіе, что «геній для лакея своего, *который все знаетъ*,—уже не есть геній»; но это потому, безъ сомнѣнія, что лакей есть только—лакей. Для близкаго друга своего, для круга родной семьи геній, конечно, есть иногда смѣшной чудакъ; иногда онъ даже—порочный чудакъ; но, пробуждая любовь или жалость въ близкихъ людяхъ, онъ все-таки для нихъ лучше, чѣмъ только геній—въ его спокойствіи, въ его величіи, въ его удаленіи отъ людей. Здѣсь мы невольно припоминаемъ геніальный вымыселъ Достоевскаго «Золотой вѣкъ въ карманѣ», къ которому и отсылаемъ читателя для поясненія своей мысли.

У г. Страхова есть, повидимому, нѣкоторое недовѣріе къ своимъ читателямъ,—и, желая вліять на нихъ, говоря все, что могло бы наилучше образовать ихъ умъ и сердце, онъ не говоритъ еще самаго интереснаго, что они могли бы узнать отъ него. То, что вызывалось въ давніе годы необходимостью, потомъ стало уже привычкой. Но для читателя сочиненій его,

для понимающаго ихъ смыслъ и значительность, всегда останется печальнымъ, что между нимъ и множествомъ людей никогда не будетъ совершенно отброшена раздѣляющая завѣса, что нѣкоторая пленка благоразумія всегда будетъ удерживать и его, и другихъ на почтительномъ разстояніи отъ того, къ кому они и могли бы, и хотѣли—быть гораздо ближе.

1892 г., Елецъ.

Разсѣянное недоразумѣніе.

Н. Н. Страховъ.—«Взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевскаго».—«Русскій Вѣстникъ» 1894 г., Октябрь.

Среди возраженій, которыя были, въ свое время, сдѣланы г. Влад. Соловьевымъ [1]) на книгу Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа», одно было чрезвычайно многозначительно. Онъ поставилъ вопросъ: какимъ образомъ теорію культурно-историческихъ типовъ, созданную нашимъ покойнымъ ученымъ, совмѣстить съ универсальнымъ характеромъ нѣкоторыхъ истинъ, вышедшихъ изъ нѣдръ того или иного народа, но, повидимому, не для него, а именно *для другихъ народовъ*. Такъ еврейство культурно умерло послѣ Христа, но христіанствомъ ожили народы, совершенно чуждые по крови евреямъ; Грецiя истощилась, создавъ искусства и философію, которыми оживилась Европа эпохи Возрожденія и XIX-го вѣка; римляне умерли, создавъ всемірное право, которое даже на нашихъ факультетахъ изучается съ большею тщательностью, чѣмъ собственно русское,—изучается какъ *прототипъ*, какъ *образецъ всякаго права;* и даже въ исторіи самой Европы

[1]) Въ «Вѣстникѣ Европы»; позднѣе эти статьи были повторены изданіемъ въ сборникѣ «Національный вопросъ въ Россіи» (выпускъ 2).

мы наблюдаемъ, какъ Италія блекнетъ и вянетъ послѣ Renaissance, а *итальянскій* Renaissance является зарею и пробужденіемъ для всѣхъ *сѣверныхъ заальпійскихъ* странъ. Правда, это старый вопросъ, который волновалъ уже Карамзина; но Влад. Соловьевъ, по предметамъ своего постояннаго вниманія, сумѣлъ придать этому недоумѣнію особенную неотразимость: что дѣлать, въ самомъ дѣлѣ, съ совѣстью своею, съ идеей грѣха, искупленія, съ христіанствомъ, что все *не у насъ родилось*, но, очевидно, *родилось и для насъ*? И, повторяемъ, это недоумѣніе становилось такъ сильно, что, при наилучшемъ уваженіи къ памяти Данилевскаго, при согласіи со всѣми коренными устоями его теоріи, каждый невольно отъ этихъ устоевъ отходилъ въ сторону, предпочиталъ молчать, нежели говорить «да» или «нѣтъ» тамъ, гдѣ такъ мучительно было-бы «нѣтъ», такъ противъ совѣсти—«да».

Недавно появившаяся статья нашего уважаемаго писателя, Н. Н. Страхова: «Взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевскаго» разсѣиваетъ, наконецъ, это недоумѣніе. Статья посвящена собственно опредѣленію литературныхъ отношеній Г. Рюккерта, автора книги «Lehrbuch der Weltgeschichte», 1857 г., и Н. Я. Данилевскаго [1]), какъ творца теоріи культурно-историческихъ типовъ; по, сверхъ того, въ концѣ ея авторъ развиваетъ нѣкоторыя мысли, въ высшей степени многозначительныя и цѣнныя.

---

[1]) Общій выводъ, къ которому приходитъ г. Страховъ на основаніи строгаго сравненія той и другой книги: «Данилевскій даже вовсе не читалъ и не зналъ книги Рюккерта» («Русскій Вѣстникъ»,

Г. Страховъ справедливо указываетъ, что понятіе «культурно-историческихъ типовъ» не только не возвышаетъ идею «культуры» вообще, но, напротивъ, вводитъ ее въ границы, съуживаетъ ея значеніе для всякаго человѣка. Привыкнувъ понимать всѣ народы, какъ преемственно поднимающіеся по ступенямъ *единой* для нихъ всѣхъ культуры, въ этой культурѣ люди, наконецъ, стали видѣть что-то абсолютное, въ сравненіи съ чѣмъ все другое, во что̀ они вѣровали, что̀ чтили—относительно, измѣнчиво, есть только служебное средство, а не конечная цѣль; «въ ней мы увидѣли,—говоритъ онъ,—великое божество, поклоненіе которому незамѣтно вошло въ наши мысли и соста-

---

октябрь, стр. 158)—можно было предвидѣть и заранѣе, притомъ на основаніяхъ чисто психологическихъ: плагіаторъ робокъ въ отношеніи къ заимствованной имъ мысли, и въ изложеніи ея неуклюжъ неумѣлъ (большинство русскихъ диссертацій): особенности, которыя совершенно отсутствуютъ въ смѣло, мастерски, хотя и нѣсколько грубо написанной «Россіи и Европѣ». Только очень педальновидный читатель не отличитъ творца, иниціатора отъ послѣдователя, заимствователя. И, къ сожалѣнію, такихъ именно читателей Данилевскій нашелъ въ своихъ позднихъ критикахъ. И, притомъ, къ чему ему было скрывать родственность своихъ взглядовъ съ идеями Рюккерта, когда всѣ вообще русскіе подобною родственностью гордятся, на нее ссылаются, какъ на непререкаемый авторитетъ? Какъ было ему этотъ авторитетъ опустить, когда онъ былъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ не признанъ, пренебреженъ? И, наконецъ, вѣдь не *открытіе*, не *изобрѣтеніе* онъ сдѣлалъ, пріоритетъ котораго могъ-бы бояться потерять, а высказалъ нѣкоторый взглядъ на исторію человѣчества, гдѣ всякая и для всякаго поддержка можетъ быть только цѣнна, желательна,—какъ для Гегеля были цѣнны идеи Гераклита и Аристотеля, и онъ ихъ разъяснялъ, освѣщалъ, и гордился совпаденіемъ ихъ идей со своими, нисколько не затушевывая этого поведенія.

вляетъ скрытую пружину самоотверженныхъ трудовъ, пламенныхъ восторговъ, гордости и униженія, любви и ненависти» (стр. 176). И, въ самомъ дѣлѣ, эти слова: «монахъ», «воинъ»—символы отжившихъ цикловъ единой культуры, *ихъ* вѣры, *ихъ* завѣтовъ, какъ это поблекло теперь передъ именемъ «образованный человѣкъ», «человѣкъ высокой культуры», гдѣ высказывается какая-то новая вѣра, новый завѣтъ?! И отвергнемъ ли мы, что это есть, дѣйствительно, вѣра въ нѣкоторую единую, высшую культуру, которая въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ сольетъ всѣ народы, имъ всѣмъ придастъ одно лицо, общее выраженіе.

«Понятно, что для такихъ поклонниковъ очень противна мысль о *разнородныхъ культурахъ*, и они невольно и упорно избѣгаютъ проведенія этой мысли до конца. Прежде всего потому, что изъ нея, очевидно, слѣдуетъ *пониженіе значенія культуры* (курсивъ автора). Такъ, защитники какой-нибудь религіи часто смущаются фактомъ существованія другихъ исповѣданій и не хотятъ признать ихъ за религіи».

«Какъ только мы признаемъ, что существуютъ и всегда существовали разнородныя культуры, то мы поймемъ, что *никакая любая культура не можетъ быть высшею цѣлью человѣческой дѣятельности.* Это мы, впрочемъ, должны бы хорошо знать и безъ того, потому что *у насъ всегда бываютъ цѣли и стремленія, которыя мы ставимъ выше всякой культуры и всякой исторіи. Мы любимъ и уважаемъ людей не по ихъ національности, не по исторіи, къ которой они принадлежатъ, не по культурѣ, которой достигли, а по другимъ, болѣе глубокимъ основаніямъ.* Мы *дѣйству-*

емъ и ставимъ себѣ правила дѣйствій, справляясь не съ исторіею, а *со своею совѣстью*».

«Что Данилевскій имѣлъ въ виду этотъ общій результатъ и желалъ отнять у культуры ея верховное значеніе, это ясно уже изъ его характеристики европейской культуры и изъ борьбы съ «европейничаніемъ». Если культура есть цѣль исторіи, то не правы ли будутъ тѣ русскіе юноши, которые стремятся въ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ, какъ въ тѣ мѣста, гдѣ могутъ достигнуть высшихъ понятій и вкусовъ? Когда-то Герценъ, очутившись въ Парижѣ, искренно и вѣрно называлъ себя «благочестивымъ пилигримомъ Сѣвера», пришедшимъ поклониться величайшей святынѣ міра. Точно также онъ очень хорошо выразился, говоря, что потомъ пересталъ вѣрить въ «единую спасающую цивилизацію». Культура, дѣйствительно, имѣла и имѣетъ свою религію».

«Данилевскій, однако, ясно видѣлъ сферу, въ которой мы становимся выше культуры и исторіи, и выразился объ этомъ совершенно ясно. Книга его есть проповѣдь славянства, какъ особаго культурнаго типа, и содержитъ всякаго рода соображенія, ведущія къ возможности культурнаго развитія и объединенія славянъ, но этой цѣли онъ не даетъ верховнаго значенія: «для всякаго славянина», говоритъ онъ,—«*послѣ Бога и Его святой церкви*,—идея славянства должна быть высшею идеей» («Россія и Европа», стр. 133).

«*Богъ* и его святая *церковь*», такъ заключаетъ г. Страховъ,—«вотъ что *выше* всего *для человѣка*, твердо держащагося православія. Если мы обобщимъ, то должны будемъ сказать, что *религіозная и нравственная об-*

ласть стоитъ для всякаго человѣка выше исторіи, культуры и всякой политики. Исторія есть дѣло земное, временное; а мы всегда носимъ въ себѣ позывы къ небесному, вѣчному... Для человѣка, ищущаго спасенія своей души, для того, кто глубоко погруженъ въ вопросы нравственности, *исторія исчезаетъ* или является не въ томъ видѣ, какъ обыкновенно... Въ той или иной степени, мы всегда *отрекаемся отъ міра*, когда начинаемъ искать Бога» (стр. 136—138).

Вотъ объясненіе, столь же прекрасное, какъ и удивительное; объясненіе, совершенно неожиданное для всякаго, кто размышлялъ о теоріи культурно-историческихъ типовъ и пытался примирить ее съ универсальностью христіанства, съ однимъ для всѣхъ людей голосомъ совѣсти. Этотъ голосъ, это ученіе Христа, конечно, покрываютъ собою всякую культуру,—не вопреки, однако, ученію о культурно-историческихъ типахъ, но въ строгомъ соотвѣтствіи съ нимъ, такъ какъ именно оно низводитъ всю «цивилизацію», «гражданственность», «культуру» къ ея земнымъ основаніямъ, тѣснымъ границамъ. Можно, наконецъ, легче вздохнуть; я—русскій, имъ останусь, имъ умру, ни въ чемъ не измѣнивъ своей родинѣ: въ обычаѣ, языкѣ, во всякомъ земномъ дѣлѣ; но за гранью этихъ земныхъ дѣлъ, въ своемъ уединеніи, ночью, передъ горящею лампадою, въ колебаніи передъ дурнымъ поступкомъ—я только человѣкъ; спрашиваю римлянина, грека, всякаго, какъ *мнѣ* поступить, какъ поступали *они* въ лучшія, просвѣтленныя свои минуты.

1894., СПБ.

ПИСЬМА

I.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ.

Письмо Ваше было мнѣ такъ отрадно, въ немъ столько ума и живого сочувствія, что я долженъ отъ всей души благодарить Васъ. Переписка вообще для меня жестокое дѣло, но не могу отказываться отвѣчать Вамъ и попробую удовольствовать Васъ своими письмами. Вы желали бы пріѣхать сюда, чтобы поговорить со мною. Для такихъ предумышленныхъ собесѣдъ я гожусь меньше всякаго другого. Онѣ рѣдко удаются мнѣ даже съ самыми хорошими друзьями. Мнѣ нужно обдумать вопросъ, прежде чѣмъ отвѣчать на него. Поэтому, отложимте лучше свиданіе до благопріятнаго случая и не будемъ задаваться при этомъ другою цѣлью, кромѣ простого знакомства, котораго сердечно желаю.

Вотъ Вамъ и мой портретъ, сдѣланный года четыре назадъ. Онъ не совсѣмъ хорошъ только потому, что я теперь полнѣе и не имѣю такого утомленнаго взгляда.

Благодарю Васъ за то, что Вы такъ проницательно угадали мою грусть. Признаюсь, она не ослабѣваетъ,

несмотря на видимый успѣхъ моихъ писаній въ послѣдніе годы. Есть для грусти другія причины, которыя отчасти Вы знаете. Но главное, Вы знаете, что у меня грусть свѣтла, что надъ нею—мысль о Богѣ.

Ваше разсужденіе о *потенціальности* [1]) показываетъ Ваше расположеніе къ философіи. Вы составили новую категорію, подъ которую подходятъ категоріи *причины* и *цѣли*. Это очень правильный пріемъ. Вся философія есть ничто иное, какъ работа надъ категоріями, ихъ точное опредѣленіе и уясненіе. Такъ училъ Гегель, и Вы у него найдете безподобные образчики этой работы. Знаете ли Вы книгу *Бакунина* «Основы вѣры и знанія», вышедшую въ 1886 году? Очень дурно написана, но въ хорошемъ и истинно-философскомъ духѣ.

---

[1]) Послѣ отпечатанія книги «О пониманіи»—у меня стоялъ уже планъ другой, такой же по величинѣ, книги—«О потенціальности и роли ея въ мірѣ физическомъ и человѣческомъ», послѣ которой, мнѣ казалось, нужно поставить «точку» всякой философіи и почти всякимъ книгамъ. Потенціи—это незримыя, полу-существующія, четверть-существующія, сото-существующія формы (существа) около зримыхъ (реальныхъ). Міръ, «какъ онъ *есть*»,—лишь *частица* и *минута* «потенціальнаго міра», который и есть настоящій предметъ *полной* философіи и *полной* науки. Изученіе *переходовъ* изъ потенціальнаго міра въ реальный, законовъ этого перехода и условій этого перехода, вообще всего, что въ стадіи перехода проявляется, наполняло мою мысль и воображеніе. И, словомъ, мнѣ казалось, что «моя философія обниметъ ангеловъ и торговлю». Объ этомъ-то *потенціальномъ мірѣ*, заполнившемъ мою душу, я безъ сомнѣнія ему и писалъ «въ порывахъ открытія». *Примѣчаніе 1913 года.*

Если будете мнѣ отвѣчать, то напишите что-нибудь о себѣ. Какой предметъ Вы преподаете? Ваша или нѣтъ книга: «*О пониманіи*». Я видѣлъ о ней объявленіе въ газетахъ.

Еще разъ душевно благодарю Васъ. Такіе отклики, какъ Вашъ, это то самое, чего жаждетъ каждый пишущій, въ чемъ его лучшая награда.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ.

1888, 27 янв. Спб.

II.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ.

Предвижу, что мнѣ придется много огорчать Васъ молчаніемъ, если Вы будете писать ко мнѣ такъ много и такъ часто, какъ теперь. Благодарю Васъ за довѣріе; читаю Ваши письма съ искреннимъ сочувствіемъ Вашимъ стремленіямъ и волненіямъ, но не имѣю возможности отвѣчать и на десятую долю. Итакъ, заранѣе прошу у Васъ извиненія.

Для меня ясно, что Вы не только хорошо пишете и обладаете большою гибкостью ума, но что сверхъ того лихорадочно возбуждены и рветесь и къ истинѣ, и къ тому, чтобы сейчасъ же заявлять свои мысли. Очень меня трогаетъ Ваша преданность тому, до чего Вы додумались,—то, что я называю *религіознымъ* отношеніемъ къ истинѣ и къ ея исканію. Но зачѣмъ же торопливость? Вы вѣдь молоды, вы успѣете сдѣлать. Зачѣмъ Вамъ разбрасываться и истощать свои силы на порывистое писаніе и чтаніе. Если бы было въ моей власти, я бы предписалъ Вамъ

во-первыхъ—регулярный образъ жизни, а во-вторыхъ—чтеніе хорошей нѣмецкой философской книги. Настоящее образованіе и настоящая зрѣлость мысли не достигается въ три-четыре года, а только въ десятки лѣтъ [1]).

Но простите мнѣ за эти совѣты; я знаю, что совѣты, обыкновенно, безполезны, да и у всякаго есть своя манера развитія и проявленія [2]). Думаю только, что *ждать* есть великая мудрость,—конечно, если человѣкъ не засыпаетъ при этомъ душою, а устремленъ къ цѣли.

Что можетъ быть проще, какъ дѣло объ *Метафизикѣ* [3]). Хорошій переводъ метафизики Аристотеля—всегда будетъ имѣть цѣну. Возьму на себя—пристроить его въ «*Журналъ Министерства*». Но вѣдь

---

[1]) Все это глубоко вѣрно. Но, увы, надо имѣть «ангела *чтенія*» около себя, чтобы начать такъ читать, такъ изучать, такъ *готовиться*. *Этого* «ангела» никогда не стояло около меня, и я чувствую, что во всѣхъ вещахъ дѣланія и писанія я былъ всегда въ сущности «не подготовленный». Это, конечно, отнимаетъ у нихъ опредѣленную группу качествъ; но есть качества, специфически принадлежащія statui nascentis, и, думаю, эти качества у меня были. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Какъ все осторожно и умно. И вездѣ Страховъ былъ этимъ глубоко внимательнымъ *къ чужому* культурнымъ умомъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[3]) Аристотеля,—переводомъ коей съ товарищемъ по учительству въ Елецкой гимназіи, *П. Д. Первовымъ*, я былъ занятъ этотъ и слѣдующій годъ, и изъ нея (до переѣзда моего въ другой городъ) мы успѣли перевести пять книгъ. Переводъ былъ напечатанъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». *Примѣчаніе 1913 года.*

торопиться некуда. Судя по Вашему разсказу, ни Вы, ни Вашъ товарищъ не приготовлены къ этому труду. Если угодно—пришлите начало,—я самъ посмотрю и дамъ на просмотръ въ редакцію.

Вообще, древніе философы едва ли годятся для того, чтобы въ нихъ искать разъясненія своихъ вопросовъ и сомнѣній [1]). Нужно уже обладать хорошимъ философскимъ образованіемъ для того, чтобы понять ту ступень и ту форму понятій, на которой стояли древніе. Они не писали систематически, и намъ приходится самимъ приводить ихъ въ систему. Развѣ такое занятіе годится для того, кто хочетъ изъ нихъ научиться?

Ну, вотъ, я принялъ наставническій тонъ и можетъ быть сказалъ что-нибудь Вамъ непріятное. Простите, ради Бога. Мнѣ хотѣлось только выразить свое сочувствіе, входя серьезно въ Ваше положеніе.

Повторяю еще разъ—меня очень трогаетъ Ваше обращеніе ко мнѣ; но Вы невольно ставите меня въ положеніе виноватаго передъ Вами; поэтому не слишкомъ сѣтуйте на меня. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго.

Вашъ преданный и душевно благодарный за сочувствіе

Н. Страховъ.

1888, 23 февр. Спб.

---

[1]) И *до сихъ поръ* я думаю, что Аристотель—никѣмъ незамѣнимъ. Его опредѣленія *вещей*, *понятій*, всякаго рода именно *категорій*, физическихъ и духовныхъ, безъ коихъ невозможно никакое философствованіе, превосходны и (скажу, какъ институтка)—восхитительны. *Примѣчаніе 1913 года.*

III.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ.

Немножко я посмотрѣлъ Вашъ переводъ «Метафизики». Конечно, переводъ хорошъ, т.-е. и вѣренъ, и понятенъ. Но мнѣ хотѣлось бы еще большей строгости, именно—меньше прибавленія словъ, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, и точнаго соблюденія правила: *одно и то же слово подлинника должно переводиться всегда однимъ и тѣмъ же словомъ*. Хорошо Вы дѣлаете, что термины выставляете въ скобкахъ по-гречески. Переводъ теперь отправленъ въ редакцію, и я просилъ всякаго ему вниманія.

Другой вопросъ: введеніе и примѣчанія. Все у Васъ очень обширно.

Введеніе я прочиталъ съ большимъ интересомъ, и два мѣста—именно, о тоскѣ, которая сказывается у позитивистовъ, и о неприличной шумливости пессимистовъ [1])—чрезвычайно мнѣ понравились. Мнѣ

[1]) *Тогда* всѣ были увлечены Шопенгауэромъ и очень скоро Гартманомъ, переводы коихъ постоянно печатались, и «мотивы изъ

кажется, что тутъ сказывается Вашъ особенный даръ—большая нравственная чуткость. Вотъ Вы меня хвалите не за достоинство мысли и содержанія, а за нравственныя черты. Много Вы преувеличиваете, но вообще поняли такъ вѣрно, что доставили мнѣ минуты еще неиспытанной радости. Думаю, что Вамъ нужно *въ эту сторону* направить свои писанія. Когда я прочиталъ о Вашемъ способѣ [1]) чтенія книгъ, я его очень не одобрилъ. Вѣдь самъ я такъ старался о связи и послѣдовательности. Да и Вы, неужели Вы желаете такихъ читателей для того, что сами пишете? [2]).

Въ Вашемъ введеніи есть, однако, нѣсколько ошибокъ—*библіографическихъ;* да и нѣтъ полноты, или большой близости къ полнотѣ. Все-таки оно интересно, но такъ велико и такъ слабо связано съ метафизикою, что его, можетъ быть, лучше напечатать

Шопенгауэра» звучали почти въ каждой журнальной и газетной статьѣ. Вообще «камаринскій мужикъ» (русскіе) постоянно съ гармоньей, но только «долго» не выдерживаетъ никакого мотива. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) У меня никогда не было терпѣнія читать отъ начала до конца книгу, и обычно, снявъ съ полки и «открывъ гдѣ попало», я за-то иногда часы простаивалъ, не отходя отъ полки и не дойдя до стула. Другой способъ—«на сонъ грядущій», т.-е., какъ поэзія послѣ усталаго дня. Но вообще гдѣ-нибудь «въ серединѣ». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Нѣтъ, «меня, пожалуйста, читайте отъ начала до конца». Я, конечно,—шучу... Но, кто знаетъ, можетъ быть себѣ я тоже хотѣлъ бы читателя «островками»... Этотъ способъ чтенія имѣетъ свои качества. *Остро* прочитывается, *остро* запечатлѣвается. *Примѣчаніе 1913 года.*

отдѣльною статьею: *Наша философская литература по отношенію къ главнымъ представителямъ философіи*,—или въ этомъ родѣ.

Примѣчанія длинны отъ двухъ причинъ: иныя слишкомъ элементарны, другія наполнены Вашими собственными разсужденіями, напримѣръ объясненіемъ *пониманія*—категоріи, которую Вамъ едва ли удастся установить (да бросьте Вы, пожалуйста, Владиславлева). Вообще все не имѣетъ достаточно ученой выправки. Нельзя, напримѣръ, говорить, что вы слѣдовали тексту Дидо; вѣдь это перепечатка текста Беккера [1]) и тамъ на каждой страницѣ указана страница Беккера, который одинъ и отвѣчаетъ за текстъ. И другое есть въ этомъ родѣ.

Вотъ Вамъ моя критика. А *необходимости* переводить имепно «Метафизику» я все-таки не понимаю. Вы нуждаетесь въ деньгахъ? Да и почему не прочитать въ подлинникѣ прямо тѣ мѣста, которыя Васъ интересуютъ? Вѣдь на столько Вы знаете-же по гречески? Вѣдь Вы знаете, что «Метафизика» есть сборникъ, а не систематическое изслѣдованіе.

Но первый мой совѣтъ Вамъ: учиться по-нѣмецки. И Бэръ, и Кантъ, и Гегель—эти два философа всего важнѣе по вопросу о потенціальности—существуютъ только по-нѣмецки. Какъ хотите, а нельзя двигаться свободно въ области мысли, не зная по-нѣмецки.

Дай Вамъ Богъ всего хорошаго. Вы правы — мы зависимъ отъ высшихъ силъ; но всѣ мы дѣти одного

[1]) Текста Аристотеля, установленнаго Беккеромъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

Отца, въ которомъ живемъ и движемся и существуемъ. Откуда же та *трагическая тайна* [1]), о которой Вы пишете. Чужія мысли только помогаютъ моей, и я во множествѣ книгъ ищу и нахожу только *свое*. Въ этомъ и состоитъ настоящее чтеніе, т.-е. такое, когда мысль работаетъ бодро и вполнѣ.

Простите меня. Еще разъ повторяю, что Ваше сочувствіе очень меня трогаетъ.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1888, 18 марта. Спб.

P. S. Покорно благодарю за книгу [2]); но объ ней уже послѣ.

---

[1]) Не понимаю и не помню, къ чему относится. Вообще же я былъ страшно *юнъ* въ то время, а юные умы и души склонны къ «тайнамъ» и «трагедіямъ»... Вѣроятно, что-нибудь изъ моего юнаго бреда. Бродишь, въ сущности, въ «перелѣскѣ»; и въ каждомъ кустикѣ, и въ каждомъ прутышкѣ воображаешь видѣть и пугаешься видѣть «сѣдой дубъ», да еще съ «вѣдьмой» и «колдуномъ» за нимъ, въ дуплѣ его, въ вѣтвяхъ его. «Обыкновенное человѣческое». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Должно быть послалъ «О пониманіи». *Примѣч. 1913 года.*

IV.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ.

Давно собираюсь писать къ Вамъ, но очень занятъ статьею противъ Вл. Соловьева, которую теперь пишу. Читали ли Вы его статью «*Россія и Европа*»? Если читали, то, прошу Васъ, напишите объ Вашемъ впечатлѣніи. У Васъ такая чуткость, и Вы можете судить со стороны, слѣдовательно, гораздо правильнѣе.

Но пишу къ Вамъ не ради этой просьбы. Редакторъ «Журн. Мин. Народн. Просв.» поручилъ мнѣ увѣдомить Васъ, что Ваше предисловіе будетъ напечатано, какъ статья;—пришлите только заглавіе, а въ текстѣ мы уже здѣсь сдѣлаемъ нужныя перемѣны. «*Метафизику*» редакція тоже принимаетъ, но отошлетъ ее къ Вамъ для поправокъ. Редакція проситъ 1) сдѣлать переводъ еще ближе къ подлиннику, избѣгая перифразъ, и 2) выпустить примѣчанія, кромѣ самыхъ необходимыхъ. Неудобны всѣ примѣчанія

слишкомъ элементарныя, или слишкомъ далеко уходящія отъ текста.

Нужно мнѣ сообщить Вамъ при этомъ, что въ этомъ журналѣ большая тѣснота—единственно ученый журналъ, независимый отъ ученыхъ обществъ, и потому мѣсто для печатанія очищается не скоро. Придется подождать мѣсяца два, даже три. Не знаю; угодилъ ли я Вамъ своимъ посредничествомъ въ этомъ дѣлѣ. Извините за медленность, хотя и невольную.

Очень благодарю Васъ за послѣднее письмо: въ немъ столько искренняго и тонкаго сочувствія! И Вамъ я начинаю все больше сочувствовать. Ваши замѣчанія о Данилевскомъ, Ренанѣ и Герценѣ—какъ все вѣрно! И о газетахъ конечно вѣрно [1]), хотя и преувеличено. Читалъ я также въ разныхъ мѣстахъ Вашу книгу и находилъ безподобныя страницы, напримѣръ, гдѣ Вы говорите, что съ религіею уже не враждуютъ, и почему. Но книга слаба въ другихъ мѣстахъ, гдѣ много систематичности и общихъ обзоровъ и новыхъ категорій. Мысль у Васъ очень по-

[1]) Вѣроятно, что-нибудь рѣзко отрицательное (напримѣръ, «запретить бы всѣ»). Мысль о запрещеніи вообще всѣхъ газетъ въ цѣляхъ подъема культуры я провелъ года три спустя въ «Сумеркахъ просвѣщенія», но Бергъ (редакторъ «Русскаго Вѣстника») выпустилъ. Вообще юноши стараются все «запрещать» и полны бываютъ всяческими «презрѣніями», на которыя старость только улыбается. Старость знаетъ, что «ничего нельзя поправить» и что «все въ Богѣ», и —отрицательное, и—газета. *Примѣчаніе 1913 года.*

движна, и при такой подвижности легко дѣлать всякаго рода теоретическія соображенія, которыя тѣмъ обильнѣе являются, что въ нихъ нѣтъ твердости и опредѣленности. Когда-то меня мучило это легкое движеніе мыслей и я отдѣлался отъ него тѣмъ, что сталъ искать опоръ въ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ писателяхъ. Мысль знаменитаго философа, или та, которая уже напечатана гдѣ-нибудь въ газетѣ, составляетъ уже фактъ, не можетъ уже подвергнуться умолчанію, уничтоженію, а подлежитъ обсужденію. Вотъ почему я такъ люблю ссылаться на всякія книги, и говорить не отъ себя, а чужими словами, сопоставляя и толкуя мѣста какого-нибудь автора. Тогда я чувствую себя на твердой почвѣ.

Ну, простите—вотъ Вамъ моя критика; буду еще читать Вашу книгу—тогда скажу больше. Да отчего Вы сами ни слова не говорите? Какъ Вы на нее [1]) смотрите? Въ чемъ видите ея достоинства и въ чемъ недостатки?

Пришлю Вамъ скоро въ подарокъ свои вторыя изданія «*Борьбы съ Западомъ*» и «*Критическихъ статей*».—Давно бы прислалъ, да немножко затруд-

---

[1]) Ну,—«какъ?» «Цѣлый міръ открылъ»... Оставляя шутки, я и до сихъ поръ думаю, что книга («О пониманіи») совершенно серьезна. Шперкъ, впрочемъ, ее тоже не любилъ, и называлъ «*Географіей* ума человѣческаго» (что̀ удивительно мѣтко), предпочитая для себя «странствовать», чѣмъ «ѣздить по географіи». Отчасти я скоро перешелъ тоже въ «странствія», но это—дѣло *влеченія*; а «по логикѣ» книга все-таки основательна. *Примѣчаніе 1913 года.*

няетъ меня возня съ почтой. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1888, 29 апр. Спб.

P. S. Вы знаете, что Эрнестъ Львовичъ Радловъ пишетъ для «Журн. Мин. Народн. Просв.» разборъ Вашей книги [1]).

---

[1]) Не появился,—вѣроятно не оконченный. Въ *тѣ годы* и вообще нѣсколько лѣтъ меня удивляло, какимъ образомъ *при восьми университетахъ и четырехъ духовныхъ академіяхъ* не появилось совершенно никакого отзыва и никакого *мнѣнія* о большой книгѣ (40 печатныхъ листовъ), во всякомъ случаѣ не нелѣпой или не только нелѣпой. Какъ то я читалъ Ренана—«Аверроэсъ и аверроизмъ»,—и дойдя (тоже «открывъ случайно») до мѣста, гдѣ говорится, что «когда умиралъ ученый, то у воротъ дома его уже сторожили другіе ученые, чтобы жадно раскушить оставшіеся послѣ него манускрипты»—вспомнилъ о своей книгѣ и почти расплакался. «Что же это за мертвая пустыня, Россія,—гдѣ думай, открывай, изобрѣтай—и *никому даже не захочется подойти и посмотрѣть, что ты дѣлаешь*. ...Вотъ тебѣ и книгопечатаніе!!...». Аверроэсъ и аверроизмъ—это изъ исторіи арабской образованности въ Испаніи. *Примѣчаніе 1913 года.*

V.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ.

Только что кончилъ корректуру своей статьи противъ Соловьева (явится 1-го іюня въ «Русск. Вѣст.») и тороплюсь написать Вамъ нѣсколько словъ. Благодарю Васъ за Ваше письмо. Мнѣ всегда совѣстно читать Ваши длинныя и прекрасныя письма—я вѣдь знаю, что Вы заняты гораздо больше меня. Боюсь, что моя статья не вполнѣ Васъ удовлетворитъ. Вопросъ о самомъ Соловьевѣ, интересный для Васъ и, конечно, для многихъ, я оставилъ совершенно въ сторонѣ. Я разбилъ [1]) въ прахъ только его статью,

[1]) Слова эти могутъ показаться нескромными въ виду большой репутаціи Влад. Соловьева; но всегда нужно помнить слова одного скромнаго ученаго, сказанныя *сравнительно о Страховѣ и Соловьевѣ*... Не привожу фамиліи этого молчаливаго и вдумчиваго ученаго, такъ какъ приведеніе этихъ его словъ однажды (въ «Русскомъ Словѣ») было ему въ высшей степени непріятно (онъ—большой почитатель

его исторію, логику, физику и отчасти религію—насколько все это есть въ статьѣ. Объ «русскомъ духѣ» [1]) тоже почти не говорю. Словомъ, я ограничилъ задачу «наинужнѣйшимъ», какъ мнѣ показалось.

Соловьева). Мы шли отъ Страхова вмѣстѣ, и заговорили что-то о немъ. Такъ какъ въ то время «весь міръ говорилъ о Соловьевѣ»,—то я спросилъ его, что онъ думаетъ о ихъ полемикѣ и вообще о нихъ обоихъ. «Какое же можетъ быть сомнѣніе,—Страховъ, конечно, *гораздо умнѣе Соловьева*». Я былъ пораженъ, и по-молодости, и по огромной репутаціи Соловьева, и что-то сказалъ. Отвѣчая на это «что-то», онъ добавилъ: «Но у Страхова, конечно, нѣтъ и малой доли того *великолѣпнаго творчества*, какое есть у Соловьева». Двѣ эти фразы, *въ обоихъ изгибахъ вѣрныя*, вполнѣ и до конца исчерпываютъ «взаимное отношеніе» этихъ двухъ лицъ, въ которыхъ въ сущности ничего не было сходнаго, ни—умственно, ни—морально. Но собственно *критико-философское* и вообще *научное* превосходство свое надъ Соловьевымъ Страховъ чувствовалъ,—и былъ въ правѣ, въ частномъ письмѣ, выразить его. Почти не нужно договаривать, что въ спорѣ *шумъ* побѣды былъ на сторонѣ Соловьева, а *истина* побѣды была на сторонѣ Страхова. Но Страховъ писалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», котораго никто не читалъ, а Соловьевъ—въ «Вѣстникѣ Европы», который былъ у каждаго профессора и у каждаго чиновника на столѣ. И, какъ всегда, споръ рѣшилъ не «писатель», а «уважаемая редакція», которая дала писателю нужныхъ 60.000 тысячъ *своихъ* читателей. Страховъ былъ измученъ и угнетенъ этою полемикой, зная хорошо, что его «читать не будутъ», а Соловьева будутъ «читать и аплодировать» подписчики Стасюлевича, т.-е. вся (условно) образованная Россія. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Вѣроятно, я ему упоминалъ въ своемъ письмѣ о полномъ отсутствіи у Влад. Соловьева «русскаго духа». Дѣйствительно, это—замѣчательно не русскій, а *международный, европейскій писатель*. Тутъ есть—и качество, но есть—и явный недостатокъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

Главное, изъ-за чего пишу Вамъ—хочу похвалить Васъ за Бакунина. Вы отлично сдѣлаете, если растолкуете эту книгу Вашимъ легкимъ и яснымъ языкомъ. У меня была мысль самому заняться такимъ толкованіемъ, но вижу, что никакъ не удастся это сдѣлать. Философъ онъ вполнѣ, но онъ прямо питомецъ Шеллинга и Гегеля—тутъ нѣтъ существенной разницы, да и нѣтъ того школьнаго подчиненія, которое обыкновенно соединяется съ понятіемъ приверженца извѣстной системы. Философія *нѣмецкаго идеализма* вообще чужда догматичности, даетъ свободу и вполнѣ развязываетъ умъ. Со временемъ будетъ же когда-нибудь это понято.

Но Вы можете написать Ваше толкованіе, вовсе не указывая на положеніе Бакунина по отношенію къ извѣстнымъ школамъ. Самъ я навелъ кой-какія справки объ этомъ, и постараюсь уяснить себѣ это отношеніе вполнѣ, потому что Бакунинъ есть свидѣтельство силы и жизни этихъ школъ, есть доказательство въ ихъ пользу.

Недавно онъ захотѣлъ познакомиться со мною, но мы видѣлись только одинъ разъ. Крѣпкій старикъ, еще съ черпѣющими волосами, лѣтъ 70-ти. Онъ мнѣ сказалъ, что его книга дурно написана (что совершенно справедливо), что онъ самъ иногда не можетъ добраться, какая мысль внушила ему слова и фразы, напечатанныя въ его книгѣ. «Я себя испортилъ,—говоритъ онъ,—я писалъ для себя и позволялъ себѣ самыя странныя выраженія своихъ мыслей».

Но Вы правы въ томъ, что содержаніе прекрасное. Совершенно правы Вы и въ оцѣнкѣ Чаадаева [1]).

А Соловьевъ въ «*Критикѣ отвлеченныхъ началъ*» говоритъ нѣчто согласное съ тѣмъ, что теперь, т.-е., что намъ назначена Богомъ не *культура*, а религіозная роль въ человѣчествѣ.

Простите, многоуважаемый Василій Васильевичъ. Вашу книгу теперь примусь читать,—до сихъ поръ не заглянулъ и въ указанныя Вами страницы [2]).

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1888, 18 мая. Спб.

---

[1]) *Эту* часть своего письма я помню: я проводилъ ту мысль, что Чаадаевъ былъ увлекшійся католичествомъ русскій человѣкъ, но—все-таки русскій, и безъ «коварства» въ отношеніи къ Россіи, къ Православію, къ русскому народу (мои тогдашніе фетишы); Соловьевъ-же по отношенію ко всему этому совершаетъ *предательство* (т.-е. *тогда* писалъ я), и, правъ онъ или не правъ въ статьяхъ (ихъ *въ подробности* я не читалъ)—онъ является *возмутительнымъ лицомъ* въ нашей исторіи. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Книгу Бакунина (это, кажется, братъ сумбурнаго Бакунина) я не разобралъ: но она—дѣйствительно *удивительна* съ первыхъ же страницъ. Помню, я особенно восхищался его указаніемъ на «живовѣріе» (живая вѣра) въ человѣкѣ... Вообще, что же дѣлаютъ наши-то профессора университетовъ? Вѣдь это *образовательная* обязанность ихъ—давать отчетъ читающему обществу о новыхъ явленіяхъ русской философской мысли?! *Примѣчаніе 1913 года.*

VI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ.

Прошу Васъ откликнуться хотя нѣсколькими словами. Получили ли Вы мое письмо съ мѣсяцъ тому назадъ? Читали ли Вы мою статью противъ Соловьева? Послѣ того и другого я сталъ ждать отъ Васъ письма и это ожиданіе все растетъ и, наконецъ, приходитъ къ одному вопросу: что Вы дѣлаете? Здоровы ли и благополучны ли? На этотъ вопросъ мнѣ и хочется прочесть отъ Васъ нѣсколько строкъ; теперь каникулы и потому не совѣстно Васъ безпокоить.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Если Вы мною въ чемъ недовольны, то скажите. Книгу Вашу почитываю, и то очень любуюсь, то нахожу новаторство безъ соотвѣтствующей новизны. Самъ въ потугахъ рожденія новой статьи—«*О времени, числѣ и пространствѣ*» [1]).

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1888, 19 іюня. Спб.

---

[1]) Вотъ истинная *тема* Страхова; никто о подобныхъ категоріяхъ не писалъ такъ хорошо, какъ онъ. Гдѣ, кстати, его архивъ? его недописанныя статьи? Отчего нѣтъ его «Полнаго собранія сочиненій»? Вотъ бы дѣло «Пути», да и дѣло бы Академіи Наукъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

VII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ.

Давно чувствую себя передъ Вами виноватымъ и сегодня хочу хоть немного убавить свою вину, пользуясь тѣмъ, что никто не пришелъ и что нездоровье заставляетъ меня сидѣть дома. Вы имѣете право ждать отвѣта на Ваше большое письмо; но чтобы отвѣчать, нужно было прочесть Вашу книгу, или многое въ Вашей книгѣ, по тѣмъ указаніямъ, которыя Вы сдѣлали. Очень я обрадовался этимъ указаніямъ и началъ читать, но на бѣду до сихъ поръ не кончилъ. Перебили другія книги, письма, доклады въ комитетъ [1]) и т. д. Хотите ли, чтобы я теперь же сказалъ, что мнѣ пришло на мысль?

[1]) Ученый комитетъ Министерства народнаго просвѣщенія,—съ обязательствомъ давать рецензіи на учебники, и съ платою 100 руб. въ мѣсяцъ. Страховъ жилъ «чуть-чуть»,—очень нуждаясь. Когда ему пришла «звѣзда» (черезъ Георгіевскаго была прислана на домъ въ ночь на новый годъ, когда я сидѣлъ у него), онъ измученно спросилъ: «изъ чего я буду платить?!» (около 60 руб., «за орденъ»). *Примѣчаніе 1913 года.*

Думалъ я: Какъ не хорошо, что Троицкій [1]) такъ односторонепъ. Вотъ для его слушателя закрыта главная струя, самая обширная и важная сторона философскаго движенія; этотъ слушатель самъ открываетъ то, что̀ давно открыто, и вовсе не знакомъ съ ученіями, къ которымъ ему слѣдуетъ примкнуть [2]).

---

[1]) Профессоръ философіи въ Московскомъ университетѣ, коего и я слушалъ, и который вообще всякую философію считалъ «глупостью» (кромѣ позитивистовъ). Я, дѣйствительно, въ университетѣ ничего не слышалъ о бытіи «германскаго идеализма». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) «Германскій идеализмъ»—что̀... Едва ли бы я къ нему примкнулъ или съ нимъ слился, если бы его и *узналъ*. Дѣло въ томъ, что Страховъ не совсѣмъ понималъ книгу «О пониманіи», и я это чувствовалъ все время знакомства съ нимъ, и не совсѣмъ понималъ такъ сказать *философскую часть* моего духовнаго организма, накладывая на него нѣкоторыя *свои схемы a-priori*, взятыя изъ этого германскаго идеализма. Онъ во мнѣ искалъ Гегеля или части Гегеля, тогда какъ во мнѣ не было ничего этого и вообще никакой части *нѣмца*... Передамъ дѣло, какъ есть. Читая Уэвеля «Исторію индуктивныхъ наукъ» и отчасти Куно-Фишера «Исторію новой философіи», я былъ (въ годы ближайшіе по отпечатаніи своей книги) пораженъ,—отчасти унылостью, но гораздо больше радостью,—что дѣйствительно мои «Америки» открыты, но, съ другой стороны, что это—дѣйствительно «Новый Свѣтъ», совершенно невѣдомый и никогда не вносившійся въ русскіе университеты; такъ что по отношенію къ Троицкому, Владиславлеву, по отношенію къ Лаврову, Михайловскому, вообще *по отношенію ко всей русской дѣйствительности и дѣйствительному содержанію русской духовной жизни, русской умственной жизни*,— книга «О пониманіи» была колоссальнымъ новымъ фактомъ, была совершенной перестройкой этой жизни. Теперь, объ «открытіи»: Боже, да развѣ Гегель не открылъ вторично Гераклита, но никто рѣшительно не скажетъ, что послѣ Гераклита Гегель обязанъ былъ

Знаю я эту странную манеру Троицкаго выдавать свое направленіе за общепринятое, господствующее,

---

только заявить, что онъ «компилируетъ Гераклита» или «примыкаетъ къ Гераклиту» и т. п. Всѣ эти вообще споры о пріоритетѣ («кому *первому* пришло на умъ») хотя не лишены историческаго значенія и исторической интересности, но по существу и *лично*—пусты, ничтожны. Въ сущности, есть немного схемъ человѣческаго ума или «прокатанныхъ дорожекъ исторіи», по которымъ катится и вѣчно будетъ катиться человѣческая мысль, и тутъ третьи и десятые не меньше «первыхъ», ибо и «первые»-то покатились по этой дорожкѣ не заслугою личнаго генія, а какъ обыкновенные умы, но очень ранніе, и покатились по неодолимому *скату Вселенной* просто потому, что *онъ есть*. Всѣ мы можемъ странствовать только «на Сѣверъ», «на Югъ», «на Востокъ» и «на Западъ»,—и никто этихъ странъ горизонта не открывалъ, или 11-й открылъ не меньше, чѣмъ первый. «Нѣкуда больше катиться»... Но вернусь къ тому, что̀-же я нашелъ у Уэвеля и Куно-Фишера: да *споры* XVII-го вѣка о цѣлесообразности или о причинности, разлитой въ мірѣ органическомъ!! «О пониманіи» и вся моя философствующая личность и философская судьба попадали какъ «въ свое гнѣздо» въ споры еще начиная съ грековъ и по сейчасъ о коренномъ устройствѣ міра, о коренномъ сложеніи Космоса, о вѣющихъ здѣсь (въ Космосѣ) вѣяніяхъ, силахъ, законахъ. Меня прямо-бы обнялъ какъ любимаго ученика грекъ Парменидъ за многія страницы главы «О существованіи» (проблема о бытіи *небытія*), тогда какъ въ XIX вѣкѣ Руси эти страницы вызвали (были отзывы въ печати,—журнальной) хихиканье, и самое приложеніе прозвища «Кифа Мокіевичъ». Для русскихъ и русской умственной жизни, для журнальнаго и газетнаго философствованія (которое всегда *было*) все, что̀ не отдавало дубовымъ позитивизмомъ,—было ео ipso «Кифа Мокіевичъ». Вотъ въ такую-то пошлость и такую-то умственную грязь я и вошелъ съ книгою «О пониманіи». По Уэвелю и Куно-Фишеру я радостно увидѣлъ, что я былъ не только правъ *въ самочувствіи* во время писанія «О пониманіи»,—правъ въ томъ, что это все «нужно» и «хорошо», но что кромѣ Троицкихъ и Михайловскихъ,

не подавать и виду, что оно вообще считается ересью, а въ ходу совсѣмъ другія ученія[1]). На его мѣстѣ я бы по-

---

кромѣ «Вѣстника Европы» и «Русской Мысли», двухъ невѣжественныхъ и претенціозныхъ русскихъ журналовъ, темы книги «О пониманіи» всегда (*какъ и меня*) непзъяснимо волновали человѣческую мысль, начиная съ «физиковъ» и элеатовъ Греціи и до великихъ натуралистовъ и философовъ XVII—XVIII-го вѣковъ; что, не имѣя себѣ роднаго у русскихъ, я весь западный міръ имѣю себѣ *роднею*. *Примѣчаніе 1913-го года.*

[1]) Да, это была возмутительная вещь... Именно «приверженецъ-то англійскаго позитивизма» Троицкій, какъ ранѣе его «позитивисты» въ родѣ Лаврова, Чернышевскаго, Писарева, были сплошною «Кифомокіевщиною», ихъ *личнымъ мнѣніемъ и убѣжденіемъ*, которое они нагло съ каѳедры и изъ журналовъ навязывали читателямъ и слушателямъ какъ «тотъ послѣдній результатъ европейскаго мышленія», достигнувъ котораго—вообще все прежнее откинуто и забыто и выброшено за-бортъ философскаго корабля, какъ гниль и отслужившая свою службу ветошь. Еще поразительнѣе, что эта мальчишеская дурь философски-неспособныхъ господъ преподавалась по крайней мѣрѣ съ каѳедры въ «приказующемъ» мундирѣ чиновника Министерства народнаго просвѣщенія (незабываемое впечатлѣніе, какъ «позитивистъ» Троицкій явился въ расшитомъ золотомъ полномъ мундирѣ «декана факультета», когда другіе профессора были только въ синихъ фракахъ, по какому-то торжественному случаю или торжественному пріему гостей въ университетѣ), и что, такимъ образомъ, въ сущности «вихри буйные» радикальныхъ редакцій навязывались насильственно, навязывались «къ экзамену» самымъ сухимъ, бездарнымъ и замундированнымъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія въ (яко-бы) реакціоннѣйшую пору графа Димитрія Толстого и оберъ-прокурора Церкви Побѣдоносцева, навязывались не какъ-нибудь тайкомъ, крадучись, «подъ полой», а громогласно, съ топотомъ лошадей и громомъ везомой артиллеріи, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, да и вездѣ!!!... Еще курьезнѣе и даже совершенно страшно, что въ то время какъ неспособный къ философіи Троицкій «распространялся»

стоянно полемизировалъ, постоянно выставлялъ свою особенность, а онъ—все сглаживаетъ и замазываетъ.

Что нашъ умъ содержитъ въ себѣ формы нашего познанія—эта мысль провозглашена Кантомъ и до конца развита Фихте и Гегелемъ. Мнѣ все кажется, что основанія Вашей книги никакъ не могутъ разойтись съ этимъ нѣмецкимъ идеализмомъ и что та *система категорій*, которую Вы дали, есть менѣе строгое и ясное повтореніе, напримѣръ, системы Гегелевскихъ категорій. Чтобы дать Вамъ представленіе о системѣ Гегеля, я послалъ Вамъ очень хорошую маленькую книжку Розенкранца. Она написана чрезвычайно ясно и легко; но если Вы и не будете ее читать, то пересмотрите, однако, цѣпь этихъ категорій, только рядъ существительныхъ именъ, крупно и отдѣльно напечатанныхъ. Мнѣ думается, Вы убѣдитесь, что это та самая работа, какую Вы вздумали сдѣлать [1]).

съ министерской каѳедры, само министерство поручило способнѣйшему Страхову до утомленія, до тошноты разбирать учебники по естественной исторіи для реальныхъ училищъ; а Владиміра Соловьева, тоже идеалиста, не пускало въ университетъ, потому-что (собственныя слова И. Д. Делянова) «онъ имѣетъ мысли». Такимъ образомъ мы вступаемъ здѣсь въ какую-то чудовищную безсмыслицу русской бюрократіи, русской ученой и учебной бюрократіи, по-истинѣ напоминающей того святого сказаній и апокриѳовъ, который «несяще отрубленную свою голову въ рукахъ зѣло плаче надъ нею»... Бросимъ и по-истинѣ плюнемъ на это *гадкое мѣсто* русской исторіи. *Примѣчаніе 1913-го года.*

[1]) Все это—отчасти *такъ*, но гораздо болѣе—*не* такъ. У меня изслѣдуется то, что я назвалъ «сторонами міра», соотвѣтствующими «схемамъ разума»,—и изслѣдуется, *какъ это лежитъ въ мірѣ*, то есть

Читалъ я Ваши разсужденія о законѣ причины и дѣйствія. Противорѣчіе (видимое), мнѣ кажется, въ томъ, что *изъ самаго понятія опыта* вывести a priori этого закона нельзя (ибо изъ этого понятія вообще ничто не выводится); слѣдовательно, онъ выводится только изъ самого опыта (какъ и все, что признаетъ познаніемъ чистый эмпирикъ). Тутъ одно изъ другого слѣдуетъ, а нисколько одно другому не препятствуетъ [1]).

Читалъ еще о различіи души и тѣла. Вы разнообразіе и быструю смѣну явленій считаете за признакъ духовности. Почему же?

По воздуху вихорь свободно шумитъ.
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?

космогонически, а не логически и психологически. Дѣло не въ томъ, что я наименовываю напр. «причинность» и «цѣлесообразность», вещь—очень легкая, и *легко это выдѣлить въ «категорію»*: а въ томъ, что съ компактностью словаря, т. е. безъ болтовни и тумана, я изложилъ приблизительно на 70 страницахъ (не *понятіе цѣлесообразности*, а) строеніе, структуру *цѣлесообразныхъ* (въ природѣ) *процессовъ*. И тутъ, я думаю, около «открытой давно Америки» есть все-таки множество «симпатичныхъ островковъ», куда не заглядывалъ человѣческій глазъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Читаю все это какъ совершенно *чуждое* себѣ и отчасти непонятное,—какъ совершенно себѣ *непривычное*, новое и трудно-воспринимаемое; между тѣмъ какъ въ главахъ «О причинности» и «О цѣлесообразности» у меня перо «само впередъ летѣло», т. е. въ *темъ* я не чувствовалъ никакого препятствія для своей мысли. Отсюда я заключаю, что Страховъ и я (или «германскій идеализмъ» и «О пониманіи») движутся въ совершенно разныхъ моряхъ, что мы *думаемъ* далеко не объ однихъ предметахъ, и, словомъ, что тутъ—все разное. *Примѣчаніе 1913 года.*

Когда тихо падаетъ снѣгъ, посмотрите, что дѣлается съ мелкими снѣжинками: онѣ прыгаютъ по воздуху, *точно живыя*, самымъ страннымъ и *прихотливымъ образомъ*. (Простите—мнѣ вспомнилось, какъ это красиво!) Конечно, духовность должна яснѣе обнаруживаться въ *свойствахъ*, въ характерѣ самихъ явленій, а не въ ихъ порядкѣ или безпорядкѣ [1]).

Но я еще буду читать Вашу книгу, а теперь пишу Вамъ только первыя замѣчанія, которыхъ не хотѣлъ писать, пока не составлю болѣе полнаго сужденія.

То, что Вы пишете о себѣ лично, навело на меня грусть. Такъ я и предполагалъ, что Вамъ свойственная болѣзненная впечатлительность—неизбѣжный спутникъ всякой возбужденной мысли, всякаго писательства.—Вамъ, какъ мнѣ кажется, нѣчего еще больше себя возбуждать, а наоборотъ,—нужно себя успокаивать; я бы строжайше предписалъ Вамъ правильный образъ жизни. Вы не владѣете собою въ запятіяхъ. Такъ вотъ Вамъ задача:—выучитесь владѣть;

---

[1]) Книга «О пониманіи», вездѣ излагая, *подспудно вездѣ полемизируетъ;* это—на 737 страницахъ сдѣланная полемика «противъ Московскаго университета»,—т. е. того *осязательнаго*, что я передъ собою имѣлъ 4 года. И мнѣ надо было вышибить изъ рукъ, изъ рѣчи, изъ «умозаключеній» своихъ противниковъ тѣ аргументы, которыми они фехтовали. Отсюда—элементарность, плоскость сужденій, доказательствъ. «Надо было полемизировать не съ Пармепидомъ, а съ Михайловскимъ». Конечно—это слабая сторона книги. *Примѣчаніе 1913 года.*

попробуйте и увидите, что это не трудно. А я такъ радовался, что Вы женаты [1]).

Скоро пришлю Вамъ свою новую книжку: *Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ*. Пожалуйста, напишите Ваше мнѣніе. То, что Вы пишете о статьѣ *Наша культура*—совершенно справедливо. Нѣтъ въ ней *одного* тона, и всѣ замѣтили рѣзкія вскрикиванія. Но если бы я задался однимъ тономъ, было бы хуже, вышло бы не сердито, а злобно [2])—чего я не хотѣлъ.

---

[1]) Увы, всякіе совѣты вообще безплодны (и все таки ихъ надо давать и даже *надо твердить*, дабы поплакалъ о себѣ совѣтуемый). Жизнь наша течетъ изъ корня нашего рожденія... Этотъ «корень» у меня былъ крайне смутный, хаотическій и воспламененный. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Глубоко тонкое замѣчаніе. Во всемъ славянофильствѣ и безчисленныхъ его полемикахъ нельзя найти *ни одной злобной страницы*,— и бѣдные славянофилы только именно «вскрикивали», когда палачи— по-истинѣ палачи!—западническаго и радикальнаго направленія жгли ихъ крапивой, розгой, палкой, коломъ, бревномъ... Да, это мученики русской мысли: и въ полемикѣ со Страховымъ «торжествующій» Соловьевъ со своимъ тономъ «всегдашняго побѣдителя» былъ мучителемъ. Страховъ—спорилъ, строилъ аргументы; Соловьевъ хорошо зналъ, что дѣло «въ настроеніи», и, не опровергая или слегка опровергая аргументы, обжигалъ противника смѣхомъ, остроуміемъ и намеками на «ретроградность» и «прислужничество правительству» какъ покойнаго Данилевскаго, такъ и «недалеко уже до могилы» Страхова. Во всей этой полемикѣ, сплетшей наиболѣе лучшій, т. е. наиболѣе либеральный вѣнокъ Соловьеву, онъ былъ отвратителенъ нравственно. Недаромъ проницательный и геніальный Шперкъ сказалъ мнѣ задумчиво о немъ, послѣ 2—3—4 визитовъ къ нему: «Соловьевъ въ высшей степени эстетическая (т. е. въ немъ все *красиво*) натура, но совершенно не этическая». Никто не догадывается, что это вполнѣ очерчиваетъ Соловьева. Тихаго и милаго добра, нашего

Статья очень понравилась, однако, нѣмъ, напримѣръ поэту Кутузову, большому пріятелю Соловьева.

русскаго добра,—добра нашихъ домовъ и семей, нося которое въ душѣ мы и получаемъ способность различать нюхомъ добро въ мірѣ, добро въ Космосѣ, добро въ Европѣ, не было у Соловьева. Онъ весь былъ блестящій, холодный, стальной (поразительный стальной смѣхъ у него,—кажется Толстой выразился: «*ужасный* смѣхъ Соловьева»)... Можетъ быть въ немъ было «божественное» (какъ онъ претендовалъ) или—по моему опредѣленію—*глубоко* демоническое, именно преисподнее: но ничего или очень мало въ немъ было человѣческаго. «Сына человѣческаго» (по-житейскому) въ немъ даже не начиналось,—и, казалось, сюда относится вѣчное тайное оплакиваніе имъ себя, что̀ я въ немъ непрерывно чувствовалъ во время личнаго знакомства. Соловьевъ былъ странный, многоодаренный и *страшный человѣкъ*. Несомнѣнно, что онъ себя считалъ и *чувствовалъ* выше всѣхъ окружающихъ людей, выше Россіи, ея Церкви, всѣхъ тѣхъ «странниковъ» и «мудрецовъ Пансофовъ», которыхъ выводилъ въ «Антихристѣ» и которыми стучалъ (т. е. *лицомъ* ихъ!) какъ костяшками на шахматной доскѣ своей литературы... Пошлое-побѣжавшее по улицамъ прозвище его «Антихристомъ», «красивымъ-брюнетомъ-Антихристомъ», не такъ по̀шло и собственно сказалось въ «улицѣ» подъ неодолимымъ впечатлѣніемъ отъ личности и отъ «всего въ свокупности». Мнѣ брежжется, что тутъ есть настоящая *ноуменальная* истина, настоящая оглядка существа дѣла: въ Соловьева попалъ (при рожденіи, въ зачатіи) какой-то осколочекъ настоящаго «Противника Христа», не «пострадавшаго за человѣка», не «пришедшаго грѣшныя спасти», а вотъ готоваго бы все человѣчество принести въ жертву себѣ, всѣми народами, всѣми церквами «поиграть какъ шашечками» для великолѣпнаго фейерверка, въ бенгальскихъ огняхъ котораго высвѣтилось бы «одно *мое* лицо», «единственно *мое*» и до скончанія вѣковъ только «*мое, мое*»!! И—ради Бога «никакого *еще* лица»,—«это-то, это-то и есть главное!» Жажда потушить чужое лицо (во-истину, «*человѣкоубійца* бѣ искони») была пожирающею въ Соловьевѣ, и онъ могъ «любить» именно студентиковъ, «приходящихъ къ нему», «у дверп своей»,

Итакъ, Вы простите меня. Видите, сколько я Вамъ написалъ, стараясь отплатить за то великое удоволь-

«курсисточекъ», или—мелкихъ литераторовъ, съ которыми вѣчно возился и ими окружалъ себя (всегда на «ты»), «журнальной компаніей», «редакціонной компаніей», да еще скромными членами «Московскаго психологическаго общества», среди которыхъ всѣхъ, а паче всего среди студентовъ, чувствовалъ себя «богомъ, пророкомъ и царемъ», «магомъ и мудрецомъ». Въ немъ глубочайше отсутствовало чувство *уравненія себя съ другими*, чувство *счастья себя въ уравненіи*, радости о другомъ и о достоинствѣ другого. «Товарищество» и «дружба» (а со всѣми на «ты») совершенно были исключены изъ него, и онъ ничего не понималъ въ окружающихъ кромѣ рабства, и всѣхъ жёстко или ласково, но большею частью ласково (т. е. наиболѣе могущественно и удачно)—гнулъ къ непремѣнному «побудь слугою около меня», «поноси за мной платокъ» (платокъ пророка), «подержи надо мной зонтикъ» (какъ опахало надъ фараономъ-царемъ). Въ немъ было что-то урожденное и вдохновенное и геніальное отъ грядущаго «царя демократіи», причемъ онъ со всякимъ «Ванькой» будетъ на «ты», но только не онъ надъ «Ванькою», а «Ванька» надъ нимъ пусть подержитъ зонтикъ. Эта тайная смѣсь глубоко-демократическаго братства съ ужасающимъ высокомѣріемъ надъ братьями, до обращенія ихъ всѣхъ въ пыль и ноль, *при наружномъ равенствѣ*, при наружныхъ объятіяхъ, при наружныхъ рукопожатіяхъ, при самыхъ «простецкихъ» со всѣми отношеніяхъ, до «спанья кажется-бы въ повалку»,—и съ секретнымъ ухожденіемъ въ 12 часовъ ночи въ свою одинокую моленную, ото всѣхъ сокрытую,—здѣсь самая сущность Соловьева и его великаго «solo-одинъ». Но это его «solo» было не въ сознаніи, а въ волѣ, мукѣ жаждѣ. Онъ собственно не былъ «запамятовавшій, гдѣ я живу» философъ; а былъ человѣкъ, которому съ человѣками нѣ о чемъ было поговорить, который «говорилъ только съ Богомъ». Тутъ онъ невольно пошатнулся, т. е. нагура пошатнула его въ сторону «самосознанія въ себѣ пророка», которое не было ни дѣланнымъ, ни притворнымъ. «Съ людьми мнѣ нѣ о чемъ говорить», а съ Богомъ — «говорится», «рѣчь льется». Тутъ какое-то брежженье ему въ себѣ «Моисея», тоже не

ствіе, которое доставляютъ мнѣ Ваши письма. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго, главное—мирнаго духа, бодрости, здоровья.

Вашъ искренно преданный Н. Страховъ.

1888, 9 ноября. Спб.

ложное какъ *самощущеніе*. Только вотъ Моисей за каждаго «жидёнка» душу-бы отдалъ... Въ немъ (Соловьевѣ) былъ именно ложный пророкъ и ложный-же Моисей, въ основѣ—ложный Мессія (суть Антихриста),—и распознавалось это потому, что ни капельки, ни цвѣточка, ни крупинки въ немъ не было «дамъ *другому*», «полюблю *«другого»*, «покормлю *его*», «пособлю, поддержу, подыму, защищу *кого-нибудь*». Нѣтъ мѣстоименій кромѣ *«я»*. Это и есть разница и *вся* розница между областями божественнаго, какъ самоотверженнаго и служащаго, и демоническаго—какъ поглощающаго и обращающаго себѣ въ службу, при полномъ сходствѣ и даже тожествѣ другихъ «образующихъ линій» и формъ и устройства всей вообще міровой, и божественной и демонической, пирамиды. Земля—основаніе; надъ нею пирамида въ верхъ, къ ангеламъ, солнцу, къ Богу, откуда текутъ лучи свѣта, жизни, устроенія, блага; откуда все—*растетъ*, *здоровѣетъ*, *долгоденствуетъ*, *благоденствуетъ*. Простое житейское добро. Но *точь-въ-точь такая-же* есть къ-низу пирамида, откуда подымаются «къ намъ на землю» испаренія, угаръ, путаница, злоба, разрушеніе, подкапываніе, клевета, «революція», «соціалъ-демократія», газеты, журналы, «Вопросы философіи и психологіи». Лѣсъ, пустыня, пустынникъ—одно; такое-же *одно*—семья связанныхъ другъ съ другомъ людей, съ варевомъ къ обѣду, работою днемъ, сномъ безъ сновидѣній или съ благими сновидѣніями ночью. Вотъ божественный порядокъ, божественная тишина, божественный трудъ. И совсѣмъ другое—улица, гамъ, клубъ, кокотка, писатель. Здѣсь—демоническое бездѣлье, или если «дѣло»—то злобное, разрушительное, кого-нибудь опрокидывающее, что-нибудь разрушающее, подо что-нибудь подкапывающееся. У Соловьева не было ни «іоты» отъ тишины. *Примѣчаніе 1913 года.*

VIII.

Что мнѣ съ Вами дѣлать, дорогой Василій Васильевичъ? Изъ Вашихъ длинныхъ писемъ, доставляющихъ мнѣ истинное наслажденіе по множеству ума и чувства, по расположенію ко мнѣ (бо̀льшему, чѣмъ я стою), увидѣлъ я, что ошибся въ своемъ мнѣніи объ Васъ. Въ первомъ Вашемъ письмѣ всего больше меня обрадовало то, что Вы писали объ Вашихъ отношеніяхъ къ ученикамъ. Вы говорили, что на нихъ легко дѣйствовать [1]) и что они Васъ любятъ. Я и подумалъ, что значитъ Вы учительствуете охотно и слѣдовательно хорошо [2]). А теперь что̀ же оказывается? Что

---

[1]) Все—въ стремленіи, въ аппетитѣ; но «ѣда» не всегда бываетъ похожа на аппетитъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) *Безконечно* была трудная служба, и я почти ясно чувствовалъ, что у меня «творится что-то не-ладное» (надвигающееся или угрожающее помѣшательство,—и нравственное, и даже умственное) отъ «учительства», въ которомъ кромѣ «милыхъ физіономій» и «милыхъ душъ» ученическихъ все было отвратительно, чуждо, несносно, *мучительно въ высшей степени.* Форма: а я—безформенъ. Порядокъ и система:— а я безсистеменъ и даже безпорядоченъ. Долгъ: а мнѣ всякій долгъ казался въ тайнѣ души комичнымъ, и со всякимъ «долгомъ» мнѣ въ

Вы сами «мучитесь» и другихъ «мучите». Да вѣдь это большое горе, и откуда же оно явилось? Неужели отъ географіи и исторіи? Да это прекрасныя науки-[1]), гораздо болѣе содержательныя, чѣмъ Русская Словесность.

Ну и по другимъ признакамъ я убѣдился въ томъ, чего боялся,—въ Вашей несоразмѣрной чувствительности, въ силу которой Вы вообще несчастны и едвали будете впередъ счастливы, но въ частности конечно испытаете много наслажденій, недоступныхъ другимъ людямъ. Обыкновенная исторія! Такъ и хочется Вамъ крикнуть: берегитесь, уходите съ этой дороги!

тайнѣ души хотѣлось устроить «каверзу», «водевиль» (кромѣ *трагическаго* долга). Въ каждомъ часѣ, въ каждомъ поворотѣ—«учитель» отрицалъ *меня*, «я» отрицалъ *учителя*. Было взаимо-разрушеніе «должности» и «человѣка». Что-то адское. Я-бы (мнѣ кажется) «схватилъ въ охапку всѣхъ милыхъ учешковъ» и улетѣлъ съ ними въ эмпиреи философіи, сказокъ, вымысловъ, приключеній, «по почамъ и въ лѣсахъ»,—въ чертовщину и ангельство, больше всего въ фантазію: по 9 часовъ утра, «стою на молитвѣ»», «беру классный журналъ», слушаю «рѣки, впадающіе въ Волгу», а потомъ... систему великихъ озеръ Сѣверной Америки» и всѣ (всѣ!!!) штаты съ городами, Бостонъ, Техасъ, Соляное озеро, «множество свиней въ Чикаго», «стальная промышленность въ Шеффильдѣ» (это, впрочемъ, въ Англіи), а потомъ лѣзутъ короли и паши, полководцы и мирные договоры, «на какой рѣкѣ была битва», съ какой «горы посмотрѣлъ Іисусъ Навинъ», «какія слова сказалъ при пирамидахъ Наполеонъ», и... въ довершеніе—«къ намъ ѣдетъ ревизоръ» или «директоръ смотритъ въ дверь, такъ-ли я преподаю». Ну, что толковать—сумасшествіе. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) У меня никогда не было склонности къ конкретному, и въ этомъ-то и былъ адъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

Вы хотите оставить Елецъ, а Елецъ я воображаю чѣмъ-то въ родѣ Бѣлгорода, въ которомъ родился. Благословенныя мѣста, гдѣ такъ хороши и солнце и воздухъ и деревья. И Вы хотите въ Петербургъ, въ которомъ я живу съ 1844 года—и до сихъ поръ не могу привыкнуть къ этой гадости, и къ этимъ людямъ, и къ этой природѣ.

И что Вы будете здѣсь дѣлать? Здѣсь учителя даютъ по пяти, по шести уроковъ въ сутки. Настоящее Ваше мѣсто—сотрудничать въ журналахъ, если бы Вы это умѣли сдѣлать; но Вы едва ли справитесь и съ собою и съ журналистами.

Пріѣзжайте и поговоримте, если Богъ дастъ, если положитъ намъ на души хорошій разговоръ.

Очень я дивился, что Вы угадали мою грусть, но вижу, что Вы не на всѣ проницательны: Вы не угадали моей веселости, да кажется мои шутки въ статьяхъ Васъ вовсе не смѣшатъ. Пріѣзжайте и увидите дѣйствительность, не совсѣмъ похожую на Ваше идеальное понятіе.

Меня одно очень порадовало: Вы начали чувствовать *болѣзненность* Достоевскаго; по моему онъ очень вреденъ для многихъ, я думаю и для Васъ—теперь можно сказать—*былъ* вреденъ. Онъ бередилъ въ другихъ всякія раны, которыми самъ очень страдалъ, и все доказывалъ, что это и есть настоящая жизнь, настоящіе люди. Разумѣется, въ каждомъ вопросѣ онъ колебался, но думалъ, что такъ и нужно.

Объ Вашей книгѣ вотъ что прибавлю: категоріи, по Гегелю, растутъ одна изъ другой; всѣ ихъ развѣтвле-

нія какъ будто выходятъ изъ одного сѣмени, и онъ показалъ процессъ этого выхожденія. Словомъ, для меня главная мысль Вашей книги—гегелевская; а что въ книгѣ много и новаго и хорошаго, это несомнѣнно; но вѣдь на первомъ планѣ—главная мысль, а не тѣ частности, которыя можетъ быть вовсе съ нею не связаны.

Но Вы такъ много мнѣ написали, что на все отвѣчать рѣшительно невозможно. Самое нужное вотъ что: Метафизика [1]) начнетъ печататься съ февральской книжки, а статья Ваша—все еще не рѣшено когда: въ журналѣ большая тѣснота. Я заявилъ редакціи желаніе сдѣлать кой-какія поправки въ библіографическихъ указаніяхъ, и вообще продержать корректуру. Заглавіе Вы придумали хорошее, но если повторите мнѣ его, то избавите меня отъ отысканія въ Вашихъ письмахъ.

И такъ, до свиданія! Дай Богъ Вамъ счастливаго пути и всякаго душевнаго блага. Увидѣть Васъ наконецъ, мнѣ очень захотѣлось и отъ этого свиданія я жду одной радости.

Вашъ душевно преданный и благодарный

Н. Страховъ.

1888, 14 дек. Спб.

Розенкранца я послалъ Вамъ лѣтомъ, когда Вы были въ Липецкѣ, *заказною* бандеролью въ Елецъ, гимназію. Поищите: должно быть кто-нибудь получилъ книжку.

[1]) Переводъ Аристотелевской «Метафизики». *Примѣчаніе 1913 г.*

IX.

Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, дорогой Василій Васильевичъ. Сегодня я получилъ Ваше прошеніе [1]) отъ нашего письмоводителя, съ простыми словами: «а книги у Васъ». Недѣли черезъ двѣ сдѣлаю докладъ, разумѣется благопріятный, а затѣмъ—Ваша книга едва ли много скорѣе станетъ раскупаться. Это дѣло большой важности не имѣетъ, и торопиться не было надобности. Гораздо важнѣе Ваша статья и съ нею не запоздайте. Меня испугало Ваше желаніе распространить ее; хорошо, если Вы сдѣлаете ее *немножко пространнѣе*, какъ Вы желаете; но я видѣлъ большое удобство въ ея краткости, которою Вы и хвалились. Вообще, даю Вамъ совѣтъ и увѣщаніе, обращаю къ Вамъ усердную просьбу и же-

[1]) При представленіи книги «О пониманіи» въ Ученый Комитетъ Министерства народнаго просвѣщенія—для одобренія въ фундаментальныя библіотеки гимназій. Не помню, едва ли это не было сдѣлано по (устному, при одной бесѣдѣ) предложенію А. И. Георгіевскаго, тогдашняго предсѣдателя Ученаго Комитета, и лица всемогущаго въ Министерствѣ («вице-министръ»). Но это—не навѣрное. *Примѣчаніе 1913 года.*

ланіе—пишите статьи небольшихъ размѣровъ [1]). При Вашемъ обиліи мыслей и легкости изложенія это не должно быть трудно; изъ длиннаго можно сдѣлать короткое [2]), но не наоборотъ. Дѣло въ томъ, что короткую статью всегда можно напечатать; а съ большою статьею всегда будетъ затрудненіе, а иногда и не-

---

[1]) Хорошо совѣтовать, трудно исполнить. Всякій *написанный* трудъ созидаетъ въ головѣ написавшаго *форму*, которая неодолимо хочетъ подчинить себѣ *слѣдующій трудъ*. Послѣ «О пониманіи» у меня всякое написаніе, за которое я садился, слагалось съ первыхъ же строчекъ, «парило» съ первыхъ же строчекъ,—непремѣнно торжественныхъ, протяжепныхъ, медлительныхъ—въ нѣкоторый «ouvrage»... Нужно было не годъ, не два уйти на какое-то *молекулярное перестраиваніе мозга*, когда «паренiе» посократилось, и я сдѣлался способенъ написать «лирическую журнальную статью» книжки на три журнала, т. е. листовъ на 7—8—10 печатныхъ: при чемъ «музыку» могъ продолжать сколько угодно. Такъ произошли «Легенда объ инквизиторѣ», «Эстетическое пониманіе исторіи» и «Сумерки просвѣщенія». Какъ нѣкоему чуду и удачѣ я удивлялся и радовался, если удавалось написать статью только на одну книжку. Наконецъ, перехожу въ газету: писать фельетонъ, ну въ 700 строкъ! «Не могу»!! «Мало мѣста»!! «Духъ не входитъ». А нужда за горбомъ скребетъ: «пиши», «умѣй». И такъ, все сокращаясь «въ формѣ», я дошелъ до теперешнихъ статей: но и теперь еще «чѣмъ длиннѣе, тѣмъ легче дышется», а «коротко—духъ спираетъ». Но нужда все говоритъ: «старайся». Ахъ, эта «нужда»: и ненавидишь ее, но въ концѣ пути начинаешь и любить ее, какъ вѣчную старуху-спутницу за горбомъ, какъ хриплую «музу» съ клюкой въ рукѣ, которая тебя погоняла много лѣтъ. И много била; но и *много заставила* сдѣлать. Не будемъ на нее все сѣтовать, будемъ ее иногда и благодарить. Не одни жаворонки пѣли мнѣ справа и слѣва въ пути, но каркали и черные вороны... И въ концѣ пути скажешь и имъ великое «прости». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Ну-у-у-у... Совсѣмъ нѣтъ! *Примѣчаніе 1913 года.*

преодолимое затрудненіе. Если Вы желаете зарабатывать деньги писаніемъ, то это Вамъ главный и необходимый совѣтъ [1]).

Очень понравилась мнѣ Ваша мысль остаться въ Ельцѣ и взять меньше уроковъ. Это настоящій выходъ изъ теперешняго положенія,—наилучшій, пока не представится болѣе радикальнаго средства. Здѣсь мы Васъ не забудемъ; особенно если будете напоминать о себѣ статьями нѣсколько разъ въ годъ. Но напрасно Вы думаете, что Георгіевскій будетъ торопиться, и, вообще,—что подобныя дѣла скоро дѣлаются. Я скажу ему при случаѣ, который, конечно, скоро представится. Наконецъ, успокойтесь—и отказаться можно безъ всякой обиды [2]): довольно здѣсь кандидатовъ на всякія мѣста.

---

[1]) Всю жизнь продолжался, повторялся. И это былъ самый страшный *черный воронъ*. И «сколько горькихъ слезъ украдкой»... Возвращаясь къ *положенію литературы*, спросимъ: а что же Пыпинъ со своей «Этнографіей по русской словесности», въ которой вообще строкъ было *океанъ*, а мыслей въ океанѣ 2—3 «своихъ», выслушивалъ ли «предложенія», весьма походившія на sine qua non, т. е. на «приказъ»,—«писать покороче». Ни Пыпинъ, ни Стасовъ, ни теперь Слонимскій, ни всегда Добролюбовъ или Чернышевскій, не выслушивали этого горькаго, этого страшнаго «*покороче*»-бы, которое Страховъ конечно говорилъ *не отъ себя*, а говорилъ предостерегающе другу то, что самъ отъ редакторовъ слышалъ постоянно лѣтъ тридцать. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Теперь я припоминаю, что въ бытность въ Петербургѣ познакомился съ Леонидомъ Николаевичемъ Майковымъ, издателемъ Пушкина и братомъ поэта Аполлона Николаевича М—ва. Все это были «свои люди», «свой кружокъ» у Страхова. Именно Леонидъ

Словомъ, не волнуйтесь и трудитесь ohne Rast, ohne Hast.

1-го февраля въ «Русск. Вѣстникѣ» будетъ моя статья: *Послѣдній отвѣтъ Вл. С. Соловьеву*,—всего 12 страницъ. Пришлю Вамъ оттискъ,—пожалуй, два. Вотъ чѣмъ я былъ занятъ это время и почти все время

Николаевичъ, полный и добродушный человѣкъ, и сказалъ «имъ всѣмъ» обо мнѣ, что мнѣ надо увидѣться съ А. П. Георгіевскимъ («вице-министръ»). «Зачѣмъ» увидѣться, ни они не сказали, ни я ничего объ этомъ не подумалъ. Свиданіе было ужасно странное. Войдя въ кабинетъ, я былъ пораженъ безпримѣрною въ исторіи некрасивостью «владыки кабинета». Сѣлъ. Онъ немного распрашивалъ, много самъ говорилъ. Лицо, я думаю, выражало умъ «дѣловой формы», злость къ «сопротивленіямъ въ службѣ», безконечное упорство и даже прямо неспособность сказать «нѣтъ» послѣ того, какъ однажды сказано «да»; и, наконецъ, даже неспособность понять или допустить, что «гдѣ-то *тамъ*»... существуютъ философія, поэзія, звѣзды и нумизматика; существуютъ «барышни», «кормилицы», любовь и нѣкоторый флиртъ; существуютъ «картишки» и политика. «Внѣ службы и служебнаго *долга* вообще ничего не находится», а «служба» самая состоитъ «въ исполненіи моихъ предначертаній», въ геніальности которыхъ онъ Богъ вѣсть какъ увѣрился, но увѣрился. «Увѣрился» (въ тайнѣ вещей) потому, что «велъ за носъ» какъ Д. А. Толстого, такъ и гр. И. Д. Делянова, бла-а-душнѣйшаго мудреца,—«царя Берендея» учебнаго царства. Собственно «друзьямъ моимъ» надо было меня познакомить съ И. Д. Деляновымъ, въ коего при первомъ же свиданіи я вѣроятно-бы безпамятно влюбился, и тогда-бы уже вѣрно ему служилъ до-гроба. Не буду скромничать и скажу полную свою мысль, что (завтрашнія «Сумерки просвѣщенія») я могъ бы и вся натура моя рвалась къ тому, чтобы стать при «Царѣ Берендеѣ», который принципіально ничего не хотѣлъ дѣлать, а только «игралъ на дудкѣ», *настоящимъ устроителемъ вѣдомства школъ*, при чемъ опять таки, «не практичный въ дѣлахъ міра», я взялъ бы себѣ *въ*

проболѣлъ, хотя и не сильно, и даже выходилъ на воздухъ черезъ день, черезъ два. Теперь, слава Богу, все прошло.

Вы спрашиваете о статьѣ Тимирязева—*Май* и *Іюнь* «*Русской Мысли*» 1887 г. Какое, однако, отсутствіе точности! Мѣсяцы и все, что слѣдуетъ, обозна-

---

исполнители вотъ такихъ людей, какъ А. И. Георгіевскій, т. е. взялъ бы «столпы несокрушимые», но далъ бы имъ иное вдохновеніе, чѣмъ какое они получили въ Катковѣ и Леонтьевѣ... Но оставимъ предположенія. Я сидѣлъ. Онъ говорилъ. Видя, что я ничего не прошу, онъ въ заключеніе и предложилъ мнѣ 1) перевестись въ Петербургъ и 2) одобрить книгу «О пониманіи». Слова въ письмѣ Страхова и показываютъ мое смущеніе «быть *скоро* переведеннымъ въ Петербургъ», гдѣ *какъ учитель гимназіи* я конечно быстро-бы погибъ. Къ учительству у меня не было никакой способности. Опять безъ скромности скажу, что настоящее мое émplois было дать вдохновеніе, толчокъ, импульсъ къ преобразованію вообще всего вѣдомства министерства просвѣщенія, къ *стальному* заложенію для него принциповъ, при чемъ «инженерную» и «копательную» роль должны бы сдѣлать другіе, «подручные мастера», съ коими во власти и «гордости» у меня не было-бы ни малѣйшаго соперничества, ни малѣйшаго ревнованія, и я могъ бы быть около нихъ хотя «шапкою невидимкою», оставивъ имъ всѣ ордена, мундиры и пенсіи. Но я едва ли могъ-бы и *хотѣлъ бы* быть уже попечителемъ округа, и вообще никогда-бы ничьей воли не могъ быть «исполнителемъ», не по гордости, а по неспособности даже понять чью-нибудь мысль кромѣ своей. Которая («Сумерки просвѣщенія») была вполнѣ *достойная мысль*. *Примѣчаніе 1913 года*. P. S. Такъ какъ нумизматики и звѣздъ, поэзіи и «длинныхъ философскихъ мыслей» такія лица какъ Деляновъ, Толстой, Георгіевскій, какъ (отчасти) сами Катковъ и Леонтьевъ—не понимали и не воспринимали, то мои бѣдныя «Сумерки просвѣщенія» прошли для Министерства просвѣщенія совершенно втуне, лишь слегка заставивъ ощетиниться ихъ щетину (огромное неудовольствіе профессора и

чены въ моихъ статьяхъ «*Всегдашняя ошибка*»[1]); а Вы писали о Тимирязевѣ—и не сдѣлали точной цитаты.

Но я нынче все что-то сбиваюсь на выговоры. Повѣрьте, дорогой Василій Васильевичъ, что это только отъ любви, что я всею душою желаю Вамъ спокойствія, бодрости и успѣшной работы. Вашъ пріѣздъ оставилъ у всѣхъ у насъ пріятное впечатлѣніе, и мы Васъ добромъ поминаемъ съ Майковымъ, Кусковымъ и всѣми, кто Васъ видѣлъ.

Дай Богъ Вамъ здоровья. Простите и не забывайте

Вашего душевно-преданнаго

Н. Страхова.

1889, 20 янв. Спб.

друга Каткова, Любимова, на нихъ). Вся эта (исчисленная) категорія умовъ, чугунныхъ и «средняго образованія», были великолѣпные *инженеры, землекопатели, строители шахтъ:* но безъ тайны «развѣдывать золото». И они совершенно безплодно и безрезультатно искорёжили всю русскую землю, накопали вездѣ своихъ ямъ и траншей (школы, гимназіи, «уставы» университета и гимназій), нигдѣ не отыскавъ золота, которое иногда «лежитъ на поверхности». *Нюха къ золоту* нѣтъ въ Министерствѣ просвѣщенія: и все отъ невидимаго условія, что въ министрахъ никогда не было «золотой паутинки по осени, носящейся въ воздухѣ, съ золотымъ паучкомъ на ней»; что они не вздыхали о монетахъ; не любили Дунканъ; не любили нѣтъ «Аллилуія», не любили «протодіаконовъ»; не любили и не понимали «всей нашей Руси». Въ сущности Министерство просвѣщенія всегда было безъ «министра», а съ «дѣлопроизводителемъ» въ мундирѣ министра. И въ этомъ—*все дѣло* «сего безголоваго вѣдомства».

[1]) «Всегдашняя ошибка дарвинистовъ», перепечатано въ «Борьбѣ съ Западомъ». *Примѣчаніе 1913 года.*

X.

Если будете посылать мнѣ рукопись, дорогой Василій Васильевичъ, то пошлите *посылкой съ доставкой на домъ*. Такія посылки принимаются, по цѣнною не выше 25 рублей. Поэтому Вы и оцѣните въ 25 рублей—достаточное застрахованіе.

Дай Богъ Вамъ силъ и труда, и всякаго благополучія.

Вчера говорилъ съ Георгіевскимъ, именно похвалилъ Васъ, между прочимъ и за то, что Вы не желаете пока оставлять Ельца. «Да, да! это прекрасно»,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Вашъ душевно-преданный

Н. Страховъ.

1889, 26 янв. Спб.

XI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Теперь, я такъ завалепъ работой [1]), что пришелъ въ большое затрудненіе, когда получилъ Вашу статью, и нѣсколько дней не могъ даже собраться ее прочесть. Я предполагалъ, что статья у Васъ готова, что она маленькая, что Вы мнѣ ее пришлете сейчасъ послѣ пріѣзда въ Ёлецъ, что припишете только одну или двѣ страницы общихъ положеній. Вмѣсто того, получаю статью въ три печатныхъ листа и еще не конченную. До ея окончанія не могу вполнѣ судить объ ней и не могу начать дѣла съ редакціею.

---

[1]) Глупая, тупая, *безплодная* работа по прочитыванію представляемыхъ въ Ученый Комитетъ Министерства народнаго просвѣщенія учебниковъ и по составленію о нихъ докладовъ. Вотъ Страхова Георгіевскій уже отлично и *лично* зналъ: но ничего не понималъ (да и «нѣкогда» за работой въ «рудникахъ») въ его личности и въ превосходныхъ его книгахъ. Настоящая роль Страхова, этого великолѣпнаго *методиста, методолога*, есть и была организація наукознанія въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ; онъ былъ врожденнымъ

Вчера былъ, наконецъ, у меня свободный вечеръ, и я прочелъ, что Вы написали. Думаю, что большею частью это покажется лишнимъ для редакціи «Русскаго Вѣстника». Вы вновь начинаете все дѣло и разсказываете то, что происходило въ самомъ же «Русскомъ Вѣстникѣ». Потомъ опять начинается изложеніе «*Дарвинизма*» и опять полемика съ Тимирязевымъ. Но вѣдь это уже все было, и никакой редакторъ не рѣшится черезъ годъ повторить конченную полемику.

И Ваше изложеніе, и Ваша полемика, впрочемъ, очень хороши [1]), и я бы охотно устроилъ Вамъ

«Предсѣдателемъ Ученаго комитета»: а самому Георгіевскому, по мелочности ума его, надо бы «разсматривать учебники». Но вышло наоборотъ. За тысячу (годового) жалованья рублей Страховъ былъ закопанъ въ душный, узкій, безъ воздуха и дыханья, рудникъ разсмотрѣнія «торгово-промышленныхъ книжонокъ»; а философію въ университетахъ читали чиновникъ-Владиславлевъ и нигилистъ—Троицкій (Петербургъ и Москва) и «вдохновляли собою» юношество, долженствовавшее завтра учить—въ гимназіяхъ. Такъ—всѣ русскія дѣла, особенно въ этомъ несчастнѣйшемъ изъ министерствъ. Между тѣмъ простое передвиженіе Страхова и Соловьева (Влад.) на философскія каѳедры въ Москвѣ и Петербургѣ,—въ ту-то пору!—составило бы эпоху въ университетахъ, въ судьбахъ русской философіи, и—самое главное!—въ добромъ наставленіи русскаго юношества, «о которомъ такъ заботилось вѣдь Министерство просвѣщенія». Да, передъ нимъ былъ открытъ текстъ Пушкина, а оно «весьма усердно» читало стихотворенія Баркова». *Примѣчаніе 1913 года.*

P. S. И такъ старалось, до поту, до безсонницы; до «Владиміра 1-й степени» и титула «графа»—Делянову. Среди жемчужныхъ зеренъ курица все отыскиваетъ червячковъ.

[1]) Это, какъ теперь припоминаю, compendium спора Данилевскаго противъ Дарвина; я былъ въ высшей степени увлеченъ этимъ

мѣсто, если бы это было лѣтомъ 1887 г., а не зимою 1889 года.

Впрочемъ, необходимо было бы исправить маленькія неточности, да есть и мѣста, которыя нужно, мнѣ кажется, выпустить.

Но я очень занятъ, у меня мало и силъ и времени, и потому ужасно огорченъ, что долженъ откладывать всякія заботы объ Вашихъ статьяхъ. Если Вы написали *нѣсколько страницъ* (не печатныхъ листовъ) объ отношеніи *органическаго* къ *механическому* [1]), то это можно будетъ помѣстить въ видѣ размышленія къ выпуску второго тома «*Дарвинизма*».

Въ «*Вѣстникѣ Европы*» № 2 появилась статья Фаминцына объ «*Дарвинизмѣ*». Придется мнѣ объ ней

всѣмъ, и наконецъ *тезисы* дарвинизма и *анти*-тезисы Данилевскаго у меня свернулись, въ мысли и языкѣ, такъ сказать въ «минуты и секунды ученаго часа». Рукопись никогда не была напечатана. Она представляла нѣчто въ родѣ экстракта или учебника по «спору», и къ напечатанію въ журналѣ *литературно-политическомъ* была совершенно невозможна. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Важнѣйшая тема методологіи, какъ равно и естествознанія. Она была напечатана (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія») подъ заглавіемъ: «Органическій процессъ и механическая причинность». Считаю ее вполнѣ *точною*, вполнѣ *правильною*, необыкновенно для науки *цѣнною*. Задача ея была: изложить, указать, опредѣлить, вывести: 1) признаки, свойства, *устройство* такъ сказать, цѣлесообразнаго процесса, 2) и—процесса механическаго. Въ Испаніи XI-го вѣка она была-бы принята съ «браво! браво! давай! нужно!». У насъ просто на нее взглянули только; и съ вопросомъ «что̀ это»—отодвинули въ сторону. «Нашъ Акакій Акакіевичъ ничему не удивляется и надо всѣмъ спитъ». *Примѣчаніе 1913 года.*

написать, хоть для апрѣля. Вотъ опять помѣха—нельзя загружать журнала однимъ и тѣмъ же. Статья Фаминцына—28 страницъ—вотъ Вамъ примѣръ краткости. Да еще—правильно ли Вы сочли теорію Дарвина за *механическое* объясненіе?

Простите. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго.

Вашъ душевно

Н. Страховъ.

1889, 5 февр.

XII.

Грустно мнѣ было, что я огорчилъ Васъ, дорогой Василій Васильевичъ, и очень меня тронуло Ваше письмо, въ которомъ Вы уговариваете меня не *сердиться*. До сихъ поръ не удалось мнѣ ничего для Васъ сдѣлать, несмотря на искреннѣйшее желаніе. Но постараюсь, и хоть чѣмъ-нибудь заплачу за Ваше доброе расположеніе. Третьяго дня я былъ въ компаніи людей Вашего возраста, былъ тамъ и Вл. Соловьевъ; черезъ часъ или полтора разговоровъ меня такъ поразила умственная мелкость моихъ собесѣдниковъ, что на меня напала тоска: ну что̀ съ ними сдѣлаешь и чего можно отъ нихъ ждать? Но на Васъ я надѣюсь и увѣренъ, что не обманусь. Пишите: 1) небольшія статьи, 2) о предметахъ интересныхъ, 3) съ яснымъ началомъ и яснымъ концомъ. Всего лучше писать о книгахъ—Вы вѣдь слѣдите за русскими книгами. Разумѣется, статьи присылайте мнѣ.

Отвѣчаю на Ваши вопросы.

1) Что такое смерть? Механическое или органическое явленіе? А дѣйствіе борьбы за существованіе основано на истребленіи, т.-е. на смерти.

Далѣе—новыя формы организмовъ отчего являются? Не механически. А безъ этихъ формъ ничего бы и не было.

2) Нужно различать *невѣроятное* и *невозможное*, въ точномъ смыслѣ этого слова. Энеида изъ разсыпанныхъ буквъ—невѣроятное, но не невозможное [1]).

Простите. Сегодня кончено новое изданіе «*Россіи и Европы*» и завтра съ разрѣшенія цензуры книга будетъ въ книжномъ магазинѣ.

Дай Вамъ Богъ всего хорошаго.

Вашъ преданный

Н. Страховъ.

1889, 15 февр. Спб.

[1]) Никакой памяти объ этихъ спорахъ (или вопросахъ). *Примѣчаніе 1913 года.*

XIII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Ваше письмо о печальныхъ происшествіяхъ въ Ельцѣ—очень огорчило меня за Васъ—больше и сильнѣе всего за Васъ, чѣмъ за другихъ. Сколько Вамъ горя и волненія, и теперь и впереди! Смотрите же: дѣлайте что̀ можно и должно, а остальное пусть будетъ какъ Богу угодно.

Странное впечатлѣніе: мнѣ очень жалко Леонова [1]) и Петропавловскаго, но и отрадно было читать Ваши похвалы имъ. Знаю, что Вы человѣкъ восторженный,

---

[1]) *Иванъ Павловичъ Леоновъ*, полный, почти толстый, и очень высокаго роста,—лѣтъ пятидесяти, помощникъ классныхъ наставниковъ (надзиратель) I, II, III и IV классовъ гимназіи. Холостякъ. Жилъ на краю города, на самомъ краю. Пріѣхавъ въ Елецъ и дѣлая «визиты знакомства», я пошелъ къ нему, какъ почти уже «къ не учителю», послѣднимъ: и издали услышалъ звонъ птицъ, почти что съ угла улицы. Дальше иду—звонъ все сильнѣе. Дрозды, синицы, Богъ знаетъ что̀ и Богъ знаетъ сколько. Подхожу къ дому: попалъ буквально въ пѣвчій птичникъ. «Это что такое, Иванъ Павлычъ?», спрашиваю его, выходящаго въ сѣни навстрѣчу. У него была добрѣйшая и какая-то благородная и тонкая улыбка (на очень полномъ, «грузномъ» лицѣ). «Это мои дѣти», пробасилъ онъ. «Что же, живу

по тутъ не могу Вамъ не вѣрить. Значитъ, есть же на свѣтѣ прекрасные люди; думать о нихъ, знать объ ихъ существованіи—уже отрада. А что одинъ изъ нихъ неожиданно умеръ, а другой неожиданно

одинъ, никого нѣтъ. Пусть будутъ птицы». Такъ онъ жилъ, всѣми любимый и уважаемый, отъ директора до послѣдняго ученика. Что-же случилось съ нимъ? На него, какъ и на другого надзирателя (для старшихъ классовъ), Арцыбашева, было возложено обязательство ходить по воскресеньямъ на зимній катокъ,—вовсе не для «ловитьбы» учениковъ, какъ воображаетъ обычно печать и общество; а для того, что *въ его присутствіи* ученики будутъ сдержаннѣе, и не дозволятъ себѣ вообще недозволительнаго,—напримѣръ неприличнаго. Такъ онъ мирно ходилъ, чередуясь съ Арцыбашевымъ (изъ офицеровъ). Въ противоположность Леонову, Арцыбашевъ былъ очень нелюбимъ. Былъ одинъ дурной исключенный ученикъ (фамиліи не знаю), исключенный давно, а теперь уже великовозрастный, лѣтъ семнадцати. И рѣшился онъ «отомстить и побить» Арцыбашева: но, придя на катокъ, увидѣлъ не Арцыбашева, а Леонова. Онъ былъ и питомцемъ Леонова, такъ какъ Леоновъ служилъ «съ незапаматныхъ временъ». «Ну, все равно», рѣшилъ онъ, и тутъ вслухъ, и какъ потомъ сказалъ на судѣ. И онъ быстро пошелъ на него, съ угрозами и ругательствами. Леоновъ и по лѣтамъ, и по росту былъ медлителенъ и неуклюжъ. На каткѣ никого не было (надзиратель бывалъ для «возможныхъ придти»), и видя положеніе—Леоновъ сталъ уходить домой. Ученикъ—за нимъ. (Дальше разсказъ Леонова мнѣ): «Иду я, и все онъ старается стать впереди меня, заскочить впередъ,—но я то или перехожу на дорогу съ тротуара, или съ дороги на тротуаръ, но вообще поворачиваюсь къ нему или бокомъ, или спиной (онъ былъ очень уменъ). Но (при поворотѣ или что) тамъ-то не успѣлъ. Онъ заскочилъ впередъ и... сдѣлалъ это» (ударилъ кулакомъ по лицу). Леоновъ заплакалъ (разсказывая мнѣ). «Къ чести нашего времени», которое такъ гуманно «какъ нельзя болѣе»,—все окончилось мирно и безъ большой возни. Въ «защитники» исключеннаго и побившаго ученика выступилъ мѣст-

испыталъ жестокую обиду—вѣдь это та случайность, которой мы всѣ подвержены, общая доля хорошихъ и дурныхъ. Хотя я не дошелъ до такого состоянія, чтобы радоваться смерти и обидѣ, но я уже понимаю,

---

ный наиболѣе знаменитый авдокатъ, Александръ Павловичъ Бутягинъ,—съ надеждою сказать громовую рѣчь противъ жестокаго режима гимназій, только бездушнаго и только формальнаго, «который доводитъ вотъ до чего!». Этотъ Александръ Павловичъ былъ сыномъ виднѣйшаго въ городѣ протоіерея, въ то же время законоучителя женской гимназіи, и самъ питомецъ этой гимназіи, т.-е. питомецъ побитаго Леонова. Ну, произнесъ рѣчь; побившаго приговорили что-то къ мѣсяцу ареста, и въ силу просьбы и «разъясненій» на судѣ адвоката—арестъ этотъ былъ замѣненъ «домашнимъ арестомъ». Леоновъ черезъ годъ скончался. «Ничего не болитъ, В. В.», говорилъ онъ мнѣ, когда я посѣтилъ его передъ смертью. Онъ сидѣлъ на лежанкѣ, въ валеныхъ сапогахъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, весь опавъ въ тѣлѣ и желтый. Поднялъ глаза на окно: «А вотъ какъ снѣгъ на дворѣ: смотришь на него, никто его не трогаетъ, а *его все меньше*. Такъ и я. Все *меня меньше*... Куда животъ дѣвался, и руки худыя (т.-е. отъ плечъ). Умираю незамѣтно». Вскорѣ онъ умеръ. У него былъ ракъ желудка. Однако «Богъ поругаемъ не бываетъ»: знаменитый адвокатъ, вскорѣ—другъ орловскаго архіерея, говорунъ и съ интересами къ литературѣ, виднѣйшее лицо города, все велъ «крестьянскія дѣла» о чемъ-то: велъ... велъ... успѣшно... успѣшнѣе... Когда вдругъ стали спрашивать какія-то «деньги», и ихъ у него не «оказалось»,—не свои деньги, а эти крестьянскія. Былъ лишенъ права веденія дѣлъ,—и въ необходимости какъ-нибудь «выкарабкаться» взялъ заимообразно у всѣхъ, что̀ можно,—и у отца-протоіерея, и у мѣстной мелкоты вокругъ. Потомъ былъ возстановленъ въ правахъ «вести дѣла»:—по кругомъ «свои» уже не получили заимообразно взятыхъ денегъ. Совпало это и съ другою линіею: «лопнуло терпѣніе» у его многодѣтной, образованной и энергичной жены, и она потребовала развода. Отошла и она. Только «дружба архіерея» поддерживала его въ несча-

что можно придти въ такое состояніе и что должно къ нему стремиться [1]). Другого выхода тутъ нѣтъ, а это—выходъ къ свѣту и блаженству, это—положеніе, въ которомъ для человѣка нѣтъ ничего страшнаго и все обращается въ любовь и благословеніе. Я готовъ радоваться за Петропавловскаго [2]), что онъ такъ рано ушелъ отсюда, что эта звѣзда упала прежде,

---

стіяхъ. Но онъ былъ несокрушимъ, все любилъ еще литературу и все интересовался еще общественными дѣлами. И вмѣстѣ съ архіереемъ обсуждалъ «возрожденіе православія» въ Орловской губерніи. Жена, отошедшая отъ него (и вышедшая замужъ за одного видпаго московскаго присяжнаго повѣреннаго,—какъ «первая любовь» его, и теперь очень счастливая) передавала мнѣ, какой тайный ужасъ несла она двадцать лѣтъ. Вообще—одна изъ темныхъ и страшныхъ провинціальныхъ исторій. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Нѣсколько непонятны слова, очень точно переписанныя съ письма. Ужъ не въ отвѣтъ ли на аналогичныя слова моего письма? Можетъ быть. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Прекрасный по равновѣсію ума и души учитель приготовительнаго класса. Умеръ лѣтъ сорока пяти. Оба—изъ духовнаго сословія. У него было воспаленіе сердца; въ городѣ были прекрасные мѣстные врачи, Слободзинскій и Ростовцевъ; но, не желая обидѣть хорошаго товарища по преферансу, военнаго врача Звягинцева, онъ обратился къ нему. Тотъ, не сдѣлавъ изслѣдованія или сдѣлавъ невѣрное изслѣдованіе, сталъ лечить его отъ желудка, «отказавшагося дѣйствовать». Промывательныя, каломель и т. д.,—«лошадиныя дозы» каломеля. Все—желудокъ не дѣйствовалъ. Пока онъ не умеръ. Когда былъ позванъ, часа за три до смерти, Слободзинскій, опъ выслушалъ и, поднявшись, сказалъ: «Что же вы завете меня къ трупу? У него болѣзнь сердца, а вы лечили его отъ желудка». Онъ умиралъ, когда я входилъ въ комнату. Въ прихожей столкнулся съ лечившимъ Звягинцевымъ. У него было красное, толстое лицо. «Что съ нимъ?» «Плохо. Сердце ослабло». Что такое «сердце ослабло», я не понималъ...

чѣмъ потускнѣть. Для него это лучше, а тяжело только для насъ.

Что касается до Леонова, то очень поразили меня Ваши слова: «Жизнь *испорчена* на самомъ склонѣ, *отравлены* послѣдніе дни старика». Какъ? Это могъ сдѣлать Рыльцевичъ [1])? Есть такая власть у одного человѣка надъ другимъ? Нѣтъ, Богъ этого не попу-

---

Вхожу. Огромною фигурою сидитъ на привычной кровати Иванъ Осоктистовичъ и поднялъ на меня мертвые глаза. «Что вы?»—«Умираю». «Ну, что вы?! Что вы?!» Подхожу, беру голову. Голова холодная, какъ мертвая, и на лысинѣ (въ величину всего темени) крупныя капли воды, какъ бы онъ голову выставлялъ изъ окна подъ дождь. «Что вы? Что вы?» Все зрѣлище—непонятное, непостижимое, страшное. «Да гдѣ же докторъ?!!» Но, взявъ военную фуражку, докторъ, не простясь и незамѣтно, вышелъ. «Иванъ Осоктистычъ! Не бойтесь, что вы?» А самъ дрожу, и всѣ дрожать кругомъ. Онъ валится въ рукахъ. «Положите, не могу сидѣть». Стали его опускать на подушку. Голова—каспулась. Вдругъ вижу—глаза его какъ шарики повернулись въ орбитахъ: только бѣлое (бѣлокъ), а зрачки куда-то ушли. «Что же такое? что же такое?» Глаза закатываются. Они—*закатились*. Онъ умеръ. Все не вѣримъ. Все не понимаемъ. Такой гигантъ. Сорокъ пять лѣтъ. Всегда здоровъ. «Умеръ! Умеръ!» Старушка, квартирная его хозяйка, и ея молодая дочь-вдова, и ребенокъ ихъ, лѣтъ шести дѣвочка, разрыдались, пораженные ужасомъ,—какъ и всѣ были поражены ужасомъ, жалостью и печалью. Онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ. Царство ему небесное и вѣчная память. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Вотъ фамилья ученика. Я (выше) забылъ. Леоновъ едва ли и умеръ не въ связи съ оскорбленіемъ,—и въ этомъ *тонѣ* говорилъ мнѣ передъ смертью. Ниже разсужденія Страхова не вѣрны: у Страхова есть философія, книги и *ученый авторитетъ, и будущая о немъ память*, у Суворова—подвиги. Все это затушевываетъ «какую-то пощечину». А у Леонова—одна тихая почтенная жизнь, безвѣстная, и только съ любовью и уваженіемъ «городка Ельца». Вдругъ «на весь

скаетъ, не можетъ попускать; нѣтъ, мы не подвержены такимъ опасностямъ. Если Леоновъ сталъ уже скучать, какъ Вы пишете, то, я увѣренъ, его несчастье можетъ повести его къ обновленію всей жизни, къ тому спокойствію и самоотреченію, при которомъ все радостно и ничто не тяготитъ. Мы христіане, для насъ образецъ Христосъ, которому столько плевали въ лицо, котораго столько били по щекамъ, и Онъ простилъ ихъ: «не вѣдятъ-бо, что̀ творятъ» [1]). Отчего же хоть въ малой долѣ мы не приложимъ этого къ себѣ? Какая можетъ быть честь выше чести уподобиться Христу [2])? Мы страдаемъ больше всего отъ нашихъ понятій, и самое страданіе должно намъ показать ложность этихъ понятій. Впрочемъ, у насъ еще держится совершенно иной духъ. «Суворовъ на своемъ вѣку получилъ двѣ пощечины». Вы это знаете.

городъ» раздается пощечина, а «городъ» ничѣмъ и не реагируетъ на это, кромѣ мертваго постановленія мирового судьи, да злобной рѣчи «о гимназическихъ порядкахъ» виднѣйшаго въ городѣ лица (адвоката). Леоновъ вдругъ чувствуетъ, что «въ этомъ самомъ мѣстѣ», которому онъ принесъ всю свою жизнь, и кромѣ котораго у него ни съ чѣмъ на планетѣ нѣтъ связи, онъ поруганъ и униженъ, безъ заступничества, безъ ясныхъ знаковъ, что кто-то его любитъ, понимаетъ, цѣнитъ. Собственно, *дальнѣйшая жизнь* и была невозможна, и онъ умеръ съ «слава Богу». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Многое, возможное Богу при его Красотѣ и Величіи, невозможно для человѣка «трехъ аршинъ роста и съ жалованьемъ въ пятьдесятъ шесть рублей». Всѣ эти разсужденія не очень правильны. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Да вотъ «уподобиться»-то мы никакъ и не можемъ: ибо нѣтъ «равненія» сверху. *Примѣчаніе 1913 года.*

А недавно съ моимъ знакомымъ, начальникомъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, случилась такая же бѣда. Государь призвалъ его, уговаривалъ остаться на мѣстѣ, и онъ остался, и уже вполнѣ успокоился.

Конечно, Рыльцевичъ отвратителенъ,—и невольно содрогаешься при мысли объ этой злобѣ и бездушіи всякихъ человѣческихъ отношеній. Но объ Леоновѣ я думаю съ отрадою, вспоминая Вашъ разсказъ. Дай Богъ ему здоровья, пока не вернется къ нему спокойствіе; дай Богъ ему новаго спокойствія, которое выше всей его прежней жизни.

Вы пишете мнѣ о моихъ книгахъ, но я не могу понять, чего Вы желаете? Какихъ правъ мнѣ добиваться? Всего лучше, назовите такую книгу, права которой Вы желали бы дать и моимъ книгамъ. Мнѣ думается, что Вы что-то смѣшиваете [1]).

Простите меня. Я все еще очень занятъ, хотя главная тяжесть уже сошла съ плечъ.

Дай Богъ Вамъ силы и здоровья.

Вашъ душевно

Н. Страховъ.

1888, 25 марта. Спб.

P. S. Гдѣ кончилъ курсъ Петропавловскій? Не въ Гатчинскомъ ли институтѣ?

---

[1]) Очень позорно для университетовъ, что они за такую книгу какъ «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи» не дали Страхову доктора honoris causa философіи,—каковая ученая степень давала бы право на каѳедру въ университетѣ; и что вообще Страховъ не былъ ни *позванъ* на каѳедру, ни *посланъ* (министерствомъ) на каѳедру. *Примѣчаніе 1913 года.*

XIV.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Не знаю, будете ли Вы на меня сердиться, или нѣтъ, но я самовольно распорядился съ Вашею статьею; первыя пять страницъ я отрѣзалъ и далъ въ «Русскій Вѣстникъ», какъ рецензію на второй томъ «*Дарвинизма*». Эти страницы уже набраны, я продержалъ корректуру, и они явятся въ апрѣльской книжкѣ. Остальныя страницы я отдалъ въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» подъ заглавіемъ: «*Органическій процессъ и механическая причинность*»— хорошо ли такъ? Л. Н. Майковъ обѣщалъ мнѣ помѣстить ихъ въ майской книгѣ. Увѣряю Васъ, что лучше этого сдѣлать невозможно было. Какъ Вы хотите, чтобы литературный журналъ помѣщалъ подобную отвлеченность! И развѣ это критика—только назвать книгу, а потомъ и не думать объ ней, и писать свое, на свою тему. Начало, которое будетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мнѣ очень нравится; истинное свойство Дарвинова ученія тутъ выставлено вѣрно, ясно;

взята самая глубокая черта [1]). Что касается до *механическаго процесса*, то напишу Вамъ мое впечатлѣніе, когда прочитаю корректуру. Теперь я вижу только, что Вы истинно отвлеченный человѣкъ. Это бѣда. Это та бѣда, отъ которой всегда страдало и потеряло свою силу надъ умами гегельянство. Это—

[1]) Я тоже думаю, что какъ ни кратка эта рецензія«», она улавливала существо дѣла, и била въ самый центръ системы (дарвинизма). Всѣ факторы, указанные Дарвиномъ—*не живые*, а *мертвые*, *механическіе*: и хотя черезъ нихъ происходили и происходятъ *перемѣны* у животныхъ и у растеній, но именно—*у* нихъ, а не *въ* нихъ. Не могло черезъ нихъ выйти *рожденія* и *перерожденія*, а Дарвинъ говоритъ *о немъ*. Дарвинъ не былъ философомъ. Между тѣмъ философія бьется около понятій столь сложныхъ и тонкихъ, *около понятій наконецъ такихъ точныхъ*, съ какими зоологи и натуралисты вообще никогда не имѣютъ дѣла. Поэтому гораздо раньше, чѣмъ какая-нибудь «великая теорія» напримѣръ въ зоологіи станетъ *невѣрною*, или наоборотъ станетъ *правдоподобною* въ глазахъ «собратьевъ по наукѣ» (біологовъ), она открывается во всей разительной ясности какъ или *невѣрная* или *правдоподобная* — философамъ. Уже со временъ моего студенчества, хотя я былъ только филологъ, но *съ философскими въ себѣ способностями*, не только «невѣрность», но *умственная пошлость* дарвинизма не возбуждала во мнѣ никакихъ о себѣ сомнѣній, оставляя «всѣ факты (открытые или замѣченные Дарвиномъ) вѣрными». Факты—одно: и ихъ никто не смѣетъ поколебать. Но вѣдь факты надо *объяснить*, *объяснять*: и тутъ всегда философъ въ правѣ произнести могучее «veto», передъ которымъ всѣ зоологическія каѳедры повалятся. Могу сказать безъ предубѣжденія, что Дарвинъ, по всей конструкціи его ума какъ только *великолѣпнаго наблюдателя* и *неутомимаго регистратора фактовъ*, не могъ бы не только *самъ* сложить ту цѣпь мыслей, ту цѣпь послѣдовательныхъ выводовъ, отъ которыхъ «нѣкуда дѣться»,—каковая мною изложена въ «Органическомъ процессѣ и механической причинности», но

общія формулы, тавтологіи [1]), которыя сами по себѣ не содержатъ познанія, а составляютъ тотъ огонь, въ которомъ должно очищаться всякое познаніе.

Въ апрѣльскомъ «Русскомъ Вѣстникѣ» будетъ и моя статья: *Сужденіе А. С. Фаминцына о «Дарвинизмѣ»* [2]) и чуть было она не помѣшала помѣщенію Вашей статьи.

Простите. Очень тороплюсь и занятъ жестоко еще недѣли на двѣ. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго.

Вашъ душевно Н. Страховъ.

1889, 17 марта. Спб.

не могъ бы никогда и *усвоить*, «вдолбить себѣ въ темяшку», уже составленныхъ другимъ этихъ мыслей. Сужу объ этомъ по данным «Автобіографіи» Дарвина, – разительной по тону наивности. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Въ «тавтологіяхъ»-то и сила. Развѣ математика не начинается съ нихъ? Въ «тавтологіяхъ» кажется «все *одно и то же* говоришь»,— тѣ же все слова, лишь немного переставленныя: но послѣ нѣсколькихъ «перестановокъ»,—которыя для «бѣглаго читателя» кажутся лишь вербальными, а на самомъ дѣлѣ въ нихъ происходитъ медлительное и огромное поворачиваніе логическаго организма,—получаются выводы, гдѣ напримѣръ дарвинизмъ просто пропадаетъ какъ «нѣтъ». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Почти не стоило писать Страхову: только чванливость и (служебно-ученая) высокопоставленность «академика» Фаминцына принуждала Страхова къ полемикѣ. Статью Фаминцына *я хорошо помню*, до чтенія Страховскаго отвѣта: она меня поразила не однимъ чванствомъ тона, но и тѣмъ, что почти лишена содержанія. Только правительственною терпимостью (или невѣжествомъ?) можно объяснить, что оно не прогнало давно метлой всѣхъ этихъ «Фаминцыныхъ» съ университетскихъ и академическихъ каѳедръ, и не позвало на мѣсто ихъ такихъ людей *метода* какъ Данилевскій. *Примѣчаніе 1913 года.*

XV.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Пишу къ Вамъ наскоро, только чтобы сообщить необходимыя извѣстія. Опять маленькая неудача, очень огорчившая меня за Васъ, но, въ сущности, не стоющая того, чтобы Вы сами огорчались. Бергъ нашелъ невозможнымъ напечатать въ одномъ номерѣ двѣ статьи объ дарвинизмѣ, и потому Ваша статья отложена до майской книжки. Я бы поступилъ иначе, но не могъ его переломить. Другая Ваша статья тоже явится 1-го мая. Я уже продержалъ ея корректуру, и долженъ похвалить Васъ, хотя это не такъ хорошо, какъ то, что будетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» [1]). Пре-

[1]) И тогда чувствовалъ, и теперь чувствую, что Страховъ не уловилъ всей цѣнности «Объ органическомъ процессѣ и механической причинности». Критика въ «Русск. Вѣст.»—штрихъ; а статья *испепеляла самую возможность, предупреждала самую возможность*, такихъ легкомысленностей какъ дарвинизмъ. Теперь вотъ прошло двадцать лѣтъ; и что же осталось отъ дарвинизма? Но когда я писалъ

красная задача, и многіе выводы очень остроумны, напримѣръ тотъ, что органическій процессъ можетъ прерваться, а механическій всегда своего достигаетъ. Но—не видно методы, ни изъ чего не видно, что Вы вполнѣ захватываете вопросъ [1]).

Съ терпѣніемъ читалъ я, ожидая приложенія найденныхъ положеній къ органическому міру—и въ заключеніе нашелъ одну страницу, гдѣ это приложеніе скомкано и сводится на нѣсколько общихъ чертъ, только упоминаемыхъ, а не развиваемыхъ обстоятельно. Когда Вы дошли до цѣли, то тутъ-то Вы и охладѣли, и не пользуетесь тѣмъ, что сдѣлали. Словомъ, тутъ Вы весь, съ Вашею сплою и съ Вашими недостатками [2]).

тѣ статьи, то—именно исходя изъ тезисовъ какъ книги «О пониманіи», такъ и этого «Органическаго процесса»—не сомнѣвался нисколько, что все это есть просто ерунда словъ, перемѣшанная съ великолѣпными фактами. Т. е. что *факты*-то Дарвина—всѣ вѣрны, но самый *дарвинизмъ* (объясненіе *живого міра изъ этихъ фактовъ*)—это дѣтскій карточный домикъ, а не научная теорія. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Почти «на-удачу» сказанныя слова. Страховъ или не понялъ статьи, а вѣрнѣе всего—бѣгло ее прочелъ, какъ внѣ тревогъ «нашего сегодняшняго спора» (съ Соловьевымъ или Фаминцынымъ). *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Только съ «сплою». Мною построена была нѣкоторая *алгебра* касательно явленій, о какихъ всегда можетъ зайти вопросъ, «объяснять ли ихъ по Дарвину или въ родѣ Дарвина, въ духѣ Дарвина, въ стилѣ Дарвина, или—какъ нибудь объяснять *иначе*». Тутъ именно разбита, въ этой *алгебрѣ*, не Дарвинова одна теорія, но *всѣ подобныя ей, всѣ ей аналогичныя теоріи*, теперешнія-ли *или будущія*, въ примѣненіи *къ органическимъ явленіямъ*. *Примѣчаніе 1913 года.*

Посылаю Вамъ два оттиска моей статьи, которая помѣшала Вашей. На этотъ разъ я собою недоволенъ; по содержанію все хорошо, но я умѣю лучше писать, и на этотъ разъ у меня не хватило одушевленія.

Жду извѣстій объ Вашихъ дѣлахъ. Если мое прошлое письмо Васъ удивило, то скажите и объ этомъ все, что думаете.

Дай Вамъ Богъ силы и здоровья. А меня простите [1]).

Вашъ душевно-преданный

Н. Страховъ.

1889, 7 апр. Спб.

[1]) Правда, я тогда разсердился на Страхова, что онъ меня все «откладываетъ». Молодое нетерпѣніе. Старикъ и безъ того со мной чрезвычайно много возился, и вообще былъ мнѣ «отецъ». Вѣчная неблагодарность «сыновъ». *Примѣчаніе 1913 года.*

XVI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Только что хотѣлъ писать къ Вамъ, какъ получилъ Ваше письмо. Прошу Васъ, извините меня, что не писалъ раньше—виновата моя лѣность и неповоротливость. А писать надо было именно о Вашей статьѣ, какъ я Вамъ это обѣщалъ. Но я *забылъ свое обѣщаніе*,— ужъ Вы простите старика. А предыдущее Ваше письмо, отъ 12-го апрѣля, хотя и писано Вами въ тяжеломъ духѣ и топѣ [1]), но не содержитъ ничего, въ чемъ бы Вамъ нужно было передо мною каяться, какъ Вы теперь дѣлаете.

Статьи Ваши объ очень хороши, и я слышалъ имъ похвалы; напримѣръ статью *Орган. процессъ* хвалилъ Бестужевъ-Рюминъ, историкъ. Мнѣ очень по-

[1]) Такъ и есть: «духъ и тонъ» неудовольствія на Страхова,— и въ *слѣдующемъ письмѣ* я явно опасался, не обидѣлъ ли чѣмъ-нибудь его. Только теперь, когда самому 57 лѣтъ, понимаю, что нельзя обижать (и огорчать) старшихъ. Тогда казался (себѣ) «всѣхъ умнѣе и всѣхъ замѣчательнѣе». *Примѣчаніе 1913 года.*

правились нѣкоторыя замѣчанія; напримѣръ, *разложеніе органическаго процесса на его элементы* и особенно указаніе *возможности перерыва*, или *прекращенія этого процесса*. Но конецъ статьи мнѣ не такъ понравился. (Да, кажется, я уже писалъ Вамъ объ этомъ). Я ждалъ, что найду приложеніе найденныхъ категорій къ явленіямъ органическаго міра, и нашелъ только бѣглые и краткіе намеки. Вообще, Ваши статьи, какъ и Ваша книга, страдаютъ *неопредѣленностью предмета* [1]) и неопредѣленностью метода. О чемъ идетъ рѣчь? О какой-нибудь книгѣ? О существующей наукѣ? О господствующемъ заблужденіи? Словомъ, укажите то *мѣсто*, которое Вы хотите занять, тотъ *вопросъ*, на который хотите отвѣчать, *примкните* себя и свою мысль къ чему-нибудь конкретному [2]). Иначе Ваши писанія не будутъ ни для кого важны и интересны [3]), и не будутъ читаться. Потомъ, если Вы стали разсуждать,—нужно, чтобы видѣнъ былъ Вашъ ме-

---

[1]) Только *отвлеченностью* (алгебраичностью): но «неопредѣленности», т. е. «каши», никогда не ношу въ умѣ и не могло появиться въ словахъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Темы и предметы совершенно мнѣ чуждыя тогда и теперь. *Примѣчаніе 1913 года.*

[3]) Вотъ то-то! Вотъ тутъ-то и убійство!!! «Помоги намъ въ спорахъ, и мы тебя начнемъ читать». «Помоги нашимъ книгамъ,—и мы поможемъ твоей!» У Страхова, съ его литературнымъ бѣдствіемъ («терплю крушеніе»!) это такъ понятно, да и писалъ онъ уже 65 лѣтъ: но собственно весь зовъ литературы, и научныхъ книжекъ, таковъ. «Къ *намъ!* Къ *намъ!* Не начинай *своего!!* Со *своимъ* ты неинтереснъ и никому не нуженъ». Не таковы были арабы въ XI вѣкѣ. *Примѣчаніе 1913 года.*

тодъ, Ваши пріемы. Иначе никогда не будетъ видно, что вы исчерпываете предметъ, что смотрите на него съ наилучшей точки зрѣнія. Вотъ у Гегеля Вы увидите (пожалуйста, читайте его), что развитіе понятій совершается по діалектическому методу. Онъ и идетъ постоянно по линіи этого метода, а не движется на удачу, неизвѣстно откуда и неизвѣстно къ чему [1]).

Очень мнѣ грустно было читать Ваши жалобы на невниманіе къ Вамъ другихъ; но поставьте себя на мѣсто этихъ другихъ, вѣдь они тоже имѣютъ право жаловаться на Васъ. Я бы совѣтовалъ Вамъ писать что нибудь объ литературѣ, о Достоевскомъ, Тургеневѣ, Толстомъ, Щедринѣ, Лѣсковѣ, Успенскомъ и т. п. Вы много можете сказать хорошаго, и всѣ станутъ читать.

Виноватъ я передъ Вами, что Ваша книга, которую поручилъ мнѣ разобрать Ученый Комитетъ, до сихъ поръ не разобрана. Да что мудренаго. Развѣ это легкая задача. Но на этой недѣлѣ я примусь за нее и исполню свой долгъ, напишу докладъ.

Досадно мнѣ, что и въ «*Р. Вѣстникѣ*» и въ «*Журн. Мин. Нар. Просв.*» искажено Ваше отчество; и оба точно сговорились, поставили В. И. вмѣсто В. В. Я никогда не понималъ, какъ можно указывать годъ или имя, когда его не знаешь. Одна моя статья въ «*Журн. М.*» была подписана И. Страховъ.

---

[1]) Ну, ужъ я-то всегда «извѣстно откуда и извѣстно куда». *Примѣчаніе 1913 года.*

Былъ я недоволенъ Вашимъ прежнимъ письмомъ за то, что Вы не написали, какъ идутъ Ваши печальныя исторіи въ Ельцѣ. Будете писать, то не забудьте. Ваши отзывы о людяхъ исполнены любви, и это очень меня трогаетъ и возвышаетъ Васъ въ моихъ глазахъ.

Объ Вашей «Метафизикѣ» [1]) я говорилъ и укорялъ редактора; онъ отговаривался, но не отговорился. Буду продолжать. Леонидъ Майковъ вовсе не «простой добрый русскій человѣкъ»,—какъ Вы его опредѣляете. Не хочу сказать о немъ что-нибудь дурное, но простодушія и добродушія въ немъ нѣтъ; онъ тонкій и умный человѣкъ [2]); отнестись презрительно къ *Первову* [3]), котораго онъ вовсе не знаетъ, онъ едва ли могъ; мнѣ думается, Вы приняли его важничающій тонъ за нѣчто болѣе опредѣленное.

Ну, простите. Прошу Васъ пишите и всегда помните, что Вамъ легче написать пять длинныхъ писемъ, чѣмъ мнѣ одно короткое. Относительно же Вашихъ статей, я дѣлаю все возможное. Я пришлю Вамъ скоро оттискъ изъ «*Ж. М. Н. Пр.*», и теперь

---

[1]) Т. е. Аристотеля,—переводъ и комментаріи. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Извѣстно, что въ Россіи особенно толстые люди суть особенно тонкіе люди. Довольно «толстый» Л. Н. М—въ издавалъ Пушкина, былъ «свой» и «близъ равнаго» съ А. Н. Георгіевскимъ: а болѣе худощавый Страховъ все корпѣлъ надъ учебниками за 1.000 рублей въ годъ,—сколько получаетъ помощникъ столоначальника во всякой канцеляріи. *Примѣчаніе 1913 года.*

[3]) Учитель греческаго языка въ Ельцѣ, съ которымъ мы вмѣстѣ трудились надъ Аристотелемъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

послалъ Вамъ Вашу рукопись только для того, чтобы Вы видѣли, что я, хоть и не пишу, но помню объ Васъ.

Дай Богъ Вамъ добраго духа и всего хорошаго. У Гете есть:

«Печаль подобна водѣ: она тянетъ въ себя, но въ ней же мы видимъ отраженіе вѣчныхъ звѣздъ».

Простите меня.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1889 г.

XVII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Пишу къ Вамъ только для того, чтобы покаяться и извѣстить Васъ, что я не сдержалъ своего обѣщанія, не представилъ 22 мая доклада объ Вашей книгѣ и отложилъ его до 20 іюня. Мнѣ хотѣлось составить довольно подробный отзывъ, и я почувствовалъ, что, если буду подгонять къ засѣданію, то успѣю написать только небольшую замѣтку. Долженъ также сознаться, что заключеніе мое не будетъ особенно благопріятно; вѣроятно, мой разборъ будетъ напечатанъ въ «*Журн. Мин. Нар. Просв.*», и тогда Вы увидите, почему я не могъ дать иного отзыва, несмотря на все мое расположеніе къ Вамъ. Мнѣ въ нѣкоторой степени больно критиковать Васъ, но—magis amica veritas, и если я ошибаюсь, то противъ всякаго своего желанія, и даже съ прямымъ желаніемъ ошибиться скорѣе въ Вашу пользу.

Теперь я собрался ѣхать къ Л. Н. Толстому, гдѣ я пробуду числа до 15 или 16. Къ несчастью, мнѣ се-

годня очень занездоровилось, и это напоминаетъ мнѣ, что самые твердые планы могутъ не исполниться.

Дай Вамъ Богъ всего истинно хорошаго, и не забывайте

Вашего искренно преданнаго

Н. Страхова.

1889, 24 мая. Спб.

P. S. Отъ Толстого я вернусь въ Петербургъ и пробуду дома до первыхъ чиселъ августа. Пишу это въ надеждѣ, что Вы мнѣ напишете.

XVIII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Очень обрадовали Вы меня Вашимъ письмомъ. Все такъ и было, какъ я Вамъ писалъ. Двѣ недѣли прожилъ я въ Ясной Полянѣ, потомъ вернулся домой и два дня дописывалъ свой докладъ, а 20 іюня читалъ его въ Комитетѣ. Простите меня: очень трудно мнѣ писалось и весь разборъ Вашей книги составитъ страницъ 10—12, не больше. Когда я кончилъ чтеніе, то Комитетъ думалъ, что я предложу *рекомендовать* [1]) Вашу книгу для пріобрѣтенія въ основныя библіо-

[1]) На «рекомендаціи» гимназіи, къ уму ихъ, не обращаютъ никакого вниманія; и вообще роль книги «О пониманіи» могла быть и должна была быть въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ, но почти непонятно, зачѣмъ бы ей быть въ гимназіи. Она вся вращается въ *новомъ* для науки, есть «пытливость» и «пытаніе», худое или хорошее: а въ гимназіи *преподаютъ извѣстное и элементарное*. Предложилъ я ее на «одобреніе» только по предложенію (сколько помнится) А. И. Георгіевскаго. *Примѣчаніе 1913 года.*

теки, и всѣ готовы были на это согласиться. Но я не рѣшился на такое предложеніе, и потому постановили: просить Редакцію «*Ж. М. Н. П.*» напечатать мой разборъ, а голословной рекомендаціи не давать. Рекомендація вѣдь значитъ ручательство за выдающіяся достоинства книги. Ваша книга слишкомъ своеобразна, чтобы можно было ее оффиціально рекомендовать [1]). Впрочемъ Вы все увидите изъ рецензіи. Вчера я видѣлся съ редакторомъ и дѣло это устроено.

Что касается разбора книги Меншуткина, то, сколько я вижу по Вашему письму, разбора тутъ не будетъ, а будутъ Ваши мысли, которыя одинаково относятся ко всякому курсу химіи и которыя можно изложить независимо отъ какого бы то ни было курса. Разумѣется, въ «*Р. Вѣстникъ*» это не годится. Но почему же не въ «*Ж. М. Н. П.*» [2]). Если *четыре* страницы, то это всегда возможно. Очень радуюсь, что

---

[1]) Ну, совсѣмъ «погибѣша въ канцеляріи».—«Изобрѣли фарфоръ. Что дѣлать?» Канцелярія въ смятеніи: «Фарфоръ... по *какимъ образцамъ? какого вида* изобрѣтатель? не *родня* ли нашему попечителю? Нѣтъ, только знакомый? Въ такомъ случаѣ одобрить нельзя. Но и отвергнуть тоже неудобно: назначить комиссію № 11-й для разсмотрѣнія фарфора». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Зачѣмъ я въ химію залѣзъ—не понимаю. Это—умора. Впрочемъ, у меня есть память, что меня занимала разница между *опредѣленными химическими соединеніями* (прочными, какъ бы «держась за-руки другъ друга») и *растворами, смѣсями*, гдѣ такого «другъ друга за руку»—нѣтъ. Вообще это все—*философія на границахъ механики и біологіи*, и кой-какое право на нее у меня было. *Примѣчаніе 1913 года.*

Вы пишете для «*Р. В.*» статью,—тогда нѣтъ надобности и никакого удобства тамъ же печатать и другую. Пришлите мнѣ Ваши четыре страницы,—надѣюсь, что всегда ихъ помѣщу.

Простите, что не отвѣчаю Вамъ на многое, что содержится въ Вашемъ письмѣ. Очень это трудно. Скажу лишь кое-что. Выходитъ, что Вашу жену [1]) я видѣлъ не разъ когда-то, въ 1861, 1862 годахъ. Она была очень молода и очень красива. Все еще никакъ не понимаю Вашихъ отношеній, но отъ души желаю Вамъ спокойной и чистой развязки.

Вы спрашиваете: «не все ли равно: повторять зная, что именно *повторяешь*, или не зная о томъ, что *повторяешь*». Да я и написалъ въ рецензіи, что Вы обнаружили умъ и талантъ, но что Вы пошли по старымъ путямъ, только не столь послѣдовательно, какъ другіе, проложившіе и разработавшіе эти пути. Вы *не повторяете* именно потому, что не доводите Вашей мысли до конца, или не достаточно строго ее ставите.

Ну, простите. Благодаря Бога, я здоровъ прекрасно, и моя поѣздка была преблагополучная: насладился Толстымъ довольно, хоть и не досыта. Какой удивительный человѣкъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше питаю къ нему любви и уваженія. Онъ теперь весь погрузился въ писаніе повѣсти о томъ, какъ мужъ убилъ невѣрную жену [2]).

---

[1]) Первую. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Очевидно—«*Крейцерова соната*». *Примѣчаніе 1913 года.*

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго. А кстати: Вы никогда не отвѣчаете мнѣ на вопросы моихъ писемъ, а я дѣлаю ихъ изъ искренняго участія и серьезно желалъ бы отвѣтовъ. Во всякомъ случаѣ, простите

Вашего преданнаго

Н. Страхова.

1889, 4 іюля. Спб.

XIX.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Вы нетерпѣливы и волнуетесь непростительно. Разумѣется, я пришлю Вамъ десятокъ экземпляровъ своей рецензіи, какъ только получу ихъ. Она не могла попасть въ іюльскую книжку, которая вышла 1-го іюля, и будетъ напечатана въ августовской, т.-е. 1-го августа. Я уже продержалъ корректуру. Смотрите, только не слишкомъ браните меня.

Когда я выѣду (а я и самъ не знаю, когда, куда, и выѣду. ли), я напишу Вамъ по крайней мѣрѣ на сколько времени ѣду. Вѣроятно на недѣлю.

Слава Богу, не могу жаловаться на здоровье, и работаю понемножку. Чувствую почему-то, что Вы въ хорошемъ духѣ. Дай Богъ всего хорошаго!

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1889, 19 іюля.

XX.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Напрасно упрекалъ я Васъ въ нетерпѣніи: сегодня я узналъ, что моей статьи нѣтъ въ августовской книжкѣ,—значитъ, она отложена до слѣдующихъ книжекъ. Но я попрошу, чтобы ее не откладывали дальше сентябрьской, и очень прошу Васъ извинить меня, что не догадался похлопотать теперь. Мнѣ не пришло въ голову, что редакторъ обыкновенно помѣщаетъ наши доклады не по порядку времени, а какъ придется, по размѣру страницъ, которыя онъ отвелъ для нихъ въ своемъ журналѣ.

Хотѣлось бы мнѣ сообщить Вамъ что-нибудь пріятное и интереспое. Въ трехъ книгахъ «Русской Мысли» (май—іюль) явилась статья Тимирязева[1]) *Без-*

[1]) Тимирязевъ—въ высшей степени талантливый ботаникъ, можетъ быть съ черточками гепія; но—не *методологъ*. Черезъ 20 лѣтъ послѣ тогдашнихъ «побѣдъ» своихъ (въ журналахъ и публичныхъ лекціяхъ) онъ все-таки видитъ, что «храмина дарвинизма» вся разсыпалась, и слѣдовательно его «побѣды» были кажущіяся, а всѣ

сильная злоба антидарвиниста, гдѣ онъ отвѣчаетъ на мою статью *Всегдашняя ошибка* и нападаетъ на меня съ ужасной яростію. Если Вамъ доведется прочесть, то прошу Васъ, напишите Ваше впечатлѣніе. Придется отвѣчать; хотя коротенько. Думаю назвать статью—*О полемикѣ изъ-за книгъ Н. Я. Данилевскаго* и сдѣлать обзоръ всего спора съ Тимирязевымъ и съ Соловьевымъ. Признаюсь, жалкіе результаты,—не споръ вышелъ, а перебранка.

Писалъ ли я Вамъ, что Соловьевъ былъ у меня нѣсколько разъ и видимо старался разсѣять неудовольствіе, которое мнѣ сдѣлалъ. Двѣ его статьи въ «*Вѣстн. Европы*»,—одна о церкви, другая о славянофилахъ—очень слабы, но очень запозисты; кажется, онѣ не сдѣлали большого впечатлѣнія. Читали ли Вы въ «*Ж. М. Н. Пр.*» статью *Каринскаго* о логикѣ *Троицкаго*? Очень умна и учена, но, по обыкновенію, не содержитъ ни выводовъ, ни общаго взгляда.

Слава Богу, что не только этимъ однимъ я занятъ. Извѣстный Вамъ Михайловъ[1]) писалъ мнѣ съ дачи, что Тимирязеву отвѣчать вовсе не стоитъ, а что лучше бы я *готовился къ смерти*. Очень дико писать такъ, но этотъ совѣтъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что̀ я чувствую и что̀ дѣлаю.

усилія (защитить и прославить ученіе «своего друга» Чарльза Дарвина)—напрасны. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Студентъ Спб. универс., энтузіастъ Н. Н. С—ва. *Примѣч. 1913 г.*

Если будетъ у Васъ охота писать ко мнѣ, то очень, очень меня утѣшите. Здоровье мое можно сказать блистательно, особенно когда сравню себя съ знакомыми, которые тѣ хирѣютъ, тѣ болѣютъ.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Простите и не забывайте

Вашего искренно преданнаго

Н. Страхова.

1889, 3 авг. Спб.

XXI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ.

Благодарю Васъ за Ваше письмо; очень Вы меня утѣшаете Вашими похвалами и притомъ удивляете чрезвычайною ихъ тонкостью. До похвалъ я, признаюсь, жаденъ, потому что часто унываю въ своемъ одиночествѣ, и похвалы даютъ мнѣ знать, что я пишу не въ пустомъ пространствѣ [1]). Что же до Вашей тонкости пониманія, то, видя ее, я только сокрушаюсь, что Вы не можете писать коротко. Такой цѣнитель былъ бы драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для литературы, и я боюсь, что Вы не съумѣете показать свой талантъ лицомъ.

Посылаю Вамъ Вашу статью объ Дарвинѣ. Аргументъ, который Вы хотите выставить, совершенно вѣренъ; я его замѣтилъ, но онъ не подходилъ къ общему плану моей статьи. Однако, если Вы прочтете теперешнія статьи Тимирязева, то увидите, что его трудно принять. Но, дѣйствительно, очень хорошо остановиться

[1]) Какъ прекрасно эти милое—«жаденъ», въ которомъ вѣдь такъ унизительно признаться. Вотъ такъ никто о себѣ изъ западниковъ не писалъ. Всѣ они наѣлись до отвалу славы, взаимно кормля другъ друга восхваленіями. По-истинѣ, honny soit qui mal y pense объ этихъ словахъ Страхова. *Примѣчаніе 1913 года.*

на одномъ пунктѣ и такъ ударить, чтобы противникъ былъ опрокинутъ. Да не напечатаютъ ли въ «*Моск. Вѣдомостяхъ*»? Самъ я уже уговорился съ редакторомъ «*Р. Вѣстника*», что къ ноябрьской книжкѣ приготовлю отвѣтъ Тимирязеву, листа въ полтора.

Вообще, когда прочтете новую статью Тимирязева, тогда можно будетъ вполнѣ рѣшить, что̀ нужно дѣлать. Вы меня очень обяжете, если сообщите мнѣ Ваше впечатлѣніе. Л. Н. Толстой пишетъ мнѣ такъ: «Послѣднюю статью Тимирязева прочелъ. Очень дурно, нравственно дурно, а потому невѣрно и вычески дурно». Что-то Вы скажете.

Теперь я пишу маленькую статью «*Воспоминаніе объ Аѳонѣ и объ о. Макаріѣ*».

Лѣто у насъ кончилось: дожди, вѣтры и холодки. Я простудился и долженъ сидѣть дома, пока не пройдетъ мой бронхитъ. Кусковъ Вамъ кланяется: онъ работаетъ по-немножку, и не дурно. Иное даже превосходно—въ прозѣ.

Любви всѣ возрасты покорны,
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.

Дай Богъ, чтобы и съ Вами такъ было [1]).

Простите меня.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1889, 13 авг. Спб.

---

[1]) Вѣрно въ отвѣтъ на разсказъ о моей сердечной исторіи, завязавшейся у гроба П. О. Истропавловскаго. *Примѣч. 1913 г.*

XXII.

Очень Вы меня порадовали Вашимъ письмомъ, дорогой Василій Васильевичъ. Если Вы довольны моею критикой на Вашу книгу, то чего мнѣ больше желать. Вы тутъ самый взыскательный судья. «Довести до конца»—эти слова относятся къ діалектикѣ. Ее постоянно обвиняютъ и въ произвольности и въ софистичности; но въ истинномъ своемъ видѣ она также тверда и несомнѣнна, какъ математика. Къ несчастью, она рѣдко доводится до совершенства, до конца, почему и заслуживаетъ такіе упреки.

Статью Вашу [1]) я прочиталъ, очень одобрилъ и отправилъ въ «*Московскія Вѣдомости*» съ надлежащею рекомендаціею. Что будетъ,—разумѣется я Вамъ сообщу.

Дай Вамъ Богъ всего хорошаго.

Вамъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1889, 14 сентября. Спб.

---

[1]) О дарвинизмѣ,—противъ проф. К. Тимирязева.

XXIII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Съ большимъ огорченіемъ принимаюсь за письмо къ Вамъ. Статью Вашу я нахожу имѣющею такіе недостатки, что не могу взяться за ея пристроиваніе. И совсѣмъ не потому, что она составляетъ возраженіе противъ моей статьи, а потому, что она ничего яснаго не представляетъ. Въ ней нѣтъ одной главной мысли, и я самъ едва могу сообразить, что Вы хотите сказать. Не могу я рекомендовать статьи, которую не могу хвалить. И если Вы хотите выступить, проявиться среди большой публики, то развѣ можно это сдѣлать статьею, на которую всякій посмотритъ, какъ на непонятную загадку? О чемъ въ ней говорится? *Объ органическомъ характерѣ науки*. Представьте человѣка, которому это дѣло новое: развѣ онъ получитъ разъясненіе его изъ Вашей статьи? Развѣ можно ссылаться на свою книгу, какъ на что-то извѣстное? Нужно писать такъ, чтобы и тотъ, кто

не читалъ Вашей книги, понималъ, что Вы говорите [1]).

Всѣ Ваши недостатки, т.-е. Вашего писанія, сказались въ Вашей статьѣ. Отвлеченно, неопредѣленно, безъ строгаго метода и твердой цѣли.

Вотъ Вамъ возраженіе, котораго я не хотѣлъ помѣстить въ свою рецензію. Когда Вы говорите о *наукѣ*, или о *философіи*, то всѣмъ извѣстно, о чемъ Вы говорите. Но что такое Ваше *пониманіе*? Вы позабыли его опредѣлить,—такъ опредѣлить, чтобы было ясно его отношеніе къ наукѣ и къ философіи. И конечно, оно не существуетъ, какъ что-то выше ихъ, или между ними [2]).

Въ письмѣ невозможно довести до конца эти объясненія. Мнѣ очень хочется давать Вамъ разныя наставленія, но знаю, какъ это безполезно, да и, боюсь, Вамъ будетъ непріятно. Скажу одно: пока Вы будете дѣлать все порывомъ, наскоро [3]),—ничего не будетъ

---

[1]) Никакого воспоминанія о самой статьѣ, и, кажется, ея нѣтъ въ моихъ рукописяхъ и вообще «архивѣ непапечатаннаго». *Примѣч. 1913 г.*

[2]) И «выше» и «между ними», насколько *схема возможнаго* (на строгихъ принципахъ построенная) можетъ «очень просто» превосходить и быть вообще *обширнѣе* дѣйствительнаго, эмпирическаго... Страховъ самъ же въ *оффиціальной* рецензіи сказалъ, что мною предложенный рядъ наукъ неизмѣримо *обширнѣе* всѣхъ до сихъ поръ представленныхъ такъ называемыхъ «классификацій науки». *Примѣч. 1913 г.*

[3]) Книга «О пониманіи» однако писалась *пять лѣтъ*, и я могъ бы, но ни строкц не выпустилъ раньше ея окончанія, просто по «не хочется писать *другое*». Вообще я скорѣй страдаю спеціализаціей вниманія и интереса, чѣмъ ихъ *разсѣянностью*. *Прим. 1913 г.*

хорошаго. Жаръ—дѣло драгоцѣнное, но нужно вполнѣ владѣть имъ. Изъ Вашихъ статей я нахожу обработанною только одну: *Проф. Тимирязевъ*. Не вижу «*Моск. Вѣдомостей*», но уже недѣли двѣ какъ мнѣ присылали оттуда корректуру этой статьи, и я отправилъ ее назадъ съ просьбою выслать Вамъ деньги и номера газеты.

Кстати: я Вамъ писалъ въ отвѣтъ на то письмо, гдѣ Вы говорите о моей рецензіи. Неужели Вы не получили? Я такъ и считалъ, что письмо—за Вами, а не за мною.

Не повѣрите, какъ это грустно,—отказывать Вамъ и противорѣчить. Вы меня немножко пожалѣйте. Съ великою радостью готовъ я хлопотать объ Вашихъ статьяхъ и держать ихъ корректуру, но пусть статьи Ваши облегчаютъ мнѣ это дѣло, пусть будутъ ясны и привлекательны, чтобы весело было стоять за нихъ, чтобы у меня ихъ рвали изъ рукъ.

Простите меня. Слава Богу, я здоровъ, и въ настоящую минуту очень занятъ. Кусковъ Вамъ кланяется. Попрошу его написать Вамъ объ статьѣ *Цѣлесообразность и причинность* [1]), которую онъ теперь читаетъ.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1889, 22 окт. Спб.

---

[1]) Никакой памяти. Вѣроятно, главки книги «О пониманіи» подъ этими заглавіями. *Примѣч. 1913 г.*

XXIV.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Вы такъ недовольны мною, что ничего мнѣ не пишете. Между тѣмъ я все сокрушаюсь и раздумываю, какъ бы угодить Вамъ. Получилъ я новый журналъ «*Вопросы философіи*», и увидѣлъ, что онъ ведется по возможности хорошо и безъ сомнѣнія имѣетъ будущность. Вотъ мѣсто для Вашей статьи по ея содержанію, совершенно неудобному для литературныхъ журналовъ. Я бы и послалъ ее туда, но не могу послать съ похвалами и требованіемъ напечатать. Да мнѣ и для Васъ вовсе не хотѣлось бы, чтобы Вы начинали такою статьею. Но напишите что-нибудь вновь, такое, чѣмъ бы Вы могли показать себя,—я всегда готовъ къ Вашимъ услугамъ.

Впрочемъ, предлагаю Вамъ вопросъ: хотите ли, чтобы я отправилъ туда Вашу теперешнюю статью? Какъ рѣшите, такъ я и сдѣлаю.

Статья *Отреченіе дарвиниста* [1]), какъ я слышалъ, производитъ большую сенсацію; иронія попала въ цѣль.

Вчера только я кончилъ статью для декабря «Р. Вѣстн.» *Споръ изъ-за книгъ Н. Я. Данилевскаго*; тутъ и отвѣтъ Тимирязеву, но вся статья только 18 страницъ, что очень трудно.

Отъ души желаю Вамъ всего хорошаго и еще разъ прошу извинить мой отказъ.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1889, 11 ноября. Спб.

[1]) Противъ проф. К. Тимирязева. Напечатана въ «*Моск. Вѣд.*» (см. предыдущее письмо Страхова). *Примѣч. 1913 г.*

XXV.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Ваше огорченіе, которое такъ ясно слышится въ Вашемъ письмѣ, повѣрьте, очень огорчаетъ меня. Но какъ же тутъ быть? Надѣюсь, что ни Вы, ни я не виноваты. Ничего я такъ не желалъ бы, какъ того, чтобы Вы могли дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, и это я Вамъ и предлагалъ. Не послать ли Вашу статью *Объ орган. характерѣ науки* въ журналъ «*Вопросы*» [1]). А потомъ мнѣ пришла еще мысль, что я могу ее отдать въ «*Журн. М. Нар. Просв.*» на томъ основаніи, что она есть возраженіе на рецензію [2]), и журналъ нѣкоторымъ образомъ обязанъ дать ей мѣсто. Хотите ли, я такъ сдѣлаю? Что касается до

---

[1]) Т.-е. «Вопросы философіи и психологіи» Н. Я. Грота. *Примѣч. 1913 г.*

[2]) Т.-е. на рецензію П. Н. Страхова; значитъ это была статья, *разъясняющая* книгу «О пониманіи». По всему вѣроятію, она и была неудачна, и Страховъ справедливо не зналъ, что съ нею дѣлать. Но у меня нѣтъ никакого воспоминанія о статьѣ. *Примѣч. 1913 г.*

«*Русск. Вѣстника*», то редакція мнѣ же поручитъ составить о статьѣ сужденіе, и у меня нѣтъ основанія побуждать редакцію печатать, если я не убѣжденъ въ пригодности статьи для литературнаго журнала.

Вы пишете о новой статьѣ—*Мѣсто христіанства въ исторіи*. Очень мнѣ хочется ее прочесть, и заранѣе увѣренъ, что она превосходна. Вотъ такими статьями о предметахъ общеизвѣстныхъ и общеинтересныхъ и нужно Вамъ завоевать себѣ имя. Отчего Вы мнѣ ее не прислали? Не пришлете ли теперь? Вы пишете, кромѣ того, что она коротка. Отдѣльное изданіе чрезвычайно невыгодно и въ денежномъ отношеніи, и для извѣстности, а помѣщеніе въ журналѣ, напротивъ, хорошо и для того, и для другого. Наконецъ, оба способа можно соединить—напечатать въ журналѣ и взять нѣсколько сотъ оттисковъ, которые можно выпустить отдѣльно.

Итакъ, прошу Васъ, отвѣтьте мнѣ хорошенько на слѣдующіе вопросы:

1) послать ли статью *Объ орган. характерѣ* въ «*Вопросы*»?

2) не настоять ли на напечатаніи этой статьи въ «Журн. Мин. Нар. Просв.»?

3) Не дадите ли *Мѣсто христіанства* въ «Русск. Вѣстникъ»?

Крейцерова Соната есть вещь удивительная, одна изъ самыхъ крупныхъ вещей Льва Николаевича Толстого. Только на дняхъ я перечиталъ ее, но еще долго придется объ ней думать. Она не будетъ напечатана въ Журналѣ, а отдѣльно, и я Вамъ пришлю ее.

Много читалъ я и «*Вопросы*» [1])—очень, очень слабо пишутъ. Вспоминая именно *обработанность* [2]) Вашей рѣчи, я подумалъ, что она въ сто разъ достойнѣе красоваться на подобной превосходной бумагѣ. Но попробуйте посмотрѣть на *предметы*, о которыхъ идетъ

---

[1]) Т.-е. «Вопр. философіи и психологіи». *Примѣч. 1913 г.*

[2]) Ничего въ жизни никогда не обработывалъ, кромѣ двухъ единственныхъ статей: «Цѣль человѣческой жизни» и «О трехъ принципахъ человѣческой дѣятельности» (редакціи 3—4 каждой): и онѣ—тянутся томительно, какъ мочалка. Книга «О пониманіи» (737 стр.) вся была написана совершенно безъ поправокъ. Обыкновенно это бывало такъ: утромъ, въ «ясность», глотнувъ чаю, я открывалъ толстую рукопись, гдѣ кончилъ вчера. Видъ ея и что «вотъ сколько уже сдѣлано»—приводилъ меня въ радость. Эту радость я и «поддѣвалъ на иголку» писательства. Быстро оторвавъ уголокъ бумажки, я мелилъ подъ посомъ, и, какъ былъ въ очарованіи—мелилось хорошо. Это продолжалось минутъ 15—20—30 (не больше)—величайшаго напряженія мысли, воображенія, «надежды и добра», пока душа почувствуетъ усталость. Въ этомъ «намеленномъ» я никогда ничего не поправлялъ и не было никогда ни одного зачеркнутаго слова. Тогда (отдыхъ) я придвигалъ толстую тетрадь (въ форматъ листа,—великолѣпной Рижской бумаги) и переписывалъ красиво, счастливо, спокойно «накопленное богатство». Это,—что «богатства еще прибавилось»,— снова приводило меня въ счастье, между тѣмъ за время переписыванія душа отдохнула; и когда переписка кончалась — душа, какъ свѣжая, вновь кидалась въ паръ изобрѣтенія, «открытій», «новыхъ мыслей», топовъ и переливовъ чувства, тоже минутъ на 20, и все это опять мелилось на новомъ уголкѣ бумаги. Такъ написана была книга, въ которой так. обр. не было зачеркнуто ни одного слова. Но, разумѣется, *планъ* и *смыслъ* книги сложились въ головѣ задолго до «какъ сѣсть за нее»: однако страницы изобрѣтались «тутъ за писаніемъ» и не были извѣстны даже за полчаса до написанія. Кромѣ *схемъ*, которыя слагались годами. *Примѣч. 1913 г.*

рѣчь, и Вы увидите, чѣмъ они берутъ. Прошу Васъ, подумайте, что Вы можете ошибиться въ смыслѣ тѣхъ упрековъ, которые нашли въ моемъ письмѣ. Какое я могъ имѣть побужденіе быть къ Вамъ несправедливымъ? Напротивъ, все меня располагало и располагаетъ въ Вашу пользу.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1889, 20 ноября. Спб.

XXVI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Пишу къ Вамъ наскоро, для того только, чтобы сообщить, что Бергъ [1]) обѣщалъ напечатать *Мѣсто христіанства въ исторіи* въ январьской книжкѣ. Статья Ваша мнѣ очень понравилась и вѣрностью основной мысли, и точностью нѣкоторыхъ ея развитій. Пришлось откинуть только вступленіе [2]) и прямо

[1]) Редакторъ «Русскаго Вѣстника», переѣхавшаго имъ въ Спб. *Примѣч. 1913 г.*

[2]) Шперкъ (О. Э.),—человѣкъ глубочайше тонкаго ума,—сказалъ однако, что это «откинутое вступленіе» (конечно, оно для журнала было неудобно) чрезвычайно ее испортило. Вѣдь *духъ началъ со «вступленія»:* и какъ было прерывать его въ первомъ словѣ? Въ отдѣльномъ изданіи (Москва, 1890 г.) оно возстановлено. Заглавіе, отличающееся гимназическою ясностью, было дано по рекомендаціи П. Д. Первова, преподавателя въ Ельцѣ и со-переводчика по Аристотелю; мое же заглавіе, *которое слѣдуетъ возстановить и которое сказала душа какъ тему рѣчи* (актовой, въ Елецкой гимназіи) было—«Объ историческомъ положеніи христіанства». Статья эта мнѣ помнится какъ прекрасная по тону, по духу,—и въ ней ни одного слова

начать съ того, какое преимущество исторія имѣетъ передъ другими науками.

Л. Майковъ говорилъ мнѣ, что писалъ къ вамъ, извинялся и обѣщалъ начать «*Метафизику*» съ ян-

---

казалось бы не слѣдовало перемѣнять. Ей я никогда и ни отъ кого не слышалъ порицанія, а памятованіе ея слыхалъ даже черезъ 10 лѣтъ. Между прочимъ она вызвала письмо ко мнѣ Шперка, съ котораго и началось наше знакомство (по письмамъ), перешедшее въ дружбу. Объективное ея значеніе заключается въ томъ, что въ легкомъ по формѣ наброскѣ, но съ задушевнымъ волненіемъ и большой вѣрой, въ немъ показано историческое движеніе человѣчества, гдѣ во-первыхъ «сказался Богъ» и, во-вторыхъ, гдѣ орудіями или проявителями Промысла являются *семитическія* и *арійскія* племена, Библія и Акрополь, арабы и Капитолій. Такъ-какъ это не есть монографія, диссертація и проч., такъ-какъ она безъ «ученыхъ примѣчаній», а есть *глаголъ изъ общества*, то отсюда и вытекаетъ то главное ея значеніе въ развитіи *русской* общественности или *русской* (обывательской) вообще *мысли*, что она впервые, этою актовою рѣчью въ гимназіи, выдвинула впередъ всей исторіи арійскій духъ и (особенно) семитическій духъ, какъ настоящихъ *производителей* судебъ человѣчества. Это *психологическое объясненіе* исторіи (на *мѣсто* или *на ряду* или *въ споръ* съ объясненіями естественно-историческимъ или политико-экономическимъ или наконецъ юридическимъ) и составляетъ *суть* и *заслугу* «Мѣста христіанства въ исторіи». Можетъ быть это аберрація, но мнѣ даже казалось и кажется, что со времени этой статьи вопросъ «о *семитизмѣ*» и всталъ во всей своей значительности, не допускающій долѣе говорить «о *жидѣ*» и даже «объ *евреяхъ*», а о евреѣ—Судьбѣ, евреѣ—Рокѣ,—евреѣ Перстѣ-Божіемъ и Планѣ Исторіи. Вопросъ съ рынка перебросился въ алтарь. Конечно, это—иллюзія, но каждый понимаетъ хорошо только свою душу: въ «моей душѣ прошелъ *трепетъ о евреяхъ*—и мнѣ (иллюзія) казалось, что и весь міръ затрепеталъ со мною, и думаетъ не о "«зависимости отъ Нила, отъ Волги, отъ Тибра» исторіи, не о «борьбѣ класса эвпатридовъ съ

варя. Я взялъ у него вашу статью о философской литературѣ; но еще не успѣлъ ее выправить,—скоро это сдѣлаю и отошлю Гроту.

Дай Богъ вамъ всего хорошаго.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1889, 1 дек. Спб.

Пришлю вамъ и вашу статью объ *Органическомъ характерѣ науки*. Вы отступаетесь отъ нея; но развѣ вы убѣдились моими возраженіями? Они очень общи и голословны, и я думалъ, вы за себя больше постоите [1]).

классомъ геоморовъ» въ Аттикѣ, а о томъ, *какъ* и *куда Богъ ведетъ человѣчество*. Переходя къ суетному и земному, къ сору и рублю, долженъ замѣтить, что эта статья какъ-то навсегда, для всего «потомъ», проложила въ сору «улицу Розанова», «путь Розанова»; всѣ какъ-то узнали и *запомнили*, что тогдашняя статья написана «вотъ *имъ*», никогда никто потомъ къ принесенной мною рукописи не относился небрежно и съ «не хочется *читать*»; и, словомъ, *эта* статья одна и сразу дала мнѣ имя и положеніе,— не тѣ въ литературномъ мірѣ, не то вообще въ мірѣ читателей. И это «положеніе» сразу-же было прекрасное и серьезное. Во множествѣ случаевъ, черезъ десятки лѣтъ, когда я уже очень много *разнаго* написалъ,—знакомство начиналось какъ съ написавшимъ *именно* «Мѣсто христіанства въ исторіи», въ Петербургѣ, въ провинціи, съ русскими, съ евреями, съ духовными, со свѣтскими. И я думаю—это было правильно. *Примѣч. 1913 года.*

[1]) Я вовсе не «отступалъ», какъ никогда потомъ и ни отъ какихъ статей (мыслей, чувствъ) не «отступалъ», а просто – «не вышло», «кишка» (тягучее); и я бросилъ какъ «непереваривающуюся пищу» *Примѣч. 1913 г.*

XXVII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Уже больше недѣли тому назадъ продержалъ я корректуру вашей статьи «*О мѣстѣ*» [1]) и проч. Она мнѣ понравилась еще больше прежняго. Книжка явится, однако, не раньше 6-го или 7-го, такъ какъ Бергъ запоздалъ, почему-то. Я прислъ 25 оттисковъ, хотя они вамъ не нужны при отдѣльномъ изданіи.

Предсказываю вамъ, что ваше выступленіе въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*» будетъ блистательное. Я обращалъ вниманіе Н. Я. Грота на вашу статью.

Другую статью—*Замѣтки* [2]) я кое-гдѣ тронулъ, сдѣлалъ поправки въ библіографическихъ указаніяхъ

---

[1]) Т. е. «христіанства въ исторіи». *Примѣч. 1913 г.*

[2]) «Замѣтки о важнѣйшихъ теченіяхъ русской философской мысли, въ связи съ нашей переводной литературой по философіи». Она была написана мною какъ *предисловіе* къ переводу «Метафизики» Аристотеля,—по (журналъ требуетъ своего!) Страховъ посовѣтовалъ напечатать ее отдѣльно,—и устроилъ въ «Вопросы философіи и психологіи». *Примѣч. 1913 г.*

и смягчилъ мѣсто о Троицкомъ, да откинулъ начало и конецъ. Потомъ я послалъ ее Н. Я. Гроту и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Я еще не прочиталъ статью Роз....., но для меня довольно вашей рекомендаціи...., чтобы сказать, что статья будетъ непремѣнно напечатана. Постараюсь помѣстить ее въ третью книгу, хотя этотъ вопросъ рѣшается мною теперь не единолично (а черезъ комитетъ),въ виду скопленія интереснаго и важнаго матеріала. Но я самъ употреблю весь свой авторитетъ для напечатанія статьи въ третьей книгѣ (2-я уже совсѣмъ готова и набрана—остается корректурная задача). Думаю, что это удастся». (Это писано 20 декабря).

Н. Я. Гротъ очень добрый человѣкъ и поражаетъ своей искренней скромностью и удивительной дѣятельностью. Вотъ—пишите для него; сношенія съ нимъ такъ легки и пріятны, что лучше желать нельзя.

Съ новымъ годомъ. Дай вамъ Богъ всего хорошаго. Вы знаете мою новость—избраніе въ Академію [1]). Но я лучше бы желалъ, если бы мое здоровье поправилось; недѣли три, какъ похварываю.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1889, 31 дек. Спб.

---

[1]) «Членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ». *Примѣч. 1913 г.*

XXVIII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Получилъ я отъ Васъ нехорошее письмо, очень печальное по смыслу и очень дурное по изложенію. Что съ вами? Вы вовсе не разсказали мнѣ Вашей тоски. Попробуйте же дать себѣ отчетъ. Если это только физическое состояніе, то его нужно выдержать и побороть. Для этого первое дѣло—воздержаніе, спокойствіе; нужно избѣгать всякой усталости, быть чаще на воздухѣ [1]) и пр.

[1]) Есть у меня (должно быть) какая-то вражда къ воздуху, и я совершенно не помню за всю жизнь случая, когда-бы «вышелъ погулять» или «вышелъ пройтись» ради «подышать чистымъ воздухомъ». Даже въ лѣсу старался забиться поскорѣй въ сторонку («съ глазъ» и «съ дороги»), чтобы немедленно улечься и начать нюхать мохъ или (лучше) попавшійся грибъ, или сквозь вершины колеблющихся деревъ смотрѣть въ небо. Разъ гимназистомъ я такъ легъ на лавочку (въ городскомъ саду): и до того ввинтился въ звѣзды, «все глубже и глубже», «дальше и дальше», что только отдаленно сознавая, что «гимназистъ» и въ «Нижнемъ»—сталъ себя спрашивать, трогая пуговицы мундира: «Что-же истина, то-ли, что я *гимназистъ*

Но Вы принадлежите къ числу тѣхъ людей, которые дѣйствуютъ на меня всегда раздражительно; Вы *не владѣете собой*, а всегда что-нибудь Вами владѣетъ, и Вы съ полнѣйшимъ безстыдствомъ говорите: *я не могу* [1]). По моему, это значитъ:—я не хочу быть человѣкомъ и отказываюсь отъ своего сознанія.

Какъ вы рѣшились писать мнѣ о самоубійствѣ [2])? До чего вы дошли. Не ссылайтесь на тягость и тоску;

и покупаю въ сосѣдней лавочкѣ табакъ, или этой ужасной **невозможности**, гимназистовъ и т. п., табаку и прочее, вовсе **не существуетъ**, а это есть нашъ **сонъ**, несчастный сонъ заблудившагося человѣчества, а существуютъ... **Что?.. Міры**, колоссы, орбиты, вѣчности!!.. **Вѣчность** и **я**—несовмѣстимы, но **Вѣчность** — я ее вижу, а *я*—просто фантомъ»... И прочее въ томъ родѣ. *Примѣч. 1913 г.*

[1]) Всегда «не могъ» и ничего «не могъ». Страхову хорошо было «хорошо разсуждать» съ почвы своей натуры. Мы всѣ разсуждаемъ съ почвы своей натуры. Но еслибы я съ почвы *моей* натуры ему сказалъ: «ляжтесь на кровать, задерите ноги кверху и бросьте нѣтрипла воображенья на всѣ распутья», что бы онъ мнѣ сказалъ? «Наученья» вообще невозможны. Возможны только факты,—и слава Богу—если около нихъ есть *плачъ*. «Исправляются» лишь крохи человѣчества, $^1/_{1000}$ дробь его. Сихъ счастливыхъ натуръ я не знаю; т. е. видалъ, но *внутренно* ихъ представить не умѣю. *Примѣч. 1913 г.*

[2]) Добрый и *благородный* Страховъ: вотъ топъ *друга*! Никто, ни даже «другъ», исправить насъ не сможетъ; по великое счастье въ жизни встрѣтить человѣка совсѣмъ другой конструкціи, другого склада, другихъ всѣхъ воззрѣній, который, *всегда оставаясь собою* и ни мало не вторя намъ, не поддѣлываясь (бываетъ!) къ намъ и не впутываясь своею душою (*и тогда притворною душою*!) въ нашу психологію, въ нашу путаницу, въ нашу мочалку,—являлъ-бы твердую стѣпу и отпоръ нашимъ «глупостямъ» и «безумiямъ», какія у всякаго есть. Дружба—*въ противорѣчіи*, а не *въ согласіи*. По-истинѣ, Богъ наградилъ меня какъ учителемъ Страховымъ: и дружба съ нимъ, отно-

убить себя можно даже отъ того, что прыщикъ вскочилъ на носу. Разницы, въ сущности, нѣтъ никакой. Но есть разница между человѣкомъ, для котораго жизнь есть поучительный и воспитательный опытъ, какова бы она ни была,—и такимъ, который не хочетъ ничему учиться и ни съ чѣмъ бороться, а хочетъ только, чтобы ему было пріятно.

Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ.

Отчаяніе приводитъ къ великимъ откровеніямъ, и кто не испыталъ его, тому они недоступны. Вамъ нужно подняться на новую ступень, чтобы стать выше его. Терпите, уясняйте свое сознаніе, научайтесь новымъ мыслямъ, и будьте увѣрены, что Богъ всегда съ Вами.

Впрочемъ, я напрасно стараюсь въ коротенькомъ письмѣ подѣйствовать на васъ. Такъ это не дѣлается. Вы сами должны трудиться и спасти себя,—иначе васъ никто не спасетъ.

Простите меня. Хотѣлось бы поговорить съ вами о своихъ литературныхъ дѣлахъ, но лучше отложить

шенія къ нему всегда составляли какую-то твердую стѣну, о которую я чувствовалъ—что всегда могу на нее опереться или вѣрнѣе къ ней прислониться. И она не уронитъ и согрѣетъ. Къ молодежи я сказалъ бы эти слова: старайтесь среди стариковъ, среди пожилыхъ *во-время* запастись вотъ такимъ другомъ, и онъ сохранитъ васъ какъ «талисманъ» Пушкина:

... Отъ *измѣны, непогоды...*

и проч. и проч. *Примѣч. 1913 г.*

это до другого времени. Вы знаете—меня выбрала Академія Наукъ членомъ корреспондентомъ. Вотъ награда, которая была мнѣ очень пріятна. Мнѣ пріятно и то, что тогда какъ меня мало знаютъ, а Гротъ всѣмъ извѣстенъ, [1]), этотъ самый Гротъ съ большимъ почтеніемъ признаетъ мои труды. Онъ очень милый и въ

[1]) Вѣроятно и даже навѣрно слова эти въ отвѣтъ на слова моего письма, что «вотъ Гротъ, со страшной *Реформой логики*—всѣмъ извѣстенъ, виденъ, о немъ во всей Россіи говорятъ»... «тогда какъ Вы съ истинно великолѣпными философскими трудами остаетесь въ тѣни и мало извѣстны», и проч. Тутъ нужно разобраться. *Мучитъ* вовсе и нисколько не «извѣстность» или ея недостатокъ, т. е. мучитъ отнюдь *не зависть*: а—*несправедливость и тупость современниковъ*, выражающаяся въ неспособности *разсмотрѣть дѣло*, произвести *оцѣнку*, устроить *справедливость*. Тутъ не «ура» хочется и не «bis! bis!» томитъ, а есть тоска о томъ, что—какъ вотъ Ренанъ писалъ въ «Аверроэсъ и аверроизмъ»—новыя мысли или прекрасныя движенія души человѣческой «всѣмъ нужны» и «всѣхъ радуютъ», или, наоборотъ, «никому не интересны» и «всѣмъ скучны». *Завидованія* тутъ нисколько не входитъ, жажды славы *какъ шума*, какъ «bis»—вовсе нѣтъ: есть великая потребность *братства* и *сліянности*, есть исканіе «ближнихъ» среди «вообще людей». Если бы «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи» Страхова вызвало въ Академіи наукъ засѣданіе, чтеніе, докладъ,—если бы докладъ объ этой книгѣ былъ прочитанъ въ «Московскомъ психологическомъ обществѣ», если бы Страховъ видѣлъ, что Гротъ его чтитъ не какъ «вообще Страхова», а цѣнитъ и понимаетъ за *опредѣленныя* страницы въ этой книгѣ, за опредѣленные мысли и тезисы его книгъ, его философскихъ споровъ, то вотъ *и совершенно достаточно*, безъ всякаго шума улицъ и болтовни газетъ. Но этого-то и нѣтъ въ хладной Россіи, по-истинѣ въ неодушевленной Россіи, гдѣ университеты—тѣ-же «департаменты» и «салоны», и дальше и *глубже* вообще салона и департамента Россія никуда не ушла и никуда не пришла. Вотъ это томитъ, и такое томленіе не

сущности скромный человѣкъ. А я гордецъ: у меня большое честолюбіе,—мнѣ хочется что-нибудь значить для *лучшихъ умовъ* своего народа. Гете говорилъ, что это должно быть настоящею цѣлью писателя.

Если дастъ Богъ прожить дѣятельно еще нѣсколько лѣтъ, я таки добьюсь кое-чего [1]).

есть неблагородное, а вполнѣ человѣчное. «Дружбы! близости! пониманія!»—увы, объ этомъ вздыхали и пророки, и развѣ этимъ великимъ томленіемъ не томился Самъ Христосъ съ немногими учениками среди массъ фарисеевъ и книжниковъ. Aeterna historia... *Примѣч. 1913 г.*

[1]) *Ничего* не добился, и теперь, черезъ 18 лѣтъ послѣ кончины, имя Страхова лишь *немногими* помнится, почти исключительно въ кругахъ *лично его знавшихъ* людей,—а «образъ его мыслей», т. е. его «главное», являетъ тотъ безнадежный туманъ, который онъ, человѣкъ *точнаго ума*, отбросилъ-бы съ негодованіемъ, какъ что-то даже худшее *полнаго невнанія*. Россія не воспользовалась его мыслями и не взяла его мыслей. Для Россіи онъ есть *молчаніе*. Между тѣмъ онъ есть первоклассный мыслитель, и въ жизни и во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ—безукоризненная душа. Что-же это такое? что-же это такое? Что-же это за ужасъ? Потому-что это есть ужасъ въ темной и необразованной Россіи, со «столькими-то школами»,—когда мы видимъ *умъ* и *книги* брошенными! *Кто*-же не «брошенъ»? Да напримѣръ Коганъ, печатающій пятымъ изданіемъ «Исторію всемірной литературы», а потомъ «Исторію русской литературы», не имѣя вкуса ни къ той, ни къ другой литературѣ. Да шумятъ «теософы» со своими «астралами», «флюидами» и чтеніемъ мысли въ животѣ какого-нибудь индуса. Россія имѣетъ *испорченное образованіе*,—вотъ въ чемъ дѣло, и—*все дѣло!*—и каждая школа, всякая гимназія, каждый «благотворительный пансіонишко» распространяетъ дальше и дальше это «испорченное образованіе», и ничего другого не дѣлаетъ, какъ еще и еще плодитъ, родитъ и старается распространить этотъ-же все умственный мракъ, эту-же все обледенѣлость души... «Испор-

Простите. Пишите мнѣ искреннѣе. Abstine et sustine!

Душевно преданный

Н. Страховъ.

1890, 5 янв. Спб.

чено *это самое мѣсто*», которое мы зовемъ «отечествомъ», «нашей *милой родиной*», «*своей* вѣрой», «*святыней* всѣхъ». Испорченъ *идеалъ*, а не *эмпирія*. Замутился, помутился *вкусъ*, родникъ оцѣнокъ... «Когана, а не Страхова!»—«Кабакъ, а не Серафима Саровскаго!» Тутъ или *примыкай самъ* къ «кабаку», или «отходи *въ сторону*». Началось это *отдаленно и косвенно* дѣйствительно съ Петра, прекраснѣйшія и нужнѣйшія реформы котораго содержали однако тотъ ядовитый общій смыслъ, что «мы *сами* ничего не можемъ» и «все надо привезти *изъ-чужа*», а окончилось и въявь выползло на свѣтъ Божій въ кабакѣ Некрасова-Щедрина и «Современника», который уже и не таился въ дурномъ, который не драпировался въ «цивилизацію» и «образованность», а запѣлъ пѣсенку:

Не гулялъ *съ кистенемъ* я въ *дремучемъ лѣсу*...

Прошла дубина по спинамъ русскихъ,—литературная «дубинка», какъ завершеніе гражданской «дубинки» Петра,—и расквасила самые мозги «тупыхъ отечественныхъ головъ», послѣ которой они не «реформировались», а просто обратились въ *небытіе*. «Со Скабичевскимъ» Россія просто обезголовилась, а «съ Герценомъ-Михайловскимъ» она просто стала фальшива, притворна, обманна, дѣланна, фразиста и пустозвонна. Въ «пустой звонъ» вообще нельзя вложить никакой мысли, а въ «кабакъ» вообще нельзя внести никакой иконы. Въ Россіи настала тьма, куда *нельзя внести идеалъ*, не поругавъ идеалъ, да и *самому*—не разбившись. Вотъ сущность дѣла. Но «и погромче насъ были витіи»... Умолкнемъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

XXIX.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Л. Майковъ просилъ меня извѣстить васъ, что въ февральской и мартовской книгахъ будетъ напечатана вся ваша «Метафизика» и что онъ желалъ бы видѣть продолженіе, что можетъ печатать его съ іюня. Корректуру вашего перевода держалъ *Вертъ*, опытный филологъ; онъ кой-что выпустилъ изъ примѣчаній. Будетъ вамъ выслано 25 оттисковъ [1]).

---

[1]) Ну, вотъ, это очень хорошій примѣръ. Исторія *переводовъ Аристотеля* на европейскіе языки—это по-истинѣ «исторія», да и—поэзія. Это—энтузіазмъ и мудрость. Но на русскій языкъ кромѣ давно устарѣвшихъ, и никому ненужныхъ, а за то *легонькихъ для усвоенія*, моральныхъ трактатцевъ Аристотеля, ничего не переведено. Не переведено *ни одно изъ его глубокихъ твореній*, ни—«Органонъ», ни—«Метафизика», ни—«О душѣ» и «Физика». Вдругъ два учителя въ Ельцѣ переводятъ первые пять книгъ «Метафизики». По-естественному слѣдовало-бы ожидать, что министръ просвѣщенія пишетъ собственноручное и ободряющее письмо переводчикамъ, говоря—«продолжайте! не уставайте!» Профессора философіи изъ Казани, изъ Москвы, изъ Одессы и Кіева запрашиваютъ: «какъ? что? *далеко-*

Ѳ. Н. Бергъ каждый разъ, когда встрѣтитъ меня, хвалитъ вашу статью,—говоритъ, что получаетъ объ ней много хвалебныхъ писемъ, что ее всѣ читаютъ,—что она дала серьезный тонъ всему журналу и пр. А я, со своей стороны, прошу васъ дать мнѣ о себѣ

ли перевели?» Глазуновъ и Карбасниковъ присылаютъ агентовъ въ Елецъ, которые стараются перекупить другъ у друга право 1-го изданія, но ихъ предупреждаетъ редакторъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», говоря, что министерству постыдно было-бы уступить частнымъ торговцамъ право перваго выпуска книгою великаго Аристотелева творенія, и онъ предлагаетъ заготовить 2.000 оттисковъ, такъ-какъ 2-го изданія трудно ожидать. Вотъ какъ было-бы въ Испаніи при Аверроэсѣ. Но не тѣ въ Россіи при Троицкомъ, Георгіевскомъ и Деляновѣ. «Это вообще никому не нужно»,—и журналъ лишь съ стѣсненіемъ и очевидно изъ любезности къ Страхову, какъ къ члену Ученаго Комитета министерства, беретъ «неудобный и скучный рукописный матеріалъ», и, все оттягивая и затягивая печатаніе, заготовляетъ «для удовольствія чудаковъ-переводчиковъ» оффиціально штампуемые 25 экземпляровъ! Что такое «25»?—для Россіи?! Вѣдь тутъ 4 духовныхъ академій и 8 университетовъ; а «Метафизику» можетъ кому-нибудь захочется прочитать изъ приватныхъ философовъ, изъ учителей семинаріи, изъ «будущихъ» кандидатовъ на философскія каѳедры. Почему не «100»,—что ровно-бы ничего не стоило, представляло-бы всего 5 рублей стоимости скверной бумаги, на каковой печатается «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»?!—«Да нѣкому читать», «это—*вообще никому не нужно*».—Но вѣдь, однако, вы основываете гимназіи, заботитесь объ университетѣ»?!!—«Какъ-же не основывать гимназіи: статистика, конкуренція съ Германіей, на это можно *милліоны бросить*».—Такъ что-же *суть-то*, «гимназіи» или «конкуренція»?—«*Конкуренція съ Германіей въ просвѣщеніи и въ статистикѣ просвѣщенія:* а гимназіи и университеты и Аристотель—*чертъ ихъ дери!!!*»... Вотъ вамъ и «Петръ Великій» или *суть* всего отъ «Петра до Щедрина». *Примѣчаніе 1913 года.*

вѣсточку. Все время безпокоитъ меня мысль о васъ. Что у васъ дѣлается? Всею душою готовъ бы помогать вамъ, но кромѣ васъ тутъ вамъ никто помочь не можетъ.

Дай Богъ вамъ силъ—нѣтъ, примите только тѣ силы, которыя всегда готовъ подать вамъ Богъ.

Напишите мнѣ хоть нѣсколько строчекъ.

Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ.

1890, 5 февр. Спб.

XXX.

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ,

Какъ вы поживаете? Очень хочется имѣть о васъ вѣсти; простите, что не писалъ вамъ—были у меня и болѣзни, и хлопоты, и занятія. Читали ли вы отзывъ о «Мѣстѣ» [1]) въ «*Новомъ Времени*»? Это я написалъ, хотя мнѣ и совѣстно было хвалить васъ подъ видомъ *безпристрастнаго* газетнаго отзыва (газеты вѣдь твердо стоятъ на своемъ безпристрастіи). Но что дѣлать!

---

[1]) Т. е. о «М. христіанства въ исторіи». Прекрасный этотъ отзывъ добрѣйшаго Страхова далъ сейчасъ-же продажу экземпляровъ 200 брошюры (при цѣнѣ 20 коп.),—но однако и всего было распродано экземпляровъ 500. «*Тема* эта не существуетъ въ Россіи», «у насъ—водка, хлѣбъ и радикализмъ, пенька и Шелгуновъ». Что̀ такое «семиты» въ Россіи? «семиты и арійцы и *ихъ роль*»? Даже страшно спрашивать. Въ провинціи я испыталъ истинный ужасъ, когда мнѣ прислали обратно изъ магазина куль не продавшихся книгъ «О пониманіи» (было отпечатано въ 600 экз.); а другой такой-же куль, грозившій то же получиться въ Ельцѣ,—я попросилъ родственника продать на Сухаревой «за что-нибудь», и было продано что-то рублей за 15,—на обертку для «серій современныхъ романовъ». «Вообще никому не нужно»... *Примѣчаніе 1913 года.*

Нужны величайшія усилія, чтобы добиться рецензіи на новую книгу въ какомъ бы то ни было журналѣ [1]). И больше я ничего не могъ сдѣлать.

А вотъ что не хорошо. Вашей брошюры не оказалось въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ въ магазинахъ *«Новаго Времени»*.

Скоро пришлю вамъ 2-е изданіе 2-го тома *«Борьбы съ Западомъ»*; я очень былъ занятъ этимъ печатаньемъ, все гналъ, чтобы сдать въ цензуру на Страстной, и это мнѣ не удалось. Книга выйдетъ на Ѳоминой.

Кусковъ очень вамъ кланяется. Мы рѣдко съ нимъ видѣлись,—у его младшаго сына была скарлатина.

Отъ души желаю вамъ всего добраго и прошу не сѣтовать на вашего искренно преданнаго

Н. Страхова.

1890, 31 марта. Спб.

---

[1]) Вотъ въ *этомъ* и дѣло или начало дѣла... Часто мнѣ брежжится, что *дѣятельная* и *горкая* библіографія есть почти «якорь спасенія» для Россіи, и, во всякомъ случаѣ, она въ журналистикѣ *нужнѣе всѣхъ отдѣловъ*. Къ прискорбію нужно сказать, что именно въ журналистикѣ добраго и благороднаго содержанія «библіографія» является лишь «затычкою» около прочаго, что она здѣсь совершенно случайна и ничтожна; и очень, напротивъ, дѣятельна въ прессѣ пустыхъ или исковерканныхъ идеаловъ. «Кабакъ» превосходно вооруженъ библіографіей, этимъ «зазывомъ» и «призывомъ» къ себѣ, «къ водочкѣ» и «революціи». См. превосходную библіографію въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», которая всякаго краснаго таракана отмѣтитъ и занесетъ въ «безсмертные». Въ текущее время библіографія почти во всей русской прессѣ сосредоточена въ рукахъ прилежныхъ и бездарныхъ евреевъ, которые проводятъ «Шиповники» и вообще всякую макулатуру, лишь-бы была сдобрена «ядцемъ». *Примѣчаніе 1913 года*.

XXXI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Сказалъ я Леониду Майкову, что вамъ нужны оттиски, и онъ Вамъ пришлетъ ихъ два-три. Онъ приготовилъ ихъ полтораста, чтобы выпустить книжкою, и не посылалъ Вамъ, ожидая продолженія перевода, такъ что по окончаніи у Васъ будетъ полтораста экземпляровъ *Метафизики* [1]). За это ему нужно сказать спасибо. Вотъ Вамъ и работа, и деньги впереди.

Но зачѣмъ Вы не написали ему, а обратились ко мнѣ? Вообще, есть не мало дѣлъ, которыя могли быть сдѣланы помимо меня, гдѣ меня совсѣмъ не нужно, напримѣръ посылка книги въ Ученый Комитетъ, въ редакцію и т. п. Простите меня, но я не могу не сѣтовать на Васъ,—зная, что Вы не хотите обременять меня, но не умѣете различать, гдѣ я нуженъ и гдѣ нѣтъ.

---

[1]) Ничего не было получено кромѣ 25 оттисковъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

Книжку Вашу съ прошеніемъ я передалъ въ Ученый Комитетъ; не знаю, у кого теперь она, а Вы даже и не помните Вашего порученія.

Очень мнѣ жаль Васъ; теперь я вижу, что Вы болѣзненно впечатлительны и что за Вами нужно ходить, какъ за ребенкомъ. Пожалуйста, думайте объ этомъ,—сознавайте, какъ Вы неудобны для другихъ и для себя, твердите себѣ, что Вы взрослый человѣкъ, отвѣчающій за свои дѣйствія и которому стыдно говорить, что онъ можетъ вести только себя какъ балованное дитя. «*Не могу, не умѣю*»—отвыкните повторять эти слова съ такою развязностью. Сознаніе—великое дѣло;—оно научитъ Васъ не жаловаться на судьбу и на другихъ людей; а это принесетъ Вамъ миръ и понемногу Вы просвѣтлѣете.

Вашу статью я сейчасъ-же сталъ читать и всю прочиталъ; мнѣ было очень любопытно, и сначала я обрадовался, потому что Бергъ поручилъ мнѣ просить у Васъ статей для журнала. Но разочарованіе было очень грустное. О чемъ статья? *О красотѣ въ природѣ?* Да тутъ только упоминается объ этой красотѣ. Объ разсужденіяхъ Соловьева? Тоже лишь нѣсколько словъ. И затѣмъ—ни одного имени, ни одной выдержки, ни одного опредѣленнаго предмета, а все общія положенія и соображенія, не приводящія ни къ чему конкретному. Не смотря на многія остроумныя замѣчанія, я не вижу возможности согласиться съ содержаніемъ. Что разсужденія о красотѣ будто бы не могутъ имѣть твердости, что существуетъ *органическая энергія*, что движеніе всего сильнѣе въ началѣ, что

есть сила, называемая *цѣлесообразность* [1]), что геніи бываютъ безобразны, и т. д. и т. д. (что они *убиваютъ чужую жизнь*)—все это не точно, неправильно выражено, все это не имѣетъ ни занимательности парадокса, ни вѣрности точной мысли. И какъ все длинно и безсвязно. Разсужденіе не кончается, а тянется, тянется неизвѣстно куда. Я Вамъ совѣтовалъ не писать статей больше $1^1/_2$ или 2 печатныхъ листовъ. Но Вы не можете.

Я истинно огорченъ и не знаю, что мнѣ дѣлать. Когда я получилъ «*Мѣсто христ.*», то я потребовалъ отъ Берга, чтобы статья была тотчасъ напечатана, я не допускалъ ни отговорокъ, ни даже объясненій. Теперь Бергъ не нахвалится, слыша, какъ со всѣхъ сторонъ восхищаются Вашею статьею. А теперь—я не рѣшусь даже предложить ему Вашего разсужденія *о красотѣ*. Если бы Вы сосредоточились хоть на статьѣ Соловьева,—тогда листа полтора разбора этой статьи могли бы быть напечатаны. Но теперь я не берусь выдѣлить никакого отрывка,—мое искусство кроить поставлено въ тупикъ.

---

[1]) Что-же, меня *тянетъ* куда-нибудь,—развѣ это не *сила?* Если въ организмъ вложена какая-нибудь *цѣль*, какъ въ жизнь народа можетъ быть вложена его «судьба», то развѣ движеніе ко всему этому не будетъ «сильнымъ», «преодолѣвающимъ *всѣ препоны*», и тогда эта пробивающаяся къ реализаціи «судьба» или «цѣль» является *движущею силою*,—causa efficiens, совпадающею съ causa finalis. Тутъ-то великія опредѣленія Аристотеля могли-бы *для уразумѣнія* пригодиться Страхову, который не могъ оторваться отъ «своего единственнаго» Гегеля. *Примѣчаніе 1913 года.*

Вы теперь человѣкъ извѣстный; въ четырехъ журналахъ, «Рус. Вѣсти.», «Вопросахъ Философіи», «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія» и въ «Русскомъ Обозрѣніи»—Ваша статья не залежится, а будетъ тотчасъ прочитана и оцѣнена. И такъ, обращайтесь прямо въ редакціи и пишите такъ, чтобы Ваши статьи всегда были удобны для чтенія и пріятны для журнала. Такъ когда-то я дѣйствовалъ, и изъ всего, что я писалъ, только *одна* статья была забракована. Да это не бѣда, когда статья хороша сама по себѣ, а вотъ Вы сами чувствуете, что у Васъ не вытанцовалось [1]).

Прошу Васъ, не сѣтуйте на меня; мнѣ больно огорчать Васъ, но что же мнѣ дѣлать.

Скоро пришлю Вамъ изданіе 2-й книжки «*Борьбы съ Западомъ*»—оно только что вышло.

Простите Вашего искренно-преданнаго

Н. Страхова.

1890, 17 апр. Спб.

---

[1]) Статья эта—«Красота въ природѣ и ея смыслъ»—мнѣ самому не нравится. Мямленье какое-то. По *содержанію* я ее считаю важной и очень вѣрной. Но нѣтъ формы, что-то тягучее, безжизненное. Она впрочемъ нравилась Перцову (П. П.) и кажется (отчасти) Шперку. Едва-ли Шперкъ мнѣ не сказалъ однажды о ней: «Это—прекрасно, потому-что приводитъ *прямо къ Богу*; Богъ стоитъ заключеніемъ ко всей природѣ, которую вы разсматриваете». Она была года черезъ 4 напечатана въ «Русскомъ Обозрѣніи», и по напечатаніи Влад. Соловьевъ пріѣхалъ ко мнѣ познакомиться (послѣ ругани и полемики). *Примѣчаніе 1913 года.*

XXXII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Письмо ваше застало меня въ то время, когда я усердно писалъ *О времени, числѣ и пространствѣ* [1]), такъ что я исполнилъ Вашъ совѣтъ прежде, чѣмъ Вы мнѣ его дали. Опять скажу, Вы вообще удивительно вѣрно понимаете меня; Ваши похвалы и упреки я готовъ принять почти безъ поправокъ. Вы правы, что я вездѣ только расчищалъ дорогу, а потомъ почти

---

[1]) *Методическая*,—и учебно-методическая, и учено-методическая,—даровитость Страхова всегда мнѣ казалась (до знакомства въ письмахъ) столь превосходящею все, что приходилось читывать на русскомъ языкѣ (роднаго и переводнаго), что вмѣсто крошечной формальной логики, проходимой въ гимназіяхъ, было бы прекраснѣйшимъ дѣломъ ввести, напр. въ преподаваніе VIII-го класса, изученіе его «Міра какъ цѣлаго», всего или хотя части. Это было бы полезнѣе смѣшной «гимназической химіи» и смѣшного «гимназическаго Аристотеля» (формальная логика). Вообще, при нѣкоторыхъ недостаткахъ (именно—*творчества*) въ Страховѣ было что-то «отъ Сократа», отъ его великаго метода «*все растолковывать юношамъ*». И совершенно дико, что Министерство просвѣщенія ничѣмъ отъ него не вос-

вовсе не шелъ по ней. Ну что-жъ? Скажите мнѣ спасибо, и ступайте сами.

А знаете ли, что меня останавливало? Тѣ высокія требованія, которыми я всегда задавался. Поэтому я ограничивался маленькою задачею, гдѣ могъ быть ясенъ и точенъ. Не повѣрите, какъ мнѣ трудно писать *О времени* и пр. Но, слава Богу! половина дѣла сдѣлана и осенью, надѣюсь, статья будетъ кончена. Каждый шагъ въ ней я обдумываю со всѣхъ сторонъ, и потому движусь медленно. Но главное—*я не могу иначе*, я не могу писать, пока не вижу, что ни по бокамъ ни сзади ничего нѣтъ, что угрожало бы опасностью [1]).

пользовалось и даже не замѣтило «у себя *бриллианта* въ рукахъ»... Не умѣю себѣ объяснить этого иначе, какъ тѣмъ, что Страховъ оффиціально съ одной стороны былъ чиновникъ, а съ другой стороны небылъ великъ по чину, всего «дѣйствительный статскій совѣтникъ».—«Неужели дѣйствительный статскій совѣтникъ можетъ быть Сократомъ?» Всегда въ письмахъ я и старался подтолкнуть Страхова къ писанію объ *элементарныхъ* и вмѣстѣ *основныхъ* понятіяхъ, словахъ, опредѣленіяхъ, категоріяхъ философіи *и вмѣстѣ космогоніи*. Здѣсь онъ былъ первымъ, всегда оставался первымъ. Не возможно забыть его прямо *классической* книги—«Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Повидимому, есть *два вида* писательства: 1) полетъ, 2) постройка. Въ корнѣ ихъ лежатъ вѣчныя начала человѣческаго духа—*пророчествовать*, *философствовать*. Надежны книги и вообще писанія только вторыхъ, а первые лишь увлекаютъ и творятъ жизнь. Страховъ принадлежалъ къ *строителямъ*, какъ обратно напр. Влад. Соловьевъ—къ полетчикамъ. Процессъ писанія у Страхова былъ вообще труденъ; но, беря его книги, *читатель могъ знать наперед*ъ, что онъ беретъ что-то «оконченное», «безъ ошибокъ» и «безъ вред-

Очень благодарю Васъ. А теперь я примусь Васъ упрекать. Во-первыхъ, зачѣмъ Вы о себѣ ничего не написали. Меня радуетъ, конечно, что Вы забываете о себѣ—условіе благополучія; но три строчки должны быть въ каждомъ письмѣ—о здоровьѣ и о своихъ дѣлахъ. Не говорю ужъ, какъ меня трогаетъ Ваша дума и забота обо мнѣ—это мило до непонятности. Душевно благодарю Васъ.

Во-вторыхъ—Ваше предисловіе къ *Метафизикѣ*, хотя вѣрно по общей мысли (т. е. что Аристотель лучше понималъ міръ и человѣка, чѣмъ, положимъ Милль или Дарвинъ, и значитъ нужно учиться у Аристотеля); но развитіемъ этой мысли я *очень* недоволенъ. Напримѣръ—современнаго ученія объ *энергіи* Вы вовсе не знаете; это ученіе есть завершеніе декартовскаго механизма и только въ этомъ смыслѣ имѣетъ значеніе, и только такъ и можетъ быть понимаемо. А Вы пишете, что оно сходно съ ученіемъ Аристотеля о динамисѣ и энергіи. Ошибка ужасная, тѣмъ болѣе ужасная, что основана на сходствѣ словъ. Меня такъ это огорчило, вмѣстѣ съ Вашими разсужденіями въ статьѣ *О красотѣ въ природѣ*, вмѣстѣ съ толками Н. Я. Грота, Ал. Ив. Введенскаго и пр., что я даже рѣшилъ написать для *Вопросовъ*[1]) статью—*О законѣ*

ностей». Удивительно, что *такой-то* писатель, *такой-то* философъ у насъ вовсе безвѣстенъ: тогда какъ *чѣмъ эксе, чѣмъ* только русскіе не увлекались, не зачитывались! *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Т. е. «Вопросовъ философіи и психологіи». *Примѣчаніе 1913 года.*

сохраненія энергіи и беру съ собою книжки, чтобы обдумать и подготовить ее лѣтомъ.

Беру съ собой—т. е. я послѣ-завтра думаю ѣхать къ Л. Н. Толстому и провести тамъ нѣсколько недѣль. Если хотите порадовать меня письмомъ, пишите просто *Тула* (Ясная Поляна).

Посылаю Вамъ оттискъ статьи о Щегловѣ [1]). Писатель, любящій помнить трехъ китовъ—А. Н. Пыпинъ [2]).

---

[1]) Авторъ (теперь почти забытый) «Исторіи соціальныхъ системъ». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) На мой вопросъ въ письмѣ. Пыпинъ (членъ Академіи наукъ) до такой степени былъ наивенъ, что въ рѣдкомъ изъ своихъ многочисленныхъ сочиненій по русской словесности и этнографіи не возвращался снова и снова въ ироническому упреку, что «по взгляду русскаго народа *земля стоитъ на трехъ китахъ*». Это Страхова утомило, и онъ съпроншпировалъ—не называя имени Пыпина—что такіе упреки, «все повторяющіеся у одного ученаго», довольно скучны. У Страхова это сказалось съ прелестной шуткой,—и я спросилъ, кто этотъ возмущенный ученый? Нужно замѣтить, въ «Вѣстн. Евр.» Пыпинъ былъ не одинъ такой. Если вдуматься, *весь* «Вѣстн. Евр.», съ его явными и анонимными евреями, съ его только явными нѣмцами, съ его академиками и профессорами, и вообще «не якшающійся съ *чернью*», на самомъ дѣлѣ не шелъ дальше «китовъ» и вездѣ стремился «вырвать съ *корнемъ* кита изъ созерцанія русскаго народа», какъ главную отраву этого сознанія, до истребленія которой невозможно думать ни о какомъ улучшеніи въ Россіи. Какой-то земскій начальникъ, въ которомъ-то нижегородскомъ уѣздѣ, разъ, выскочивъ передъ народомъ, что-то закричалъ и пригрозилъ кулаками. Пригрозилъ, но не побилъ. Такъ «Вѣстн. Евр.» цѣлый годъ возвращался къ этому поразившему его случаю, и больше написалъ о немъ страницъ, съ несравненно большею желчью, чѣмъ о всемъ 1-мъ мартѣ. Гдѣ все-таки, какъ-никакъ, былъ *убитъ человѣкъ*. Вообще «Вѣстн. Евр.», за 43 года многописанія, сыгралъ колоссальную роль въ уста-

Гдѣ я приписалъ Достоевскому *тучу вопросовъ* [1])—не могу найти, а помню.

А откуда Вы взяли, что я когда-нибудь былъ «задумчивымъ молодымъ человѣкомъ»? Едва ли такъ; большею частью я былъ тогда непомѣрно живъ и веселъ. Но какъ разъ около времени *Рокового вопроса* [2]) меня придавило мое безпутство, и я замолчалъ.

Простите меня. Отъ души желаю Вамъ всего добраго.

Вашъ Н. Страховъ.

1890 6 іюня. Спб.

новкѣ шаблоннаго типа «русскаго интеллигентнаго человѣка»,—и этотъ типъ, если разсмотрѣть его въ зернѣ, сводится къ кусанью днемъ и ночью, къ разговорамъ днемъ и ночью, къ жалобамъ urbi et orbi на то, что «вотъ и до сихъ поръ къ востоку отъ Вержболова еще полагаютъ, что *земля стоитъ на трехъ китахъ*». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Въ его біографіи, при (первомъ) «Полномъ собраніи сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго», 1881—1882 г.г. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Статья Страхова во «Времени» Ѳ. М. Достоевскаго, за которую (по настояніямъ Каткова) былъ закрытъ (роковымъ *для правительства* образомъ) этотъ славянофильскій журналъ. Въ *одномъ этомъ* случаѣ Катковъ показалъ, до какой степени онъ былъ не философскій умъ, а только «боевикъ пера». Нельзя не замѣтить, à vol d'oiseau, до какой степени правительство отъ отсутствія въ немъ какого-нибудь «философскаго присутствія» постоянно давило все ему самому полезное, необходимое, все нужное Россіи, и въ то же время кормило, поило и согрѣвало плутоватую ехидну, которая въ достаточной мѣрѣ къ 1-му марта ему «укуспла грудь». Вотъ ужъ по-истинѣ «*Крестьянинъ и змѣя*», это наше правительство; да оно же—«*Пустынникъ и медвѣдь*» (двѣ басенки Крылова). *Примѣчаніе 1913 года.*

XXXIII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Душевно благодарю васъ за Ваши письма, а также за статью обо мнѣ, въ которой вѣрно будетъ много хорошаго, и глубокаго, и для меня лестнаго. Любовь даетъ большую проницательность, а Вы за что-то очень меня взлюбили. Не знаю, какъ Вы напишете *о религіозномъ* у меня, но, конечно, Вы правы, ибо все серьезное въ концѣ концовъ сводится къ религіозному.

Но Ваша просьба немножко насмѣшила меня и привела въ затрудненіе. Въ Петербургѣ я старался добыть для Васъ «Сонату» [1]), мнѣ обѣщали достать, но не сдержали слова. А здѣсь, въ Ясной Полянѣ, труднѣе добыть ее, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что Л. Н. не занимается ни распространеніемъ, ни запрещеніемъ своихъ сочи-

[1]) «Крейцерова Соната», въ то время недозволенная для печати, но по всей Россіи ходившая въ литографированныхъ спискахъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

ненiй; онъ предоставляетъ ихъ совершенно на произволъ судьбы и сохраняетъ у себя только подлинникъ. Началось съ того, что я сообщилъ Л. Н., что есть на свѣтѣ Василiй Васильевичъ Розановъ, причемъ невольно вспомнилъ Добчинскаго. Ваше имя еще не дошло до Ясной Поляны, и я попрекнулъ Васъ, зачѣмъ Вы не прислали Л. Н. Вашего «Мѣста». Потомъ я сталъ Васъ характеризовать и хвалить и особенно похвалилъ *Мѣсто христiанства*. Пожалуйста, пришлите,—это будетъ лучшею рекомендацiею. Когда же дѣло дошло до портрета съ надписью, то мнѣ стало совѣстно. Вѣроятно, Вы не имѣете понятiя о теперешнемъ положенiи Л. Н. Слава его гремитъ по всему мiру и растетъ съ каждымъ днемъ. Правъ К. Н. Бестужевъ, говоря, что со временъ Вольтера не было подобной репутацiи, такого отклика на каждое слово, произнесенное писателемъ, во всѣхъ концахъ мiра. Каждый день здѣсь приходятъ письма изъ Россiи. Европы, Америки, съ выраженiями сочувствiя и восхищенiя; говорю *каждый* безъ преувеличенiя. Между этими письмами часто являются и просьбы о «Сонатѣ», объ автографѣ, о портретѣ съ надписью. Такiя письма остаются безъ всякаго отвѣта, и Л. Н. показывалъ ихъ мнѣ не вовсе безъ насмѣшки. Вотъ почему я смутился, передавая Вашу просьбу.

Да будьте же похладнокровнѣе, дорогой Василiй Васильевичъ! Ну что это у Васъ вдругъ загорѣлось такое безсодержательное желанiе? Пожелать, чтобы Л. Н. вдругъ написалъ собственною рукою Ваше имя, которое слышитъ въ первый разъ. Пожелайте лучше,

чтобы онъ Васъ прочелъ, чтобы написалъ Вамъ свое мнѣніе. Со временемъ этого можно достигнуть, и это, конечно, стоитъ желанія. Впрочемъ, графиня обѣщала мнѣ найти портретъ Л. Н., и если не забудетъ своего обѣщанія, за множествомъ хлопотъ, я подсуну портретъ Л. Н—чу. *Сонату* же, онъ говоритъ, Вамъ нужно искать у *Стаховичей*, жителей Ельца, если вы ихъ знаете. Если не добудете, я пришлю изъ Петербурга, какъ только самъ добуду.

Ну, простите меня за мое ворчанье. Мнѣ нужно бы очень много писать, если бы я сталъ разсказывать о Л. Н. и о томъ, что тутъ дѣлается и какъ я живу. Скажу одно—дѣлаются великія дѣла, и радостно быть ихъ свидѣтелемъ. У Л. Н. есть много плановъ новыхъ повѣстей, и одну изъ нихъ онъ теперь пишетъ. Онъ совершаетъ великій трудъ, умственная работа его непрерывна, и онъ попрежнему обиленъ мыслями и образами. Теперь онъ совершенно поправился. Я же въ этой жарѣ ничего не дѣлаю, и разговоры съ нимъ составляютъ главное мое занятіе.

Получили ли Вы мое письмо, гдѣ я говорю о Вашемъ предисловіи къ Аристотелю?

Если Вы Достоевскаго ставите выше Толстого, то это большая ошибка. Однако, очень любопытно, что Вы напишете.

Простите меня. Дай Богъ Вамъ всякаго успѣха.

Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ.

1890 30 іюня. Ясная Поляна.

XXXIV.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Вотъ Вамъ портретъ; Л. Н. запнулся о желаніи надписать лишь свое имя, и я не сталъ настаивать. Все-таки у Васъ будетъ память отъ него. Я давалъ ему прочесть Ваше письмо. «Все молодость» [1]), сказалъ онъ о Васъ—и, я думаю, справедливо. Ваше сужденіе о К. Н. Леонтьевѣ [2]) поразило меня. Какая

---

[1]) Какъ *полно, закругленно* и, конечно, истинно о тѣхъ годахъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Только-что, въ іюнѣ этого года, бродя въ саду «лѣтняго клуба» въ Ельцѣ и зайдя въ читальню—я открылъ новую книжку «Русск. Вѣстн.» и, увидя «*Анализъ, стиль и вѣяніе. По поводу романовъ гр. Л. Н. Толстого*»,—былъ пораженъ (и привлеченъ) новизною *лица автора*, имя] коего подъ этой статьей впервые прозвучало для меня. Но съ тѣхъ поръ и до настоящего времени, съ колебаніями въ «да» и въ «нѣтъ» въ смыслѣ согласія, онъ сталъ для меня какъ привлекательнѣйшій образецъ русской литературы. Въ тѣ первыя минуты *смѣлость и гордость* Л—ва больше всего меня поразили. Онъ имѣлъ силу сказать вещи, какихъ никто въ лицо обществу и читателямъ не говаривалъ. Говорилъ, и пуще,—*невѣжды*. Въ Л—вѣ

удивительная проницательность. Все вѣрно до послѣдней точки.

Простите, что пишу Вамъ наскоро и мало. Мнѣ и некогда, и въ самомъ я неписательскомъ настроеніи. И портретъ такъ долго задержалъ.

Дней черезъ десять я тронусь отсюда, заѣду дня на два въ Ясную Поляну и къ половинѣ августа навѣрное буду въ Петербургѣ.

Отъ всей души желаю Вамъ и здоровья и всякаго истиннаго блага.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1890 24 іюля. Воробьевка.

P. S. Берга зовутъ Ѳедоромъ Николаевичемъ. Не бойтесь его: онъ безпокойный и придирчивый, но въ сущности смирный. Еще разъ простите, что мало пишу; но я сердечно благодаренъ Вамъ за Ваши многосодержательныя и милыя письма.

PP. S. *Русскаго Вѣстника* здѣсь не получаютъ и потому не знаю, что тамъ дѣлается. *Р. Обозрѣніе*— очень пусто. Статья Цертелева о Л. Н. Толстомъ— истинное безобразіе, по неточности, неясности и даже по корректурѣ.

же чувствовался аристократъ ума и образованія. «Позвольте, не одинъ Аскоченскій требуетъ *розги*, но и г. Вольтеръ». Леонтьевъ вообще дѣйствовалъ какъ пощечина. «На это нельзя не обратить вниманія», произносилъ всякій читатель, прижимая ладонь къ горящей щекѣ. Вотъ впечатлѣніе и дѣйствіе. *Примѣчаніе 1913 года.*

Что касается до Стаховича, то Л. Н. сказалъ мнѣ, что Вы можете захватить его въ «Присутствіи» города Ельца и можете обратиться къ нему (кажется Михаилу Александровичу) отъ имени Л. Н. Толстого съ просьбой достать Вамъ *Крейцерову Сонату*. Пожалуйста, сдѣлайте это—будетъ скорѣе, чѣмъ я успѣю добыть Вамъ въ Петербургѣ.

Простите,

Н. Страховъ.

PPP. S. Мнѣ очень трудно было бы пуститься въ объясненіе взглядовъ и впечатлѣній Л. Н. Толстого. Когда-нибудь я это сдѣлаю печатно, или въ разговорѣ съ Вами. Вотъ почему я мало Вамъ пишу о немъ.

XXXV.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Вернувшись домой (14-го августа), нашелъ я Ваше милое письмо, но до сихъ поръ не могъ отвѣчать Вамъ; на первыхъ порахъ обступили меня всякія хлопоты. Письмо Ваше называю милымъ потому, что Вы очень хорошо написали о себѣ, о своемъ дѣтствѣ и старчествѣ. Эти строчки вмѣстѣ съ Вашею благодарностью я уже передалъ въ письмѣ Л. Н. Толстому. Что до «*Мѣста христіанства*» [1]), то эта статья его не заинтересовала; погодите немного. Л. Н. всегда бываетъ такъ поглощенъ своими мыслями, что все остальное кажется ему прахъ и суета. Онъ знаетъ

[1]) Мнѣ думается (теперь)—*основательно* серьезный и старый человѣкъ смотритъ *подъ ноги*, смотритъ въ «*теперь*», а не въ «планы исторіи» (у меня), которые во-первыхъ истинно «неисповѣдимы» и *не намъ* въ нихъ проникнуть, а, во-вторыхъ: *что же мы можемъ сдѣлать* съ этимъ планомъ, если бы даже въ него и проникли? Ну, онъ развивается, идетъ: а мы, маленькіе человѣчки, барахтаемся въ немъ, какъ лодочка въ океаническомъ теченіи, и —*не понимая*, и—*немощные*. Толстой, съ своими 70-ю годами и памятью Крымской

этотъ свой недостатокъ и сдерживаетъ себя въ отрицаніи. Но подумайте, какое великое достоинство эта нераздѣльная преданность одной мысли, одному чувству. Разумѣется, ходъ этихъ мыслей и чувствъ имѣетъ глубокую связь, и онъ такъ уменъ, что не упускаетъ изъ виду ничего противорѣчащаго и посторонняго. Современемъ онъ Васъ оцѣнитъ. Онъ съ интересомъ читаетъ полемику, которую я веду; Ваша статья обо мнѣ вызоветъ его большое вниманіе. Посмотримъ, что онъ скажетъ. Но вѣрьте,—онъ человѣкъ вполнѣ удивительный.

Въ первые же дни Бергъ принесъ мнѣ Вашу статью «*Три фазиса*» [1]) и я прочиталъ ее тотчасъ же съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ, но долженъ былъ согласиться, что *безъ передѣлки* ее напечатать нельзя. Неудачно—мѣсто о Добролюбовѣ. Вообще, вся статья поверхностна, не по мысли, которая глубока и мнѣ нравится, а по фактической подкладкѣ, которая недостаточна [2]). Добролюбовъ

войны, и отодвинулъ какъ «не нужное» *Мѣсто христіанства въ исторіи* Елецкаго учителя, которое было занимательно для него и для елецкихъ учителей, но нисколько не занимательно вообще. И Страхову-то слѣдовало погладить меня по головѣ и, сказавъ «паинька», прибавить: «посмотримъ, *что будетъ дальше*». Тогда я въ высшей степени напоминалъ свою Вѣру (17 л., гимназія Стоюниной), которая, не умѣя вымыть чашекъ, все устремляется душой къ «страданіямъ Байрона». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) «Три фазиса въ развитіи русской критики». Перепечатана въ книгѣ «Литературные очерки». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Слабая сторона всѣхъ моихъ сочиненій. *Примѣчаніе 1913 года.*

дѣйствительно звалъ къ общественной дѣятельности, но именно—къ революціи, къ разрушенію, къ осуществленію соціализма [1]), къ тому же, къ чему звали

---

[1]) Наступилъ этотъ *ракъ русской исторіи*, который именуется «соціализмомъ», и который заключается именно въ *равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ*, въ равнодушіи къ тому, «крѣпки ли мосты въ нашемъ уѣздѣ», «не попадаетъ ли ленъ, превосходно родящійся у крестьянъ, въ руки евреевъ-скупщиковъ», «есть ли у насъ въ уѣздномъ городѣ порядочная библіотека», «соотвѣтствуютъ ли учебныя заведенія уѣзда нуждамъ, быту и уровню образованія его мѣщанства, купечества и крестьянства»,—и въ *пылающей* занятости ума, сердца и воображенія тѣмъ: что будетъ въ Россіи черезъ сто или двѣсти лѣтъ, не будемъ ли мы всѣ 17-лѣтніе Сократами, которые въ содружествѣ съ Перикломъ и Аспазіей, т. е. «*съ нашимъ развивателемъ* Иваномъ Ивановичемъ и его подругой Катериной Семеновной», будемъ построять новую Аѳинскую республику, съ архонтами, членами Совѣта, «отнюдь безъ губернаторовъ и безъ царя»,—и эта республика будетъ все читать Писарева и Чернышевскаго, рубить топоромъ иконы, истреблять «лишнихъ паразитовъ» («Пчелы» Писарева), т. е. всѣхъ богатыхъ, знатныхъ и старыхъ, а мы, молодежь, будемъ работать на поляхъ бархатную, кѣмъ-то удобренную землю, и растить изъ нея золотыя яблоки, которыя будутъ намъ родиться «не какъ при старомъ строѣ». И—миръ на всей землѣ, и—пѣсни по всей землѣ. Къ этой мечтѣ, которая есть основа и сущность соціализма, его «душа» и «архей», профессоришки и жидишки (Лассаль и Марксъ) придѣлали счетную ариѳметическую машинку, которыхъ вообще можетъ быть очень много, и не въ нихъ дѣло. Теперь: мечту эту, *совершенно благородную*, нельзя однако не назвать «раковой опухолью» нашей общественности; потому что гдѣ же *мосты*, *училища*, *торгъ яйцами и льномъ*, *ссуда* подъ будущій урожай, и т. п.? гдѣ все «теперь» и всякое «подъ погами»?!! Пришелъ практическій еврей, пришелъ реалистъ еврей, безъ гимназіи и до гимназіи, но уже какъ будто еще при фараонахъ усвоившій «четыре правила ариѳметики» и учетъ

полуумный Чернышевскій и совершенно зеленый Писаревъ. Всѣ они исповѣдывали нигилизмъ, и начало этой проповѣди непремѣнно нужно указать въ Бѣлинскомъ, въ послѣднемъ его періодѣ [1]). Это

векселей, усвоившій еще тамъ галстухъ и котелокъ, и забралъ «всю практику» въ свои руки, съ 100 проц. барыша на всемъ. И, смотришь, черезъ двадцать лѣтъ у него «въ мальчикахъ» служитъ, *и съ благодарностью за ласку*, русскій былой соціалистъ-мечтатель, все еще по ночамъ при сальной свѣчкѣ почитывающій Писарева и Лассаля, которыхъ и еврей считаетъ «первыми міровыми писателями», но считаетъ безъ особеннаго волненія и не упуская изъ виду точнаго баланса своего «гнѣздышка-дѣла». Такъ «переворотъ» совершается, но не въ пользу архонтовъ и «Аспазіи Семеновны», а Мордухая Еліазаровича и его Рахили Яковлевны, съ ихъ тетеньками, свояченицами, племянниками, съ ихъ «щукой въ вечеръ пятницы» и субботними огоньками на бѣлой скатерти. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) *Предпослѣднемъ* по счету 1910-го года (*послѣдній* его юбилей) и *послѣднемъ* по счету до этого 1910 года, т. е. *по счету, тянувшемуся почти полвѣка.* Въ мокрой квартирѣ, чахоточный, необычайно талантливый и благородный Бѣлинскій «таскалъ каштаты изъ огня» для милліоперовъ Герцена и Огарева, для темнаго кулака Некрасова съ Панаевымъ и Краевскимъ, и писалъ *имъ нужныя* бѣшеныя статьи противъ «ancien régime», etc., иносказательно и непрямо, для правительства неуловимо, но для всѣхъ понятно. Соціализмъ вообще есть прибѣжище отъ тоски дѣйствительности; а «дѣйствительность» была для Бѣлинскаго все время мучительною и тоскливою, «черною». Но «черна»-то она стала отъ пріятелей, похлопывавшихъ его по плечу, называвшихъ его «первымъ русскимъ критикомъ», называвшихъ его «вождемъ всей молодежи», *кѣмъ онъ и былъ*, и никогда его не спросившихъ: «а сколько онъ платитъ за квартиру, и не кашляетъ ли и жена его, какъ кашляетъ онъ?». «Дружба—дружбой, а табачокъ—врозь». Какой талантъ и какая служба передъ молодежью и обществомъ у Краевскаго?—*Ноль.*—У Бѣлинскаго?—*необъятна.* А

было общее движеніе, потокъ отрицанія, захватившій почти всю литературу. Конечно, въ основѣ ле-

---

Бѣлинскій получалъ—*грошъ*, тогда какъ Краевскій—*сотни тысячъ*. Такимъ образомъ «несправедливость соціальнаго строя» была *у нихъ, въ редакціи* «Отечественныхъ Записокъ»,—того «журнала въ желтенькой обложкѣ, книжку котораго» какой-то идеалистъ, читатель или писатель, просилъ «положить себѣ въ гробъ подъ голову вмѣсто евангелія». Но какъ же о «пріятелѣ», о «тутъ у *насъ*, въ редакціи»,—закричишь?! И слова, бѣшено рвавшіяся *собственно противъ своихъ*, Бѣлинскій перебрасывалъ въ другой лагерь, въ совершенно «сторонній огородъ», какого-то «правительства», какого-то «стараго строя», о которомъ что же онъ, теоретикъ и идеалистъ, зналъ кромѣ анекдотовъ, разсказываемыхъ ему толстымъ «кулакомъ» Краевскимъ и жилистымъ эксплотаторомъ Некрасовымъ?! Такимъ образомъ, всѣ его сочиненія послѣдняго періода, періода послѣдней чахотки, послѣдней нужды, послѣдняго отчаянія, похожи на письма *съ не тѣмъ адресомъ, какой былъ въ душѣ, какой наполнялъ умъ и пылалъ въ сердцѣ*, а съ совершенно другимъ адресомъ, съ невѣрной прописью имени и фамиліи пріемлющаго въ руки лица. Обстоятельства его жизни и біографіи совершенно ясно это показываютъ, и не было только удостовѣренія, *понималъ-ли онъ самъ это?* Поразительное, почти предсмертное письмо его, напечатанное въ юбилей 1910-го года, вдругъ показало, что весь этотъ ужасъ и невѣрный адресъ его сочиненій онъ всю жизнь трагически понималъ, но «похвалы друзей», да и вся обстановка вокругъ, сдавили ему горло, сдѣлали невозможнымъ правдивый крикъ: и онъ помогалъ поварамъ, которые жарили его, рыбку-Бѣлинскаго, на сковородкѣ въ своемъ маслецѣ. «Да *этой черной низости, какую мнѣ дѣлали эти люди* («соціалистическаго» оттѣнка), той гадости, несправедливости и безчестности, какую они проявили въ отношеніи меня и труда моего, черпаго труда чернаго поденщика,—никогда не дѣлали Гречъ и Булгаринъ». Теперь подставьте-ка во всѣхъ его сочиненіяхъ вмѣсто «Гречъ и Булгаринъ» другіе и настоящія имена, *съ живой ненавистью и молча носимые Бѣлинскимъ*, именно имена «Краевскаго и Некрасова»,

жать нравственныя требованія, стремленіе къ общему благу, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что нигилизмъ

да отчасти и «Герцена и Огарева» (вотъ Кетчеру эти филантропы купили сухонькій домикъ и подарили; а сдѣлай они *то же* или сдѣлай *подобное* Бѣлинскому—и онъ былъ бы спасенъ):—и что же тогда получится отъ «послѣдняго фазиса Бѣлинскаго»?!

Бѣлинскій—русскій; *еще русскій*... Его пора перетащить по настоящему адресу,—его, лучшаго толкователя Пушкина, котораго вскорѣ затоптало сапогами движеніе, имъ же начатое, провозглашенное, поднятое. Правительство наше безмѣрно наивно и неопытно, но оно не есть злое правительство и низкое правительство. Все муштруетъ полки, строитъ крѣпости, льетъ пушки, съ Петровскимъ эмпиризмомъ и Петровской безъидейностью. Напротивъ, общество-то наше «съ соціальнымъ оттѣнкомъ» вовсе уже не наивно и вовсе не эмпирично, а «клюетъ» во всѣхъ идеяхъ, ко всѣмъ имъ равнодушное, и только знающее, гдѣ «растетъ малинка». Вотъ оно эту «малинку» и собираетъ, съ мыслью—«на нашъ вѣкъ хватитъ». Черная тупость правительства, конечно, возмутительна, барабанные генералы рвутъ сердце. Но все это какъ-то недалеко и не язвительно, да и мы не должны здѣсь преувеличивать «по Бѣлинскому и Грибоѣдову», вообще «по литературѣ», и помнить, что между «генералами» были Ермоловъ и Черняевъ, а между «лицами правительства» были графъ Киселевъ, да и вообще вовсе не «анекдотическіе люди». *Мы своей исторіи не знаемъ*—вотъ въ чемъ дѣло, и ни Иловайскій, ни Деляновъ, Толстой и Уваровъ русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ русской исторіи не научили; а Потебня, Буслаевъ, Тихонравовъ, Сахаровъ, Снегиревъ, Хомяковъ и всѣ Аксаковы—въ учителя русскаго юношества никогда не были позваны и *даже не были до учительства допущены*. Въ этомъ все и дѣло, отсюда и сила Бѣлинскаго и обаяніе его «послѣдняго періода дѣятельности». Это—хорошая монета въ рукахъ кулаковъ, скупщиковъ, прасоловъ литературы, отъ Краевскаго до Стасюлевича; и это—золоченыя щепки въ глазахъ серьезно образованнаго человѣка. Просто—*этого нѣтъ*, пуфъ, прахъ, ничто. Къ опубликованному послѣднему письму Бѣлинскаго

листы дали литературѣ серьезное настроеніе, подняли всѣ вопросы [1]). Но сдѣлать они ничего не

параллелью и завершеніемъ является «Зина» Некрасова, идеалистка-дѣвушка, повѣнчавшаяся съ нимъ передъ смертью его... Конечно, «вся въ пылу», она не знала *въ точности*, не знала—*вѣря*—ни исторіи его отношеній къ Бѣлинскому, ни особенно исторіи мошенническаго обобранія имъ разведенной жены Огарева (1-ой): гдѣ онъ отнялъ, полу-выманилъ, у больной, старой, нервной и алкоголичной, но глубоко идейной и интересной женщины, 95.000 рублей; и выманилъ и отнялъ такимъ способомъ и черезъ третье, ему подчиненное, лицо, такъ что ни пожаловаться, ни закричать было нельзя. Когда «Зина» узнала, вскорѣ по смерти его, всю закулисную сторону «русскаго соціалъ-демократическаго лагеря», «народническаго», «не эксплуататорскаго»,—бѣдная отрясла прахъ журналистики отъ ногъ своихъ, и ушла куда-то на востокъ къ сектантамъ, «баптистамъ» или «евангеликамъ», но подальше отъ Петербурга, отъ радикаловъ, отъ соціалистовъ. Такъ comedia erat finita. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Конечно, вопросъ съ *нигилизмомъ* не такъ легокъ. Конечно, для него были *дѣйствительныя* основанія, а въ первой фазѣ своей онъ привлекъ въ Россію давно ей недостававшую когорту людей *трезвой и суровой правды и здва къ практическому подвигу*. Споткнулось, кажется, все дѣло именно о «соціализмъ». Если бы нигилисты не уткнулись головой въ эту дыру *всеобщаго отрицанія*, а стали мостить мосты и чинить дороги, строить школы и учить «по-Рачинскому», «по-Псалтири» и «Часослову» (*народно и исторически*)—все было бы спасено, и при своей энергіи и неустанности (*новое* въ Россіи явленіе, *никогда не бывалое*!), то они въ двадцать лѣтъ сдѣлали бы Россію неузнаваемой и дали бы ей сравняться *даже съ Германіей*. Да, *съ Германіей*,—вотъ что было въ обѣщаніи. Но тутъ постарались Чернышевскій съ «прокламаціями» и Герценъ съ «Колоколомъ», которыми чудесно воспользовалось знаменитое «III-е отдѣленіе». III-е отдѣленіе все толкнуло «какъ можно лѣвѣе», всему указало быть жестокимъ, глупымъ и безсмысленнымъ: для чего стоило только вызвать «семинаристиковъ». Семинаристики «дѣлали», а III-ье

сдѣлали, и напр. дѣятельность Л. Н. Толстого составляетъ ихъ отрицаніе, отвергаетъ ихъ начала,— въ чемъ и значеніе ея въ текущей нашей литературѣ (ne sub specie aeternitatis). Не могу согласиться, чтобы Добролюбовъ къ чему-нибудь приготовилъ своихъ читателей, и, во всякомъ случаѣ, нигилизмъ есть центральное явленіе и слѣдствіе, передъ которымъ другія сѣмена и побѣги отступаютъ на задній планъ [1]).

Очень трудно мнѣ писать и не знаю, довольно ли ясно я сказалъ. Во всякомъ случаѣ, Вы правы, что фазиса *три*, что они другъ друга дополняютъ; но средній фазисъ иначе нужно характеризовать. Да! Григорьевъ уже писалъ лѣтъ 10 или 15, когда выступилъ Добролюбовъ [2]). Онъ есть фазисъ прямо развившійся (по контрасту) изъ Бѣлинскаго. А что у насъ писатели имѣли роль учителей, наставниковъ— издавна, испоконъ вѣку,—также несомнѣнно и не есть новость. Скорѣе это значеніе начинаетъ теряться.

отдѣленіе «показывало кому нужно» великія и геропческія «дѣла» ихъ. И все было смято и раздавлено въ глухой свалкѣ, въ темномъ, неосвѣщенномъ переулкѣ. Нигилизмъ былъ правъ въ отношеніи *феноменовъ* русской дѣйствительности, но онъ двинулся противъ самаго *ноумена* этой дѣйствительности, и не справился естественно, и погибъ тоже естественно. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Т. е., что въ дѣятельности Д—ва было не много творческихъ, созидательныхъ элементовъ; главное было—просто *столкнуть*, *уничтожить*. Не «quidquid», а «nihil». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Т. е. ошибочно, что я его отнесъ къ *третьему* и послѣднему фазису, считая реакціей противъ Добролюбова и проч. *Примѣчаніе 1913 года.*

Итакъ, рѣшите какъ сдѣлать. А мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы Ваша статья была напечатана. Пожалуйста, не сѣтуйте на меня.

Знаете ли Вы книгу кн. Сергѣя Трубецкого *Метафизика въ древней Греціи?* Вотъ прекрасная книга,—я читалъ ее лѣтомъ. Если достанете, скажете мнѣ спасибо. Да не напишете ли объ ней для *Русскаго Вѣстника* или *Русскаго Обозрѣнія?*

Въ Ясной Полянѣ и въ Москвѣ я видѣлся съ Мих. Александр. Стаховичемъ, и онъ обѣщалъ мнѣ послать Вамъ *Крейцерову Сонату*. Онъ очень милый и скромный человѣкъ, съ большой начитанностью. Если не получили, то навѣрно скоро получите.

Простите меня. Дай Богъ Вамъ всего хорошаго.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1890, 26 авг. Спб.

XXXVI.

Цѣлую Васъ отъ всей души, дорогой Василій Васильевичъ, за Вашу статью обо мнѣ [1]). Не думалъ я, что доживу до такой оцѣнки, и когда я читалъ, какъ я хожу около трудныхъ вопросовъ, или какъ молчу о самомъ важномъ, что думаю, слезы выступали у меня на глазахъ (я вѣдь старикъ). Наконецъ, Ваше опредѣленіе, что я дѣятель *умственнаго воспитанія* читателей [2]),—это опредѣленіе я самъ себѣ

---

[1]) *Первая* изъ напечатанныхъ здѣсь статей. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Дѣйствительно, Страховъ—*вѣчный педагогъ*. Даже полемизируя съ Фаминцынымъ, съ Тимирязевымъ, Бутлеровымъ, онъ какъ будто *внушаетъ имъ* истинные пріемы мышленія, истинные методы философствованія, а не столько занятъ опрокидываніемъ ихъ мыслей, и нисколько не занятъ ихъ уязвленіемъ (обычные пріемы полемики). Страховъ *вѣчно болѣлъ о читателѣ*, о путаницѣ въ умѣ его и о притупленіи въ русскихъ читателяхъ нравственныхъ и всяческихъ вкусовъ; онъ былъ «мамкой», «дядькой»: и это нѣсколько даже отразилось въ общемъ старообразномъ его положеніи въ литературѣ. Это же было и одной изъ причинъ его неуспѣха. «Ахъ, этотъ старикъ вѣчно учитъ!..» И молодежь пробѣжала *мимо* его. Но въ Страховѣ, *въ немъ самомъ*, содержится вѣчная необходимость «вернуться къ нему». И вернутся, и оглянутся, не наше поколѣніе, то слѣдующее или слѣдующія... *Примѣчаніе 1913 года.*

давалъ, когда думалъ вообще о своихъ писаніяхъ. Меня и удивляетъ и трогаетъ, что Вы все это поняли и высказали; сердечно благодарю Васъ! Да и менѣе общія замѣчанія—какъ вѣрны и какъ прекрасно сказаны! Вообще, *почти* все, что прямо ко мнѣ относится, очень хорошо; что же касается до разсужденія о славянофилахъ и западникахъ, то оно очень остроумно и глубоко, но слишкомъ отвлеченно и поверхностно *съ фактической* стороны. Поразительна и свѣжа мысль, что западники—болѣе русскіе, болѣе до-петровскіе люди, чѣмъ славянофилы; но напрасно говорить, что славянофилы равнодушны къ русской исторіи, народной словесности и т. д. Тутъ факты противъ васъ: К. Аксаковъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Гильфердингъ и т. д. [1]). И нигилизма Вы не знаете, потому не видите, что западничество принимается *худшими* [2]) сторонами русской души, что ни-

[1]) Меня, однако, удивляло, почему *не славянофилы* написали такіе труды, какъ «Исторія съ древнѣйшихъ временъ», *въ 29-ти томахъ* (С. М. Соловьева), или «*Историческія* монографіи», что-то около *17-ти томовъ* (Костомарова); также *все-таки западникомъ* былъ и великій Буслаевъ. Вообще «русская исторія» и «славянофилы», даже «русскій бытъ» и «славянофильство», какъ-то «знакомы-то знакомы» между собою, и даже кажутся «друзьями»,—но однако пробѣгала и пробѣгаетъ какая-то «черная кошка» между этими «близкими знакомыми». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Вотъ это—глубоко; Герценъ былъ, въ сущности, *дурной человѣкъ*, и только свѣтъ солнца его талантовъ залилъ это, и не допустилъ разсмотрѣть. И «нигилизмъ» конечно уже содержался implicite даже въ реформѣ Петра Великаго; и—*докончилъ* эту «реформу», сказалъ ея послѣднюю мысль. Что нигилизмъ вообще есть «что-то

гилизмъ его логическій плодъ. Объ Европѣ Вы чудесно говорите и очень хорошо отзываетесь въ сужденіяхъ, смотря на нее, какъ на загадку. Но объ этомъ вопросѣ такъ много писано, что—не говорю привести и разбирать, а хоть бы только упомянуть, что есть-де рѣшенія этой загадки,—нужно бы было. Вижу, что и тутъ Вы выступаете ярымъ примирителемъ, неукротимымъ обобщителемъ; не могу этому не сочувствовать, но не могу и не замѣтить, что дѣло у Васъ ведется слишкомъ быстро. Однако положеніе, что споръ славянофиловъ съ западничествомъ имѣетъ *всемірное* значеніе—какая безподобная и безподобно сказанная мысль.

послѣднее», грань чего-то, «пропасть», «обрывъ»—это невольно чувствуется. Въ «нигилизмѣ» собственно говоря мы и сейчасъ существуемъ; «нигилизмъ» тянется, такимъ образомъ, болѣе уже полвѣка; *болѣе* или *менѣе* «мы *всѣ*—нигилисты», и выходъ изъ него или преодолѣніе его *въ себѣ* каждымъ—дѣло величайшаго труда и страданія. Главнымъ нашимъ «нигилистамъ», въ родѣ Чернышевскаго, Писарева, Зайцева, Шелгунова, Скабичевскаго, Желябова, Перовской, въ голову никогда не приходило, что они суть *лѣнивые* люди, плывущіе по теченію,—косные люди, неспособные повернуться *по-своему*, люди *не оригинальные*, шаблонные, «какъ всѣ», безъ звѣздочки во лбу, тусклые и неинтересные. А они-то «Байронами» расхаживали, распускали павлиньи хвосты, учили, «обновляли», «развивали». Бѣдныя курочки, «пришедшіяся ко двору»,—«механическая обувь», выдѣлываемая не по-штучно, не по мѣркѣ заказчика, а «вообще» и цѣлыми «партіями»,—люди «правительственной системы» (системы Петра I) и, какъ говорится въ промышленности и торговлѣ — «по Высочайше одобренному образцу». Со своимъ «я» и «противъ теченія» были единственно славянофилы. *Примѣчаніе 1913 года.*

Это я писалъ уже дня три назадъ, но до сихъ поръ не могу собраться окончить письмо къ Вамъ. Простите меня! Я еще обдумаю Ваши похвалы и Ваши порицанія и напишу Вамъ; но теперь я весь поглощенъ писаніемъ отвѣта Вл. Соловьеву. Вы, конечно, знаете, что онъ опять выкинулъ штуку въ «*Русской Мысли*» [1]). Я сперва сердился, потомъ успо-

[1]) Книжка *Русской Мысли* лежала у Стр—ва на столикѣ, придвинутомъ къ чайному (овалomъ и большому) столу, гдѣ у него лежало «текущее чтеніе», какой-нибудь трактатъ по физикѣ на нѣмецкомъ языкѣ, и вотъ *Русская Мысль*. Беря эту книжку со статьей Соловьева, онъ (мнѣ и другимъ) говорилъ: «Вотъ—*видите?* Книжка вышла (такого-то) числа, и слѣдовательно *печаталась* (такого-то числа). Вы читали? Нѣтъ? Я вамъ прочту только нѣсколько выраженій (унизительныя, ругательныя). А та-ко-го-то чис-ла (слышите!!!) онъ со мной пилъ чай и вино на Курскомъ вокзалѣ, былъ до приторности любезенъ, и я, не подозрѣвая ничего, говорилъ съ нимъ если не какъ съ другомъ, то и не какъ съ врагомъ. О-нъ ни-че-го объ ста-ть-ѣ не сказалъ, а она пе-ча-та-лась». И онъ бросалъ книгу на столъ. «Теперь судите, что̀ это за че-ло-вѣкъ!!!» Дѣйствительно, это было просто—*дурное*. Не—философія, не—литература, не—разныя теоріи, а кривое лицо, кривая душа, темная, въ которую человѣкъ (Страховъ) «оступился». Именно послѣ этого (вотъ «питья на вокзалѣ чая») Страховъ совершенно пересталъ выносить Соловьева, выбросилъ его изъ сознанія своего какъ «что-нибудь», и тутъ сказалось великое Шперковское (о Соловьевѣ): «эстетическій человѣкъ, а не этическій человѣкъ». Вѣчный «учитель», Страховъ не могъ перенести въ «учительствѣ», въ стезяхъ учительства—поступка, какой совершается въ темномъ переулкѣ темными людьми. Послѣдующее отношеніе Страхова къ Соловьеву было отвращающееся. Такъ, идя съ похоронъ Я. К. Грота, я отъ него выслушалъ негодующее упоминаніе о нечаянномъ и невольномъ столкновеніи съ Соловьевымъ на улицѣ: — «Какъ же, и онъ (Соловьевъ) *былъ* (на похоро-

конлся и теперь пишу непрерывно и все разогрѣваюсь. Напишите мнѣ Ваше мнѣніе: вѣдь нужно ему отвѣчать?

Ваши *Три фазиса* просто не даютъ мнѣ покоя [1]): какъ и что я съ ними стану дѣлать? Нужно хорошенько вчитаться и потомъ выправить середину. Но прошу Васъ, дайте недѣльку срока.

Объ Вашей статьѣ въ *Вопросахъ* нужно бы очень много говорить. Я думаю, что Вашего сомнѣнія, точно ли я борюсь съ Западомъ, и Вашего укора мнѣ въ теоретизмѣ,—не пойметъ почти никто изъ читателей [2]). А что Вамъ открыли мои *Воспоминанія о*

нахъ)! Развѣ вы его не знаете въ лицо? И опять подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку, которую я взявъ — съ отвращеніемъ *бросилъ*». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Ужасно я много *возни съ собою* далъ Страхову. Самъ я никогда и ничего у себя не умѣлъ исправлять; и (должно быть нуждаясь въ деньгахъ) просилъ Страхова «выправить» статью, обѣщавшую рублей семьдесятъ. Однако статья какъ она перепечатана въ книгѣ и была напечатана въ журналѣ—безъ всякихъ поправокъ Страхова. Почему и какъ это вышло—не помню. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) «Непонятность Розанова» есть одна изъ изумительныхъ «для Розанова» сторонъ. Вас. Спл. Кривенко какъ-то встрѣчается со мной въ редакціи газеты: «Сейчасъ говорилъ о васъ съ Константиномъ Петровичемъ (Побѣдоносцевъ), котораго встрѣтилъ на бульварѣ (прогулка). «*Темно пишетъ, я не понимаю*» (т. е. не понималъ статей въ «Новомъ Времени»). Тутъ есть какая-то идіосинкразія меня: между тѣмъ какъ *всѣ*, Нувель, Дягилевъ, Философовъ, Перцовъ—

Достоевскомъ, я не могу догадаться. Въ *Воспоминаніяхъ* я былъ очень сдержанъ; это не была свободная статья; я писалъ правду, но ту, которую прилично и умѣстно было напечатать въ самомъ «Собраніи сочиненій» Достоевскаго. Вообще, я пишу *холодно* и *сухо* [1]); но бываетъ у меня скрытый огонь, который Вы иногда хорошо видите. Почему Вы не находите у меня хорошаго патріотизма? Объ «1 марта» я *одинъ* написалъ,—это мои статьи объ нигилизмѣ [2]). Польскій вопросъ я почувствовалъ *сердцемъ*—вѣдь во мнѣ боль говорила.

понимали меня въ каждомъ словѣ, понимали въ оттѣнкахъ, въ недосказанномъ (статьи въ «Мірѣ искусства» и въ «Н. Пути»). Такъ-же понимаютъ *какъ я самъ себя*—даже студенты университета и духовной академіи. *Почему* это? *Что?*—Ignotum... Можетъ быть духъ разныхъ генерацій? Уже «не то поколѣніе»?.. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Въ сущности,—*вовсе нѣтъ!* Хотя Страховъ постоянно наукообразенъ и философиченъ, всегда «правиленъ» и «послѣдователенъ», наконецъ хотя онъ повсюду цитируетъ другихъ, *говоритъ свою мысль чужими словами*, но у него постоянно *есть пульсъ* въ этихъ построеніяхъ и даже въ чужихъ словахъ: такъ онъ много жару, надеждъ, убѣжденія, наставничества *соединялъ съ мыслью*. Наоборотъ, есть *шумные писатели*, былъ шумный Скабичевскій, шумный Шелгуновъ, а ужъ Чернышевскій просто «гремѣлъ»,—и тѣмъ не менѣе они всѣ были въ сущности *холодные писатели;* какъ и Герценъ есть блестящій и *холодный писатель*. Мнѣ кажется, теплота всегда соединяется съ *грустью*, и у Страхова есть постоянная тайная грусть; а тѣ всѣ были «пресчастливы собою». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Помнится, въ «Руси» И. С. Аксакова,—рядъ превосходныхъ по мысли и по горячности статей. Позднѣе на *прямую тему* о «нигилизмѣ», и все въ связи съ 1-мъ марта, писалъ И. П. Гиляровъ-Платоновъ, но это было уже потомъ. *Примѣчаніе 1913 г.*

Вижу, что Вы не поняли *внутренняго выхода* изъ раціонализма,—правда, мое объясненіе слишкомъ кратко; нужно написать объ этомъ книгу [1]). Слово *вражда* употреблено мною метафорически,—такъ, напримѣръ: «эти два понятія *враждебны* одно другому». Можетъ быть неудачно выраженіе, но смыслъ не тотъ, который Вы даете.

---

[1]) Чудная тема; вотъ бы ею заняться Страхову. Разъ онъ упомянулъ о «книгѣ», значитъ у него и ронился рой мыслей на эту тему «около книги объемомъ», — но онъ оставилъ объ этомъ лишь нѣсколько строкъ въ предисловіи къ «Міру какъ цѣлому». Гдѣ же однако, хоть приблизительно, этотъ «выходъ» изъ раціонализма, изъ логики Аристотеля и наукословія Бэкона Веруламскаго? Въ безконечностяхъ религіи. Міръ созданъ не только «раціонально», но и «священно», столько-же «по-Аристотелю», сколько «по-Библіи», столько-же «для науки», какъ и «для молитвъ».—Хозяйство. Хозяйка печетъ пироги. Но если бы кто подумалъ, что это есть сумма «пекущей печи + необходимости ѣды», тотъ ошибся бы глубочайшимъ образомъ, ибо хозяйка разбила бы формы горшковъ, посуды, не «ожидай она къ обѣду *любимаго мужа*» и не пеки она пироги «съ молитвою». Въ центрѣ всего лежитъ *молитва* и *любовь*. Такъ весь міръ,—этихъ животныхъ, этихъ растеній,—согрѣвается и связывается тоже любовью и намъ непостижимою вѣрою. Частицу этой «вѣры» (религіи, молитвы) мы находимъ даже въ томъ, что «растенія не растутъ дерево къ дереву», какъ стоятъ «солдатъ къ солдату въ шеренгѣ роты»,—въ томъ, что есть «ландшафтъ», «поля» и «лѣсъ», «нива» и «колокольчики»: Что не улавливается уже никакою ботаникою, и противъ чего Аристотель однако не споритъ. Это уже входитъ не въ его «Естественную исторію», а въ его «Реторику» и «Поэтику». Въ мірѣ проглядываетъ лицо человѣческое, даже Лицо Человѣческое, — въ коровахъ, лѣсахъ, колокольчикахъ. И мы не только умомъ постигаемъ міръ, но и трепещемъ сердцемъ къ міру. Тутъ брежжится вдали

Ну, простите мнѣ. Еще разъ отъ души благодарю Васъ. Безподобныя замѣчанія о моей ненависти къ невѣжеству [1]), о моей объективности, о простотѣ изложенія и проч., и проч., все это меня тѣшитъ несказанно, и не могу я не чувствовать Вашей доброты, теплой, чистой любви ко всему высокому и умному. Дай Богъ мнѣ вполнѣ заслужить ее, дай Богъ Вамъ сохранить этотъ пламень и найти для

Египетъ съ его священнымъ «поклоненіемъ животнымъ»; съ его таинственнымъ припаданіемъ царей къ груди Гаторъ (Афродита)-Коровы. Священные токи проходили черезъ міръ животный и человѣческій, растительный и животный (Древо Жизни); не появлялось еще красивенькихъ маленькихъ скульптуръ (греки), но весь Міръ, цѣлый Универзусъ былъ Образомъ Поклоняемымъ, въ которомъ лобзали не истукановъ сдѣланныхъ, а Живыя Существа. Было *питаніе* взаимное каждымъ существомъ всѣхъ и всѣми существами каждаго,— отъ котораго малымъ остаткомъ сохраняется наша «ѣда», символъ древняго питанія «отъ сложенія міра». Все всѣмъ было родное; все во всѣхъ было единое. Человѣкъ былъ главою организма живыхъ существъ, отъ нихъ не отдѣлимою, а не мѣдною «короною» на міръ, въ сущности съ нимъ не слитою (теперь). Элевзинскія таинства, «Озиріанскія таинства» въ Египтѣ,—были «послѣднимъ», уже утаиваемымъ остаткомъ этого древнѣйшаго единства міра, равнобожественнаго и равно-животнаго, равно-человѣческаго и равнорастительнаго,—гдѣ (въ таинствахъ) покланялись «прорастающимъ сѣменамъ» какихъ-то быстро прорастающихъ (въ одну ночь) растеній, да ячменному зерну, да прочимъ «мелочамъ». «Этого никому не надо открывать», это—древнее, чего современники уже не поймутъ или худо перетолкуютъ на «языкѣ улицъ и грязнаго своего воображенія». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Какъ Чернышевскій и прочіе были просто «любителями невѣжества», «адораторами тьмы»... *Примѣчаніе 1913 года.*

него болѣе достойныхъ писателей и встрѣтить болѣе достойныхъ людей [1]).

Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ.

13 сент. 1890. Спб.

---

[1]) Какъ спокойно и тихо, какой благородный тонъ! Вотъ *строки*, какихъ нигдѣ не отыщешь въ сотняхъ томовъ нашего литературнаго нигилизма, съ ихъ (Чернышевскій) — «давай мнѣ», «только мнѣ», «все мнѣ». Этотъ гнусный тонъ, отъ Чернышевскаго до Михайловскаго, тонъ всякаго кабака и захватистаго дома терпимости («всѣхъ гостей—*ко мнѣ*!») стоялъ 50 лѣтъ въ нашей журналистикѣ, въ ея господствующемъ теченіи, и развратилъ читателя, развратилъ публику, сгустивъ тотъ *цинизмъ*, съ которымъ «нѣтъ справы никому». Его не одолѣли и гиганты какъ Достоевскій и Толстой;—и Михайловскій, шутливо полемизируя съ ними, зналъ, почему онъ говоритъ *такимъ тономъ*. «Противъ Достоевскаго—я пигмей, около Толстого—я прохвостъ: но публика—*у меня*, а—не у нихъ. А помѣщикъ-озорникъ и идіотъ съ 1.000 душъ крестьянъ—и сильнѣе и умнѣе и талантливѣе и пригожѣе, чѣмъ какой-нибудь умница и философъ всего только съ 20-ю крестьянскими дворами за спиной». *Примѣчаніе 1913 года.*

XXXVII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Покорно благодарю за письмецо. Мнѣ же давно слѣдовало бы написать Вамъ: я читалъ Вашу статью [1]) о Достоевскомъ (Бергъ спрашивалъ моего совѣта), очень ею заинтересовался, и долженъ былъ и похвалить и побранить Васъ. Похвалить за глубину и тонкость пониманія—какъ вѣрно Вы угадали его мученія и отсутствіе въ немъ [2]) вѣры! (Помните ли Вы

[1]) Должно быть въ рукописи—«Легенда о великомъ инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Можетъ быть для будущихъ временъ интересно будетъ сообщеніе, что въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія Россія и общество русское пережило столь разительно-глубокій *атеизмъ*, что люди даже типа Достоевскаго, Рачинскаго и (извините) Розанова предполагали другъ у друга *атеизмъ, но скрываемый:* до того казалось невозможнымъ «вѣрить», «не статочнымъ»—вѣрить!! Какъ, что̀ перемѣнилось, перемѣнилось со страшной незамѣтностью, по—«Гость пришелъ въ Ночи и тихо,—и сѣлъ»; и мы «очень просто вѣримъ», и я знаю, что у меня «за стѣною—Гость, другъ, реальный какъ мои дѣти». «Мы всѣ вѣримъ, очень просто». Почему? какъ? *Когда начали вѣрить?* Невѣдомо, неизслѣдимо. Я самъ (въ обществѣ, въ исторіи) пережилъ *день*

мѣсто о любви къ ближнему [1])? Вы считаете его обмолвкою, неудачною страницею,—а оно выражаетъ точнѣйшимъ образомъ чувства Достоевскаго [2]),—

за днемъ эту главу ея, и самъ не знаю «когда все случилось». Но вѣрю. И вѣрю *теперь* Достоевскому. И повѣрю всякому, кто скажетъ, что онъ—«вѣритъ». Тогда въ сущности я не вѣрилъ Достоевскому, *потому-что самъ не вѣрилъ*, и только хотѣлъ вѣрить (очень хотѣлъ), но казалось «не статочнымъ ни у кого». «Перемѣнилась погода историческая», «погода религіозная», земля изъ «знака Геркулеса» перешла «въ созвѣздіе Овна» (положимъ), и посыпались въ душу, въ цивилизалію «совсѣмъ новыя звѣзды», «новые аэролиты», новыя *изъ иныхъ звѣздныхъ міровъ* снопы свѣта. Я уже два раза встрѣчалъ юношей, у которыхъ *съ шестого класса гимназіи* стала въ душѣ мечта—сдѣлаться священникомъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Страшное мѣсто, что «ближняго нельзя любить», а (съ насмѣшкой)—«развѣ что дальняго»; «ближній» же долженъ для пробужденія любви къ себѣ переодѣться «приблизительно въ оперный костюмъ». Эти слова Достоевскій влагаетъ въ уста Ивана Карамазова (бесѣда съ Алешей, передъ разсказомъ «Легенды»). *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Ужасное наблюденіе Страхова, который *конечно лучше всѣхъ насъ*, теперешнихъ,—*лично не знававшихъ Достоевскаго*,—зналъ его: зналъ въ ежедневномъ общеніи по журнальной работѣ, да и въ уединенныхъ кой-когда бесѣдахъ, въ своемъ родѣ «за перегородочкой» и «въ трактирчикѣ». Въ концѣ концовъ, почти со слезами скажемъ, что въ 70-ые, 80-ые годы *русскіе пережили страшную трагедію души*, трагедію именно мірового холода, «пока планета перелетала отъ Геркулеса до Овна»,—и *никто никого не любилъ*, страдалъ отъ этого и все-таки не любилъ. Конечно, приписаніе Достоевскимъ старцу Зосимѣ «такой любви ко всему», птичкамъ и прочее, къ мальчику и т. п., очень подозрительно. «Тонко дуетъ въ кулакъ, весь заледенѣвъ», или «топочетъ ногами на морозѣ», чтобы отогрѣть ихъ. Несчастные. И помолимся за нихъ. (N. B.: Всѣ вышли *изъ Гоголя* и жили *сейчасъ послѣ Гоголя*. Въ Гоголѣ же—міровой центръ или фокусъ «ледниковаго періода»). *Примѣчаніе 1913 года.*

Вы много въ немъ поняли, но до этого еще не дошли. Да вообще, тамъ много превосходнаго, и много такого, что по моему не вполнѣ вѣрно. Но все это любопытно и достойно чтенія. Если что требуетъ поправки, то, я думаю, толкованіе на Апокалипсисъ въ концѣ статьи—это черезъ-чуръ, и нѣтъ ни малѣйшей надобности прямо истолковывать его, какъ Откровеніе [1]). Отъ этого пропадаетъ сила мысли, примѣшивается посторонній элементъ.

Какъ бы то ни было, я поздравилъ Берга съ Вашею статьею. Между тѣмъ она написана препеудобно. Вѣдь это цѣлая книга, ее придется разбить на три книжки, не соблюдая естественнаго дѣленія, и я предсказываю Вамъ, что ее немногіе прочтутъ и немногіе поймутъ.

Все-таки спасибо Вамъ.

Отъ Толстого еще не было письма, послѣ выхода

---

[1]) Рачинскій (С. А., Татево) тоже мнѣ говорилъ, что «Апокалипсисъ—конечно *апокрифическая книга*, ни малѣйше не могущая быть принимаемою въ равномъ достоинствѣ съ Евангеліями». Между тѣмъ Рачинскій вполнѣ церковно вѣрилъ въ Христа, христіанство, въ чудеса и все. Это—очень любопытно. Кромѣ одного Достоевскаго, «чувство Апокалипсиса» вообще не было пробуждено въ нашемъ обществѣ 80-хъ годовъ. Тогда именно всѣ «пролетали черезъ другіе міры»,—и когда мы влетѣли «вотъ *въ нашъ міръ*»—чувство Апокалипсиса «у всѣхъ пробудилось». Мнѣніе Страхова и Рачинскаго—просто страшно «для насъ», для Мережковскаго, Розанова, Евг. П. Иванова, для всего круга «Религіозно-философскаго общества». Для насъ «Апокалипсисъ» — *свой*, то есть «точно будто сталъ своимъ», «душевнымъ». Мнѣ онъ страшно былъ близокъ въ пору писанія «Легенды объ инквизиторѣ». *Примѣчаніе 1913 года.*

Вопросовъ философіи съ Вашей статьей [1]). Онъ былъ боленъ припадкомъ своей весенней болѣзни, но, слава Богу, поправился, и я жду, что скоро мнѣ напишетъ. А вотъ Вамъ моя просьба: есть у Васъ оттиски статьи обо мнѣ? Пошлите одинъ Пл. А. Кускову, а другой Ея Пр—ву Ольгѣ Александровнѣ Даниловской по адресу: *Таврич. губ.*, Ялтинскаго уѣзда, станція *Байдары*.

Кусковъ пишетъ то продолженіе, о которомъ Вы меня спрашиваете, и очень хорошо пишетъ.

Самъ я чувствую себя очень недурно, и теперь усердно работаю надъ статьею: *О законѣ сохраненія энергіи* для январьской книжки *Вопросовъ*. Это будетъ все на тему *о времени, числѣ и пространствѣ*.

Вы спрашиваете, можно ли написать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ защиту Толстаго? *Нельзя*,—такой ужъ редакторъ. А почему Вамъ не попробовать въ *Русское Обозрѣніе*? Я бы былъ очень доволенъ. Самъ я собираюсь писать о немъ уже нѣсколько лѣтъ—да вотъ никакъ не соберусь. Впрочемъ, защита ему не нужна,—никто повредить ему не можетъ, все онъ опрокинетъ.

Пока простите меня и дай Богъ Вамъ всего хорошаго.

Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ.

1890, 16 окт. Спб.

---

[1]) О Страховѣ (см. 1-ая статья этого сборника). *Примѣчаніе 1913 года.*

XXXVIII.

Дорогой Василій Васильевичъ,

Вы пишете мнѣ такія умныя и милыя письма, а между тѣмъ все спрашиваете, не замѣчаю ли я у Васъ умственнаго разстройства? По совѣсти—ни теперь, ни когда видѣлъ Васъ здѣсь, я ничего не находилъ у Васъ, кромѣ очень обыкновенной первности, притомъ ничуть не бросающейся въ глаза. Вы пишете про Ваше расположеніе уходить въ себя,—конечно это не хорошо, но опять самое обыкновенное дѣло. Конечно владѣть своимъ вниманіемъ [1]), быть со-

[1]) Должно быть—жаловался Страхову: это есть и было за всю жизнь, съ первыхъ классовъ еще гимназіи, самое отяготительное свойство, *практически разбившее всю жизнь мою* (съ коимъ я могъ бы вовсе погибнуть, если-бъ не Суворинъ, и, до извѣстной степени,—всѣ Суворины, и пожалуй вся, въ этомъ отношеніи удивительная, редакція—въ суммѣ сотрудниковъ—«Новаго Времени»): что никогда я не могъ сказать себѣ: «ты долженъ слушать»—и *слушалъ бы*, «ты долженъ то-то говорить»—*и говорилъ бы*, «ты долженъ то-то дѣлать»—*и дѣлалъ бы*. Какъ ни поразительно, я около сорока лѣтъ прожилъ «случайно *въ каждый мигъ*», это была 40-лѣтняя цѣпь «случайностей» и «непредвидѣнностей»; я «случайно» женился, «случайно» влюблялся

вершенно свободнымъ отъ внутренняго безпокойства и самоуглубленія—вотъ нормальное состояніе человѣка. Но до серьезнаго разстройства еще безконечно далеко. Впрочемъ, вотъ Вамъ совѣтъ: Вы сами должны знать, чѣмъ Вы себя разстроили, и впередъ избѣгать этого самаго. Главное—отдыхъ, отсутствіе всякихъ напряженій и излишествъ во всемъ,—въ снѣ, бдѣніи, пищѣ, питьѣ и т. д. Будьте только воздержаны и спокойны: здоровье само придетъ, если не будете злоупотреблять своимъ тѣломъ. Если вспомните, то не разъ я упрекалъ Васъ въ безпорядоч-

---

«случайно» попалъ на историко-филологическій факультетъ, «случайно» попалъ въ консервативное теченіе литературы, кто-то (Мережковскіе)—пришли и взяли меня въ «Міръ Искусства» и въ «Новый Путь», гдѣ я участвовалъ *для себя случайно* (то есть въ цѣпи фактовъ *внутренней жизни* «еще вчера не предвидѣлъ» и «наканунѣ не искалъ»). Обыкновенно скажу: «смотри! смотри! ты долженъ смотрѣть», или (на публичномъ чтеніи, «лекція въ Соляномъ городкѣ»): «слушай! слушай! Это—интересно! говорящій—милый человѣкъ!».. Но никогда это не могло продолжаться болѣе 1½—2—3 минутъ: послѣ чего я ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ. Такимъ образомъ я никогда не владѣлъ своимъ вниманіемъ (отчего естественно былъ «невозможный учитель»), но напротивъ какое-то *таинственное вниманіе*, со своими автономными законами, либо вовсе не извѣстными, либо мнѣ не открывавшимися, «владѣло мною». *И ни одно мое намѣреніе въ жизни не было исполнено*, а исполнялось, дѣлалось мною, съ жаромъ, съ пламенемъ—*мнѣ вовсе не нужное*, не предполагаемое и почти не хотимое, или вяло хотимое. Нужно замѣтить, «дѣлая все со страстью», какимъ-то таинственнымъ образомъ я все это дѣлалъ и холодно: и мнѣ-бы ничего не стоило «страстно участвуя (положимъ) въ патріотической процессіи» сейчасъ (мигъ вліянія) перейти къ участію въ «космопилотической процессіи». Примѣръ объяснитъ явленіе. Иду по улицѣ. Кого-то хоро-

помъ образѣ жизни [1]). Еще разъ прошу Васъ—поберегите себя. Будьте терпѣливы, и увидите, что черезъ годъ, два, все пройдетъ. Какая-то таинственная сила поддерживаетъ наше тѣло и направляетъ въ немъ все къ наилучшему содѣйствію душѣ [2]).

пять. «Кого?»—«Пергамента» (членъ Государственной Думы).—«Посмотрю всѣхъ либераловъ»; и присоединился. Тутъ—Шингаревъ, бывшій всегда мнѣ очень симпатичнымъ. Тары-бары, студенты за руки образовали цѣпь, и, увидѣвъ это въ первый разъ,—я подумалъ: «хорошо». Такъ идя и болтая—проводилъ (безумно далеко) до Смоленскаго. Когда при входѣ вдругъ подумалъ: «Да *я съ ума сошелъ? За кѣмъ* я иду? Какое мнѣ дѣло до Пергамента, и всей идущей толпы, Милюковыхъ, Родичевыхъ, съ которыми я ничего общаго не имѣю». Вошли въ ворота кладбища: и когда «вотъ сейчасъ опускать въ землю» и «рѣчи», я повернулся и пошелъ равнодушно назадъ, не зная, для чего собственно прошелъ пѣшкомъ весь городъ. Но такъ-же, какъ это «за Пергаментомъ», въ которомъ мнѣ «поправился собственно Шингаревъ», проходило и другое все,—любовь, дружба, религія, двѣ женитьбы, участіе въ прессѣ, въ лагеряхъ, въ партіяхъ. «Симпатичное лицо» могло увлечь меня въ революцію, могло увлечь и въ Церковь,—и я въ сущности шелъ всегда къ людямъ и *за людьми*, а не къ «системѣ и не за системою убѣжденій». Вся напр. моя (многолѣтняя и язвительная) полемика противъ Венгерева и Карѣева вытекла изъ того, что оба—толстые, а толстыхъ писателей я терпѣть не могу. Но «труды» ихъ были мнѣ нисколько не враждебны—(или «все равно»). *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Не думаю. Въ сущности—самый регулярный человѣкъ, лѣнивo-регулярный. «Чтобы выйти изъ нормы»—надо придумывать *и постараться*: вотъ «постараться» я никогда не могъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Какіе прекрасныя слова о тѣлѣ, какой благородный взглядъ на тѣло. *Примѣчаніе 1913 года.*

Простите меня. Я очень занятъ своею статьею объ *энергіи*, письмо Ваше очень огорчило меня—и я запоздалъ отвѣтомъ. Пожалуйста, не забывайте писать ко мнѣ, а я на дняхъ пришлю Вамъ свою книгу.

Вашъ душевно-преданный

Н. Страховъ.

1890, 15 ноября. Спб.

XXXIX.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Одну карточку я уже Вамъ досталъ, при самыхъ трудныхъ условіяхъ, при чемъ укорялъ Васъ и даже подсмѣивался. Теперь Вы опять просите карточку—другого писателя,—пѣтъ, ужъ извините, я хлопотать не стану. А книга К. Н. Леонтьева [1]) замѣчательна, и я радъ, что Вы ее прочитали и что она Вамъ понравилась. Это—эстетическій славянофилъ, который увлекается и религіею, и народностью, и гордостью, и смиреніемъ, и всѣмъ на свѣтѣ. Онъ очень чутокъ, и пишетъ изящно; бѣда у него одна: много вкуса и мало денегъ и здоровья. Впрочемъ, не стану осуждать.

Книгу же инока Парѳенія я Вамъ, пожалуй, пришлю. Она называется *Сказаніе о странствованіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ—инока Парѳенія* [2]). Вышла въ Москвѣ въ

[1]) «Востокъ, Россія и славянство». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Удивительная по изяществу и духовной красотѣ книга. Изъ нея страницы—просятся въ хрестоматію, между прочимъ—по русской-бы словесности. *Примѣчаніе 1913 года.*

1855 году, и было второе изданіе. У меня была ссылка на эту книгу въ *Поѣздкѣ на Аѳонъ*.

Статью свою *О законѣ сохраненія энергіи* я кончилъ, отослалъ и уже успѣлъ получить изъ Москвы корректуру, продержать и отослать. Она выйдетъ 5—6-го января. Пожалуйста, прочитайте. Ваша статья о Достоевскомъ начнется съ января. Бергъ говорилъ, что нужно бы кой-что сократить, по его мнѣнію, но я посовѣтовалъ ему оставить такъ, какъ есть. Сокращать—мудреное дѣло. И такъ, Вы перестали писать—не кручиньтесь. Времени передъ Вами много, только берегите себя. Вышла недавно *Исторія новой философіи—Ибервега;* переводчикъ *Колубовскій* прибавилъ статью объ русской философіи, и тамъ есть параграфъ и объ Васъ—перечислены всѣ Ваши сочиненія, сдѣлана характеристика строкахъ въ сорока, чуточку больше, чѣмъ обо мнѣ. Довольны ли Вы, что попали въ исторію? Къ несчастію, сосѣдей множество, и со многими изъ нихъ ничуть не лестно стоять рядомъ.

А. Соловьевъ написалъ еще статью противъ меня въ декабр. кн. *В. Европы.* Если Вы прочтете и напишете Ваше мнѣніе—очень одолжите. Онъ разозленъ до-нельзя и ругается. Не стану отвѣчать, но крайней мѣрѣ долго промолчу.

Здоровьемъ могу похвалиться, если не считать маленькихъ простудъ. Бронхита не было ни разу—это чудо. Если же что мнѣ тяжело—такъ одиночество, и то лишь въ дурныя минуты.

Отъ души желаю Вамъ здоровья, и всякаго добра. Если писать письма Вамъ не вредно, то сдѣлайте

дружбу—пишите. А я постараюсь послѣзавтра по слать Вамъ инока Парѳенія.

Простите меня. Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1890, 12 дек. Спб.

Леонтьева я давно знаю, но не описываю Вамъ его, чтобы не согрѣшить; онъ очень не дуренъ былъ собою и великій волокита; несчастнымъ онъ быть не способенъ [1]); живетъ въ Оптиной Пустынѣ и получаетъ пенсію по мѣсту цензора.

[1]) Въ отвѣтъ, очевидно, на мое (въ письмѣ къ Страхову) подозрѣніе въ эту сторону (впечатлѣніе отъ стиля и отъ образа мыслей Л—ва). *Примѣчаніе 1913 года.*

XL.

Вы спрашиваете, дорогой Василій Васильевичъ, отчего я не пишу къ Вамъ. Да некогда мнѣ. О, простите меня и не думайте, что я не считаю себя виноватымъ. Но переписка у меня накопилась большая; писать легко и быстро я не умѣю; продолжаю еще читать, т. е. учиться, и замышляю еще писать, т. е. обдумываю. Все это вмѣстѣ такъ меня поглощаетъ, что не смотря на мое полное невѣжество въ отношеніи къ знакомымъ (я не плачу имъ визитовъ и ко многимъ вовсе не показываюсь), времени у меня нѣтъ [1]). Между тѣмъ Ваши письма такъ мнѣ интересны и отрадны, что совѣсть меня мучитъ за мое молчаніе. А отвѣчать на все очень трудно. Да и пишу я очень

[1]) Вообще человѣкъ съ *сосредоточенною дѣятельностью*, или съ какимъ-нибудь «удавшимся» призваніемъ, идущимъ *на общую пользу* и долженъ быть эгоистомъ. Это эгоизмъ не къ «я», а къ «нужно *всѣмъ*». Поэтому, кромѣ интимнаго и прекраснаго, *чѣмъ питается душа*, чѣмъ «самъ живу», все должно и въ правѣ быть оставлено,—знакомства, визиты, частная корреспонденція и т. п., берущія у насъ чуть не половину жизни, времени, энергіи. «Извините, въ картишки не играю», ни—«для хорошей даже компаніи». Очень просто. *Примѣчаніе 1913 года.*

мѣшкотно. Вотъ Вы такъ быстро пишете, что напр. имя «кончающаго въ Спб. университетѣ» я и не могъ разобрать. *Шперкъ* что ли. Но я вообще очень радуюсь Вашему успѣху. Статью Вашу замѣтили, и говорятъ о ней и спорятъ. Ю. Николаевъ [1]) написалъ недурно. Конечно, Вы гораздо обильнѣе его мыслями, но, правда, онъ опытнѣе и больше знаетъ. Я его тоже постоянно читаю, и только радуюсь, что у насъ теперь явились такіе критики, какихъ давно не слыхать было [2]).

[1]) Псевдонимъ писавшаго въ «Москов. Вѣдом., въ «Русск. Вѣстн. и «Русск. Обозрѣніи» *Юрія Николаевича Говорухи-Отрока.* Едва ли это не былъ нашъ лучшій критикъ за 80-ые и 90-ые годы, обстоятельныя, умныя и хорошо написанныя статьи котораго погребены въ забытыхъ листахъ газетъ и никогда не были собраны и изданы. Вотъ бы дѣло «Пути». Посмотрите у радикаловъ: ореra omnia даже Ангела Богдановича изъ «Соврем. Міра» собраны, у котораго на томъ печати едва-ли есть 2—3 не то чтобы хорошихъ, но хоть какихъ-нибудь, мысли. У консерваторовъ—все лежитъ, и никто ни о комъ не заботится. «Эти бояре—не поворотливы». *Прим. 1913 года.*

[2]) У Ю. Николаева былъ прекрасный *тонъ письма.* Онъ былъ дворянинъ,—кажется очень несчастный въ личной жизни. Съ изданіями, гдѣ онъ участвовалъ («Московск. Вѣд.» и «Рус. Обозр.») онъ не очень сливался,—какъ въ сущности вовсе не слиты были съ ними и Страховъ и Розановъ. «Гдѣ-же печататься» и «все равно». Говоруха-Отрокъ былъ сначала «революціонеръ-народникъ», гдѣ-то въ Харьковѣ, кажется; но—изъ дворянъ и еще безъ «разночинной» *черни* въ себѣ. Какъ-то (помнится, разсказывали) онъ сидѣлъ и пилъ одинъ (или въ компаніи) пиво на верандѣ какого-то загороднаго сада что-ли: къ нему вдругъ подходитъ «лохматый», съ *чернью* господинъ и говоритъ ему дерзкія слова, въ томъ смыслѣ, что «не продался ли онъ правительству», за какую-то статейку въ мѣстномъ органѣ печати, гдѣ — ну, напримѣръ—онъ упомянулъ о Богѣ, или что «у Добролюбова не все пре-

Въ полемикѣ съ Гротомъ онъ былъ очень хорошъ; одно только мѣсто въ концѣ, гдѣ онъ назвалъ Грота чиновникомъ,—не совсѣмъ литературно. Впрочемъ, Гротъ Богъ знаетъ что́ понаписалъ.

Что я думаю о нынѣшнемъ царствованіи? Конечно, многому радуюсь, а Вышнеградскому въ особенности,—мы съ нимъ пріятели, были товарищами въ Институтѣ (Педагогическомъ), такъ что я отлично знаю не только его способности, но и то, что сердце у него чистое и высокое. Но вѣдь одного человѣка мало. Государь удивительный, а людей все нѣтъ. Да, потомъ, я такъ хорошо знакомъ съ нашимъ фанатическимъ, узкимъ, щепетильнымъ ретроградствомъ. Впрочемъ,—возьмите предисловіе къ 2-му изданію 2-го тома *Борьбы* [1]),—тамъ есть мое мнѣніе о совре-

---

красно». Вспылившій Говоруха (дворянинъ) чуть ли не бросилъ стаканомъ въ наглеца. Сейчасъ «бойкотъ» противъ него, въ мѣстныхъ «с.-д. кружкахъ». Травля, клевета, обычная въ *черни*. Онъ порвалъ «съ нашими»,—переѣхалъ въ Москву, и въ силу «пѣтъ писать» сталъ сотрудникомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», выговоривъ себѣ (мнѣ говорилъ) абсолютную свободу отъ редакторскихъ совѣтовъ и непоправляемость редакціею своихъ статей. Нужно замѣтить, впрочемъ, что консервативные журналы и газеты никогда себѣ не позволяли вмѣшиваться въ «личность» автора-сотрудника, никогда отъ нихъ не требовали «во *всемъ* съ собою согласія», беря лишь *общее сочувственное направленіе*, не болѣе. Вообще консервативная печать (Катковъ—исключеніе) была очень просвѣщенная и очень свободная. Ни малѣйшему *униженію*, никакому *приниманію* душа ни одного сотрудника тамъ не подвергалась, и это было до того «общимъ правиломъ», что *обратнаго*—«нельзя себѣ представить». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) ... съ Западомъ въ нашей литературѣ». *Примѣчаніе 1913 года.*

мелныхъ дѣлахъ. Прогрессъ у насъ есть—усердно наблюдаю малѣйшія его черты; но хотѣлось бы крупныхъ явленій, въ родѣ Вышеградскаго,—а ихъ не видно.

Статья моя *объ энергіи* видно не очень запяла Васъ; но здѣсь есть на это Кутузовъ [1]), очень чуткій къ умственнымъ вещамъ; онъ для меня, какъ термометръ, и я вижу по нему, что *Изъ исторіи нигилизма* [2]) не можетъ возбудить большого одобренія, напротивъ законъ *энергіи*—привелъ его въ восхищеніе, какого я почти ни отъ кого и не ждалъ. Гротъ въ своемъ письмѣ не написалъ даже простой вѣжливой похвалы.

Ну, каждый думаетъ о своемъ. Вашей статьи я еще не читалъ въ печати, нужно будетъ перечесть. Кутузовъ очень заинтересовался и нетерпѣливо ждетъ продолженія.

П. А. Кусковъ сегодня читалъ мнѣ свои «прозаическіе отрывки» подъ заглавіемъ *Наше мѣсто въ вѣчности*. Есть превосходныя и важныя мысли.

---

[1]) Графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, благородный поэтъ, недавно скончавшійся. Поразительна его судьба *полной неизвѣстности* въ читающемъ обществѣ, у «читающей Россіи». Его задавила молчаніемъ радикальная вобла, которой принадлежитъ вся почти пресса. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) «Изъ исторіи литературнаго нигилизма» Страхова,—текущія полемики «тѣхъ дней», съ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и вообще съ мнѣніями «Современника». Книга мелочна по фактамъ, къ 1891-му году утратившимъ живость, интересъ и отчасти попятность и самую памятность. Но какъ «литературная хроника»—она цѣнна. *Примѣчаніе 1913 года.*

Пока, простите. Здоровье мое вполнѣ хорошо. Прошу Васъ, не забывайте меня своими письмами и не взыскивайте за мое молчаніе.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1891, 30 янв. Спб.

XLI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Такъ я вовсе не хочу, чтобы Вы мнѣ не писали. Мнѣ очень хочется знать, какъ Вы поживаете, что думаете и что дѣлаете. Я только просилъ не сердиться, если не на каждое письмо отвѣчу. Да мнѣ писать о себѣ нечего: какъ Вы меня видѣли въ домѣ Стерлигова [1]), такъ я тамъ и теперь сижу.

Сообщу Вамъ повость, которая теперь всего меня наполняетъ, хоть и знаю, что она займетъ Васъ гораздо меньше, чѣмъ меня. Не разъ я удивлялся тому, что и Вы, и Говоруха-Отрокъ, и другіе пишущіе не питаете того удивленія и расположенія къ Л. Н. Толстому, какъ чувствую я [2]). Что за при-

---

[1]) Близъ Торговаго моста, по Крюкову каналу, въ 5-мъ этажѣ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Тутъ очень важно *личное впечатлѣніе*, которое могло быть чарующе, и котораго намъ всѣмъ недоставало, тогда какъ Страховъ ежегодно лѣтомъ гащивалъ у Толстого. Однако *исторія* насъ оправдала и не оправдала Страхова, *Примѣчаніе 1913 года.*

чина? Казалось бы, явленіе до того блистательное и глубокое, что люди умные и чуткіе должны очень заинтересоваться. Новость вотъ въ чемъ: жена Л. Н. Толстого была 13 апрѣля принята Государемъ и Государыней. Разговоръ былъ долгій—почти часъ, и всѣ ея просьбы были уважены. «Крейцерова Соната» явится въ полномъ собраніи, и съ этихъ поръ самъ Государь будетъ цензоромъ Толстого—того, что онъ впередъ задумаетъ напечатать. Государь былъ очень милостивъ, а графиня очень оживлена, и если бы Вы имѣли о ней понятіе, то могли бы представить, какъ сильно ея чистосердечіе и прямота должны были подѣйствовать на Государя, не терпящаго фальши. Графиня просила избавить мужа отъ утѣсненія цензуры, которое мѣшаетъ ему предаваться писанію художественныхъ произведеній. Государь замѣтилъ, что Толстой пишетъ противъ Церкви. Графиня отвѣчала, что ничего подобнаго онъ не хотѣлъ печатать и что вообще онъ не занимается распространеніемъ этихъ своихъ мыслей, напримѣръ въ простомъ народѣ, и даже въ своей семьѣ, гдѣ нѣкоторые члены (сама графиня, Андрюша и пр.) очень преданы Церкви. Графиня жаловалась, что про ея мужа Богъ знаетъ что разсказываютъ и печатаютъ, что у него утащили нѣкоторыя рукописи и безъ спросу литографировали, перевели и пр. Государь спрашивалъ: «Каковъ онъ въ семьѣ?» и графиня описывала весь свой бытъ, положеніе дѣтей, характеръ мужа и пр. Она выра-

зила все то великое уваженіе, которое къ нему питаетъ вся семья [1]).

Вотъ Вамъ новость, которую посылаю вмѣстѣ съ поздравленіемъ съ праздникомъ.

Дай Вамъ Богъ всего хорошаго.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1891, 19 апр. Спб.

---

[1]) Вообще во всемъ этомъ дѣлѣ въ высшей степени «не удалось» Толстому и (противъ обыкновенія) «удалось» правительству. Съ невѣроятной грубостью Толстой не оцѣнилъ всей деликатности отношенія къ нему Государя,—и вмѣсто того, чтобы хоть только деликатно продолжать свое отрицаніе Церкви и государства, началъ это отрицаніе переводить въ шумную гласную ссору, чего-то добивался именно «на виду» и для «народа». Работа его не была тихая и внутренняя, не была работа «души», а именно—публициста. Государь собственно очень много сдѣлалъ для него, сжавъ большимъ внутреннимъ усиліемъ долгъ и личную жажду защищать Церковь, имъ опредѣленно и горячо любимую, и «защитникомъ» коей его видѣлъ весь народъ, и призывалъ къ этому долгъ Государя. Здѣсь все было величественно, исторично и прекрасно—со стороны правительства: какъ и всегда, когда выдвигается лично Государь, со своимъ широкимъ зрѣніемъ и міровой благостью. Но Толстой во-истину повелъ себя какъ «разночинецъ», начавъ трепать «куръ богословія» Макарія, который никто, кромѣ самого Толстого, не считалъ сколько-нибудь серьезною книгою (см. Гилярова-Платонова о Макаріѣ-историкѣ и богословѣ). Критика Толстого была *смѣшна* въ глазахъ славянофиловъ, и ему слѣдовало бороться не съ Макаріемъ, а съ Гиляровымъ или съ Хомяковымъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

XLII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Вы спрашиваете, можете ли жить литературнымъ трудомъ? По вашему таланту въ этомъ дѣлѣ, конечно, можете; но по неумѣнью справляться съ своимъ талантомъ и съ собою,—едва ли. Вамъ нужны перила, чтобы не упасть и знать надежную дорогу,—говорю въ денежномъ отношеніи, а не въ умственномъ. Впрочемъ, я Васъ такъ мало знаю въ этомъ отношеніи, что право не могу судить [1]).

[1]) Всѣ эти вопросы мои были *больные*, и отвѣты Страхова были *больные* же, и какъ тѣ, такъ и другіе вытекали изъ того, что оба мы стояли ногами на *больномъ мѣстѣ* Россіи,—большомъ, захирѣломъ и болотномъ, съ гнилыми ядовитыми испареніями въ себѣ... Можно себѣ представить радикала-соціалиста въ провинціи, съ *моимъ призваніемъ къ литературѣ*, которое я чувствовалъ въ кончикахъ пальцевъ, съ моими темами, и съ огромнымъ уже философскимъ трудомъ за спиною,—и другого соціалиста въ столицѣ, знающаго пять иностранныхъ языковъ и 35 лѣтъ пишущаго по предметамъ критики, философіи и естествознанія,—которые бы переговаривались—«можно ли *жить* литературнымъ трудомъ?» Конечно, ни одного такого *тоскливаго*

Напримѣръ,—въ послѣднемъ письмѣ Вы обѣщались не ждать моего письма, и писать. Вмѣсто того Вы принялись ждать и бранить меня, не смотря на мои усердныя извиненія. Вамъ хотѣлось моего письма,—но лучшее для этого средство — написать ко мнѣ.

разговора не было между Шелгуновыми, Скабичевскими, между Благосвѣтловыми, Некрасовыми и Протопоповыми, и между Михайловскими, Пыпиными и Кривенко. «Петербургъ созданъ для насъ и мы созданы для Петербурга»; «пріѣзжайте,—поле готово, вспахано, засѣвайте его словомъ своимъ, мыслью своею, и пожинайте урожай сторицею, урожай славы, положенія, денегъ, исторической памяти». Вотъ всѣ *ихніе* разговоры, не только талантовъ, но и третьестепенностей. *Серія* журналовъ и газетъ ищутъ и жадно рвутъ каждую радикальную статью,—и, конечно, ни одинъ журналъ не удержитъ гонорара, ибо это значило бы лишиться талантливаго сотрудника, которому есть куда пойти и кромѣ этого журнала. Этотъ-то успѣхъ, заранѣе обезпеченный, создавалъ топъ *полной вѣры въ себя* у «стучащагося въ дверь литературы», и смѣлое, открытое, *зовущее* открываніе ему двери «оттуда». Такъ начались *всѣ* литературныя карьеры первыхъ, вторыхъ и третьихъ талантовъ, работавшихъ въ западническомъ и по преимуществу въ радикальныхъ и соціалистическихъ журналахъ, начиная «Отечественными Записками» и кончая «Русскою Мыслью» Лаврова-Гольцева. Тамъ—свѣтъ, тамъ – солнце, тамъ—успѣхъ: ибо тамъ *разрушалась историческая Россія*, эта проклинаемая Россія, эта ненавидимая Россія, съ ея «православіемъ и народностью». Штурмующіе—въ успѣхѣ: значитъ—штурмуемые въ отчаяніи. Тоска нашихъ переговоровъ, и страхъ, и тревога моя, наконецъ «неумѣнье распоряжаться деньгами и талантомъ» вытекали изъ того, что я входилъ въ голодную крѣпость, стѣны которой разрушены, гарнизонъ палъ, и въ которой вообще можно было только умереть съ голоду, быть убитымъ или заболѣть и умереть отъ горя. А у меня были жена и двое маленькихъ на рукахъ. Что

Ахъ, какъ это скучно! Вотъ и теперь,—я не могу понять Вашего положенія и состоянія, Вы почти ничего объ немъ не пишете.

Бергу объ оттискахъ напишите сами. Эти порученія рѣшительно ни къ чему не ведутъ. За что онъ можетъ на Васъ сердиться? Кромѣ похвалъ онъ ничего не слышалъ объ Вашей статьѣ.

Бога ради, не волнуйтесь и не отдавайтесь мыслямъ для которыхъ нѣтъ никакого основанія.

Напримѣръ: уже съ іюля 1890 года редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» со-

---

такое два «консервативныхъ журнала»,—«Русскій Вѣстникъ» и «Русское Обозрѣніе», оба издававшіеся отчасти при помощи частныхъ (старовѣрческой—«Русской Обозрѣніе») субсидій, оба недолюбливавшіе другъ друга (конкуренція собакъ въ голодной степи), которые могли какъ платить гонораръ, такъ и не платить, ибо куда же къ чорту сотрудникъ пошелъ бы изъ неплатящаго журнала, разъ у него есть напоръ мыслей и онъ «пишетъ» (неодолимо). «Пишешь—и пиши»,—и «печатай у насъ»: все равно никому не нужно, журналъ существуетъ не твоими статьями, а субсидіями отъ купца или отъ сановниковъ, и вообще все это дѣло существуетъ не потому, чтобы кому-нибудь было нужно, а что «есть Бергъ и можетъ быть редакторомъ» и «есть Александровъ и тоже можетъ быть редакторомъ», и «одного знаютъ Морозовъ и Т. И. Филипповъ», а другого «знаютъ Побѣдоносцевъ и Витте». А *ты* тутъ при чемъ?! Страховъ или Розановъ?! Да ровно «ни при чемъ»,—«а такъ, пишете статейки». «Вы и пишите, а мы будемъ печатать». Эта *никому ненужность* всей вообще консервативной печати конечно не побуждала бы никого и идти сюда, если-бъ не то обстоятельство, что въ полу-разрушенной крѣпости, въ кладовыхъ подъ-спудомъ, не хранилось таинственное «завѣщаніе Руси», въ своемъ родѣ «магическое золото Рейна» Вагнеровской трилогіи,—да и что-то гораздо лучшее, чѣмъ и это «Золото»,

стоитъ *Василій Григорьевичъ Васильевскій*, знаменитый византистъ, а Вы пишете, что *Майковъ* долженъ на Васъ сердиться. Разумѣется, ни тотъ, ни другой и не думаютъ объ Вашемъ Аристотелѣ. Тѣснота въ Журналѣ великая.

и всякое «Завѣщаніе». Хранилось—*Все*... О, не попы наши деревянные, которые сами не знаютъ, для чего они существуютъ, и преспокойно всѣ состоятъ подписчиками «Будильника», «Стрекозы» и «Русской Мысли»,—и не премудрости Синодальнаго управленія,—наконецъ не «соперничество Витте и Побѣдоносцева», свершающее «послѣдній фазисъ нашей исторіи», а—

«Христосъ»,
«Христіанство»,
«Исторія»,
«Человѣчность».

Зарыто въ кладовыхъ все *благородство* человѣчества, все накопленное за много лѣтъ усилій... А «на штурмъ» идутъ разбойники, или безумцы, которымъ «разорвать-бы все», и — тогда «всѣ будутъ счастливы». Вотъ положеніе. И одинъ, и другой,—я, Страховъ, Говоруха-Отрокъ, — пробирались и пробирались въ крѣпость, чтобы немножко еще поддержать ее... *Для чего?* Тамъ—*лучшее*. Усталъ говорить. Возвращаюсь къ тому, что всѣ указанія Страхова были *пустые*, и не о *лицѣ моемъ* онъ долженъ былъ говорить, а о томъ *безнадежномъ положеніи* вообще литературной мѣстности, на которой стоялъ самъ онъ и куда я готовился перешагнуть. Еще замѣчу, что «нашими бы читателями» была, конечно, вся Русь, т.-е. не какіе-то жалкіе 10.000—20.000 тыс. читателей или подписчиковъ хотя бы «Вѣстника Европы» и «Русской Мысли», а *милліоны* читателей, если бы... они, увы, не были *безграмотны*! А «школа» такова, а Министерство просвѣщенія таково, что, поучившись въ его *училищахъ* года два-три, года четыре-пять, каждый рѣшительно выходилъ «нигилистомъ» и также шелъ на штурмъ «старой развалившейся крѣпости»... *Примѣч. 1913 г.*

Ваше восхищеніе отъ К. Н. Леонтьева меня очень трогаетъ, какъ знакъ Вашей горячей преданности всему умному и изящному. Но не знаю содержанія Вашего восторга; думаю, что Вы преувеличиваете, а главное думаю, что самому Леонтьеву это вредно. Вы пишете: «Сколько изящества въ его *Національной политикѣ, какъ орудіе всемірной революціи!* Да, онъ хорошо пишетъ, но мысль несообразна и расползающаяся. Всѣ народы теперь стремятся къ политической самостоятельности, а когда ея достигнутъ, принимаются усиленно подражать Франціи и Англіи. Фактъ вѣрный,—что культурная самостоятельность (притомъ *какъ будто на время*) убываетъ при достиженіи политической самостоятельности. Но вѣдь тутъ два теченія независимыя, одно идущее поверхъ другого, а вовсе одно не составляетъ (какимъ-то тайнымъ образомъ, чуть ли не при пособіи сатаны) орудіе другого [1]). По послѣ-

[1]) Никакого «Сатаны» нѣтъ, а просто «сапоги лучше шьютъ *французы*» и освободившійся болгаринъ «*учится у француза шить сапоги*», «у нѣмца онъ учится *пріемамъ педагогики*» и у англичанъ—«искусству *дѣлать сукна*». Не у «братьевъ же русскихъ учиться», когда они вообще ничего не умѣютъ и предпочитаютъ ходить босикомъ, чѣмъ *прилежно поучиться шить сапоги*. «Прогрессъ» и «цивилизація» есть просто *сумма высшихъ техническихъ умѣній*, и ими обладаютъ «французы, нѣмцы и англичане». Другой вопросъ, какъ «могла цивилизація свестись *къ искусству шить сапоги*», непремѣнно «съ французскимъ каблукомъ у дамскихъ ботинокъ»!? Это—дѣйствительно вопросъ. Нѣтъ—*темъ*, нѣтъ—*задачъ*; міръ *покоренъ* (въ сущности), отношенія международныя въ самой Европѣ урегулированы осторожною дипломатіей, «Бога нѣтъ», «церкви не нужно», а если кому

вищѣ: «Cum hoc non est propter hoc». А впрочемъ всѣ его разсужденія интересны — ведутся съ воодушевленіемъ и живымъ воображеніемъ.

Дай Вамъ Богъ здоровья. Самъ я могу похвалиться, что уже давно не хворалъ. Работы, которыя у меня на умѣ, вотъ какія:

Воспоминанія о ходѣ философской литературы.

О геометрическихъ понятіяхъ.

Логика естественной системы.

Кажется, есть и немножко бодрости. Отъ души и Вамъ ея желаю. Не забывайте меня, не браните, и вѣрьте искреннему расположенію

Вашего преданнаго Н. Страхова.

1891, 5 мая. Спб.

Что Вы читаете? Читали ли *Сочиненія Шелгунова* и *Исторію новѣйшей русской литературы— Скабичевскаго*?

«нужно—то пойди въ *готовую*», въ православную, католическую или въ лютеранскую; свобода приблизительно всѣмъ обезпечена парламентаризмомъ... Что же, чортъ возьми, дѣлать, какъ не шить сапоги «съ французскимъ каблукомъ», до упаду натанцоваться въ нихъ, уснуть, проснуться, работать шесть дней и опять танцовать, а кому надо—помолиться. «Шаблоны готовы для всего» и они «готовы» просто отъ того, что долго жили, долго трудились, долго дѣйствительно совершенствовались. Да: писать стихи. Не всѣмъ пишется— а кому пишется, тотъ и пишетъ. Опять «ничего» впереди. Наиболѣе «обѣщающая картина» все-таки—соціализмъ, и въ него идутъ огромными толпами, «всѣмъ уловомъ сельдя на Ньюфаундлендской банкѣ»,— какъ «въ наиболѣе обѣщающій кинематографъ» съ наиболѣе потрясающимъ зрѣлищемъ. Все—это «по-французски», и—безъ всякаго «сатаны». Не «сатана»-же сочинилъ таблицу умноженія. *Прим. 1913* г.

XLIII.

Бѣдный, бѣдный Василій Васильевичъ! Вотъ какую мерзость приходится Вамъ перенести. Хуже всего тутъ то, что невозможно не волноваться, что нужно напрягать всю твердость, чтобы выдерживать нелѣпыя представленія о потерѣ чести и т. д. Пьяный дуракъ [1]) хорошо зналъ, что онъ *хочетъ*

[1]) Ничуть не «пьяный»... Случилось со мной то же, что съ Леоновымъ. Физическій очеркъ былъ слѣдующій. Учились въ шестомъ и второмъ классахъ два гимназиста, Михѣевы,—оба тихіе и милые мальчики; по всѣмъ предметамъ шли хорошо. Никогда никакихъ неудовольствій съ ними не было. Внутренней стороны мальчиковъ, впрочемъ, я не знаю, говорю о наружной, и, можетъ быть, она не отвѣчала внутренней, жалующейся или сплетнической. Отецъ ихъ былъ въ полицейскомъ управленіи письмоводителемъ, и когда тамъ случалось бывать (паспортъ или что) — бывалъ до тошноты угодливъ, льстивъ, какъ впрочемъ почти всѣ «родители», воображающіе, что учитель «готовъ съѣсть гимназиста», если ему (учителю) не польстить, а если польстить—то «поставитъ четыре». Противъ этой дикой психологіи приходилось бороться всѣ годы учительства,—точнѣе, приходилось ее молча терпѣть. У *меня* оба Михѣевы учились на «четыре». Но однажды, очень можетъ быть неосторожно (допускаю—и несправедливо «по разсѣянности») я поставилъ «*два*

сдѣлать, и въ сущности не его ударъ, а это злое намѣреніе, этотъ расчетъ на людскіе предразсудки—вотъ что гнусно, вотъ за что стоило бы его больно прибить. Но Вы поступили такъ, какъ и я, вѣроятно, поступилъ бы при подобномъ случаѣ.

по географіи» младшему мальчику. Поставилъ и забылъ. Черезъ день или два во время обѣда мнѣ подаютъ или записку съ просьбой «поговорить», или устную о томъ-же просьбу отъ «родителя ученика», и, какъ всегда,—я велѣлъ прислугѣ сказать, что «дома». Какъ теперь помню, всталъ изъ-за перваго кушанья, съ неудовольствіемъ, что не дали доѣсть второго и «благочестиво уснуть». Входитъ Михѣевъ, усатый, среднихъ лѣтъ, худощавый и высокій, и сейчасъ-же начинаетъ кланяться,—противными чуть не поясными поклонами. Онъ пришелъ извиняться, что сынъ его «Митя» или какъ «опять не выучилъ урока», но что «впередъ этого не будетъ», а «однако не повліяетъ ли это на годовую отмѣтку и не останется ли онъ на второй годъ». Я сказалъ, что «не останется» и «не повліяетъ», и такъ какъ никакой темы разговора не было, а котлеты остывали, то опустилъ голову и не перебивалъ его рѣчь, пока онъ выговоритъ всю свою эктенію. Было что-то тоскливое, тянучее и глупое. Но и раньше его разговоры въ полиціи, не отличались содержательностью. Я рѣшилъ «претерпѣть». Сладкая рѣчь его продолжалась, потомъ прервалась, я упорно не раскрывалъ рта, ожидая вожделѣннаго «извините и прощайте». Стоялъ, какъ я сказалъ, опустивши глаза. Какъ вдругъ по лѣвой щекѣ почувствовалъ такой силы ударъ кулакомъ, что свалился на диванчикъ возлѣ. Поднявшись, я видѣлъ его уже убѣгающимъ (въ прихожую, черезъ комнаты). Я вышелъ за нимъ: онъ торопливо надѣвалъ пальто. Поразительно, что мной овладѣла жалость *къ нему*: «Богъ вамъ проститъ! Богъ вамъ проститъ!», сказалъ я ему въ бокъ (одѣвается) и въ спину (уходитъ). Затѣмъ чувство: «чортъ знаетъ что случилось. Чего я не понимаю. И съ чѣмъ не знаю, какъ быть». Почти въ недоумѣніи я и написалъ объ этомъ Страхову,—можетъ быть (не помню) прося совѣта. Но никогда у меня не было мысли

А что теперь дѣлать? Да идти обыкновеннымъ, открытымъ путемъ. Конечно, объяснить все директору, даже если бы никто не зналъ объ Вашей обидѣ. А потомъ, искать наказанія обидчика. Лучше всего, если бы Вы могли обратиться къ административной

ни жаловаться, ни судиться,—по всегдашней моей пассивности. Кстати, самъ Михѣевъ думалъ очевидно о судѣ, и черезъ прислугу подалъ мнѣ на завтра утромъ извинительное письмо, также все «кланяющееся и извиняющееся» (какъ устная его рѣчь). Я, прочтя, положилъ на столъ,—но вернувшись (съ уроковъ) не нашелъ его. Очевидно, прислугѣ онъ что-то «далъ» и войдя взялъ письмо обратно, какъ «обличающій о фактѣ документъ». Послѣ словъ моихъ «Богъ вамъ проститъ» это выкрадываніе письма мнѣ показалось особенно противнымъ. Изъ «потомъ» интересно слѣдующее. Приблизительно полгода я вообще ничего отъ удара не чувствовалъ,—ни униженія, ничего. Какъ не было и какъ не случалось. Но черезъ полгода, а правдоподобнѣе черезъ годъ или полтора года, я сталъ чувствовать непрерывную, неумолкающую ни днемъ, ни ночью боль и тоску именно отъ *унизительности* пережить ударъ, «получить ударъ», и именно «по лицу». Я думаю, есть нѣчто метафизическое и особенное въ «строеніи лица», вотъ «лицевыхъ костей», въ «благородной кожѣ» вотъ именно лица (и только *его*), почему и *возникло* самое «даваніе по лицу» какъ способъ тягчайшаго оскорбленія... Не забудемъ, что *здѣсь*, на небольшомъ пространствѣ, помѣщены всѣ органы благородныхъ, «человѣческихъ» чувствъ, ухо и даръ музыки, глазъ и талантъ живописи, обоняніе и вкусъ... «Устами» мы говоримъ. Вдругъ этимъ «говорящимъ устамъ» наноситься ударъ,—какъ падаетъ на нихъ камень, скала, падаетъ и поражаетъ ихъ натура, «дикое» и «сильное». И «уста» умолкаютъ, «божественное лицо» въ человѣкѣ разбито. «У статуи отнята голова», и что̀ такое «статуя» тогда? Ничего. Торсъ, ноги. «Не нужно». Это «не нужно» и «нѣтъ меня» и происходитъ послѣ удара. Происходитъ тягостная внутренняя борьба между усиліемъ «сохранить себя»—безъ «головы»-то—и между почти невозможностью со-

власти, а не къ суду. Вотъ гдѣ случай, когда общія юридическія формы не годятся и гдѣ слѣдуетъ поступить патріархально, по существу дѣла. Я не хочу сказать, что Вамъ нужно отмстить за себя; Вы хорошо сдѣлаете, если простите обидчика, но прощеніе имѣетъ полный смыслъ только тогда, когда есть возможность и не простить [1]).

хранить («гдѣ голова?»). Словомъ, я пережилъ совершенно опредѣленно потребность смерти, приближеніе къ самоубійству,—умомъ абсолютно чувствуя, что «ничего собственно не случилось», что «встрѣтился со злымъ человѣкомъ», который вѣроятно вымучивалъ у дѣтей «непремѣнно *четыре* и *пять*», а въ то же время внутренно ихъ жалѣлъ, и эту жалость къ нимъ же самимъ замученнымъ дѣтямъ перенесъ, какъ гнѣвъ, на третьяго. Основываюсь на словахъ заплакавшаго крошечнаго гимназистика, Бори Г.: «не ставьте мнѣ *три*, отецъ меня поретъ за *тройки*». Вообще, пусть навсегда читатели поймутъ, что есть что-то страшное и тайное въ лицѣ человѣка, которое ни *снимать* съ индивидуума, ни *разбивать* его, *портить*,—ни вообще, наконецъ, *прикасаться къ нему* иначе какъ поцѣлуемъ и ласкою не долженъ никакой смертный. Sic и nota-bene. *Примѣч. 1913 г.*

[1]) Въ сущности, я поступилъ хотя и инстинктивно, но самымъ мудрымъ образомъ. Ничего. «Что дѣлать, когда статуя разбита?» Ничего. Выбросить щебень (самоубійство,—*инстинктивно правильное*). Но я надѣялся трудиться, жить, писать, бороться: это *билось во мнѣ* какъ главная жила, какъ пульсъ сердца, лѣтъ я думаю съ 11-ти. Помню, что *до поступленія въ гимназію*, открывъ какую-то у брата книжку, я прочелъ, что «въ Индіи были двѣ великія поэмы, *Магабарата* и *Рамайана*», и т. д. То я долго стоялъ («трясясь») передъ открытой книжкой, и если не заплакалъ, то были слезы въ душѣ (я всегда былъ патріотомъ): «Ничего *въ Россіи нѣтъ*,—нѣтъ вотъ такой *Рамайаны* и *Магабараты*... *Ничего нѣтъ*... Бездарный, слабый народъ. *Не великій духовно и умственно*». И помню, и въ эту секунду, и вокругъ этой секунды, раньше, потомъ, я поклялся быть

О, Боже мой, какъ трудно жить на свѣтѣ! Не ропщите, что Вамъ выпали на долю бѣды, которыя другихъ минуютъ,—у другихъ есть, можетъ быть, болѣе тяжкія [1]). Отъ всей души мнѣ жаль Васъ. Да что это за поганый городъ [2]) Вашъ Елецъ? Что за нравы, что за люди! Въ Министерствѣ, какъ мнѣ случилось слышать, Елецкая Гимназія почему-то на очень дурномъ счету [3]).

именно «писателемъ», «поэтомъ и мудрецомъ», какъ «Гомеръ или Платонъ»,—и непремѣнно *для Россіи*, «для бездарнаго этого народа, всѣми забытаго и справедливо презираемаго», написать «великія, вѣчныя вещи». Это было все время гимназіи и университета, и я потому собственно и не учился (въ нихъ), что были—«глупости», «ариѳметика и Законъ Божій», только отвлекавшія меня отъ «великихъ вещей». Этотъ вотъ «пульсъ» и сохранилъ мнѣ жизнь,—которая вообще часто проходила мимо самоубійства. *Примѣчаніе 1913 г.*

[1]) Конечно, «болѣе тяжкія»... Всѣ эти въ сущности *счеты самолюбія*, «меня оскорбили», «меня ударили»,—глупы и пусты, если ихъ сравнить съ такими вещами: «не любитъ жена», «нѣтъ *средствъ* жить», «болѣзнь». Конечно, чтобы устранить одно изъ такихъ *настоящихъ* золъ,—каждый легъ бы подъ бичи. И въ 57 лѣтъ «охотно легъ-бы». Тотъ случай въ Ельцѣ мнѣ представляется теперь просто глупостью. «Кто-то раскололъ щипцами орѣхъ за столомъ». Не больше. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Очень милый, въ общемъ,—съ *прелестными единичными людьми и благородными нравами*. Былъ тамъ Рылькевичъ; но вѣдь былъ—и Леоновъ. Этого никогда не надо забывать. Гдѣ Иліонъ—тамъ и Тирситъ, но есть и Пріамъ; гдѣ Іерусалимъ—тамъ найдется и Іуда, но есть и Божія Матерь. *Городъ*—никогда не плохъ. *Городъ—святыня*, потому что онъ «множество». *Примѣчаніе 1913 года.*

[3]) Былъ *очень хорошій* директоръ, покойный Николай Александровичъ Заксъ: строгій, добрый, заботливый объ ученикахъ, «гроза» снаружи и «медъ» внутри. Онъ никого не оскорбилъ никогда, все

Ну, будьте же мужественны. Или—учитесь мужеству, твердой увѣренности въ себѣ, если не тверда у Васъ вѣра въ Бога. У Сенеки есть такое разсужденіе:

«А что станетъ дѣлать мудрецъ, когда ему надаютъ пощечинъ? То, что́ сдѣлалъ Катонъ, когда получилъ оплеуху: не вспылилъ, не сталъ мстить за обиду: онъ даже не прощалъ ея, а сказалъ, что обиды не было» («De constantia», C. XIV [1]).

Но я чувствую, что, что бы я ни писалъ, все можетъ показаться Вамъ холоднымъ и посторонним разсужденіемъ, обиднымъ въ минуту глубокаго огорченія. Лучше повторю, что душевно сострадаю Вамъ, что жалѣю, что не могу быть при Васъ и всячески выразить Вамъ свое сердечное участіе, ободрить, утѣшить Васъ въ Вашей обидѣ, хоть и мнимой, но

сберегъ, что могъ,—былъ ученъ и былъ превосходный преподаватель на урокахъ (древніе языки въ старшихъ классахъ). Вѣчная ему память. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Ну, это довольно не мудро, и вообще «древніе», по душевной еще неразвитости, не примѣръ намъ. Они ходили безъ штановъ, въ рубашечкахъ и латахъ, вѣчно дрались, вѣчно толкались на форумахъ, въ поляхъ, въ лѣсахъ, и имъ «природная» колотушка, даже если приходилась по лицу, ничего не значила. Кстати: *въ древности вѣдь вовсе не было* этого гадкаго и жестокаго, этого намѣреннаго и съ сознаніемъ «оскорбить» и «лишить чести»,—нанесенія удара по лицу. Это—одна изъ мерзостей новой цивилизаціи, какъ алкоголь и сифилисъ, какъ «дамская шляпа съ перомъ и съ булавкой» и «мундиръ такого-то министерства». Все—въ связи. Нервы взвинтились, души разрыхлились и ослабѣли,—и все это поливается «кислотою» пощечинъ. «Сложная цивилизація». *Примѣчаніе 1913 года.*

очень тяжкой. Дай Вамъ Богъ силъ. Ему нужно быть преданнымъ до конца.

Вашъ Н. Страховъ.

P. S. Конечно и безъ моего совѣта Вы не станете дѣлать лишняго шума, будете избѣгать вниманія зѣвакъ и глупцовъ. Не ясно Вы пишете: никто не былъ свидѣтелемъ. Обидчикъ можетъ отречься?

Ахъ, проклятая злоба. Что меня возмущаетъ, такъ это коварство бѣшеной собаки [1]).

---

[1]) *Все письмо* конечно холодное, какъ философа и ученаго, «поднимающагося на цыпки (пальцы ногъ), чтобы пожалѣть». Философъ не носитъ въ душѣ образа человѣка *съ любованіемъ*: и можетъ произнести сужденія о «разбитой статуѣ», а не возсоздать ее. Возсоздастъ—жена, возлюбленная. Безмолвно она проведетъ рукой по щекѣ: и статуя ожила. Оживаютъ отъ *прикосновѣнія*. И «прикоснуться» сумѣетъ одна женщина. Нѣтъ, права моя вѣчная мысль—«женщиною спасется *все*». Не женщиною мужеобразною, похожею «на *насъ*», и которая сейчасъ дѣлаетъ шумъ въ исторіи, а женщиною «въ себѣ», намъ противоположною: которая съ чувствомъ безграничнаго умиленія «проводитъ рукой по лицу» всему падшему и оскорбленному. Въ концѣ концовъ правъ древнѣйшій «матріархатъ», правленіе городами и странами «матерей отечества своего»: онѣ—*выносили*, онѣ—*родили*, пусть онѣ и потомъ *устраиваютъ* и *охраняютъ*. Мужчина же пусть работаетъ, рубитъ срубы (домовъ), проводитъ дороги, несетъ физическій трудъ, а не «мудрый», предоставивъ «мудрость» старухамъ и пожилымъ, ну или просто зрѣлымъ молитвенницамъ, супругамъ, матерямъ, «софіямъ» («Софія»—Премудрость Божія, изображается въ женственномъ образѣ, и *нельзя ее представить въ мужскомъ образѣ*). Мужчина—дѣятель; а «планъ всего» принадлежитъ безотчетнымъ нѣдрамъ беременнаго живота. Въ концѣ концовъ и *здѣсь* все принадлежитъ ему и его *мистикѣ*. *Примѣчаніе 1913 года.*

XLIV.

Бѣдный мой Василій Васильевичъ,

Вполнѣ (кажется мнѣ) понимаю Ваше положеніе и очень объ Васъ жалѣю. Употреблю всѣ старанія, чтобы помочь Вамъ, и Майковъ согласенъ хлопотать вмѣстѣ со мною. Сегодня я проспалъ за Васъ Аничкова [1]), но тутъ открылось, что въ Министерствѣ нѣтъ списковъ вакансій учителей, а бываютъ извѣстны только вакансіи директоровъ. Слѣдовательно, все зависитъ отъ попечителей [2]) и нужно къ нимъ обращаться. Кіевскій скоро будетъ здѣсь и

---

[1]) Директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Т. е. отъ попечителей учебныхъ округовъ. «Пошла писать губернія»... Мало кто знаетъ, до чего наша министерская «машина» неповоротлива, и чтобы сдѣлать *самомалѣйшее дѣло*—на это часто «все министерство *скоро* не способно». Этимъ (отчасти) пользуются соціалисты и вообще «борющіеся», штурмующіе, съ принципомъ *личной у каждаго дѣятельности*, съ принципомъ *одиночки-воина*, который *самъ* все предпринимаетъ, задумываетъ и исполняетъ; «безъ канцеляріи». Какъ «канцелярія при *мнѣ*», такъ «*я* ничего не могу сдѣлать»: суть бюрократіи. *Примѣчаніе 1913 года.*

можно будетъ налечь на него. Вообще, нужно будетъ разыскать всякіе пути. Хотя мы съ Майковымъ и стоимъ тутъ близъ центра, но силы у насъ нѣтъ никакой, кромѣ кой-какого личнаго вліянія. Пишу Вамъ наскоро, чтобы только увѣрить Васъ въ своемъ живѣйшемъ участіи. Не падайте духомъ—лѣтомъ Васъ непремѣнно переведемъ [1]). Не въ бѣдѣ главное, а хуже бѣды наши мысли. И меня-то уже никакъ не опасайтесь. Скоро напишу Вамъ больше.

Вашъ
Н. Страховъ.

1891, 13 мая. Спб.

[1]) Спѣшный и непремѣнный переходъ изъ Ельца въ другой городъ былъ вызванъ условіемъ выѣхать *это же лѣто непремѣнно* изъ Ельца, каковое условіе было включено въ договоръ (устный), на основаніи коего я вступилъ въ новый бракъ.

XLV.

Дорогой Василій Васильевичъ,

Планъ мой вотъ каковъ: по моей просьбѣ мнѣ сейчасъ дадутъ знать о пріѣздѣ Кіевскаго попечителя и я приму всѣ мѣры, чтобы онъ устроилъ Вамъ мѣсто у себя. Будете мнѣ писать, то напишите, что Вы знаете о Харьковскомъ и Казанскомъ попечителѣ; очень возможно найти здѣсь, въ Петербургѣ, средства подѣйствовать на того или другого. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ принимаетъ въ Васъ самое живое участіе.

Извините меня за то, что я такъ рѣзко указывалъ Вамъ на безпорядочность Вашихъ писемъ. Вы меня избаловали Вашимъ добрымъ расположеніемъ ко мнѣ, но вѣрьте, что я очень цѣню это доброе расположеніе и отъ сердца отвѣчаю на него.

Вы жалуетесь на неустройство Вашей жизни, на то, что все у Васъ не по-людски, и стараетесь устроить себя какъ другіе устроились. Мнѣ очень хотѣлось бы сказать Вамъ что-нибудь успокотельное, напримѣръ такъ: не жалуйтесь и не завидуйте.

Вамъ суждено навсегда жить среди такихъ волненій, такова Ваша натура, и Вашими жалобами и внутреннею досадою Вы только ухудшите все дѣло.

Сейчасъ получилъ Ваше письмо отъ (неизвѣстно отъ какого числа—Вы *не наблюдаете времени*, но къ счастью на почтовомъ штемпелѣ стоитъ 18 мая). Благодарю Васъ за сообщеніе Вашихъ интимныхъ обстоятельствъ [1]), и, разумѣется, еще усерднѣе же-

---

[1]) Семейныхъ. Я застрялъ въ «законѣ», «законности»... «Законы» вообще необходимы и благодатны, какъ нормы, какъ шаблоны, какъ «рельсы, по которымъ всѣ ѣдутъ». Но случается—«попадетъ нога подъ рельсъ»: по-просту бы развинтить *въ этомъ мѣстѣ* рельсъ, приподнять и вынуть ногу живого человѣка изъ-подъ рельса. «Нельзя. Цивилизація. Такъ поступить было бы дико. А нужно—1) дать эстафету на конечную станцію, 2) запросить мнѣніе врача и экспертовъ на конечномъ пунктѣ, долго ли можетъ человѣкъ пролежать подъ рельсомъ, 3) получивъ справку, дать телеграмму на другой конечный пунктъ, чтобы выслали съ ближайшимъ поѣздомъ машину для подъема рельса; но 4) оказалось, что машина въ починкѣ; и тогда 5) попросить человѣка еще полежать, когда наконецъ его можно будетъ освободить цивилизованно, научно и гражданственно». Человѣкъ, между тѣмъ, умеръ,—на что, какъ и въ прежде бывавшихъ случаяхъ, никто не обратилъ вниманія. Это-то, или тенденція *такъ* относиться къ *живымъ* людямъ и къ *текущимъ* несчастіямъ, вызвала негодованіе библейскаго пророка къ Іерусалиму: «вы построили у себя *законъ на законъ и правило на правило*», и т. д. (богословы знаютъ, у *какого* это пророка), и слова апостола Павла: «А если закономъ оправданіе,—то Христосъ *напрасно умеръ*» (т. е. «за грѣхи наши»,—и вся жертва Его была безплодна). Изъ закона какъ *удобства*, какъ *облегченія* всѣмъ,—люди сдѣлали законъ какъ *неудобство* и *затруд-*

лаю Вамъ помочь. Дастъ Богъ все устроится. Какъ нарочно, я рѣшилъ до августа не трогаться изъ Петербурга и, слѣдовательно, мнѣ можно будетъ слѣдить и хлопотать. Смотрите же, сообщите всѣ свѣдѣнія, какія получите отъ Округовъ, гдѣ Вы предполагаете

неніе для всѣхъ; по *рельсамъ* не ѣздятъ, а рельсами завязываютъ въ узелъ руки и ноги человѣка, и заставляютъ лежать недвижно. Таково все тысячелѣтнее «каноническое право», которое по приведенному слову апостола Павла и *возникать-то никогда не имѣло права*, а оно тысячу лѣтъ держитъ семью и всѣхъ семейныхъ людей въ своей желѣзной путаницѣ, въ своей деревянной недвижности, въ своемъ сердечномъ окаменѣніи. Конечно, еслибы «духовное начальство» вотъ такъ, какъ Страховъ или Ал. И. Майковъ,—едва ли раза два меня видѣвшій,—принялись хлопотать, говорить, чтобы «вынуть ногу изъ-подъ рельса», то мое и подобныя моему «дѣла» кончались бы въ полгода, въ короткіе мѣсяцы. Куда!!! *Никто не захотѣлъ и слушать изъ духовныхъ*. Участливое слово еще я слышалъ отъ жандармскаго офицера въ Ельцѣ,—не помню его фамиліи и дай Богъ ему здоровья. Но отъ духовнаго лица, никогда и ни отъ одного, я не слышалъ ни одного заботливаго слова и даже никакой готовности выслушать, въ чемъ дѣло. По глубокой разсѣянности, я много лѣтъ этого не клалъ имъ «на счетъ», пока раздражешая переписка съ Рачинскимъ на эту тему не дала мнѣ замѣтить:—«А, такъ вотъ *откуда* мое несчастіе, вотъ отъ *какихъ* благочестивцевъ, старающихся о возрожденіи Руси, о сіяніи православія,—и благовѣствующихъ, что настало, съ ними и съ ихъ «церковной школой на Руси», благодатное царство на землѣ». Эта догадка черезъ нѣсколько лѣтъ дала мнѣ (въ 1897 г.) толчокъ повернуть все «къ язычеству». «Лучше танцующая Дункапъ, чѣмъ ваши мякинныя и со вшами бороды лопатой». Больше въ Дункапъ правды, больше *ясности*, стократно больше *доброты*: потому-что съ ней—*природа* (язычество). А вы—всего только мертвецы съ нашитыми по позументу крестиками (орнаментація одежды). *Примѣчаніе 1913 года.*

помѣняться мѣстами [1]). Мнѣ кажется, Ваше мѣсто хорошее, 24 урока и 1,200 рублей въ годъ—вѣдь такъ? (а не такъ, то напишите все точнѣе и подробнѣе); слѣдовательно, найти замѣстителя не должно быть трудно. Въ случаѣ надобности могу обратиться и къ министру, хотя отъ него не легко добиться прямого рѣшенія.

Дай Вамъ Богъ здоровья и бодрости. Самъ я не могу жаловаться и на нѣсколько лѣтъ кажется меня еще хватитъ. Простите

Вашего искренно преданнаго Н. Страхова.

P. S. О Скабичевскомъ и Шелгуновѣ я спрашивалъ только ради шутки. Объ К. Н. Леонтьевѣ замѣчу, что его мысль (*упрощеніе и смѣшеніе разнороднаго есть разложеніе, а усложненіе и выдѣленіе особеннаго есть развитіе*) есть ничто иное, какъ приложеніе органическихъ категорій, которыя сознательно употреблять сталъ Шеллингъ, der grosse Philosoph (какъ стоитъ на памятникѣ въ Мюнхенѣ). У Гегеля это дѣло взято всего глубже. Впрочемъ посмотрите «*Россія и Европа*», глава 6-я—«*Отношеніе народнаго къ общечеловѣческому*». Леонтьевъ очень даровитъ и изящепъ, но вкусъ у него нѣсколько развращенъ, а идей у него, въ строгомъ смыслѣ слова *идея*, нѣтъ.

1891, 21 мая. Спб.

[1]) Т. е. учительскими. Обычный способъ, за непмѣніемъ свободныхъ вакансій, списаться съ учителями другихъ гимназій,—и предложить помѣняться мѣстомъ службы. *Примѣчаніе 1913 года.*

XLVI.

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ,

Неужели *я* виноватъ, что отъ Васъ нѣтъ никакого отзыва? А я такъ жажду читать Вашу обильную и согрѣтую чистымъ чувствомъ рѣчь. Имѣю право просить Васъ написать: мнѣ любопытно знать, что съ Вами дѣлается. Самъ же я какъ былъ, такъ и есть. Всякія событія проходятъ лишь мимо. Даже досадно, что голодъ тревожитъ меня только въ извѣстіяхъ и въ размышленіяхъ, и что я все сижу по прежнему у своего стола.

Простите меня. Отъ души желаю получить отъ Васъ одно благополучныя извѣстія.

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

Вы пишете о К. Н. Леонтьевѣ? Очень радъ за его память. Никто не способенъ написать такого тонко сочувственнаго отзыва, какъ Вы.

Для «Русскаго Вѣстника» готовлю статью *Итоги современнаго знанія* (это все—борьба съ Западомъ).

LXVII.

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ,

Получилъ я Ваше письмо очень радостное [1]) и очень загадочное. Отъ души я обрадовался Вашему счастливому настроенію, и дай Богъ, чтобы оно продолжалось и чтобы мои опасенія за Васъ оказались пустыми бреднями. Но почему Вы не написали мнѣ, что̀ такое неожиданно случилось? Вѣдь Вы меня уже много посвятили въ свои тайны.

А объ мѣстѣ Вы ничего не пишете. Значитъ, дѣло Вашего перевода [2]) стоитъ на той же точкѣ. Не такъ ли? Въ этомъ отношеніи скажу Вамъ, что послать прошенія къ попечителямъ, какъ Вы это предполагали, очень полезно, даже совершенно нужно. Съ нашей стороны, т.-е. со стороны Ап. Н. Майкова и моей, могу сообщить Вамъ, что за Васъ очень прошены 1) Директоръ Департамента Апичковъ, 2) Московскій Попечитель графъ Каннистъ и 3) Кіевскій По-

[1]) Должно быть обвѣнчался. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Т. е. въ другой городъ на службу. *Примѣчаніе 1913 года.*

печитель. Они съ радостью сдѣлаютъ, что можно, и отъ Капписта можетъ быть Вы получите предложеніе перейти изъ Ельца на другое мѣсто. Между тѣмъ, сообщите мнѣ, если что-нибудь и какъ-нибудь начнется—съ этой стороны или съ какой другой. Здѣсь можно посодѣйствовать и поторопить.

Что касается до Женскихъ Курсовъ, то они теперь такъ исправлены и сокращены, что не представляютъ опасности сами по себѣ, безъ тѣхъ общихъ опасностей, какія свойственны Петербургу. Начальникъ Василій Петровичъ Кулинъ очень хорошій и очень уважаемый человѣкъ. Однимъ словомъ, благопадежность курсовъ теперь равняется благопадежности всякаго другого петербургскаго заведенія [1])

Собираюсь прислать Вамъ свою статью объ Л. Н. Толстомъ, уже давно странствующую между органами печати и органами цензуры. Успѣется.

---

[1]) Двоюродная сестра моей невѣсты, прелестная, умная, религіозная провинціальная дѣвушка, стала у отца проситься «на курсы въ Петербургъ». Т. к. она мнѣ казалась настолько изящной и развитой, что «больше нѣкуда», то я былъ противъ поѣздки «въ неизвѣстный Петербургъ», «да еще на Курсы». Письмо Страхова я показалъ отцу, дѣвушка и отправилась. И сдѣлалась, года черезъ два-три «соціалъ-демократической обработки», озлобленной нигилисткой, почему-то ненавидящей Россію и все русское. Вышла замужъ за маленькаго соціалъ-демократа, и только въ томъ благополучіе, что народила (теперь)около девяти дѣтей. Вообще въ соціализмѣ (и «курсахъ») одна сторона хорошая (серьезно): много вѣнчаются и обильно рождаютъ. Я думаю—отъ общаго оживленія и «на радостяхъ» («скоро придетъ вожделѣнный строй»). Въ консерватизмѣ по этой части все закисло. *Примѣчаніе 1913 года.*

Простите меня. Здоровьемъ я пышче все хвалюсь, и Вамъ того же желаю.

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

1891, 13 іюня. Спб.

P. S. Не успѣлъ заклеить своего письма и получилъ Ваше изъ Москвы. Если мы будемъ ждать одинъ другого, то дѣло никогда не кончится. Разумѣется, когда Вы примете какое-нибудь мѣсто, то нужно извѣстить всѣхъ Вами и за Васъ прошенныхъ лицъ, что дѣло сдѣлано. Тутъ обиды никакой не будетъ. Но рѣшить дѣло *вмѣсто Васъ* никто не можетъ. Если Царицынъ Вамъ не нравится, то и не берите его. А такъ какъ гр. Каппистъ на сихъ дняхъ обѣщалъ Васъ современемъ или сейчасъ же перевести, то понавѣдайтесь къ Высотскому [1]) и подайте гр. Капписту про-

[1]) Правитель канцеляріи московскаго учебнаго округа. Весь учащій персоналъ округа и обращался къ нему, просилъ его, получалъ отъ него «твердыя обѣщанія»,—равнозначныя «уже исполненію», какъ знали *практически* всѣ. Попечителя же никогда никто изъ учителей въ лицо не видалъ (по крайней мѣрѣ я не слышалъ, чтобы его когда-нибудь кто-нибудь видѣлъ): и—черточка *недавнихъ* временъ—округомъ такимъ образомъ управлялъ человѣкъ, не имѣвшій права ревизовать, и, слѣдовательно, *глазомъ* не видавшій ни одного учителя *при дѣлѣ*. Рачинскій (С. А.) по какому-то поводу, улыбаясь, замѣтилъ о комъ-то: «достигъ потому, что *съ глазу на глазъ* поговорилъ съ Высотскимъ». Отъ него зависѣлъ и мой переводъ. Какъ позднѣе я узналъ, графъ Каппистъ, побывавъ въ Петербургѣ, далъ Высотскому распоряженіе перевести меня инспекторомъ въ какую-то гимназію или прогимназію, и затѣмъ уѣхалъ въ деревню. Но я уже сговорился,

шеніе о томъ, чтобы онъ далъ Вамъ въ своемъ округѣ другое мѣсто, напишите ваши желанія—какое. Словомъ, не торопитесь и не переставайте дѣйствовать. Здѣсь, въ Петербургѣ, можно достичь одного непремѣнно—оставить за Вами мѣсто, которое Вамъ удобно; но найти это мѣсто,—вотъ что трудно, а здѣсь и едва-ли возможно. Найдите—и все будетъ сдѣлано. Напишите прошеніе Кіевскому Попечителю—дѣйствительно Кіевскій Округъ самый благодатный.

Простите

Вашего искренно преданнаго Н. Страхова.

Прошенія Ваши напомнятъ Попечителямъ ихъ обѣщанія, и Васъ эти прошенія ничѣмъ вѣдь не свяжутъ.

свидясь въ Москвѣ съ братомъ Николаемъ, директоромъ Бѣльской (въ Смоленской губерніи) прогимназіи, перевестись къ нему учителемъ, на мѣсто Константина Вас. Вознесенскаго, моего университетскаго товарища, который поступилъ на мое мѣсто въ Елецъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

XLVIII.

Вотъ что мнѣ пишетъ директоръ Департамента, Николай Милѣевичъ Аничковъ:

«Я говорилъ съ гр. Капнистомъ о желаніи г. Розанова перейти на югъ, въ другой округъ. Гр. Павелъ Алексѣевичъ хотя не имѣлъ случая познакомиться съ литературнымъ трудомъ г. Р., ставитъ его, какъ преподавателя, очень высоко, и потому жалѣетъ о его возможномъ уходѣ [1]) изъ Моск. Уч. Округа. Графъ

[1]) Интересно «посмертно» (или для *меня*—заочно) узнать, какъ врутъ провинціальные даже сановники («попечитель округа» и «графъ») пріѣзжая въ Петербургъ. Графъ Капнистъ не могъ не знать изъ ревизіи Брянской прогимназіи добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ Яковомъ Игнатьичемъ Вейнбергомъ (окружной инспекторъ, распушившій всѣхъ преподавателей дѣйствительно ничему не учившей прогимназіи), что преподаватель *я* — очень дурной; но «принимаютъ участіе въ Петербургѣ»—и онъ сказалъ, что «высоко цѣнитъ (никогда въ глаза не видѣннаго) преподавателя». Напротивъ, о «литературной дѣятельности» онъ зналъ,—такъ какъ по совѣту добраго профессора Герье я ему «поднесъ» (т. е. переслалъ) книгу «О пониманіи», которую конечно онъ не читалъ, ибо людямъ дѣла вовсе некогда читать, а ему, графу, и «безъ дѣла» просто не хотѣлось. Все же, однако, «писать чиновнику—не полезно». По-

Каппистъ весьма ясно намекнулъ мнѣ, что если г. Р. предпочтетъ не оставлять Московскаго Округа, то онъ можетъ получить мѣсто инспектора прогимназіи,

---

томъ, именно по мѣрѣ того какъ развивалась моя литературная дѣятельность, и она уже не могла быть не видна въ округѣ («Легенда объ инквизиторѣ», «Эстетическое пониманіе исторіи», «Мѣсто христіанства въ исторіи» и много другихъ, болѣе мелкихъ вещей), я чувствовалъ служебное кольцо *отброса* и *аброса*, куда-нибудь въ «дыру» и въ «одиночество», стѣснившееся и явно чьей-то рукой стѣсняемое надъ моей головой. Изъ Ельца я перевелся въ гор. Бѣлый, какъ «куда-нибудь»,—въ 130 верстахъ отъ желѣзной дороги и съ $3^1/_2$ тысячами жителей. Городъ былъ до того глухъ (онъ состоялъ изъ *одной* «Кривой» улицы, отъ которой начинались проулки—въ поле, но въ проулкахъ было дома три-четыре, съ огородами), что однажды волки разорвали ночью свинью (не убранную) *между соборомъ и клубомъ*. Здѣсь былъ директоромъ мой братъ, Николай Вас. Розановъ,—прекрасный педагогъ и прекрасный администраторъ,—къ тому же человѣкъ очень начитанный и comme il faut во всѣхъ отношеніяхъ. Продержавъ его здѣсь одиннадцать лѣтъ, округъ *на другой же* годъ послѣ моего перевода въ Бѣлый предложилъ ему чуть-чуть болѣе видное мѣсто въ Вязьмѣ (гдѣ онъ черезъ два года умеръ, отъ Брайтовой болѣзни). Когда братъ мнѣ сказалъ о предложеніи ему перевестись—я не могъ не почувствовать эту враждебную руку именно въ отношеніи *себя*; и такъ какъ ко «мнѣ» не было причинъ быть враждебнымъ, то отнесъ это именно къ тому, что «вотъ за тебя *просили въ Петербургѣ*», да еще «ты и пишешь,—*выскочка*». Конечно, я брату объ этомъ не сказалъ: но не могъ скрыть отъ него ужаса—остаться съ Кривой улицей, свиньями и коровами по проулкамъ, и волками вокругъ,—и *безъ родной*, т. е. его, *семьи*. Переводъ (его) совершился: и я погрузился въ ту во-истину «тьму», о которой, какъ о чистилищѣ или о чемъ-то у Данте, можно сказать: «Lasciate ogni speranza voi qu'entrate». Если братъ, съ его талантами педагогическими, просидѣлъ здѣсь одиннадцать лѣтъ и на него *никто не взглянулъ* (изъ округа), сколько лѣтъ пришлось бы сидѣть мнѣ съ (извѣстною округу)

напр. въ Рязани. По словамъ гр. К., для Р. всего необходимѣе имѣть мало уроковъ [1]), т. е. не быть

педагогической неспособностью? До пенсіи и могилы, какъ «утопленнику» изъ Пушкина. Тогда (*ближайшій* поводъ написанія былъ другой,—разсказъ о своей службѣ прекраснѣйшаго преподавателя, г. Строгонова) я рѣшилъ написать и напечатать «Сумерки просвѣщенія» и «Афоризмы и наблюденія» (продолженіе ихъ), это разъясненіе вообще «русскаго (и европейскаго) просвѣщенія», не безъ задней и гордой мысли показать и округу съ его «Высотскими» и съ его засушенными судаками (чиновники окружной канцеляріи), съ его «графами» и «Аничковыми», что провинціальный учитель можетъ быть гораздо умнѣе ихъ всѣхъ и *доказательно* назвать «глупостью» все дѣло, съ которымъ министерство возится, какъ медвѣдь съ отталкиваемымъ бревномъ. Статья дѣйствительно раздражила Деляшова, и пріѣзжалъ къ владѣтелю «Русскаго Вѣстника», О. И. Бергу, когда-то редакторъ *Катковскаго* «Русскаго Вѣстника» и теперь членъ Совѣта министра просвѣщенія, Н. Любимовъ. «Онъ былъ здѣсь, требовалъ прекращенія печатанія статьи, говоря, что это разрушаетъ всѣ катковскія традиціи, и даже позволилъ себѣ кричать и топать ногой. Но статья мнѣ нравится, и я отказалъ ему» (слова О. И. Берга мнѣ, когда я перевелся въ Петербургъ и свидѣлся съ нимъ). Только съ помощью Т. И. Филиппова я вырвался изъ Бѣлаго. Кстати, упрекаютъ меня въ «заискиваніи передъ начальствомъ»: но за «Сумерки просвѣщенія» меня могли какъ угодно *наказать* въ министерствѣ, и если ничего не сдѣлали, то лишь потому, что мое «теперешнее положеніе»—учительство около свиней и волковъ—представляло собою то естественное наказаніе, больше котораго не было въ рукахъ округа. Хуже было (и *возможно* для округа) вовсе «исключить изъ службы»: но тогда естественно и понятно для округа я перешелъ бы всецѣло къ литературной дѣятельности, и въ округѣ отлично знали, что «тягостнѣе будетъ посидѣть въ Бѣломъ». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Удивительная заботливость, «совсѣмъ отеческая». *Примѣчаніе 1913 года.*

только учителемъ, а потому мѣсто инспектора значительно облегчило бы его, давъ ему казенную квартиру и окладъ жалованья по должности, при чемъ уроки его могли бы ограничиться 6-ю въ недѣлю, вмѣсто» и пр. «Недавно я встрѣтился съ Ап. Н. Майковымъ и услышалъ полное сочувствіе такой мысли. Вслѣдствіе сего и чтобы устроить судьбу достойнаго человѣка, я полагалъ бы, что было бы всего лучше, если бы Вы написали ему о такомъ разговорѣ гр. Каннпста, и если г. Р. найдетъ, что это—лучше, чѣмъ перемѣщеніе на югъ, то съѣздилъ бы онъ въ августѣ, когда гр. К. вернется изъ отпуска, въ Москву, переговорилъ бы съ Попечителемъ и, вѣроятно, дѣло устроилось бы, а предварительно можно было бы г. Розанову написать къ гр. Каннпту, послать свои литературные труды и проч. Графъ человѣкъ очень внимательный къ подчиненнымъ [1]) и вполнѣ готовъ помогать имъ» [2]).

Вотъ, дорогой Василій Васильевичъ, по моему, прекраснѣйшій планъ. Что Вы скажете? И дѣйствительно, Вы выиграете въ досугѣ и въ почетѣ, если и не выиграете въ климатѣ.

---

[1]) ??!! *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Т. е. если попросятъ въ Петербургѣ. Прослуживъ 13 лѣтъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, т. е. *все время его попечительства*, я никогда его въ лицо не видалъ, и никогда не слыхалъ, чтобы онъ когда-нибудь выѣзжалъ «для обозрѣнія ввѣренныхъ его попечительству богоугодныхъ... то, бишь, учебныхъ заведеній». Когда я позднѣе спрашивалъ, почему онъ былъ «попечителемъ», мнѣ объяснили, что у него были хорошіе бакенбарды, представительный ростъ и пріятный голосъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

Черкните мнѣ, что Вы получили это письмо—направляю его въ Москву [1]).

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1891, 14 іюня, Спб.

---

[1]) Жилъ я, сейчасъ «послѣ вѣнца» и «на радостяхъ», въ Лоскутной гостиницѣ, съ «молодой уважаемой женой» («другъ» въ «Уединенномъ»); но быстро растратившись (страшно дорогая гостиница),—перебрались мы съ «подругой» на Воробьевы горы, въ старовѣрческую семью. Прихожу въ Лоскутную—справиться, нѣтъ ли писемъ. *Не давая пачки мнѣ*, пышный швейцаръ пересмотрѣлъ и сказалъ—«Нѣтъ». Я уплатилъ за трудъ просмотра двугривенный—и пошелъ назадъ. Между тѣмъ именно это *столь важное для меня письмо* и было уже у швейцара. Онъ его отыскалъ, когда я вторично зашелъ и сказалъ, что *навѣрно есть*, потребовалъ. Между тѣмъ уже до этого, встрѣтясь въ Москвѣ съ братомъ-директоромъ и съ К. В. Вознесенскимъ, я уговорился, *за отсутствіемъ какого-либо исхода*, на переводъ въ гор. Бѣлый. Такъ вялая, тупая неряшливость прислуги собственно и была причиною моего *законопаченія въ гор. Бѣлый*. Инспекторство въ такомъ прелестномъ городѣ, какъ Рязань, конечно бы вполнѣ меня удовлетворило. Хотя, можетъ быть, оттуда бы я уже не попалъ въ Петербургъ. «Что Богъ ни дѣлаетъ—все къ лучшему», скажешь бабушкинымъ афоризмомъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

XLIX.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Порядочно Вы напутали. Зачѣмъ было не подождать? Зачѣмъ показывать письма? Такіе люди, какъ Майковъ и я, не имѣютъ *никакого значенія* ни для какого Округа, и всякое вліяніе новыхъ непріятно для людей распоряжающихся округами и желающихъ властвовать безпрекословно [1]).

---

[1]) Вообще это одна изъ самыхъ гнусныхъ и *для служащихъ невыразимо тягостныхъ* вещей—«власть» начальства, ревнивая даже къ тому, чтобы ее «попросили *со стороны*», и сейчасъ-же, по невозможности мести къ *просящему* за васъ,—обращающаяся противъ безсильнаго, т. е. противъ «васъ»,—«за котораго просили». Я все время чувствовалъ большую жуткость, когда за меня «просили»: неодолимымъ гипнотическимъ способомъ я чувствовалъ, что это сгущаетъ нерасположеніе ко мнѣ, и когда перевели въ Бѣлый, а не въ Рязань, былъ чуть ли не радъ. Я чувствовалъ, что въ Рязани, да еще на видномъ мѣстѣ инспектора, меня «съѣдятъ» изъ округа, «путями, ихъ-же Ты, Господи, вѣси»,—подведутъ подъ какую-нибудь непріятность, въ чемъ-нибудь уличатъ на ревизіи, какой-нибудь оплошностью воспользуются, и все равно въ-тихомолку спустятъ «для пользы службы» (такой есть служебный терминъ,—не «придерчивый» и наказующій) въ Бѣлый, въ Жиздру, куда-нибудь. *Примѣчаніе 1913 года.*

Вашу бѣду я разсказалъ сегодня Аничкову и, если еще Вы не сдѣлали дальнѣйшихъ шаговъ, если еще не поздно, то вотъ что онъ предлагаетъ:

Напишите Вы два письма, одно къ Капнисту, другое къ Вейнбергу (такъ вѣдь? онъ управляетъ округомъ?) и выскажите въ этихъ письмахъ, что Вамъ извѣстно (напр. черезъ меня и Аничкова) полное расположеніе графа дать Вамъ мѣсто инспектора (и пр.) въ Рязани, вѣроятно свободное или имѣющее открыться, и что Вы съ великою радостію готовы взять это мѣсто. Притомъ благодарите графа за его вниманіе и желаніе способствовать Вашимъ трудамъ и т. д.

И такъ, два письма,—одно графу, другое Вейнбергу (чтобы онъ зналъ, что Вы хлопочете). Оба письма пришлите мнѣ, Страхову. Аничковъ сказалъ, что эти письма нужно доставить ему къ 3 іюля, когда онъ вернется откуда-то; тогда онъ пошлетъ къ тѣмъ, кому они писаны, съ приложеніемъ собственныхъ писемъ и къ графу и къ Вейнбергу. Съ улыбкой прибавилъ онъ, что надѣется на успѣхъ [1]).

---

[1]) Еще-бы: Аничковъ при «Царѣ-Берендеѣ» собственно управлялъ всей *администраціей* министерства, какъ Георгіевскій *законодательствовалъ* въ немъ («писалъ планы» и «прожектировалъ»). А въ Москвѣ—какъ я и всѣ учителя знали—было «рыльце въ пушку», по части «назначеній» и «мѣстъ»; и въ семъ случаѣ, когда «проспли изъ Петербурга» и особенно «просплъ Самъ-Аничковъ», не могло быть рѣчи о простодушно-честномъ отвѣтѣ: «*За кого* вы просите, вѣдь онъ плохой учитель, а въ инспектора, т. е. по *администраціи*, и вовсе не годится. Испортитъ дѣло и разобьется самъ». Аничкову рѣшительно нечего было-бы отвѣтить на такое возраженіе, да и никакого предлога даже разсердиться на отказъ. Но Аничковъ хорошо зналъ свое мини-

Держитесь тѣхъ выраженій, которыя найдете въ выдержкѣ изъ письма Аничкова, я вѣдь Вамъ ее прислалъ.

Да! Напишите, что Вы согласились на переводъ въ Бѣлый, еще не зная о разговорѣ графа съ Аничковымъ, но что, узнавъ, не можете не желать этого лучшаго мѣста и не благодарить графа.

Вашъ Высотскій, очевидно, надъ Вами важничаетъ и Васъ притѣсняетъ. Зачѣмъ Вы съ нимъ связались [1]). А Васъ я браню отъ всей души—ну можно ли такъ пассивно [2]) поддаваться.

стерство, что тутъ «просто устраиваются» и «васъ терпятъ (напр. попечителя) потому, что вы послушны, а не потому, чтобы вы были сколько-нибудь полезны—для дѣла». Эти «мелочи дѣла» не безполезно имѣть въ виду всякому, кто думаетъ: «отчего и *начѣмъ* у насъ появилось 17-ое октября». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Очень трудно «не связаться» карасю съ поваромъ. Только насъ (*всѣхъ* вообще учителей,—знаю по разсказамъ) жарили о ту пору безъ сметаны, на сухой сковородкѣ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Просто даже теперь (въ независимости) *страшно* читать. Иванъ Игнатьевичъ Пѣнкинъ, инспекторъ закрытой за *безлюдностью* Брянской прогимназіи, явившись съ орденомъ и въ мундирѣ въ канцелярію, нѣтъ—въ **Канцелярію,** сказалъ Высотскому: «Что-же, Ваше—ство, Вы *предполагаете со мною сдѣлать?*» (его разсказъ мнѣ). Слава Богу,—ему дали мѣсто инспектора-же въ Ельцѣ. А могли сказать: «Дадимъ **годовой окладъ...** Но **вакансій нѣтъ...** и вы ужъ пожалуйте въ (полную) **отставку».** Карасекъ-бы и испекся, безъ возможности протестовать, жаловаться, даже громко плакать. Ибо что-же вѣдь дѣлать, если **вакансій нѣтъ??!!** Такъ-что «пассивному поддаванью» можно только улыбнуться. Какъ это карась, когда его несутъ за спину на сковородку, не будетъ «пассивно поддаваться»??!! Нѣтъ, 17-ое октября и *свобода прессы* конечно *адски была необходима;*

Очень желаю, чтобы это письмо застало Васъ еще въ Москвѣ, и несмотря на всѣ Ваши грѣхи, прошу Васъ напишите о томъ, какъ пойдетъ дѣло и извѣстите, гдѣ Вы, куда, когда и пр.

Вашъ (Вы видите) искренно преданный

Н. Страховъ.

1891, 20 іюня, Спб.

ею злоупотребили, злоупотребляютъ: и всетаки—благодатна свобода, благодатенъ открытый ротъ! *Примѣчаніе 1913 года.*

L.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Пожалуйста, справьтесь въ Лоскутной: дня черезъ два послѣ Вашего письма (т. е. 20 или 21 іюня?) я Вамъ отвѣчалъ, бранилъ Васъ и давалъ наставленія, какъ дѣйствовать. Ради этихъ наставленій я ходилъ къ Аничкову, разсказалъ ему, что Вы сдѣлали, и онъ научилъ меня, какъ поправить [1]). Когда Вы не отвѣчали, я подумалъ (ужъ извините), что Вы уѣхали изъ Москвы, не оставивши въ гостиницѣ новаго адреса. Вы видите, что я и теперь считаю возможнымъ обвинять Васъ въ такой нераспорядительности. Если

[1]) И весь этотъ трудъ благородныхъ, ученыхъ и старыхъ людей «брошенъ въ дыру» черезъ то, что швейцаръ (переодѣтый въ ливрею мужикъ) полѣнился *внимательно переглядѣть* пачку писемъ, и не увидѣлъ *красивѣйшаго и отчетливѣйшаго* Страховскаго почерка: «...*Розанову*» на конвертѣ. То-то насъ «иностранцы забиваютъ» и «евреи въ успѣхѣ». Да поймешь немножко и суровость старыхъ временъ къ «простолюдину». Что-же если этотъ простолюдинъ или «спитъ» или «почесывается» или «о бабѣ думаетъ»,—на работѣ, на-часахъ, вездѣ, въ церкви, въ полѣ. *Примѣчаніе 1913 года.*

мое письмо пропало, то это истинная бѣда. Теперь время ушло и нужно будетъ ждать.

Да напишите, прошу Васъ, въ какомъ же положеніи дѣла? Что Вы хотите дѣлать? Почему остаетесь въ Москвѣ?

Фельетоны Ваши [1]) читаю съ жадностью; какая чудесная тема, какой безподобный тонъ. Слышится человѣкъ доброй и честной души. Но Ваша страсть къ отвлеченности, по моему, много портитъ. Я думаю, Вы никогда не скажете *Русскій Вѣстникъ*, а всегда: *одинъ* изъ *журналовъ*, не скажете въ *іюньской книжкѣ*, а непремѣнно: *недавно*. Конечно, оно красивѣе, напр. такъ: *одно изъ нашихъ повременныхъ изданій*, или такъ: *мы недавно читали* [2])... А между тѣмъ, я готовъ разсердиться.

---

[1]) Въ Москвѣ «съ молодой женой» мы остались по безденежью столь страшному, что (живя у крестьянина на Воробьевыхъ горахъ) разъ «прилучившемуся нездоровью» я прошелъ *тышкомъ* верстъ за шесть въ аптеку по *рельсамъ паровой конки:* ибо на лекарство было что-то полтинникъ, а на конку даже 10 коп.—*не было*. Тутъ, въ отчаяніи, я написалъ Григгмуту (завѣдовалъ «Моск. Вѣдом.»)—«Почему мы отказываемся отъ наслѣдства шестидесятыхъ годовъ», и дальше какъ продолженіе—еще фельетона два или три. Это дало возможность расплатиться, ѣсть, лечиться и вернуться въ Елецъ. На Воробьевыхъ-же горахъ тогда жилъ и милый Яковъ Игнатьевичъ Вейнбергъ, добрякъ-крикунъ,—окружный инспекторъ Московскаго округа, управлявшій (за выѣздомъ главнаго начальства,—котораго *всего* онъ былъ образованнѣе) округомъ. Вотъ къ *нему*-то мнѣ и надо бы было пройти; и, увѣренъ, онъ даже «разговорился»-бы со мною. Его я видалъ сидящимъ на крылечкѣ домика. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Геніально по остроумію. Нѣтъ, Страховъ бывалъ и *остеръ*... Но вотъ что надо замѣтить: *Тонъ* этотъ образовался самъ собою и

Первая статья драгоцѣнна по фактамъ, выставленнымъ въ ихъ точномъ свѣтѣ. Вторая очень хороша по философской мысли; но на любопытный вопросъ не даетъ—или, скорѣе, *почти* не даетъ—отвѣта. Слишкомъ обща. А потомъ есть смѣшеніе понятій и неточности: *вода разлагается при высокой температурѣ*. Вообще образованіе элементарныхъ веществъ есть *какой-то другой процессъ*, не похожій на образованіе сложныхъ веществъ.

Съ нетерпѣніемъ жду третьей статьи. Да Вы не читали моей статьи: *Толки объ Л. Н. Толстомъ*? Ее не пустила цензура. Если не читали, то вѣроятно мы съ вами сойдемся въ чемъ-нибудь.

Прошу Васъ, напишите мнѣ поскорѣе. Черезъ недѣлю, т. е. 24-го, 25-го,—я ѣду въ Москву и дальше.

Простите Вашего преданнаго

1891, 17 іюля, Спб. Н. Страхова.

естественно изъ того, что вѣдь *дѣйствительно* въ то время ни одна изъ житейскихъ темъ, ни одна изъ обыденныхъ темъ, журнальныхъ-ли, политическихъ-ли, меня не занимала,—а занимали исключительно темы и предметы самые *далекіе* и *общіе:* о «пониманіи» (вообще всѣхъ вещей міра), «мѣсто въ исторіи христіанства», «о трехъ принципахъ человѣческой дѣятельности», «цѣль человѣческой жизни», «сумерки просвѣщенія» и проч. и проч. и проч. Ничего *уже* и *конкретнѣе* не то чтобы я «не хотѣлъ взять», но—не входило въ голову; отъ всего болѣе цвѣтно́го, личнаго, минутнаго, нужнаго, прямого—болѣла голова, да и просто о таковомъ *не была способна думать*. Уже *ставя темы*—я «разсуждалъ», и оттого заголовки статей (очень характерно) были длинны, сучковаты, сложны, чуть не съ придаточными предложеніями. Это все,—т. е. *вся психика*,—и *передалось въ тонъ*... Какой-то «державный». *Примѣчаніе 1913 года.*

LI

Отзовитесь, дорогой Василій Васильевичъ! Что Вы подѣлываете? Какъ поживаете? А если что нужно, я готовъ и отвѣчать и помогать какъ умѣю. Но теперь такъ тороплюсь, что пишу Вамъ только эти нѣсколько строкъ. Такъ ли я написалъ Вашъ адресъ?

Дай вамъ Богъ всего хорошаго!

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1891, 17 сент. Спб.

P. S. Я Вамъ напишу и упреки, но только послѣ.

LII

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ,

Душевно благодарю Васъ за письмо; какъ Вы все тонко понимаете. Ваши похвалы моей статьѣ такъ вѣрны и точны! И Вы справедливо пишете, что до сихъ поръ «добрыя, наивныя сердца» не хотятъ знать моихъ писаній. А знаете-ли еще отчего? Вотъ Вы похвалили у меня «элементарную простоту»; я очень бьюсь изъ-за этой простоты, много изъ-за нея стараюсь; а «добрымъ, наивнымъ сердцамъ» она-то и не нужна [1])—

[1]) Увы, «добрымъ, наивнымъ сѣрдцемъ» оказался и другъ Н. Н. Страхова, неизмѣнно посѣщавшій его *среды*, нынѣ редакторъ ученаго «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», Э. Л. Радловъ, столь въ общемъ почтенный и добродѣтельный человѣкъ. Въ своемъ только что вышедшемъ «Философскомъ Словарѣ» онъ о Страховѣ... написалъ *четыре* строчки! «Изъ трудовъ Страхова имѣютъ интересъ *полемическіе* съ Соловьевымъ (какой «богъ», подумаешь), а книги носятъ характеръ пропедевтическій».... Т. е. какъ бы «для приготовительнаго класса» философіи, если не для приготовительнаго класса даже гимназіи только. Такъ вотъ для какого resumé «бился и старался» 67-ми-лѣтній, добрый, благородный старецъ,

имъ хочется возвышеннаго, туманнаго, не разсуждать, а восторгаться.

Очень радуюсь, что Вы благополучно себя чувствуете, и дай Вамъ Богъ всего хорошаго. Вашего брата я уважаю, по Вашимъ словамъ и по тому, что онъ для Васъ сдѣлалъ. Одинъ упрекъ у меня есть и Вамъ и ему: это—показываніе писемъ. Какая наивность! Да вообще, употреблять *въ дѣло* чужія письма можно лишь съ разрѣшенія писавшаго; а эти письма ужъ никакъ для того не годились. Вотъ и теперь, Вы приходите въ умиленіе отъ хлопотъ, на которыя готовился одинъ изъ здѣшнихъ начальниковъ. Но вѣдь онъ это дѣлалъ вовсе не для Васъ—онъ Васъ не знаетъ, не читалъ ни одной строчки, и очень бы удивился, если бы получилъ отъ Васъ растроганное посланіе.

Не смотря на то, все это ужасно мило съ Вашей стороны, и вообще сердиться на Васъ нѣтъ никакой возможности. Но почему это Вы обрекаете себя на молчаніе? Н. Я. Гротъ спрашиваетъ Вашъ адресъ и

Это... такая могила... такой «крестъ православный» надъ могилою!! Вотъ—и «перекладинки», вотъ—и «покоспился онъ», все—«по-православному», въ ледяной странѣ вѣчнаго забвенія и вѣчной неблагодарности. А ужъ Радлову-ли бы не написать о Страховѣ: *еженедѣльно* видалъ, самъ *компетентенъ*, и самъ—скромный, хорошій, *твердый* русскій гражданинъ служилаго типа. Но и онъ... кажется объ Ивановѣ-Разумникѣ и Луначарскомъ (нигилисты) говоритъ длиннѣе и почтительнѣе, чѣмъ о Страховѣ. «Не надо! Не надо! Скучно!!» И онъ сжался въ служиломъ дѣлопроизводствѣ, въ этомъ «Словарѣ»,—и бросилъ на могилу друга даже не скорлупу орѣха, а скорлупу подсолнечнаго сѣмячка. «Былъ голоденъ при жизни, голодай и на томъ свѣтѣ». Ужасно. *Примѣчаніе 1913 года.*

очень желаетъ Вашихъ статей. Научитесь только справляться съ собою; пишите такъ, какъ написано *Мѣсто христіанства*, не длинно, содержательно, съ началомъ и концомъ. Ваши статьи въ «Моск. Вѣд.» я читалъ всѣ и не скажу, чтобы былъ доволенъ, хотя есть въ нихъ превосходныя темы. Въ Москвѣ я познакомился съ Говорухою и съ Лопатинымъ (съ нимъ, впрочемъ, сперва въ Рязанской губерніи). И тотъ и другой—интересные люди, Лопатинъ кромѣ того очень симпатиченъ. Говоруха написалъ презлыя и умныя статьи объ Скабичевскомъ и Андреевскомъ. Но все это тема для длиннаго письма, которое некогда писать.

А что я пишу? Ничего—говорю съ сокрушеніемъ. Нѣсколько статей начаты—ни одной не продолжаю. Можетъ быть, почти навѣрное, скоро поѣду въ Крымъ на мѣсяцъ, и когда вернусь—тогда уже примусь серьезно за дѣло.

Что такое Бѣлый? Вы хоть бы чуточку описали. Объ Ельцѣ я имѣю понятіе—проѣзжалъ еще тогда, когда не было желѣзной дороги [1]).

---

[1]) Какія времена! Даже *идилично* какъ-то читать, что «проѣзжалъ еще безъ желѣзной дороги»... Точно страница изъ Грановскаго и Кирѣевскихъ... Да,—желѣзныя дороги просто тѣмъ, что онѣ *провелись* и черезъ нихъ все *уторопилось*, *ускорилось*, имѣли болѣе умственнаго и вообще психологическаго дѣйствія на людей, на города, на страны, чѣмъ напр. у насъ «Современникъ» со всѣми Скабичевскими. «Желѣзная дорога отъ Москвы до Петербурга» есть болѣе *литературный фактъ*, нежели основаніе «Вѣстника Европы» или закрытіе «Отечественныхъ Записокъ». Самъ Стасюлевичъ есть только

Простите. Дай Богъ всего хорошаго.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1891, 29 сент. Спб.

Ректоръ Моск. Дух. Академіи Антоній пишетъ Гроту, что онъ *въ восторгѣ* отъ моей статьи. Онъ прислалъ мнѣ свою брошюру объ Л.Н. Толстомъ.

«приложеніе» къ желѣзной дорогѣ,—въ своемъ родѣ «французская гастрономія» на одномъ изъ ея буфетовъ; и Стасюлевичъ, и Пыпинъ, негодующій на «трехъ китовъ». Вотъ **кто** побѣдилъ и каѳедралы, и папъ, и Лойолу, и побѣдилъ Руссо и его мечтательную, волшебную эпоху! «Не надо! Не надо *ничего*!! Отвертывай свистокъ!!..» И свистокъ гулко разнесся по обоимъ полушаріямъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

LIII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Вотъ сколько времени я не отвѣчалъ на Ваше милое письмо. Но съ Вами я бесѣдовалъ,—читалъ Вашу статью въ корректурѣ, а теперь гляжу на нее уже въ первой книжкѣ *Русск. Вѣстника*. Простите, я ждалъ больше, именно больше Леонтьева, больше ссылокъ на его историческіе взгляды и всякія писанія. У него можно найти много тонкихъ и остроумныхъ вещей, такъ что читатели были бы поражены и побѣждены [1]). Кромѣ того, примѣръ изъ *развитія болѣзни*,

[1]) Удивительно глубоко: «*читатели* были бы *поражены и побѣждены*». Такъ и есть. Читателя (умнаго) Л—въ сразу «беретъ въ друзья». Но знаетъ наша злобная журналистика, въ чемъ дѣло. «Ни гу-гу! Замолчать!! *Не допускать читателя до книги*». Эти «похороны литературы», настоящіе похороны *настоящей литературы*, стояли въ нашей журналистикѣ 50 лѣтъ, пока «въ награду за добродѣтель» не повалилась вся эта уже болѣе не «литература», а пресса, въ карманъ Вербицкой, въ «библіотечки» Рубакина, подъ засаленный шиджачекъ «часового мастера» Горнфельда и въ объемистыя лапы «Шиповника».—«*Гдѣ* литература?» спрашиваетъ прохожій.—«Тю-тю», от-

по моему, вовсе не удаченъ; въ сущности не болѣзнь усложняется, а только сначала врачъ не умѣетъ ее разсмотрѣть [1]), а потомъ видитъ все яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ болѣе сильныхъ проявленій.

Видите, какой я придирчивый; но вѣрность главной мысли и прелесть Вашего изложенія все у Васъ искупаютъ, и я съ нетерпѣніемъ жду Вашей второй части [2]).

вѣчаетъ встрѣчный.—«Отчего?»—«Да *чего же* вы хотѣли, когда отъ общества все *прятали*, прятали *Современникъ*, прятало *Русское Слово*, прятали *Отечественныя Записки* и *Дѣло*, прятали Михайловскій, Щедринъ, Горнфельдъ, показывая изъ-подъ полы полу-Вербицкую—*Писарева*, и естественно-научнаго Натъ-Пинкертона—Молешотта-Фохта. Тогда общество сказало:—Зачѣмъ намъ *поддѣлки* подъ Натъ-Пинкертона, мы лучшее *прямо перейдемъ* къ Натъ-Пинкертону». Такъ «прошла слава міра сего», и все склонилось отъ утренняго Герцена къ вечерней Вербицкой. Встали утромъ съ головной болью, заснули къ вечеру мутнымъ сномъ.

...О, хоть-бы *ночь!*
Хоть-бы *Вѣчная Ночь*...

какъ говоритъ Апухтинъ («Мухи»). *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Ну, это *придирчиво*. Конечно,—не только «врачъ не замѣтилъ», но и болѣзнь *все растетъ*, и организмъ въ ростѣ болѣзни и приближеніи къ смерти—*упрощается*, теряетъ *формы*, *ерани*, все въ немъ *деформируется* и становится просто *массою*... Трупъ есть масса вещества, и только. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Вся вообще статья о Леонтьевѣ («Эстетическое пониманіе исторіи»), недурно начатая и недурно конченная (1-ая и 3-я книжки «Русск. Вѣст.») испорчена и дурна отъ всегдашняго моего неумѣнія *дѣлать цитаты* изъ критикуемаго автора. Всегда это суть «тряпки», повѣшенныя на веревку: причемъ развѣшивающій не знаетъ, *куда* ихъ повѣсить, и причемъ тряпки несхожи ни по формѣ, ни по цвѣту,

Не согласенъ я и съ той мыслью, будто бы въ *Аннѣ Карениной* меньше реалистическихъ излишествъ, чѣмъ въ *Войнѣ и Мирѣ*. Именно въ *Аннѣ* много страницъ (напр. смерть брата Николая), гдѣ разсказъ какъ будто вовсе останавливается, получаетъ совершенно неестественную медленность и дробность. Конечно, мало связи между романомъ Левина и романомъ Вронскаго; однимъ словомъ, нѣтъ свободнаго и широкаго художественнаго пріема, который въ *Войнѣ и Мирѣ* вообще господствуетъ и часто достигаетъ безподобной живости. Возьмите хоть Бородинскую битву, или Шенграбенскую. Но Леонтьевъ обманулся тѣмъ, что въ *Карениной* взятъ спокойный идиллическій тонъ, взяты свѣтлыя и красивыя стороны быта, и не замѣтилъ трагедіи, которая кроется подъ этой идилліею. Онъ не вѣритъ и въ *Каратаева*; но развѣ онъ можетъ сказать, что этотъ мужикъ изображенъ не вѣрно? Или что Пьеръ не просто къ нему относится, а подъ вліяніемъ славянофильской теоріи? Леонтьеву, какъ и Норову, показалось, что у Толстого унижено дворянство, изображено не довольно красиво, да въ добавокъ поставлено ниже простого народа. Но Толстой всюду, и прежде и послѣ, ставитъ простой народъ,

---

ни по существу съ веревкою. Всѣ мои «цитаты» никогда не имѣли ничего *родного* съ моею статьею, управлявшеюся *воображеніемъ*. При всемъ стараніи и прилежаніи, я лучше не умѣлъ ихъ дѣлать. Восхищенъ мѣстомъ; понимаешь его *цѣнность* для критикуемаго автора; приказываешь себѣ (да и очень хочется) взять его; взялъ, вставилъ: смотришь — совсѣмъ другого цвѣта, *тона*, чѣмъ окружающій (мой) текстъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

солдатъ, мужиковъ, образцомъ доблестей, ничуть не думая особенно обличать дворянъ. Онъ былъ тогда даже очень преданъ аристократизму. Да не выдержала его душа, и безмѣрно гордая и безмѣрно нѣжная. Онъ отказался отъ всякой мысли о превосходствѣ своей породы, или о своемъ особомъ достоинствѣ передъ другими людьми.

Простите меня. Все это время я былъ занятъ большими хлопотами, такъ что не успѣлъ написать Вамъ. Да притомъ, Вы видите, я разомъ явился въ двухъ журналахъ, въ *Русск. Вѣстн.* и въ *Вопросахъ*. Маленькая статья *Отвѣтъ* очень дорога мнѣ по мыслямъ; жаль, что я не выразилъ ихъ сильнѣе.

Благодаря Бога, я довольно здоровъ. Желаю и Вамъ всякаго благополучія. Простите, что не исполнилъ Вашихъ просьбъ; но я объ нихъ подумываю и пришлю Вамъ свою *Борьбу*.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1891, 6 янв. Спб.

LIV

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ,

Сегодня только прочелъ въ корректурѣ Вашу статью для мартовской книжки и—простите меня!—вычеркнулъ послѣднія двѣ строчки, гдѣ Вы говорите о «блаженствѣ безумія» [1]). Не нужно читателю знать, что Вы такъ мало цѣните [2]) разумъ. А статья во-

[1]) Никакого воспоминанія. Но очень интересно это «нечаянное восклицаніе» или «сорвавшійся выкрикъ» (души) въ отношеніи къ послѣдующей «вотъ-уже-близко»-исторіи: и декадентство, и мистицизмъ, и буря, и тоска, и Ницше, и все, и Антихристъ! Исторія какъ бы скатывалась въ безуміе, какъ сани по обледенѣлому скату соскальзываютъ въ оврагъ: и тогда пассажиръ, обыватель, писатель, съ безконечнымъ ли грѣхомъ на душѣ или съ неисцѣлимою бѣдою въ обстоятельствахъ жизни,—говоритъ «о блаженствѣ» лучше оврага, лучше безумія, чѣмъ о дальнѣйшей ѣздѣ по такому мучительному, чѣмъ о дальнѣйшей вообще *такой же* жизни. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Конечно, не «цѣнить» разумъ нельзя; но нельзя его и переоцѣнивать. Есть глубокое, великое слово—*умъ*, какъ сила умственная *организующая*, какъ сила умственная *синтетическая*. Онъ не совсѣмъ то, что «разумъ», сила анализа, *раз*-бора и очень часто *умерщ-*

обще [1]) удивительная, увлекательная, горящая умомъ и чувствомъ. Васъ подкупаютъ обобщенія, Вы слишкомъ любите трагическія и идиллическія картины,—и, несмотря на то, нельзя не признать вѣрности многихъ чертъ, безподобно схваченныхъ и выраженныхъ. Но есть и ужасныя преувеличенія и неточности. Въ какомъ розовомъ свѣтѣ является у Васъ послѣ-Петровская исторія! Въ дѣйствительности она [2]) отвратительна по убійствамъ, жестокости, разврату. Вы пишете, что мы занимались поэзіею, искусствами, науками [3]), а государство и церковь охраняли милыхъ дѣтей, преданныхъ такимъ прекраснымъ занятіямъ [4]).

вленія. Умъ—это и *любовь*, и *духовное благородство*. 60-ые годы все бѣжали впередъ «разумомъ» и провалились въ дыру; потому что съ ними не было *ума*, не было его благородной, сотворяющей, предохраняющей силы. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Послѣдняя треть статьи о Леонтьевѣ; она также произвела впечатлѣніе на Рцы (Ив. Ѳед. Романовъ). *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) *Страшно*, что самые важные моменты исторіи, самыя мучительныя минуты жизни человѣчества, имѣютъ надъ собою *нестираемыя* «да» и «нѣтъ»... Къ нимъ относится—реформа Петра, съ «адомъ» и «раемъ» въ ней; да и впереди, въ безконечномъ «впереди»—тоже съ раемъ и адомъ. «Можетъ—*выполземъ*, можетъ—и *погибнемъ*», скажемъ оглядываясь на нигилизмъ, на поскакавшую впередъ Россію съ Екатеринами, съ Анной Іоанновной, съ Бирономъ и декабристами, съ Пушкинымъ и Чернышевскимъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[3]) А развѣ не такъ отъ Пушкина до Менделѣева, отъ Ломоносова до Академіи Наукъ, до Академіи художествъ, Придворной пѣвческой капеллы, ученаго Эрмитажа и его коллекцій? *Все*—было, и нельзя закрывать глаза на великое «да»! *Примѣчаніе 1913 года.*

[4]) *Было* и это, была эта тенденція. Однажды въ редакціи «Новаго Времени» на мои слова, что «государство наше всегда было без-

Да, это удивительно!—можно и *такъ* взглянуть на дѣло. Но въ дѣйствительности совершенно другія черты стоятъ на первомъ планѣ, и горько подумать, какъ

душно къ наукамъ, къ книгамъ», Скальковскій сказалъ, побрякивая часовой цѣпочкой, но *страшно серьезно:*—«Полноте! *Правительство* наше столько сдѣлало для училищъ, оно представляетъ такую непрерывную заботу объ ученикѣ и книжкѣ, что если бы общество и родители, города» и пр... Не помню окончанія рѣчи: смыслъ былъ тотъ, что *школъ основывается*—бездна, а въ нихъ—*не учатся* (ученики, семья, общество, городъ). Я опѣшилъ: дѣйствительно, напр. въ г. Бѣломъ, гдѣ волки разорвали свинью между соборомъ и клубомъ, были: 1) VI-ти-классная мужская прогимназія, 2) III-классная женская прогимназія, 3) Духовное училище (прогимназія семинаріи), 4) Городское училище. *Чего* еще? *Кому?* Вообще, взглядъ Скальковскаго (К. А.), который былъ не только остроуменъ, но и чрезвычайно уменъ, который *всю жизнь страшно много читалъ*, и книги исключительно серьезныя, преимущественно историческія (въ переѣздъ напр. по Средиземному морю, отъ Одессы до Марселя, онъ прочелъ *всего* С. М. Соловьева),—взглядъ этотъ *конечно справедливъ;* конечно, въ отношеніи «наукъ» и просвѣщенія правительство наше всегда было честно, заботливо, и шло куда впереди «земства», «общества» и «курсистокъ», «Григорія Петрова» и «А. Ѳ. Кони», которые были всего только «стрюцкіе» (терминъ Достоевскаго) около просвѣщенія, шумѣвшіе, но которымъ бы *никогда Эрмитажа не собрать*, а собрали бы они всего на всего «библіотечки по-Рубакину». Было что-то *бронзовое* въ правительственныхъ заботахъ о просвѣщеніи, и—«новое золото», изъ Варшавы и отъ жида, въ крикахъ и шумѣ о просвѣщеніи общества, газетъ, Пышныхъ и Стасюлевичей. Всетаки Буслаевъ былъ «чиновникъ Мин. Нар. Просвѣщенія», а «отъ общества» были Кукшина («Отцы и Дѣти»), Цебрикова и Чернышевскій, былъ и есть «Народный университетъ Шенявскаго», съ $1^1/_2$ нигилистами, читающими тамъ «всѣ науки». Это—страшно, но этого забыть нельзя. Покоримся судьбѣ своей,—*нищенской* въ «общественныхъ усиліяхъ». Горько это и страшно, но истинно, что только тамъ и

ничтожны были наши занятія поэзіею, искусствами и науками [1]).

Но я не кончу, если стану писать хоть сотую долю того, что приходитъ въ голову по поводу Вашей возбудительной статьи. Одно прабавлю: аналогія между смертью организма и тѣмъ *однообразіемъ*, въ которомъ Леонтьевъ видѣлъ смерть народовъ, рѣшительно не вѣрна. Смерть организма есть нѣчто быстрое, трагическое; она бываетъ очень разнообразна, никакого упрощенія и уравненія при ней не происходитъ. Иное дѣло *смертъ*, иное дѣло—*вымираніе*, происходящее медленно [2]). Вообще, когда проводятся слишкомъ далекія аналогіи и слишкомъ высокія обобщенія,—у меня руки опускаются: ну что и какъ тутъ разсудить? Все и вѣрно, и невѣрно, и на правду похоже, и противорѣчитъ яснымъ фактамъ.

Но я напрасно такъ Васъ *критикую*; никогда тому не бывать, чтобы исполнилось мое усердное желаніе, чтобы Вы стали владыкою [3]) Вашего чудеснаго таланта.

и солидно, гдѣ «былъ позванъ *чиновникъ*». Проглоти, читатель, эту пилюлю,—отъ многаго выздоровѣешь. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Увы, увы, увы—и *это истинно!!* Именно «рай» и «адъ» сжаты въ одной ладони. «Узнаю Господни судьбы»,—скажешь обернувшись на исторію. «И—плачу! проклинаю!—но и веселюсь о Господѣ!!» *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Однако, не есть ли смерть *естественная, отъ старости*,—въ своемъ родѣ «вымираніе индивидуума?» *Примѣчаніе 1913 года.*

[3]) Уже Платонъ («Пиръ» или «Федръ») сказалъ, что въ нѣкоторой слѣпотѣ сотворяющаго («талантъ») содержится секретъ его *силы*, обаятельности, «чудесъ». Что народъ и выражаетъ черезъ—«Богъ устроитъ *все къ лучшему*», а авторъ черезъ то, что вообще все

Не Вы имъ владѣете, а онъ Вами, и когда онъ капризничаетъ — ничего не подѣлаешь. Фельетоновъ Вашихъ я ждалъ, но не дождался: вѣрно *Моск. Вѣд.* нашли ихъ слишкомъ отвлеченными [1]).

Объ моихъ *Итогахъ* Вы пишете слишкомъ кратко и неясно. За что Вы меня хвалите? И чѣмъ первая половина лучше второй?

впередъ и дальше «*пишетъ*»... «Уроки» намъ задаетъ Богъ; и къ чему намъ особенно въ эти уроки вглядываться. Помни сердце свое (свое *внутри*, а не свое *будущее*), и вотъ *его* чистымъ и невиннымъ сохраняй или *постарайся* сохранить въ каждую единично минуту писанья,—не заботясь, гдѣ придется поставить «точку» и «куда» пойдутъ строки. Страховъ точно забылъ о Платонѣ,—а былъ такимъ «платоникомъ». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Гринмутъ (Вл. А.), очень охотно ихъ начавшій печатать, однако жаловался, что они едва переносимы («по отвлеченности, по вѣчному разсужденію») для газеты. «Вы должны знать, что газета *читается въ конкѣ*, и всякая статья должна быть интересна читателю *до конца*, *раньше конца*,—на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ броситъ листъ, *выходя изъ конки*». «Газета обязана давать *интересное чтеніе*, а не интересныя идеи, для чего есть журналы и книги»,—и (увы) вѣдь это дѣйствительно законъ, lex, *хлѣбъ ежедневнаго листка!!* Что дѣлать. «Немудрено побѣдить міръ, но мудрено побѣдить его *въ нашихъ условіяхъ*»,—проблема и Наполеона, и журналиста, да и всякаго въ сущности смертнаго. Передъ Гринмугомъ у меня много винъ (время поворота влѣво) и да проститъ онъ хоть нѣкоторыя изъ нихъ изъ могилы. Онъ былъ честный, хорошій консерваторъ, и ошибочно его охаяли только «прислуживающимся правительству». Но недостатокъ его былъ, что онъ былъ весь «не *нашъ*»,—не «субъективистъ» и не «фантастъ». Его *трезвость* толкнула многихъ и въ томъ числѣ толкнула и меня подумать, что онъ не былъ честный писатель и человѣкъ; но «лѣвые годы», когда онъ ни отъ чего не отрекся и никуда не перебѣжалъ, показали его правду. Память его не велика, но честна. *Примѣчаніе 1913 года.*

Насчетъ изданія Вашихъ статей скажу, что давно бы Вамъ нужно издать отдѣльно *Легенду о великомъ инквизиторѣ*. Издавать же сборники — дѣло трудное; можно не выручить своихъ денегъ.

Покойный К. Н. Леонтьевъ не имѣлъ успѣха—а почему? Ни одна повѣсть, ни одна статья не имѣла стройности и законченности [1]). Все у него было то, что называется *плетеніемъ мыслей* [2]). Былъ и талантъ, и вкусъ, и образованность; недоставало душевной чистоты [3]) и добросовѣстнаго труда. Читателей иногда очень трудно обмануть.

---

[1]) Ну, вотъ у Страхова все «стройно и закончено», имѣетъ «ясную тему и опредѣленный конецъ»,—но *ничего не вышло*, и успѣхъ лишь ему въ концѣ жизни «побрезжился», а на самомъ дѣлѣ (resumé Радлова) не было никакого. Нѣтъ,—другое: «подъ черными звѣздами мы родились», не «въ *своемъ* Небѣ пролетаемъ». Но настанетъ и уже настаетъ другое Небо. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Ну, ужъ... именно *не плетеніе*, а какъ стальное огниво ударяетъ кремень и искры сыплются! Да *весь Леонтьевъ* можетъ быть изложенъ въ одной страницѣ и разсказанъ въ одинъ часъ... Онъ поразительный *по ясности и цѣлости* писатель. *Примѣчаніе 1913 года.*

[3]) Душевной чистоты — если понимать въ смыслѣ «VII-й заповѣди»,—у него не было; но онъ былъ именно *душевно-чистый человѣкъ и писатель*, шедшій всегда прямо, никогда не лукавившій, никого не обманывавшій, безъ хвастовства, безъ наглости въ себѣ, безъ тщеславія и вообще «семи смертныхъ грѣховъ писательства». Неужели же это роковое слово о «прелюбодѣяніи», да еще отвратительно растолкованное нашими богословами, тупо и злодѣйски включившими въ «прелюбодѣяніе» и супружество со многими женами, и имѣніе простыхъ наложницъ, что рѣшительно никогда не пори-

Простите меня! Дай Богъ Вамъ всего хорошаго!

Вамъ душевно преданный

Н. Страховъ.

P. S. Пришлю Вамъ и *Вѣчныя истины* и *Основныя понятія*—чуточку погодите. Недавно я узналъ пріятную новость: *Россія и Европа*, 2.000 четвертаго изданія, опять на исходѣ, и нужно будетъ готовиться къ новому изданію. Недаромъ такой успѣхъ этой книги; я увѣренъ, что читатели въ ней ищутъ *пониманія Россіи*—и какъ много находятъ!

1892, 20 февр. Спб.

цается Библіей и слѣдовательно въ объемъ «VII-ой заповѣди» вовсе не входитъ,—неужели это неопредѣленное и смутное слово кассируетъ всю душу, всѣ качества?! «Только *не пожелай женщины*— и ты чистъ». «Пожелалъ? Согрѣшилъ? Палъ? О,—тогда все въ тебѣ *чернó!*». *Примѣчаніе 1913 года.*

LV.

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ,

Давно уже я все сокрушаюсь объ Васъ, объ разныхъ Вашихъ неудачахъ, о томъ, что Вамъ отказали въ *Московск. Вѣд.* и въ *Вопросахъ*, о томъ, что безтолково Васъ печатаютъ въ *Русск. Вѣстникѣ*, о томъ, что не имѣла успѣха Ваша статья объ Леонтьевѣ, что не напечатана особой книжкой статья объ *Легендѣ*, и т. д. Къ Вамъ нужно бы приставить литературную няньку, которая за Вами бы ходила, выправляла бы Ваши статьи, держала бы корректуру, издавала бы отдѣльно и вела бы переговоры съ журналами; нѣкоторое время я исполнялъ должность этой няньки, но я думалъ, что воспитаніе конечно. А вотъ Вы на своихъ ногахъ какъ нетвердо ходите!

Ваше послѣднее письмо уже совсѣмъ огорчило меня. Что же это за напасть! Въ какую трущобу [1]) Вы по-

[1]) *Бѣлый*—очень милый городъ *для себя*. Но все-таки, потолкавшись въ университетѣ и гимназіи, несешь въ себѣ нѣкоторый *клубокъ мыслей, клубокъ порывовъ*,—на который какой резонансъ въ нашихъ провинціяхъ? съ ихъ голубымъ небомъ и такими звѣздами?

пали! Конечно, Вамъ можно бы выйти въ отставку, пріѣхать въ Петербургъ и здѣсь жить писаніемъ, пока не найдется мѣста въ какой-нибудь гимназіи. Я къ Вашимъ услугамъ, несмотря на свою хилость и на разныя затѣи, которыя хотѣлось бы выполнить, пока есть силы. Да почему Вамъ бы не устроиться и въ Москвѣ при *Моск. Вѣд.* и *Русскомъ Обозрѣніи*? Да и при *Вопросахъ Фил.?* Да и при *Православномъ Обозрѣніи*. Нужно бы только подъискать Вамъ няньку—ужъ Вы меня простите, мнѣ кажется это довольно точнымъ выраженіемъ.

Объ Леонтьевѣ я все очень хорошо зналъ [1]), но

При Лютерѣ, при Микель-Анджело, *каждый городокъ*, каждый Салерно или Аугсбургъ, жилъ *такъ, какъ и вся Италія* или *Германія*. Тѣ-же «турниры», тѣ-же «мишпезпигеры», тѣ-же вопросы общіе, «сколько ангеловъ можетъ стоять на концѣ иглы». Почему-же *тамъ* было не жить Меланхтону, Лютеру, Леонарду да-Винчи. Въ ту великую и вообще *во всѣ святыя эпохи исторіи* было равно жить, что въ Аѳинахъ, что въ Аргосѣ. Но поживите-ка «въ Аргосѣ» въ XIX-мъ вѣкѣ... Такъ пять лѣтъ я выжилъ въ Брянскѣ, и вдругъ *эта-же* жизнь открылась въ Бѣломъ:—«Отчего вы сходили тогда *не съ червей:* взяли-бы ремизъ».—«Такъ пришли *бубны*, король и дама?»—«А слышали, та *замужняя сошлась съ почтмейстеромъ*».—«А та барышня ужъ стара». — «Будетъ *ревизія?*» — «Нѣтъ, *ревизіи не будетъ*». Именно съ XIX вѣка, съ проведенія желѣзныхъ дорогъ и «окончательной централизаціи», все стеклось въ одинъ *мозгъ*, въ *столицы*, оставивъ тѣло страны безчувственнымъ и почти бездыханнымъ. Насталъ какой-то «окончательный *папа*» и «окончательная *кокотка*» и «окончательный *министръ*» и «окончательный *философъ*», который есть журналистъ «на всѣ руки»... *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Со словъ Рцы (начало переписки съ нимъ,—изъ Бѣлаго), да отчасти и комментируя (въ душѣ) слова Рачинскаго (С. А.):—«Я

не хотѣлъ говорить Вамъ; знаете: de mortuis etc. Вотъ онъ Васъ обольстилъ своимъ умомъ и своею эстетичностью; между тѣмъ это одно изъ отвратительныхъ явленій. Религія, искусство, наука, патріотизмъ,—

отскочилъ отъ Леонтьева-студента съ какимъ-то *ужасомъ* и омерзѣніемъ»,—я должно быть сообщилъ Страхову, что Леонтьевъ былъ utriusque naturae (sexus) homo, — съ влеченіемъ къ субъектамъ своего пола. Теперь, послѣ «Люди лунnаго свѣта», я смотрю на это совершенно спокойно, съ мыслью—«не мое!», и далѣе этого не простирая осужденія. Это явленіе въ античномъ мірѣ было спокойно принято и вошло въ открыто закономъ нормируемыя явленія; его философски и религіозно объяснялъ Платонъ, самъ состоявшій въ категоріи людей этого цикла. Но затѣмъ подъ вліяніемъ Библіи, для которой, какъ для закона чадородія, люди utriusque sexus были въ высшей степени враждебны (хотя въ Талмудѣ есть одно мѣсто, говорящее о жителяхъ Содома, что «они забыли Бога *отъ счастья*», и вообще говорящее о нихъ (*безъ отвращенія*)...—подъ вліяніемъ ужаса къ Содому и Гоморрѣ точно занавѣсъ желѣзный упалъ около этого явленія,—и отдѣлилъ его отъ зрителей, слушателей, отъ законодателей, царей, ученыхъ, іереевъ. Явленіе однако продолжало существовать. Но оно никогда даже *не называлось полнымъ именемъ и вслухъ*,—и это умолчаніе было всего болѣе причиною такой страшной вражды къ нему, вражды и презрѣнія, злобы и омерзѣнія, что этотъ «грѣхъ» сталъ тягчайшимъ отцеубійства и дѣтоубійства. Затѣмъ были попытки защитить его, своимъ крахомъ еще углубленія презрѣнія къ нему. Прошли такимъ образомъ тысячелѣтія абсолютной *малы* надъ «мужелюбіемъ» мужчинъ и «женолюбіемъ» женщинъ. Пока появилась знаменитая книга Вейнингера—«Полъ и характеръ». Въ началѣ же ея онъ указалъ на весьма часто встрѣчающійся у женщинъ такъ называемый «узкій *тазъ*», «плоскій *тазъ*», который есть по-просту (и въ томъ геніальная острота его наблюденія) *мужской тазъ*. Роды при немъ невозможны: младенца приходится дробить на куски и вытаскивать мертвымъ. «Что-же это такое?»—спро-

самые высокіе предметы вдругъ подчиняются самымъ низменнымъ стремленіямъ, развратной жаждѣ наслажденія и услажденія себя. И все это получаетъ

силъ Вейнингеръ.—И отвѣтилъ,—*какъ это лежитъ въ природѣ*,—что эти въ высшей степени часто встрѣчающіяся явленія и никогда никѣмъ *нравственно не порицаемыя* суть начало перерожденія женщины въ мужчину, суть уже начало *содоміи*. Это—существа «со всѣмъ половымъ аппаратомъ женщины», но—«не могущія *родить*», стало быть «не *долженствующія* и *зачинать*»? Что же имъ остается и что онѣ вообще *есть*?!! Отвѣтъ слѣдовалъ и неодолимо шепталася, что «остается» все то, что дѣлается, а дѣлается «есть» то, чего имени не произносится. Содомія вышла изъ-подъ покрова ночи. Мнѣ кажется, вторымъ крупнымъ шагомъ здѣсь была книга «Люди луннаго свѣта». Вейнингера я прочелъ до этого «узкаго таза у женщинъ» и такъ былъ пораженъ, что «согласился со всѣмъ дальнѣйшимъ»,—но «перелистывая» дальнѣйшее—бѣжалъ только глазами его *всегда вѣрныя* и *изумительныя* наблюденія, отметая его volo и «моральныя сужденія», вытекавшія изъ *личной* природы его какъ *содомита* (Вейнингеръ былъ безспорно содомитъ) и мнѣ совершенно чуждыя. Книга «Люди луннаго свѣта» во всякомъ случаѣ произошла совершенно независимо отъ «Полъ и характеръ» Вейнингера. Она открыла колоссальную *религіозную роль* безсѣменныхъ людей,—людей *безъ способности* и *безъ призванія* къ оплодотворенію (аналогія въ растительномъ мірѣ—*махровые цвѣты*, безъ *сѣменной пыльцы*); и—изумительное ея дѣйствіе вообще на строй, на теченіе, на характеръ и направленіе всемірной цивилизаціи, цѣльной всемірной исторіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что «Люди луннаго свѣта» производитъ коренную переработку идеи *плана всемірной исторіи*, бросаетъ совершенно новый *свѣтъ* на него. Явленія самыя возвышенныя, необычайной міровой *оцѣнки* себя, получили въ «корень» себѣ, въ «зерно» себя, то самое «проклятое» со времени Содома и Гоморры явленіе, о положительномъ и добромъ значеніи котораго никогда никто не думалъ. Кое-какія явленія «опустились» и параллельно начало подыматься «мужелюбіе»-«женолюбіе»: пока—*уравнявшись*, какъ двѣ бадьи изъ ко-

особый оттѣнокъ; въ религіи—«священное волшебство», какъ прекрасно выразился Арх. Антоній, и сладострастная борьба между грѣхомъ и страхомъ; въ наукѣ—диллетантизмъ съ подчиненіемъ любимымъ цѣлямъ; въ искусствѣ—услажденіе всякою пакостью, мужеложствомъ, роскошью, всякою внѣшнею красотою (интересно, что Леонтьевъ не имѣлъ никакого понятія о достоинствѣ стиховъ и даже о размѣрѣ); въ патріотизмѣ—мечтанія объ аристократіи, о всякой власти и гордости и т. п. [1]).

лодца—они сцѣпились и перелились одна въ другую. Въ этомъ «переливаніи водъ изъ бадьи въ бадью» въ сущности перемѣстились всѣ всемірныя оцѣнки: и нельзя не назвать это «магическою бадьей», «магическимъ сосудомъ», гдѣ все *замыслилось* и откуда все *разъяснилось*. Это и prima philosophia и primum movens. Изъ utriusque sexus—*геній* лицъ, геній Сократа, Платона, геній и нашего Леонтьева. Это суть *Люди Тайны*, *Люди Неисповѣдимости*,—врожденные маги и іереи (не въ церковномъ конечно значеніи) человѣчества, его вожди, законодатели, пророки, предсказыватели. Изъ нихъ-же былъ Рафаэль,—не смотря на (бездѣтную) возню съ Форнариною; были отсюда и Микель-Анджело, и Леонардо-да-Винчи; былъ отсюда—Шекспиръ, *отчасти* отсюда—Гете. Вдругъ все измѣнилось. Чего «назвать вслухъ нехорошо было»—засвѣтилось какъ *личная особенность* первыхъ геніевъ человѣчества. Явно, что Леонтьева тутъ уже не приходится «обвинять». Я пишу это совершенно открыто, потому что несомнѣнно въ ближайшемъ будущемъ должна начаться переоцѣнка вообще этого колоссально-значительнаго явленія; оно должно получить другія мѣры, другіе законы, другія мысли о себѣ и просто—*себѣ*. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Здѣсь Страховъ тоже *глубоко правъ*; правъ не меньше, чѣмъ Леонтьевъ. Вообще «мы» не меньше правы, чѣмъ люди луннаго свѣта съ ихъ «платонизмомъ», съ эстетикой, героизмомъ, звономъ и высо-

Мнѣ извѣстно не мало людей подобнаго направленія; таковы процвѣтающіе до сихъ поръ кн. Мещерскій, поэтъ Апухтинъ и пр. Другіе идутъ въ эту же сторону, но на полпути удерживаются совѣстью и умомъ. Лучше не буду никого называть. Меня очень возмущаетъ это нравственное уродство, и я съ нимъ никакъ не въ силахъ помириться. И подобные господа осмѣливаются нападать на Л. Н. Толстого и выставлять его заблудившимся и вреднымъ. Эти сгнившіе спфилитики приходятъ въ ужасъ отъ человѣка, у кото-

---

ними звѣздами. — «Звѣзды-то звѣзды, а ты *мой рубль подай*», говорятъ мозолистыя руки.—«Ты мнѣ херувимской не пой, а *разведи съ женой*, потому что она сбѣжала къ актеру, а мнѣ варить варево нѣкому, да и баба нужна». По-просту... Страховъ геніально становится на сторону «по-просту». Это не «отскакиваніе въ сторону» *тоже эстета-Рачинскаго*, которое безсильно побѣдить лунный свѣтъ, ибо въ сущности само имѣетъ зерномъ эстетику и этотъ лунный свѣтъ, «нравится» и «не нравится», «хорошо» и «отвратительно». На «отвратительно» Рачинскаго Леонтьевъ всегда можетъ отвѣтить: «а мнѣ—*нравится*». Напротивъ, Страхову ему нѣчѣмъ будетъ отвѣтить. Щи, хлѣбъ, правильное жалованье, правильная постоянная баба—это «китъ», на которомъ «все держится». Леонтьевъ можетъ сказать:—«А музыка?»—На это мы скажемъ, что *музыку мы послушаемъ*, а «сами—не музыканты», и «къ литургіи придемъ»—*но* «сами не іереи»; и добавимъ, почесавъ затылокъ: «Мы—земледѣльцы, *геоморы*, и если хлѣба не наработаемъ, то умретъ и *музыкантъ*, и *іерей*». Вотъ—разграниченіе, и—примиреніе. Леонтьевъ—велікій принципъ, но—не весь. Онъ—*правъ* (въ эстетикѣ), но—и ограниченъ. Хотя Страховъ тоже не въ правѣ восклицать:—«Отвратительно», ибо хоронитъ этимъ

Шумъ божественной эллинской рѣчи...

(изъ какого-то стиха). *Примѣчаніе 1913 г.*

раго иногда на полчаса высыпаетъ крапивная лихорадка.

Будетъ мнѣ, однако, злобствовать. Посылаю Вамъ свою статью. Ну! какова же глушь, если нельзя найти даже *Новаго Времени!*

Рецензію на *Міръ какъ цѣлое* Вы, пожалуйста, пишите. Какъ возможно, чтобы для нея не нашлось мѣста!

Отъ души желаю Вамъ здоровья и всего истинно хорошаго. Платонъ Александровичъ [1]) постоянно объ Васъ спрашиваетъ и Вамъ кланяется. У него все благополучно, хоть онъ и не очень веселъ.

Простите

Вашего искренно преданнаго

Н. Страхова.

22 апр. 1892 г. Спб.

[1]) Кусковъ. *Примѣч. 1913 г.*

LVI.

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ,

Ваши печальныя размышленія о нѣкоторой *ненависти* между людьми, можетъ быть, пришли Вамъ на умъ также отъ моихъ рѣзкихъ сужденій о разныхъ литературныхъ явленіяхъ. Когда я вспомню, какъ Вы расположены къ нѣжности и къ идеализаціи, то живо представляю, что на Васъ мои порицанія должны дѣйствовать непріятно. Но не думайте, прошу Васъ, что во мнѣ говоритъ ненависть,—нѣтъ, скорѣе простая трезвость взгляда. Есть вещи дорогія, которыми поступаться никогда нельзя. Грѣхи К. Н. Леонтьева его личное дѣло и не въ нихъ важность. Кто же святъ, кто можетъ бросать камни въ другихъ? Но важно развращеніе мысли, грѣхъ противъ Духа Святого.

Пишу Вамъ наскоро, и главное вотъ по какому поводу. Если Т. И. Филипповъ читалъ Ваши статьи и очень хорошаго о нихъ мнѣнія, то вотъ Вамъ покровитель, который можетъ Васъ совершенно устроить. Онъ великій любитель литературы и постоянно благо-

творить писателямъ. Онъ можетъ дать Вамъ мѣсто въ контролѣ, притомъ такое, что оно не будетъ Васъ обременять. Говорю Вамъ навѣрное: если Вы къ нему обратитесь, онъ самымъ усерднымъ образомъ примется Васъ устроивать.

Да, слава Богу, есть у насъ Леонтьевы, Филипповы и многіе другіе—люди съ талантомъ, съ большими душевными силами, мало извѣстные большой публикѣ. Хорошо и то, что есть и неизвѣстный Соловьевъ (онъ написалъ противъ моей *Справедливости* и пр. преехидную статью въ «Русск. Обозрѣніи»); теперь Вамъ раздолье—есть кого судить, есть чѣмъ восхищаться—что Вы особенно любите. Но только стойте крѣпко на своихъ ногахъ, а не то̀ все будетъ ни къ чему[1]).

Простите меня! Дай Вамъ Богъ всего хорошаго!

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1892, 11 мая. Спб.

---

[1]) Какой прекрасный, благородный тонъ. Вотъ *мудрость старости* и та высшая справедливость, какая вытекаетъ не изъ равнодушія ея, но изъ того, что старость все видитъ, все озираетъ, оглядывается назадъ, глядитъ впередъ; *ничѣмъ* не увлекается и все забываетъ для Бога. Юноши,—помните старость, и въ увлеченіяхъ возраста своего «отложите нѣчто» для этого послѣдняго десятка лѣтъ, который благословите какъ самое лучшее, когда все пройдете и всѣмъ пресытитесь. *Примѣч. 1913 г.*

LVII.

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ,

Если Вы сердились на меня, то Вы были неправы. Тысячу разъ я думалъ объ Васъ и собирался писать къ Вамъ. Нужно было и благодарить Васъ за двѣ Вашихъ статьи, за разборъ *Міра* и за *Фазисы* въ «Русск. Обозрѣніи». Сколько тутъ для меня пріятнаго. Предполагаю, что «*пленка* благоразумія», въ которой Вы меня упрекаете въ *Русск. Вѣстн.*, есть опечатка, хотя и не мѣшающая понять Вашъ упрекъ. Но я все больше начинаю дивиться, какимъ образомъ я успѣлъ привлечь Ваше сочувствіе. Вѣдь я пишу сухо, холодно, разсудительно; а Вы такъ и порываетесь ко всему теплому, увлекающему чувство и воображеніе. Въ разборѣ *Міра* весь параграфъ V принадлежитъ Вамъ, хотя Вы эти мысли приписываете мнѣ: такъ Вамъ не хочется остановиться на той границѣ, гдѣ я остановился! Немножко удивило меня, что Вы говорите о *прихотливости* моихъ очерковъ, о *прихотливомъ перебѣганіи* отъ одного предмета къ другому. Увѣряю Васъ, что ничего подобнаго у меня

нѣтъ, а напротивъ слишкомъ много послѣдовательности и связности. Но, простите, не стану Вамъ возражать и подробно разбирать Вашего разбора. Въ письмѣ это сдѣлать невозможно, а можно только сказать, что я Вамъ душевно благодаренъ. 1-го ноября появится разборъ *Міра*, писанный Лопатинымъ—жду не безъ нетерпѣнія.

А вотъ Вамъ новая пища: въ *Вѣстн. Европы* за октябрь статья С. Трубецкого объ К. Н. Леонтьевѣ. Статья жестокая: въ отношеніи къ Леонтьеву она меня почти радуетъ; но вѣдь она писана, чтобы посредствомъ Леонтьева уронить славянофиловъ и чтобы поднять знамя *вселенской правды* Соловьева. «Борьба съ Западомъ», увѣряетъ Трубецкой, теперь уже *опошлилась*. Данилевскій—*зоологъ* въ *славянофильствѣ* и т. д. Очень непріятно все это велерѣчіе московскихъ пророковъ, за которымъ не стоитъ ничего яснаго.

Но скоро и мнѣ, кажется, придется просить Вашего снисхожденія. Я пишу *Нѣсколько словъ объ Ренанѣ* и, правду сказать, пишу безъ особенной охоты [1]).

Пока—простите! Не забывайте меня Вашими письмами. Какъ Вы вѣрно замѣтили, что Соловьевъ втайнѣ [2])

---

[1]) Статья его о Ренанѣ—одна изъ самыхъ прелестныхъ (въ «Борьбѣ съ Западомъ»). *Примѣч. 1913 г.*

[2]) Да,—*было*! И за что?! Страховъ не былъ геній. Но онъ вотъ какъ «комендантъ Бѣлогорской крѣпости» («Капитанская дочка»): тоже стоялъ вѣрно и честно на стражѣ той науки, философіи, литературы, какую зналъ и какая была. Былъ «обыкновенный пропедевтическій человѣкъ» (Радловъ) и тутъ былъ чистъ, какъ дитя или

меня ненавидитъ! Но Вашей похвалы, что я «всталъ выше минуты», я не принимаю; ничего такого я не дѣлалъ, не замѣтилъ за собою (я поправляю *сталъ* вмѣсто *всталъ* и говорю въ этомъ смыслѣ). Что касается до оттисковъ, то тутъ трудно водворить порядокъ, и при всѣхъ моихъ стараніяхъ Бергъ успѣваетъ обижать и меня.

Все это я отвѣчаю на Ваше письмо 12-го мая; мнѣ помѣшало отвѣчать наступленіе каникулъ; а второе Ваше письмо пришло, когда меня не было въ Петербургѣ.

Прошу прощенія за все это и отъ души желаю Вамъ всякаго благополучія.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1892, 7 окт. Спб.

какъ Андреевскій кавалеръ. Что онъ былъ «не геній»—до этого было мало дѣла Соловьеву, это было «тѣмъ лучше» для него. Но его голубиная чистота въ небольшомъ дѣлѣ измучила «великаго публициста» и «мірового философа»,—и въ другое бы время, въ иныхъ странахъ, въ средневѣковьѣ, онъ бы вообще предпочелъ «дышать во вселенной одинъ», безъ этого на него устремленнаго глаза безкрылой старой птицы, полуголодной, но въ бѣломъ опереніи. Вотъ это перышко его и измучило. *Примѣч. 1913 г.*

XLIII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Письмо Ваше очень огорчило меня. Во-первыхъ, оно такъ сухо и нелюбезно, что я подумалъ, Вы недовольны мною за что-нибудь, но не могу догадаться за что, потому что ни въ чемъ не виноватъ передъ Вами. Вы ни слова не пишете о себѣ, и ни о чемъ другомъ, кромѣ моихъ недостатковъ. Тутъ какое-то недоразумѣніе; мнѣ показалось страннымъ выраженіе *пленка благоразумія* [1]), но я очень хорошо по-

[1]) Въ статьѣ моей о Страховѣ; упрекъ или полу-упрекъ молодой и неопытный. Кто безъ «плёнки благоразумія» проживетъ, если онъ не свободенъ, если вступаетъ въ многоразличныя съ людьми связи и отношенія, въ которыхъ (отношеніяхъ) онъ не есть господствующій и верхній, а или—нижній, или—всего чаще и обыкновеннѣе—средній, промежуточный. Такимъ образомъ невозможно за «пленку благоразумія» упрекать человѣка, какъ горло и легкія нельзя упрекать, если они кашляютъ отъ пыли,—и нельзя упрекать вообще *существо человѣка* за его болѣзни и слабость. «И *радъ*-бы, да *сила не беретъ*». «*Радъ*»-бы—это есть добродѣтель», а «сила не беретъ»—тутъ никакого нѣтъ порока, а—*жалость положенія*. О ней всѣ скорбимъ съ Адама и объ этомъ нечего разговаривать. «Пленки благоразумія» не

нялъ, что Вы хотѣли сказать. Все-таки, за указаніе моихъ недостатковъ я Вамъ благодаренъ—Вы правы, хотя я смотрю на дѣло нѣсколько иначе.

было у Калигулы, у анахоретовъ въ пустынѣ и у Діогена въ бочкѣ: но Страховъ жилъ не въ бочкѣ, не въ пустынѣ и не на тронѣ. *Примѣчаніе 1913 года.*

P. S. Пожалуй, какъ *учитель гимназіи*, я имѣлъ нѣкоторое право на этотъ упрекъ. Учителя кто можетъ не обидѣть? Обижаетъ общество, въ сущности и самымъ злымъ образомъ—обижаютъ (ничего не вѣдающіе о положеніи учителя) ученики, высокомѣрно обижаетъ округъ и окружное чиновничество (замѣчательно: *никогда* не обижаетъ директоръ гимназіи, даже самый сухой и чиновный). Въ силу этой необыкновенной приниженности учителя, у нихъ есть «общее правило поведенія», которое я назову абсолютнымъ отсутствіемъ «пленки благоразумія», и учителя очень зорко слѣдятъ другъ за другомъ, чтобы этой «пленки» ни у кого и *нисколько* не появлялось. Поэтому всѣ они въ сущности «пѣтухи», очень ревнивые къ своей независимости, не пасующіе никогда передъ директоромъ и «манкирующіе» начальству. Это—очень милая въ нихъ черта, чрезвычайно трогательная. Къ несчастью, они совершенно плохо учатъ (не умѣютъ учить), но въ смыслѣ «чести» — часто доходятъ до рыцарства и героизма. Одинъ изъ такихъ былъ упомянутый выше Строгановъ въ городѣ Бѣломъ, уволенный помощникомъ попечителя Садоковымъ (Кон. Ив.) въ чистую отставку за «неумѣнье служить съ начальствомъ» (директоромъ гимназіи), каковое «неумѣнье» выразилось въ томъ, что—будучи учителемъ древнихъ языковъ—онъ взялъ изъ гимназической библіотеки книги, чтобы за лѣто подготовиться къ чтенію классиковъ въ слѣдующемъ году. Директоръ потребовалъ, чтобы онъ «поставилъ на мѣсто ихъ» (казенная собственность), тотъ—не послушалъ: директоръ(чего вообще *никогда* не бываетъ) нафискалилъ въ округъ, и учитель былъ уволенъ безъ всякаго объясненія, и не былъ выслушанъ ни въ какихъ оправданіяхъ (т. е. не приняли самую попытку оправдаться). *Прим. 1913 года.*

Но всего хуже то, что Вы просите,—пѣтъ, не просите, а просто желаете или требуете отъ меня совѣта объ деньгахъ. Деньги величайшее зло потому, что кто не умѣетъ ихъ держать въ рукахъ, тому онѣ вѣчно бываютъ нужны, тотъ осужденъ на то, что ихъ никогда у него хватать не будетъ и онъ постоянно будетъ мучиться мыслями объ ихъ добываніи. Мнѣ очень пріятно было узнать, что Вамъ хорошо платятъ; 80 рублей за листъ и 10 коп. за строчку—хорошая плата, по моему мнѣнію. Правда, я получаю 100 руб. за листъ и 15 коп. за строчку, но только недавно, не болѣе пяти-шести лѣтъ, а прежде получалъ меньше Вашего. Право, не умѣю Вамъ посовѣтовать; можетъ быть, при нынѣшнемъ развитіи печати, Вамъ можно получать и больше, но все-таки незначительно больше. Вы заработали 1000 руб. въ 10 мѣсяцевъ, и Вамъ кажется это мало [1]). Мнѣ не

[1]) Просто, не узнаю себя,—но почти увѣренъ, что Николай Николаевичъ Страховъ чего-нибудь не понялъ въ моемъ письмѣ. Я такъ былъ обрадованъ первому гонорару въ 110 рублей изъ «Русскаго Вѣстника», присланному при любезной записочкѣ Ѳ. Н. Бергомъ, и настолько былъ доволенъ вообще этою платою (и *до сихъ поръ* обычно въ журналахъ, не споря, получаю 100, 80, 75 рублей, *никогда больше*,—а у Шарапова и у Перцова-Мережковскихъ въ «Нов. Пути» писалъ вовсе безплатно), что вопросъ высоты платы мною никогда и ни въ одной редакціи не поднимался, предлагаемое—никогда не оспаривалось. Иное дѣло—слѣдующее: и Бергъ и Александровъ («Русскій Вѣстникъ» и «Русское Обозрѣніе») вскорѣ перестали *вовсе уплачивать*, отговариваясь—«нѣтъ денегъ» и «уплатимъ потомъ». Но этотъ во-истину ужасъ положенія насталъ только потомъ, по моемъ переѣздѣ въ Петербургъ, приблизительно въ 1894, и дальше, годы. «Денегъ нѣтъ» всегда, и я вы-

кажется. Прежде, когда я жилъ исключительно литературой, я зарабатывалъ до 2000 и болѣе, но я ихъ зарабатывалъ преимущественно переводами, больше всего съ нѣмецкаго. Вообще же я всю жизнь прожилъ на очень малыя деньги. За редакцію *Зари*, и прежде — *Отечественныхъ Записокъ*, я получалъ только 100 рублей въ мѣсяцъ [1]). Что дѣлать. Умствен-

---

прашивалъ, вымаливалъ за статьи, уже мѣсяца 2—3, иногда болѣе, иногда пол-года назадъ, напечатанныя. *Безъ сомнѣнія*, я у Страхова спрашивалъ, какъ «вообще обходиться съ деньгами», почему у меня всегда ихъ не хватаетъ, «хотя платятъ отлично, 80 рублей въ журналахъ и 10 коп. за строку; и я выработалъ въ годъ 1,000 рублей», тогда какъ не «на 1.000-же живутъ писатели, публицисты, газетчики, *не имѣющіе государственной службы*, каковыхъ большинство». Вотъ это вѣроятно и было въ моемъ письмѣ, и нѣкоторыя строки письма Страхова показываютъ, что письмо было именно «спрашивающее» и «недоумѣвающее», а отнюдь не претенціозное. Въ этотъ 1892 годъ этого тона и *этого смысла не могло быть. Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Удивительно... Конечно, въ радикальныхъ и либеральныхъ изданіяхъ дѣло обстоитъ совершенно иначе. Всѣ тѣ—и «редакторы» и «сотрудники»—отходили отъ литературы съ домами, съ состояніями (Краевскій, Некрасовъ, Благосвѣтловъ, Стасюлевичъ). Входя въ консервативную, а вѣрнѣе—въ *уважительно*-народническую литературу, писатель зналъ заранѣе, что онъ — входитъ въ бѣдность, въ вѣчную угрозу нуждою, при чемъ размѣровъ этой угрозы совершенно невозможно предвидѣть; и выходитъ, имѣя крики за спиною изъ-за стола жирно кушающихъ литературныхъ баръ: «видите—*его*, видите—*куда онъ идетъ*: онъ идетъ сманиваемый *богатствомъ*, сманиваемый щедрой *наградой правительства*». Такъ Страховъ «служилъ» правительству», а Владиміръ Соловьевъ «страдалъ отъ правительства»; такъ Достоевскій, въ квартирѣ Свѣчного переулка, «загребалъ деньги отъ правительства», а Стасюлевичъ въ своемъ каменномъ домѣ на Га-

ный трудъ не такое дѣло, чтобы можно было точно перекладывать его на деньги.

Вашъ фельетонъ *Еще о мозаичности* [1]) и проч. привелъ меня въ восхищеніе. Вотъ величавый и спокойный тонъ, вотъ философское теченіе мыслей. Но, ужъ извините, конецъ я нахожу скомканнымъ и темнымъ.

«Онъ и не подозрѣваетъ, къ какому трудному вопросу подошелъ» и проч.

Отсюда и до конца—такъ смутно и неразборчиво, что страхъ. Донъ-Жуанъ мало помогаетъ, а химера, убитая во Фригіи,—чистая загадка.

Съ самою мыслью, которую Вы высказываете въ этомъ концѣ, я, конечно, не согласенъ. Во временномъ воплощается вѣчное, и между нимп нѣтъ коренного раздора, нѣтъ вражды на смерть, и все это не лежитъ за предѣлами ума.

лерной улицѣ былъ «угнетенъ правительствомъ». И т. д. Такъ какъ консерваторы презирали отвѣчать на это, а тѣ, за жирнымъ столомъ, все-таки этимъ молчаніемъ не стѣснялись и продолжали орать: «*Мы*—ушли въ станъ погибающихъ,—за великое дѣло любви», а «Достоевскій, Страховъ и Константинъ Леонтьевъ находятся въ станѣ *ликующихъ, праздно болтающихъ*», то этотъ монологъ—одинъ утвердился въ обществѣ, ему вѣрили въ провинціи, да еще и до сихъ поръ эта легенда не вовсе разсѣяна. *Правдивой біографической литературы у насъ вовсе не написано*, и конечно не Венгеровъ, не Скабичевскій и не Овсяннико-Куликовскій, равно не Рубакинъ станутъ разсказывать гимназистамъ и студентамъ денежные секреты литературы. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) «Московскія Вѣдомости»; полемика съ Михайловскимъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

Скоро пришлю Вамъ мою книжку *Воспоминанія и отрывки* [1]).

Простите, отъ души желаю Вамъ здоровья и всего хорошаго.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1892, 25 окт. Спб.

[1]) «Воспоминанія объ Аѳонѣ» и проч. *Примѣчаніе 1913 года.*

LIX.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Истинно утѣшили Вы меня своимъ письмомъ. Наконецъ-то! Да тутъ какая-то телепатія: всѣ послѣдніе дни я думалъ писать Вамъ и какъ-нибудь затронуть Васъ за живое. А Вы вдругъ отвѣчаете мнѣ на мои мысли. Очень грустно иногда оканчиваются самыя лучшія отношенія [1]). Сперва люди сближаются своими общими сторонами и это имъ очень радостно;

[1]) Увы,—да! Ахъ, люди: культивируйте дружбу. Нѣтъ болѣе достойнаго сада для поливки, для удобренія, для постоянной заботы. Сколько заботъ, усилій мы кладемъ на службу, на деньги, на увеличеніе состоянія; тогда какъ *хорошая дружба*—когда огляпетесь назадъ передъ могилой—окажется дала вамъ болѣе счастья, больше хлѣба, больше чаю, чѣмъ «высокопоставленность» и богатство. «Хорошая дружба»—примѣняя матеріальныя измѣренія—то же, что «теплая и сухая квартира» въ общемъ укладѣ зимняго устроенія. Безъ «теплой и сухой квартиры» не радуетъ столъ, не радуютъ гости, даже жена и дѣти «только раздражаютъ». «Все—сыро», «все—холодно»... Поэтому «хорошая, долгая дружба»—второе послѣ семьи и неизмѣримо цѣннѣе службы и богатства. А *трудно* ли пріобрѣсти ее? Да *будь самъ другому другомъ*—и уже другъ *отзовется*. *Примѣчаніе 1913 года.*

но потомъ они узнаютъ другъ у друга и другія стороны—связь слабѣетъ и даже переходитъ во вражду [1]). Ваши первыя письма ко мнѣ были для меня большою радостью; потомъ я убѣдился въ Вашемъ прекрасномъ талантѣ—новая радость. Откуда могли возникнуть неудовольствія? Но вотъ Вы пишете, что изъ-за К. Н. Леонтьева. Значитъ, *Вы разсердились*; потому что я ничуть не измѣнялъ своихъ чувствъ и ничего не могъ понять въ Вашемъ охлажденіи. Я думалъ, что Вы обидѣлись за рѣзкія мои мнѣнія объ Вашихъ статьяхъ, что я взялъ слишкомъ развязный тонъ. А выходитъ другое. Вотъ Вы какой ненадежный человѣкъ. По случаю денегъ, я и въ мысли не имѣлъ подозрѣвать Васъ въ жадности; напротивъ, я, какъ

[1]) Ужасающая вещь, то есть *вражда*, въ которую (очень рѣдко) вырождается дружба. Тогда лучше предусмотрительно и издалека надо перестать видѣться. Весьма нерѣдко дружба кончается изъ-за «неоказанной услуги», «неоказанной помощи». Въ семъ случаѣ—это *ложный конецъ;* и даже едва ли онъ не заканчиваетъ въ существѣ *ложной дружбы*. «Дружба» не должна истекать изъ общности путей и изъ нужды «взаимо-помощи». Доселѣ—*товарищество, со-путничество*, и это далеко еще не дружба. Великое слово «другъ» примѣнимо къ «душа въ душу»,—иногда душъ очень различныхъ, убѣжденій—вполнѣ несходныхъ: но такъ, чтобы «впадинки» одной души вкладывались въ «выпуклости» другой; чтобы была въ сущности *гармонія*,—и м. б. не одна душевная, но и тѣлесная, двухъ существъ. «*Не знаю*, почему-то нравится»,—«почему-то онъ мнѣ симпатиченъ»: это—*корень* всего, корень настоящихъ, глубокихъ дружбъ. Вообще «de amicitia» можно и нужно написать цѣлый трактатъ. Глубокое объ этомъ изслѣдованіе,—въ нашей литературѣ совершенно новое по темѣ,—написалъ священникъ-профессоръ *Павелъ Александровичъ Флоренскій. Примѣчаніе 1913 года.*

Вы знаете, подозрѣвалъ Васъ въ избыткѣ тароватости. Вообще я часто со страхомъ думаю объ Васъ. Что Ваши сношенія съ Т. И. Филипповымъ? Вѣдь Вы недовольны мѣстомъ въ Бѣломъ. Отчего Вы никогда не пишете о Вашихъ личныхъ обстоятельствахъ.

Статья Ваша «*Сумерки*» [1]), конечно, очень хороша, изъ лучшихъ Вашихъ статей, хотя я слышалъ жалобы на темноту изложенія. Но статья *Цѣль жизни* (а вѣдь Вы у меня похитили заглавіе?) я никакъ не могу похвалить—точно не Вы писали. Великое стремленіе къ точности и раздѣльности, но въ самомъ дѣлѣ не мало смутности и смѣшенія [2]).

---

[1]) «Сумерки просвѣщенія,—написаны уже въ г. Бѣломъ; считаю ее изъ лучшихъ своихъ статей; можетъ быть (вмѣстѣ съ «Афоризмами и наблюденіями», какъ *окончаніемъ* ихъ) это даже самая лучшая, вѣрная, *окончательная* статья изъ всего мною написаннаго. Собственно, ни въ «Мѣстѣ христіанства», ни въ «Легендѣ объ инквизиторѣ» я не былъ зрѣлъ; и вотъ это *зрѣлое*, удовлетворяющее меня и до сихъ поръ, появляется впервые здѣсь. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Мнѣ самому совершенно не нравится. Она написана была студентомъ, на IV-мъ и можетъ быть даже на III-мъ курсѣ; и тщательно потомъ обрабатывалась. Не понимаю, почему «у Страхова взялъ заглавіе»? У него я не знаю такой статьи. Но вотъ великое, что̀ мнѣ не удалось какъ-то выразить въ этой статьѣ:

Sunt destinationes rerum.
Sunt metae rerum.

И—

primae sunt divinae,
secundae sunt—humanae.

Здѣсь различается *міръ божественный* въ природѣ, и—міръ *случайный — произвольный—людской*. Вся книга «О пониманіи» выросла въ тотъ по-истинѣ священный часъ, *одинъ* часъ (за набивкой табаку),—

А я написалъ о Ренанѣ, объ Фетѣ—все я поминаю покойниковъ [1]). Теперь вдова Фета проситъ сдѣ-

когда, прервавъ эту набивку, я уставился куда-то впередъ и въ умѣ моемъ раздѣлились эти destinationes и эти metae, съ пропастью между ними... Отсюда *до сихъ поръ* (57 лѣтъ) сложилось въ сущности *все* мое міросозерцаніе: я *безконечно* отдался destinationes, «какъ Богъ хочетъ», «какъ изъ насъ растетъ», «какъ въ насъ *заложено*» (идея «зерна», руководящій принципъ всего «О пониманіи»), и *лично-враждебно* взглянулъ на metae, «мечущееся», «случайное», что̀ «блудный сынъ-человѣкъ себѣ *выдумываетъ*», въ чемъ онъ «*капризничаетъ*» и... «проваливается». Этимъ «часомъ» («священный часъ») я былъ счастливъ года на два, года на два былъ «въ Пасхѣ», въ «звонѣ колоколовъ»,—во-истину «облеченный въ бѣлую одежду», потому что я увидѣлъ «destinationes»,—вѣчныя, отъ земли къ Небу тянущіяся какъ бы растенія, вершины коихъ держитъ Богъ, по-истинѣ «*Все-Держитель*». Отсюда, теперь я припоминаю, выросъ и мой торжественный слогъ,—такъ какъ «кому открылись destinationes—не въ правѣ говорить обыкновеннымъ, уличнымъ языкомъ, а только языкомъ храмовымъ, ибо онъ есть жрецъ, не людьми поставленный, а Богомъ избранный: т. к. ему одному открылась воля Божія» (destinationes въ мірѣ), и т. д. Я хорошо помню и отчетливо, что собственно съ этого времени я сталъ и религіознымъ, то есть *опредѣленно и мотивированно* религіознымъ, тогда какъ раньше только «скучалъ (гимназическимъ) атеизмомъ», не зная, куда его дѣть, и главное—*куда выйти* изъ него. Вотъ «куда выйти»—и разрѣшилось въ тотъ часъ. Это было тоже на Воробьевыхъ горахъ, но за нѣсколько лѣтъ до 1892 года, вѣроятно въ году 1880-мъ. «О пониманіи» раскрывало одно изъ destinationes—*умственное*, мозговое. «Разумъ—*потенція* всѣхъ наукъ; и слѣдовательно *уже теперь* изъ разсмотрѣнія Разума опредѣляются всѣ будущія науки, все *Полное Вѣдѣніе*,—разумѣется лишь въ схематическихъ линіяхъ, а не въ матерьяльномъ составѣ». И. т. д. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Всѣ мы подъ старость «поминаемъ покойниковъ», и вотъ (57 лѣтъ) мнѣ теперь живѣе чѣмъ окружающіе меня живые—«покой-

лать изданіе всѣхъ его стихотвореній. Принялся я собирать его письма—очень живо чувствуется, что жизнь прошла уже, кончена, что пора сводить послѣдніе счеты [1]). Вдобавокъ, я боленъ, болѣло ухо, и вотъ уже больше мѣсяца сижу дома, одинъ среди своихъ книгъ [2])—свидѣтелей не исполненныхъ за-

---

ники» Рцы, Шперкъ, Страховъ. Что это? Какая таинственная связь? Отчего она такъ жива и *дорога?* «Что-то вѣетъ оттуда»... *«Откуда? «что* вѣетъ?» Руками не умѣешь схватить, а сердце чувствуетъ... И страшно и радостно. Но вотъ еще что: послѣ смерти *все облагораживается*, и «покойникъ» дѣйствительно какъ-то «благороднѣе живыхъ». Да ужъ не суть ли они немножко «боги»? «Свѣтлыя души ихъ блуждаютъ *тамъ*»: и они правда какъ небожители, «отчернѣвшись здѣсь». *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Такъ вотъ и я торопливо издаю теперешнія книги, съ неодолимымъ чувствомъ—«нужно подвести итогъ», «скорѣй,—не успѣешь» и тогда «никто не съумѣетъ разобраться» (сгруппировать статьи). Что это? Что все значатъ эти признаки. *Прим. 1913 года.*

[2]) Удивительное было количество, красота и смыслъ книгъ. Тутъ я видѣлъ (впервые и единственный разъ въ жизни) «Principia» Ньютона, въ первомъ и во второмъ (друга Ньютона) изданіи; и editiones principes Джіордано Бруно. Особенно одинъ шкафикъ, возлѣ дверей: «первыя изданія» всѣхъ величайшихъ философовъ міра. Книги занимали *все поле стѣнъ* Страховской квартиры (и прихожей),—съ выбросомъ всѣхъ, довольно многочисленныхъ и безплатно имъ получаемыхъ, журналовъ (продавалъ съ вѣсу татарамъ). Все это были *исключительно классики ума человѣческаго;* и—поэты (но уже съ меньшей полнотой и выборомъ). Изъ портретовъ кромѣ его собственнаго (неудачнаго,—работы Рѣпина)—еще помню портретъ Ап. Григорьева. Кажется даже портретовъ П. Я. Данилевскаго и Достоевскаго не было. Надъ кроватью его, во второй комнатѣ, было нѣсколько картинъ, между ними «День» и «Ночь», Микель Анджело. Эта и была надъ кроватью, прочія—подальше. Никакихъ кушетокъ и никакой мяг-

мысловъ и любознательности, превышающей мѣру моихъ силъ. Не могу сказать, однако, чтобы дурно себя чувствовалъ.

Вы какъ-то напали на меня за сочувствіе словамъ Тэна, и увѣряете, что Вы аріецъ, а потому не сочувствуете нирванѣ [1]). Но вѣдь буддизмъ—арійскаго

кой мебели у него не было,—кромѣ кожанаго дивана подъ собственнымъ портретомъ, куда садились пившіе чай. Постоянно по средамъ у него бывали—Кусковъ и Стахѣевъ (сожитель по квартирѣ въ давнее время, но безъ всякой нравственной связи со Страховымъ), часто—Радловъ и Майковъ (Ап. Н.), рѣже—В. Г. Васильевскій (византистъ) и проф. Каринскій (философъ). *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Тяжело сказать, но не могу скрыть, что въ кабинетѣ Страхова была и статуэтка противнаго Будды. Противнаго—потому-что онъ безбожникъ. А безбожный мудрецъ хуже вѣрующей собаки. Съ вѣрой—весело; съ вѣрой хорошо; съ вѣрой—«люблю» и «любимъ»; съ вѣрой—растутъ яблоки, цвѣтутъ вишни; при вѣрѣ—барышни танцуютъ. Но какой-же вальсъ затанцуешь въ нирванѣ?! Будда или знаменитый Шопенгауэровскій «Сакья-Муни» испугался 1) болѣзни, 2) старости и 3) смерти. Положимъ... Чернѣетъ все при видѣ смерти. Такъ. Скорбимъ. Мучимся. Не уменьшаемъ ее. Но вѣдь она что-то *прекращаетъ*, что-то *останавливаетъ*.—Что??!!—*Путь! Жизнь!*...Пусть жизнь *кончится* и это дѣйствительно ужасно, рыдательно: но рыдательно отъ того именно, и даже *лишь въ мѣру того*, насколько она *была и есть прекрасна*! Смерть потому только слишкомъ черна, что *жизнь слишкомъ свѣтла!—Была* и *есть!!!* А, такъ вотъ въ чемъ дѣло: **конецъ** страшенъ, ибо великолѣпенъ **путь!** Этотъ-то великолѣпный **путь** и погашалъ Будда, чрезмѣрно испугавшійся, тогда какъ самый испугъ долженъ быть умѣренъ, не долженъ быть чрезмѣренъ, и *ни въ какомъ случаѣ* не долженъ отбрасывать тѣни назадъ, на самый путь. Ибо если нѣтъ «пути»—нѣтъ и «конца», и по-истинѣ смерть не страшна тому, кто *не жилъ*. Будда, чтобы избѣжать «смерти», и изобрѣлъ это «не жилъ», «не живите» (заповѣдь), «ничего нѣтъ» (нирвана). Онъ

происхожденія; семиты именно отличаются жизнелюбіемъ [1]) (несмотря на книгу Іова), и, очевидно,

---

побѣдилъ смерть... да! Но какою цѣной? Погасивъ жизнь. «Пошелъ на базаръ купить корову, но испугавшись, что можетъ купить ошибочно—взялъ да и потерялъ деньги: теперь ошибки не будетъ». Печальное «не будетъ». Будда возвращаетъ міръ къ «*до сотворенія міра*», и «нирвана» его въ сущности совпадаетъ съ тѣмъ «хаосомъ», гдѣ «не было ничего видно»,—**но откуда потомъ все возникло.** Это **все** «до сотворенія **всего**», именумое «буддизмомъ»—очень глубокомысленно, очень головоломно; но не возмѣщаетъ одной прелестной улыбки, съ которою поутру дѣвушка выходитъ въ садъ и нарававъ свѣжихъ розъ, возвращается въ свою комнату и, поставивъ ихъ въ стаканъ съ водою,—на нихъ любуется. Правда—розы увянутъ, и стаканъ разобьется, и дѣвушка умретъ; но отчего же однако я буду больше сосредоточиваться мыслью на этомъ «черезъ 30 лѣтъ», и—тоже «утро», и—тоже «часъ», когда дѣвушка будетъ умирать, а стаканъ будетъ разбиваться, чѣмъ вотъ на этомъ **теперь** стаканѣ и розахъ и дѣвушкѣ и улыбкѣ? Грозныя и печальныя изреченія Будды, или (соотвѣтственнѣе натурѣ «безразличной» нирваны) мычанія Будды, не доказаны въ томъ, не доказаны до тѣхъ поръ, пока самъ Будда или кто-нибудь изъ учениковъ его не доказалъ, почему въ томъ будущемъ часѣ, угрожающемъ часѣ, **бытія больше,** чѣмъ въ часѣ теперешемъ и счастливомъ?! Тамъ—бытія **не** больше. *Количественно*—тамъ столько же бытія, т. е. въ *часѣ* на 1913 г. столько-же бытія, сколько и въ часѣ 1920 года (когда, положимъ, я умру). Но суть въ томъ, что **путь** есть **движеніе,**—и ужъ такъ не Будда, а Господь устроилъ, что въ движеніи **бытія** больше, чѣмъ въ покоѣ, и въ ходьбѣ больше бытія, нежели въ «легъ и уснулъ». Посему-то Богъ-Вседержитель и есть *благой*; а—не *черный*, какъ Будда, котораго надо просто отодвинуть. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Очень глубоко... Самая *суть* семитизма, юдаизма—есть *жизнелюбіе*, есть вѣчная «земля» и «земное». И только оттого, что семитизмъ вѣчно «съ молитвами», ежедневно «съ молитвами»,—а у насъ, христіанъ, молитва всегда *удаляетъ* отъ земного, ну согласимся—

семитическія вліянія исказили нѣкоторыя изъ основныхъ понятій нашихъ о судьбѣ и назначеніи человѣка. Семиты поставили Бога такъ далеко отъ міра, что потомъ всѣ усилія греческихъ мудрецовъ и подвижниковъ не могли наполнить этой бездны, и наши религіозные взгляды составляютъ компромиссъ между пантеизмомъ арійцевъ и семитическимъ представле

возвышаетъ надъ земнымъ, отъ этого всѣ вообще христіанскіе богословы, всѣ христіанскіе толкователи Библіи, приписали и ей это коренное христіанское устремленіе *«отъ* земли къ Небу», *«разрывъ* съ землею» и т. д. И черезъ это, можно сказать, «провалили» (богословы) на все время своего бытія и на все время своего торжества настоящій, правильный и прямой взглядъ на Библію, т. е. на фундаментъ собственныхъ религіозныхъ воззрѣній. *Обмолвка* Страхова,—однако *не длиннѣе*, чѣмъ только обмолвка,—не должна быть однако опущена изъ вниманія. Если бы онъ ее развилъ или началъ въ нее только вдумываться,—все его міросозерцаніе, вынесенное изъ Бѣлгородскаго Духовнаго училища и семинаріи тамошней, и лежавшее въ немъ фундаментомъ въ сущности до самой смерти—начало бы перестраиваться. Этотъ фундаментъ вовсе не былъ плохой или легковѣсный. Составляетъ чрезвычайно благородную и великую черту Страхова, что, ставъ ученымъ, знаменитымъ критикомъ и настоящимъ философомъ,—онъ тѣмъ не менѣе мудрымъ взглядомъ разсмотрѣлъ, что тѣ «первые уроки въ семинаріи», бѣдненькіе и слабенькіе, отъ плохихъ (вѣроятно) преподавателей выслушанныя, но которые суть порожденіе «всего сложившагося въ христіанствѣ», «всего сложившагося въ церкви», за вереницу вѣковъ ихъ бытія, — серьезнѣе, солиднѣе, возвышеннѣе, благороднѣе, чѣмъ шумящій «въ вѣкѣ семъ» Дарвинъ и Спенсеръ, да и его любимый Гегель. Здѣсь и лежитъ грань мудрости, отдѣляющая его отъ «свинопасовъ» *Современника*, тоже вышедшихъ изъ семинаріи, но которые неблагоразумно сейчасъ же побѣжали за Поль-де-Кокомъ и Спенсеромъ, какъ во-истину «блудные сыны» Отчаго Дома, какъ дѣти неблагодарныя, грубыя и пустыя. Вотъ

ніемъ Бога. Помните—*несліянно* и *нераздѣльно*,—«*двѣ* природы», «*двѣ* воли», «*три* ѵпостаси».

Однако, простите. Не сердитесь на меня никогда; если же разсердитесь, то прямо пишите за что. Я же буду впередъ подписываться такъ, какъ одинъ изъ моихъ милыхъ знакомыхъ:

Вашъ преданный и въ чувствахъ неизмѣнный

1893, 22 янв. Спб. Н. Страховъ.

собственно громадное преимущество *серьезности*, какое онъ имѣлъ надъ Добролюбовымъ и Чернышевскимъ; серьезности нравственной, серьезности умственной;—серьезности и благородства. Онъ смотрѣлъ на этихъ писателей какъ на стоящихъ у *ногъ* своихъ, въ безконечномъ—*внизу*, тамъ гдѣ грязь, тамъ гдѣ *пыль*, тамъ гдѣ *суета;* понимая, чего *они никогда не были въ состояніи понять*, что «хотя преподаватели въ Бѣлгородскомъ училищѣ дѣйствительно были плохіе», и «попивали», и «льстили начальству», но *суть не въ нихъ*; что остается независимою и вѣчною та суть, что Псаломъ 90-й Давида «Помилуй мя, Боже», и «Книга Іова» изъ скучной «Священной исторіи Ветхаго Завѣта» *Рудакова*—неизмѣримо возвышается надъ 12-ью томами «Полнаго собранія сочиненій» *Бѣлинскаго*, въ изданіи Солдатенкова, и надъ «Синтетическою философіею» Герберта Спенсера, которую тогда всѣ читали и зачитывались... Онъ остался *спокоенъ* со своей «Бѣлгородской семинаріей»: принялъ всѣ комья грязи и весь смѣхъ злобы на свое имя («*тупица* Страховъ»—выраженіе Тургенева)... И когда пронеслись десятилѣтія, и вотъ теперь мы всѣ разбираемся «въ дѣлѣ», мы видимъ, что могила его свѣтится и имѣетъ смыслъ, а тѣ могилы потухли и смысла не имѣютъ, какъ не имѣли и при жизни уже смысла. Ибо отвергли *вѣчное*, а онъ жилъ и умеръ съ *вѣчнымъ*, какъ «вѣрный рабъ Великаго Господина». «Помилуй мя, Боже»: вотъ *этихъ словъ* на томъ свѣтѣ никакъ не могутъ выговорить теперь Тургеневъ «съ Віардо» и Чернышевскій «съ барышнями». А Страховъ ихъ выговариваетъ легко, ибо и на землѣ безмолвно читалъ ихъ въ скромной и тихой душѣ своей. *Примѣчаніе 1913 года.*

LX.

«Дѣтскій лепетъ, дѣтскій лепетъ! Странно и досадно читать,—такъ все незрѣло, слабо, косо! А какая жалость! Вѣдь дитя такое милое, доброе, горящее лучшими чувствами! А какой слогъ, какое прелестное теченіе рѣчи, какая выразительность и образность, и въ глубинѣ—какое пониманіе высшихъ задачъ жизни и вопросовъ мысли!»

Вотъ что я подумалъ, дорогой Василій Васильевичъ, прочитавши Вашу статью *О монархіи*. Меня просто сокрушаютъ подобныя явленія. Я невольно вспомнилъ Влад. Соловьева. Развѣ не похоже? Развѣ не даровитый человѣкъ, развѣ дурно владѣетъ словами? Но неисцѣлимая путаница мысли, не дающая ничему созрѣть и сложиться, сумбуръ самыхъ высокихъ понятій, полная воля изверженія всякихъ словъ и мыслей,—погубили всѣ плоды, которые могъ бы принести этотъ талантъ. Вы мнѣ во сто разъ дороже и милѣе его, по Вашей сердечности и по свойству Вашего таланта, но Вамъ предстоитъ подобная же судьба [1]). Вы написали мнѣ письмо

[1]) *Въ глубочайшей основѣ вещей* Соловьевъ былъ въ сущности *вовсе не уменъ*,—«при всемъ геніѣ»... Это есть цѣлая категорія лю-

объ Вашихъ недостаткахъ, а также и о Вашихъ достоинствахъ; все очень вѣрно, одно худо—я вижу, Вы не плачете объ Вашихъ недостаткахъ [1]), Вы ихъ себѣ простили; Вы ими чуть не хвастаетесь. Если такъ,—бѣда.

Мнѣ горько особенно потому, что дѣло зашло о такихъ предметахъ, какъ *монархія*, *религія*, *наука*. Я чувствую, что эти важные вопросы опять тонутъ, опять извращаются и распускаются въ туманѣ. *Гибнетъ работа мысли*—то, чѣмъ я всего болѣе дорожу, чего намъ недостаетъ, что одно крѣпко и мо-

---

дей, философовъ, писателей, политическихъ дѣятелей, которые именно «при геніѣ»—просто «*не умны*». Какъ это происходитъ, и почему,—трудно понять: а на ощупь—чувствуешь, «когда кончилось все» (смерть)—видишь. Именно—сумбуръ, шумъ, возня, пѣна,—конница стучитъ, артиллерія гремитъ. Часъ минулъ. И нѣтъ ничего. Одинъ картонъ, да и тотъ порванный, лежитъ въ сторонѣ. Таковую роль имѣетъ безспорно «богословіе» Толстого, *на которое онъ потратилъ столько усилій*, и «три единства», «три власти», «всеединство» чего-то,—и еще какія тамъ «единства», которыми стучалъ Соловьевъ. Все—пустота. Кромѣ—стиховъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Тутъ у меня есть немного хитрости: постоянно о недостаткахъ плачу,—*различая среди ихъ губящіе отъ поверхностныхъ*, но не навиду (скучно и не для чего), а про себя. Мнѣ кажется въ противоположность предыдущимъ, у меня «генія»—нѣтъ; но очень много имъ недостающей «осмотрительности подъ ногами», которая меня не покидаетъ даже въ самыхъ безумныхъ экстазахъ. Все время сближенія съ Соловьевымъ я чувствовалъ, сидя въ комнатѣ, на извозчикѣ, что около плеча моего «пѣна и прахъ», какъ съ Толстымъ, въ единственное свиданіе: «онъ смотритъ *только на себя*, *кромѣ* себя онъ *ничего не видитъ*,—и оттого не понимаетъ элементарнѣйшихъ вещей въ религіи». *Примѣчаніе 1913 года.*

жетъ насъ спасти. Я съ ужасомъ вижу, что русскіе умы движутся и управляются громкими словами [1]), сладкими чувствами, всякими соблазнами красивыхъ и восторженныхъ чувствъ и формъ, но что серьезно мыслить они не способны. Какъ все трудно на свѣтѣ, какъ мучительно трудно. Февраль *Русскаго Обозрѣнія* весь пропитанъ какимъ-то фанатизмомъ, т.-е. слѣпымъ и неумолимымъ пристрастіемъ [2]). Удивительно, до чего мы дошли—никакъ я этого не ожи-

[1]) Вотъ этого *съ начала литературной дѣятельности* никогда не было: и по вульгарной причинѣ. Я чувствовалъ, что *хорошо пишу*, что «Богъ *это* далъ». Для чего же мнѣ «громкое слово», «громкая фраза», разъ я вообще зналъ, что могу написать (пусть стыдно признаться) «великолѣпную *страницу*», т.-е. написать что-то *больше* (пространствомъ) «слова» и «фразы», строчки или трехъ строкъ,—написать во всѣхъ тонахъ, оттѣнкахъ, и проч. и пр. и пр. «Фразистость» всегда есть «въ помощь» безсилія; фразистость—литературное «на цыпочкахъ». Въ такомъ не нуждался. Иное дѣло—*очарованіе мечтою:* мечты, и опять *самой разнообразной*—была бездна; мечтаній—*противоположныхъ*,—начиная отъ «монархіи» и до «братства всѣхъ» (республики) — откуда и рождалась «возможность всѣхъ *тоновъ*». Вообще, мнѣ нужно было *сокращать* себя, *убавлять* «я» въ «я» и еще въ «я»; *упрощаться*... Эту множественность «я» въ «я» Страховъ и принималъ за «порывистость», «невладѣніе собою», «восхваленіе своихъ недостатковъ». Тутъ былъ «не *тотъ адресъ*». и не то *имя*. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Какъ хорошо все, какъ вѣрно! Только «безмощные фразеры» радикализма, или оскопленные либералы въ родѣ Стасюлевича,—не умѣли разсмотрѣть въ Страховѣ драгоцѣнную помощь гражданскому развитію страны, не умѣли разсмотрѣть прекраснаго и глубоко свободнаго гражданина. Но Страховъ—*думалъ*, а наша «гражданственность» всегда заключалась въ этомъ «говореньи»: и *говоруны* возненавидѣли *мыслителя*. *Примѣчаніе 1913 года.*

далъ! Качнулись въ одну сторону [1]) и потомъ настолько же качнулись въ противоположную! Спаси насъ, Боже! Когда же это кончится? Часто однимъ утѣшаюсь:

Еще лежитъ ночная тѣнь,
Еще далекъ прекрасный день,
Но благъ Господь! Онъ знаетъ срокъ,
Онъ вышлетъ утро на востокъ!

Мнѣ нужно бы написать Вамъ возраженія на Вашу *Монархію*, но, послушайте, если можете слушать:

Вы вѣрно поняли, что при истинномъ христіанствѣ никакая политическая жизнь невозможна [2]),— и не видите, что и монархія равно не основывается на евангеліи [3]), какъ и республика [4]). Вы порочите

[1]) Т.-е. нигилизма и политическаго отрицанія. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) *Суть* политики, я думаю, отрицается *сутью* религіи; о «сегодняшнемъ» и «здѣшнемъ» (мѣстномъ, «тутошнемъ») не думается тому, кто чрезмѣрно испуганъ или чрезмѣрно обрадованъ «вѣчнымъ» и объемлющимъ Вселенную. Посему *первоначально* святой и политикъ или пророкъ и царь не совпадаютъ... *Примѣчаніе 1913 года.*

[3]) Всетаки суть *покорности*, содержащаяся напримѣръ: въ идеалахъ апостола Павла, отвѣчаетъ сути царскаго «вѣрноподданнаго». *Примѣчаніе 1913 года.*

[4]) Нельзя, однако, забывать,—а я во время писанія «О монархіи» совершенно объ этомъ забылъ: что средневѣковыя les cités, средневѣковыя «коммуны», были превосходнымъ типомъ *республикъ*,—и ужъ, несомнѣнно, не были «отъ Антрихриста». Вообще слѣдуетъ помнить, что *новый типъ* монархіи пожалуй столь же глубоко атеистиченъ, какъ и типъ новой республики; «австрійскіе чиновники», или «сподвижники Наполеона» или теперь «чиновники прусскіе»—

древній міръ и даже не упомнпаете, что же предста-

нисколько не болѣе «христіане»,—нежели современники Дантона и Сенъ-Жюста... *Наше время*, теперешній *человѣкъ* вообще, безбожны,—вотъ въ чемъ дѣло; и, право, все равно съ высшихъ точекъ зрѣнія, *что* онъ *устраиваетъ*, *какъ* онъ *устраивается*. О *нихъ* сказано, о *такихъ* городахъ: «отрясите прахъ отъ ногъ и уходите вонъ отсюда»... Да и пожалуй таковы нынѣшніе «іереи», что тоже потолкавшись около нихъ—возьмешь котомку и палку и пойдешь куда глаза глядятъ.

Въ сущности статья моя «О монархіи», вызванная первымъ разоблаченіемъ Панамы, была задумана очень объективно въ гимназіи, т.-е. въ пору преподаванія исторіи въ гимназіи, и именно—въ Ельцѣ. Очень спокойно, переходя къ Августу, я думалъ:

христіане
императоры
германцы и кельты...

какъ все *совпадаетъ!* какъ все—*одновременно!!*

И—

язычество
республики
эллины-римляне

Опять—полное совпаденіе, совпаденіе по *тремъ линіямъ!*

Тогда-то впервые я спросилъ себя: да ужъ не есть ли *монархизмъ* естественная форма общественной жизни *христіанской души?* И отвѣтилъ, или у меня «отвѣтилось»:—*да!*

Гдѣ-же центръ, связывающій все это?

христіанство—абсолютный пессимизмъ
язычество—абсолютный оптимизмъ.

Одно (язычество)—радость о землѣ, надежда на землю, привязанность къ земному; другое (христіанство)—скорбь, мука и тоска

вляетъ новый міръ [1]), что онъ создалъ? Роль христіанства у Васъ только разрушеніе, и ничего иного, какъ разрушеніе. И тогда монархія есть диктатура, есть учрежденіе высшей и всемогущей безусловной полиціи надъ людьми, надъ хаосомъ личностей,—есть наименьшее и неизбѣжное зло. То, что Вы написали про Грознаго, про Николая I и про французскихъ

о землѣ и на землѣ, и устремленіе «по ту сторону отсюда», «въ пустыню», а всего вѣрнѣе, тверже и основательнѣе—«*за* гробъ».

Теперь я опредѣляю или «въ душѣ моей опредѣляется» язычество какъ какое-то космическое, планетное чувство «утра», чувство юности, молодости, дѣтства; а христіанство—какъ космическій вечеръ, сумерки, близость ночи; какъ планетная старость, какъ планетная дряхлость. Во всякомъ случаѣ эта «елецкая моя идея» не прошла въ сущности и теперь; *юно* выраженная, она очень стара. И вѣрнымъ ухомъ Страховъ разслушалъ здѣсь сквозь «незрѣлую политику»—очень мучительную проблему. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Очень глубока, очень цѣнна мысль Страхова. Дѣйствительно, мы все кричимъ, «осанна! осанна!»,—а какъ оглянемся, то увидимъ вездѣ духовныя консисторіи и красноносыхъ засѣдателей въ нихъ съ отдувшимися карманами. Видъ сей ужасенъ, но ужасъ еще болѣе увеличивается, когда засѣдатели духовныхъ консисторій, поднимаясь съ засиженныхъ своихъ креселъ, тоже *вмѣстѣ съ нами и одобрительно къ намъ кричатъ*: «осанна! осанна!» Тутъ—вспотѣешь. Тутъ—такая тоска приступитъ къ горлу, что «античный» и «новый міръ» закружатся; и остановится кругооборотъ на такомъ градусѣ, откуда видны египетскіе асписы, римскія Веперы, греческіе купидоны и вся «прорва» ихъ странныхъ таинствъ. «Нѣтъ, ужъ если *такъ*, то я лучше хочу допить египетскую корову, чѣмъ одолжаться понюшкой табаку у секретаря духовной консисторіи въ табельный день». Вспоминаешь древнихъ боговъ; вспоминаешь минувшіе вѣка. Зовешь не «Вѣра! Надежда! Любовь!», а—«Эвредика!»

королей—это ужасно, и потому что косо, и потому, что можетъ быть не понято въ духѣ Вашей мысли, разумѣется, милой и хорошей. Нѣтъ, не созрѣть намъ въ смыслѣ истинныхъ гражданъ! Идеалъ нашъ чересчуръ высокъ, и мы будемъ только плакать о его недостижимости и услаждать себя терпѣніемъ и всякими нѣжными мечтами и чувствами [1]). Мы слѣпы, рѣшительно слѣпы, не можемъ видѣть дѣйствительности; мы вѣка останемся угорѣлыми, мечущимися куда попало. «Бородатыя дѣти», говорятъ объ насъ англичане.

Ну, простите меня, Бога ради, и не истолкуйте въ дурную сторону моихъ выходокъ. Отъ души же-

---

и какъ ихъ еще длинноволосыя эллинянки. И если кого будутъ судить за это «въ послѣднія времена», то не насъ, которые не знаютъ, куда обратить взоры въ послѣдней мукѣ, а тѣхъ, которые всѣхъ «повели за собою» и «управляли жезломъ желѣзнымъ».

Нѣтъ, есть *что-то*—и не теперь, а вѣчно, не физически *есть*, а метафизически — почему античный міръ вообще никогда не будетъ и *не долженъ* забыться. *Самому* христіанству онъ для чего-то нуженъ, нужно это «напоминаніе у дверей», *голосъ* «въ сновидѣніи», «*сонъ* Навуходоносора». Упрекъ, угроза, что «Кто основалъ утвержденія земли» *съ того конца*—можетъ Онъ же аккуратную скатерть христіанъ, гдѣ «всѣ такъ расположились» за столомъ,—сдернуть съ «другого конца».

И потухнетъ свѣтъ.

И всѣ заплачутъ.

Вотъ для чего нужна улыбка Афродиты и «Іо уплывающая на Зевсѣ во Фригію» (такъ, кажется). *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Очень хорошо. Есть минуты и «вершки пространства», гдѣ идеализмъ становится безчестенъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

лаю Вамъ всего хорошаго и прошу вѣрить неизмѣннымъ чувствамъ

Вашего преданнаго

Н. Страхова.

1891, 23 февр. Спб.

P. S. Все еще я нездоровъ, ношу повязку на ухѣ и боюсь много выходить. Пишите, сдѣлайте милость.

LXI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Много, много хотѣлось бы мнѣ сказать Вамъ, и очень жаль, что не могу видѣться съ Вами и поговорить. Когда переберетесь въ Петербургъ, можетъ быть—это еще удастся. Получивши Ваше письмо, вспомнилъ я о томъ раздраженіи, съ которымъ недавно писалъ Вамъ. Прошу Васъ, если что-нибудь такое Васъ огорчило, простите меня. Мрачныя мысли и раздраженіе нападаютъ на меня часто. Не знаю, успѣли ли Вы понять что-нибудь въ моихъ упрекахъ и не надѣюсь объяснить Вамъ лучше дѣло и теперь. Мнѣ очень мило Ваше душевное настроеніе и въ статьяхъ, и въ томъ, что̀ Вы пишете объ Вашемъ ребенкѣ (съ которымъ отъ души Васъ поздравляю) и о себѣ, и т. п. Но когда Вы пренебрежительно смотрите на свою литературную дѣятельность, когда въ концѣ статьи говорите, что не можете признать того, что утверждали въ началѣ (такъ, я помню, писывалъ и Чернышевскій), когда.... Будетъ, будетъ! я чувствую, что раздраженіе во мнѣ опять подымается.

Почему статья Волынскаго *подлая*? [1]). Я вполнѣ убѣжденъ въ его искренности и глупой восторженности. Поэтъ Мережковскій въ своей книгѣ «*Объ упадкѣ*» и проч. сказалъ, что Волынскій есть нынѣ единственный воодушевленный критикъ, отъ котораго можно многаго ждать.

Бога ради, простите меня. Дай Вамъ Боже здоровья и всякаго благополучія.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1893, 28 февр. Спб.

Яковъ Петровичъ—есть Яковъ Петровичъ,—забылъ Вамъ написать [2]).

---

[1]) Не помню: какая-нибудь *моментальная* моя вспыльчивость на какой-нибудь *оттѣнокъ тона* и пр. у Волынскаго. Отъ души приношу ему извиненіе за тогдашнее дурное движеніе души своей. Волынскій—не удачный, но ужъ во всякомъ случаѣ добросовѣстный писатель русской литературы. Его критика на 60-ые годы была *героична* и въ исторіи русской литературы никогда не можетъ быть забыта. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Должно быть—о Полонскомъ. Я получилъ отъ него поэму «Собаки», и вѣрно хотѣлъ поблагодарить письмомъ, и запросилъ объ имени и отчествѣ, которое *приблизительно* зналъ какъ «Яковъ Петровичъ»,—но не былъ увѣренъ, и для твердости запросилъ у Страхова, «*такъ-ли*». *Примѣчаніе 1913 года.*

LXII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

«Формуляръ коллежскаго совѣтника В. В. Розанова отправленъ былъ въ канцелярію Государственнаго Контроля 15-го марта за № 4658. Изъ полученнаго нынѣ отзыва Государственнаго Контроля видно, что Розановъ съ 16-го марта перемѣщенъ на службу въ контроль съ назначеніемъ на должность чиновника особыхъ порученій VII класса при государственномъ контролерѣ».

Итакъ, что же Вы не ѣдете? Въ чемъ бѣда? Вѣрно опять въ томъ, что лежитъ гдѣ-нибудь давно пришедшее извѣщеніе о Вашемъ переводѣ. Во всякомъ случаѣ я душевно радъ. Пожалуйста, пріѣзжайте. Мнѣ нездоровится всю зиму и теперь уже недѣлю сижу дома.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго.

Простите Вашего преданнаго

Н. Страхова.

1893, 31 марта. Спб.

LXIII.

Или Вы меня знать не хотите, или ужъ очень погрузились въ писаніе. Не зайдете ли завтра, часу въ 9-мъ вечера? Впрочемъ, и остальные утра и вечера (кромѣ вечера вторника) прошу Васъ къ себѣ и готовъ побывать у Васъ. Мы совсѣмъ не видимся [1]).

[1]) «Не видѣлись», потому что одинъ славянофилъ съ длинной бородой все звалъ къ себѣ: а у меня (сейчасъ послѣ переѣзда) шла уборка книгъ, т.-е. разстановка ихъ по полкамъ въ «классификаціи». И вотъ книги лежатъ на полу, всѣ—въ рядахъ, я запыхался и дорога каждая минута: какъ опять здѣсь отъ славянофила. А онъ былъ начальникъ, отказаться и «не идти»—неловко. И вотъ—иду. И сидимъ другъ съ другомъ, носъ къ носу, сопимъ. Слова не лѣзутъ, мысль не лѣзетъ никакая. «Ну, что-же, братушки,—и конечно великолѣпно». «Православіе и русскія пѣсни»—и опять прекрасно. Но что же далѣе? Такъ сопимъ часовъ до десяти вечера. Встаю, пытаюсь начать прощаться. «Посидите еще». Опять сажусь. Опять ни слова. Не о чемъ говорить. Онъ былъ единственный примѣръ *совершенно неразвитаго* славянофила, какого я за жизнь встрѣтилъ; а очень высоко поставленъ. Придешь въ 12 часовъ ночи, съ отчаяніемъ посмотришь на лежащія на полу книги, и уснешь «глухимъ сномъ» ничего не сдѣлавшаго человѣка. Завтра утромъ—на службу. Обѣдъ. Сонъ. Но какъ коварный вечерній часъ—опять здѣсь отъ славяно-

Но настали теплые дни, когда это непростительно; до іюня я остаюсь въ Петербургѣ, а потомъ уѣду до холодныхъ дней. Давайте видаться почаще.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1893, 15 мая. Спб.

фила: «посидѣть». Тутъ я сталъ отъ славянофильства повертывать «влѣво». Ни въ какой области цивилизаціи я такого сопѣнья безъ словъ не ожидалъ и вѣроятно не было. «Вспомнишь эллиновъ»... *Примѣчаніе 1913 года.*

LXIV.

Вы говорили, дорогой Василій Васильевичъ, что по субботамъ свободны; если такъ, то не зайдете ли ко мнѣ завтра около часу—пить чай и бесѣдовать? А въ воскресенье вечеромъ я, по уговору, буду у Васъ. Да и въ другіе дни—не удобно ли Вамъ будетъ заходить ко мнѣ передъ контролемъ? Тутъ такъ близко. Вотъ бы утѣшили, и мы передъ отъѣздомъ, по крайней мѣрѣ, наговорились бы.

Вашъ душевно

Н. Страховъ.

1893. 4 іюня Спб.

LXV.

Дорогой [1]) и многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Наконецъ, я могу курить, думать и писать. 14 іюня я былъ уже въ Эмсѣ, но когда сталъ пить воды, почувствовалъ себя очень больнымъ [2]) и очень медленно оправлялся, такъ что не могъ похвалиться пріятнымъ началамъ своего заграничнаго

---

[1]) Все-таки должно быть *лично* я симпатичнѣе, чѣмъ въ писаніяхъ: несмотря на идейную переписку, и все *связывающее*, что изъ нея вытекаетъ, Страховъ нигдѣ въ предыдущихъ письмахъ не переступалъ за далекое «многоуважаемый». И — сейчасъ перешелъ на болѣе теплый эпитетъ, едва я пріѣхалъ въ Петербургъ. Отсюда правило для моихъ критиковъ: «*не все* въ Р—вѣ такъ худо, какъ кажется въ его *сочиненіяхъ*». Все-таки «человѣкъ» выше и *подлиннѣе* его «сочиненій». *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Вотъ странное дѣйствіе водъ: значитъ онѣ *показываютъ* болѣзнь, ранѣе предполагаемую и скрытую,—которая была для самого больного незамѣтна. *Примѣчаніе 1913 года.*

проживанія. Слава Богу, все пришло теперь въ порядокъ и впереди, надѣюсь, все пойдетъ какъ по писанному.

Здѣсь нашлись знакомые, г-жа Рѣзвая, сенаторъ Малковскій и проч.; но, разумѣется, почти весь день провожу въ уединеніи и молчаніи—чего ради отчасти и устроилъ я себѣ эту поѣздку [1]). Хоть и лѣниво, но много думаю, и часто приходитъ мнѣ на мысль Пѣтербургская сторона и колонія писателей, которая тамъ живетъ [2]). Милые люди! Удивительно пріятно мнѣ это расширеніе монхъ литературныхъ

---

[1]) Для «молчанія» ѣздилъ—переутомленный разговорами и посѣтителями—Влад. Соловьевъ на Иматру; и, какъ я слышалъ, «чтобы хоть на ночь побыть *одному*»—Побѣдоносцевъ садился въ спальный вагонъ «Петербургъ—Москва». Не пишущіе не могутъ вообразить себѣ той потребности «молчанія», какая образуется у писателя, и оно есть одно и главное исцѣленіе на ихъ болѣзни и все. Вообще же и отдаленнѣе, еще вопросъ, гдѣ *корень* цивилизаціи, въ «молчаніи» или «шумной ἀγορᾷ». *Одно*—корень, но и *другое*—такой же корень. Еще: въ монархіяхъ—молчаніе, въ республикахъ—шумъ. И еще послѣднее: канцеляріи—*тихи*, парламентъ—*говорливъ*. Кто сильнѣе? Міровой вообще вопросъ, что̀ сильнѣе, «молчаніе» или «говоръ». Василій III «всѣ дѣла рѣшалъ *запершись* самъ-третей у постели»: и побѣдилъ бояръ и удѣльныхъ многочисленныхъ князей; какъ Августъ побѣдилъ патриціевъ. И наконецъ «пустынники» побѣдили міръ (исторія христіанства). Вообще есть метафизика молчанія,—и це рѣшенъ великій споръ, *кто* сильнѣе, оно или его вѣчное отрицаніе, говоръ, площадь, улица. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Это, кромѣ «длиннобородаго», были Н. П. Аксаковъ, авторъ «Духа не угашайте» и другихъ трудовъ богословскихъ, стихотвор-

знакомствъ. Нужно поддерживать другъ друга и мыслью, и словомъ, и дѣломъ. Какія мечтанія! Люди заняты каждый своими мыслями и своими планами, и такъ трудно сходятся и въ мысляхъ и въ характерахъ!

Послушайте, однако, что я тутъ надумалъ. Хочу прибѣгнуть къ помощи Вашей и Вашего кружка—въ двухъ важныхъ дѣлахъ:

1) Мнѣ хотѣлось бы, чтобы явилась маленькая статья (не больше печатнаго листа) *Нѣчто о славянофильствѣ*. Нужно указать, что ярые нападки на славянофильство и всякія его похороны [1]) доказы-

---

ныхъ и публицистическихъ; И. Ѳ. Романовъ («Рцы»), ничего замѣтнаго (въ то время) не писавшій; шумный С. Ѳ. Шараповъ и—я. Страховъ, изголодавшійся по *личному* славянофильству, по отсутствію живыхъ славянофиловъ, «которыхъ можно пощупать руками—и они шевелятся» (ибо другіе—покойники), очень обрадовался, встрѣтя черезъ меня этотъ кружокъ. Но... Но... Все это было «издали», изъ «Торговой улицы», гдѣ онъ жилъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Тогда появились, вслѣдъ за смертью К. Н. Леонтьева, статьи князя С. Н. Трубецкого и П. Н. Милюкова въ этомъ смыслѣ. Оба «хоронившіе» славянофильство ученые однако могли бы оглянуться на тотъ фактъ, что уже одно появленіе въ славянофильствѣ такой *геніальной* личности, какъ Леонтьевъ, въ самомъ концѣ XIX-го вѣка, показывало могущество этой старой почвы,—могущество идейныхъ *корней*, въ ней заложенныхъ. Въ *корняхъ* все и дѣло. *Сліянныя* въ одно народность и христіанство,—т.-е. Церковь—вотъ ея корень. Эмпирически, сейчасъ, она могла быть полна слезъ оплакиванія. Но когда-же надъ *Іерусалимомъ* пророки не плакали. Если «плакали»—значитъ было **о чемъ.** Такъ и Церковь: чѣмъ укоряемѣе **сейчасъ** она, тѣмъ *выше* ея вѣчныя начала. Однако, по существу дѣла,

ваютъ только его силу въ настоящую минуту. Нападки дѣлаются по старой манерѣ: или клевещутъ на славянофиловъ, или говорятъ, что прежніе были-де хороши, но теперешніе никуда не годятся. Къ славянофильству приплетаютъ всякія глупости, какія встрѣчаютъ у глупыхъ патріотовъ, но забываютъ его сущность, которая всегда чиста и неизмѣнна, и теперь, очевидно, стала крѣпче и яснѣе для большинства читателей; она безпрестанно искажается, но въ *хорошихъ* умахъ существуетъ въ своемъ истинномъ видѣ.

Ну, извините: Вы, можетъ быть, лучше это поймете, я хотѣлъ только намекнуть, *въ какомъ родѣ* мнѣ хотѣлось бы статьи [1]).

2) Великая была бы для меня радость, если бы

послѣ смерти Н. Я. Данилевскаго и К. Н. Леонтьева, въ тѣ мрачныя для славянофильства въ смыслѣ *личнаго состава* годы, Страховъ былъ собственно единственнымъ представителемъ славянофильства, и ему понятно хотѣлось закричать въ глубокой старости: «вѣрю! хочу! *есть*!!». «Вѣрю, *будетъ*!» Собственно, когда онъ могъ-бы это сказать—только *теперь*, съ появленіемъ въ Москвѣ *второго расцвѣта славянофильства*, въ лицѣ г.г. Кожевникова, Новоселова, Флоренскаго, Андреева, Цвѣткова, съ примкнувшимъ къ нимъ С. Н. Булгаковымъ, и цѣлымъ книгоиздательствомъ «Путь». Вообще, *теперь*—Страховъ совсѣмъ поюнѣлъ бы. А «теперешніе» должны чутко и благодарно прислушаться и присмотрѣться, какъ онъ держалъ гаснущую свѣчу въ старческихъ рукахъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Ему очевидно хотѣлось, чтобы *я* это исполнилъ; но вѣчное «некогда»... *Примѣчаніе 1913 года.*

кто взялъ на себя опредѣлить отношеніе книги Рюккерта къ книгѣ Данилевскаго. Мнѣ непремѣнно предстоитъ это дѣло, но не могу Вамъ выразить, какую лѣнь я чувствую при этой мысли. Эти двѣ книги не имѣютъ между собой ничего общаго [1]); Рюккертъ пускается во всякія разсужденія, но не держится никакой опредѣленной мысли; мелькомъ онъ говоритъ о типахъ, но это не тѣ типы, какіе у Данилевскаго. Если разсматривать зачатки мысли о національностяхъ въ исторіи, то нужно бы взять 1) Гердера, 2) Шеллинга и Гегеля, 3) Вильгельма Гумбольдта. Тутъ вездѣ можно указать, что *человѣчество* все больше и больше оказывается отвлеченнымъ

---

[1]) Между тѣмъ до сихъ поръ многіе вѣрятъ Влад. Соловьеву, будто Данилевскій «укралъ» у Рюккерта его мысли, и «Россія и Европа» есть плагіатъ съ нѣмецкаго. Соловьевъ могъ бы понять, что *самый умъ Данилевскаго* былъ не компилятивный,—и если онъ не пошелъ за Дарвиномъ, странно было вообразить, что онъ начнетъ «компилировать съ (безвѣстнаго) Рюккерта». Данилевскій вообще *этого не могъ, не умѣлъ*.—Даръ компиляціи и плагіата,—имъ же переполнены всѣ русскіе профессора,—есть именно *даръ*, и очень тонкій, ажурный; къ которому нѣсколько «медвѣжья» натура русскаго анти-дарвиниста, виноградаря и рыбовода (охраненіе рыбныхъ промысловъ въ Россіи) была совершенно неприспособлена. Нельзя тайно не подумать про себя, что самъ бурный Соловьевъ въ муть и пѣну свою вовлекъ безъ особенныхъ ссылокъ внизу страницы весьма и весьма много чужихъ идеекъ, и средневѣковыхъ, и машихейскихъ, и просто обычно католическихъ. Вотъ *его*-бы слѣдовало провѣрить съ источниками въ рукахъ, и это могли бы сдѣлать такіе ученые, какъ Н. Н. Глубоковскій или М. М. Тарѣевъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

понятіемъ, а реальность народностей выступаетъ все яснѣе [1]).

Ну, неужели же мнѣ придется писать на обѣ темы? У меня такъ много набралось своихъ особенныхъ темъ! На первую тему я подбивалъ написать В. И. Ламан-

---

[1]) Кажется, это одна изъ тѣхъ проблемъ, которыя вѣчно *будутъ* и до конца никогда *не исчерпаются* мыслью человѣческой. Видится, будто «есть только *народности*!!».—«Есть **Мы**» и «такіе какъ *мы*!!»—это навсегда останется столь же страстнымъ крикомъ, такимъ-же отчаяннымъ исповѣданіемъ, какъ и иное растворяющее, поглощающее: «—Полноте!.. Не *вѣчно-ли* небо? Не *одно*-ли оно? И развѣ тебѣ, русскій, тебѣ Кирѣевскій, не драгоцѣнная сестра та *не названная по имени* финикіянка изъ Сидона, что сказала Пророку:—Что тебѣ и мнѣ, человѣкъ Божій,—ты пришелъ умертвить моего сына», и т. д. и т. д. Есть что-то именно *растворяющее* національную душу, что-то *далекое* и *конечное*, гдѣ націи исчезаютъ. Есть такое, когда русскій, французъ, нѣмецъ, итальянецъ, грекъ утираютъ рукавомъ глаза, плачутъ,—и уже не говорятъ, а лишь сквозь слезы мычатъ что-то,—а глаза ясны, а на душѣ легко. Это—**конецъ**. И немногіе—дойдутъ до него.

Но не противъ этого *растворяющаго* борются народности: ихъ «я» и «мы» справедливо поднимается, когда на нихъ идетъ напоромъ обшмыганный космополитизмъ, который также *бѣднѣе* всякой національности, какъ «международный» банкиръ, международный шулеръ и приказчикъ «универсальнаго» магазина Мюръ-и-Мюрилизъ бѣднѣе всякаго русскаго пастуха и скуднѣе всякаго цыганенка.

Такъ что острая стрѣла «національности», гордая, сверкающая, неколебимая и неуступчивая,—это упорное **Я**—оно столь же истинно и вѣчно, какъ голубой свѣтъ вдали, завидя который всѣ склоняются и съ умершимъ «я» говорятъ:

Онъ! они!! оно!!!

Примѣчаніе 1913 года.

скаго, но до сихъ поръ не добился даже того, чтобы онъ прочиталъ *Національный вопросъ* Соловьева. До сихъ поръ онъ не читалъ такой знаменитой книги! На вторую тему я подбивалъ написать А. И. Георгіевскаго, отлично знающаго объ книги: по Рюккерту онъ даже читалъ лекціи, когда былъ профессоромъ въ Одессѣ. Но онъ очень занятъ—и чѣмъ же?—псалмами, которые изучаетъ въ подлинникѣ, по-еврейски [1]). Бываютъ такія кудрявости во вкусахъ и занятіяхъ!

Ну, что Вы на это подумаете и скажете? Не прошу непремѣнно, чтобы Вы писали мнѣ за границу; но если будетъ у Васъ охота, то напишите: Deutschland, Ems, post-restante. Здѣсь я пробуду еще недѣли три, да во всякомъ случаѣ распоряжусь, чтобы письмо дошло.

Время терпитъ; вещи измѣняются, но не быстро. Меня поразило, до чего Эмсъ остался неподвижнымъ. Выстроена русская церковь—вотъ новость. Пріѣзжалъ сюда изъ Висбадена священникъ—коротко остриженный, съ усами и большой эспаньолкой—и служилъ обѣдню. Послѣ Евангелія сталъ говорить проповѣдь, очень хорошо, просто,—нашимъ дамамъ не понравилось. А мнѣ не понравилась ересь; онъ напомнилъ двѣ заповѣди: 1) возлюби Бога и 2) воз-

[1]) Вотъ неожиданно! Но вѣдь это совершенный показатель русскаго таланта. За это А. И. Георгіевскому можно простить много изъ его «классической гимназіи» (которую *онъ* собственно,—отнюдь не Толстой, отнюдь не Катковъ,—организовалъ). *Примѣчаніе 1913 года.*

люби ближняго, и говорилъ, что вторая *особенно* полезна для души. А вѣдь Христосъ сказалъ, что первая есть бо́льшая, и конечно она [1]) главная, а не вторая.

Много разныхъ разностей могъ бы написать Вамъ, но лучше отложить до разговоровъ, до конца августа, когда, Богъ дастъ, вернусь въ Петербургъ...

Простите меня. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго. Варварѣ Дмитріевнѣ низкій поклонъ.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1893, 4 іюля (16). Эмсъ.

---

[1]) Вотъ *откуда* Страховъ могъ бы начать критику Толстого. Впрочемъ, навсегда надо имѣть въ виду (и его разныя бесѣды со мной утверждаютъ меня въ этой мысли), что въ Толстомъ онъ видѣлъ «страшно цѣнное для (позитивной дотолѣ) жизни Россіи явленіе», а не то чтобы самъ какъ *слушающій и ученикъ* примыкалъ къ Толстому. Послѣдняго не было. Разъ поведя рукой онъ сказалъ безнадежно: «всѣ послѣдователи Л. Н—ча почему-то тупые люди». Въ другой разъ онъ остановилъ меня: «Вы такъ рѣзко (устно) нападаете на Толстого,—и это мнѣ печально. Повѣрьте, я самъ *вижу темныя* въ немъ стороны, но...» и т. д. *Примѣчаніе 1913 года.*

LXVI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Вотъ уже суббота и одиннадцатый часъ вечера; значитъ Вы не придете, а завтра мнѣ нельзя васъ павѣстить. Между тѣмъ у насъ устроилось свиданіе философовъ; въ понедѣльникъ вечеромъ, т.-е. часовъ съ девяти, будутъ у меня Каринскій и Радловъ. Не зайдете ли? Утромъ ни завтра, ни послѣ завтра часовъ съ 12-ти меня не будетъ дома, буду въ Комитетѣ.

Очень желаю Васъ видѣть.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1893, 16 окт. Спб.

LXVII.

Ну, ужъ извините, дорогой Василій Васильевичъ. Хотѣлъ я сегодня Васъ провѣдать, да опять случилось дѣло, по которому нужно быть совсѣмъ въ другомъ концѣ города. А вамъ не совѣстно не казать глазъ? Дай Богъ, чтобы Вы были здоровы, и если не можете побывать у меня, то черкните мнѣ нѣсколько строкъ, напишите, что у Васъ и съ Вами дѣлается. Самъ я все еще здоровъ и изо всѣхъ силъ пишу *О задачахъ философіи исторіи*. Вотъ и все мое житье.

Цѣлую Васъ. Варварѣ Дмитріевнѣ мое почтеніе.

Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ.

1893, 7 ноября. Спб.

LVIII.

Очень досадно, что меня не было дома, дорогой Василій Васильевичъ. Поздравляю Васъ съ началомъ печатанія. Только Вы очень торопитесь; вѣрно, еще не скоро Вы подпишете первый листъ къ печати. Завтра—воскресенье и никакихъ дѣлъ не дѣлаютъ; а послѣ завтра я зайду къ Варгунину и скажу ему еще разъ, что говорилъ и я, и Анна Григорьевна [1]). Конечно, Вамъ нужно выбрать бумагу; сдѣлайте это такъ: нужно зайти *внутрь* Гостинаго Двора со стороны Большой Садовой и разыскать тамъ бумажную лавку Варгунина. Тамъ Вы спросите *г. Туганова*—онъ-то и есть мой добрый знакомый; онъ Вамъ покажетъ бумагу, Вы выберете, и скажете ему, *по требованію какой типографіи* онъ долженъ отпускать эту бумагу. Больше ничего и не нужно; типографія сама будетъ брать бумагу.

Къ сожалѣнію, завтра не могу побывать у Васъ: нужно писать для Комитета. А кстати: въ заглавіи

[1]) Достоевская. Должно быть—поручительство передъ бумажною фабрикою, что деньги за бумагу будутъ уплочены. *Примѣчаніе 1913 года.*

той статьи моей, которою Вы такъ недовольны, стоитъ: *Попытка точно постановить вопросъ*. Но Вы вопросовъ безъ рѣшенія не любите. Напросно! Оно очень любопытно.

До свиданія! Въ слѣдующее воскресеніе напрашиваюсь къ Вамъ обѣдать.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1893, 11 дек. Спб.

P. S. Повторяю: торопиться некуда. По воскресеньямъ Варгунинъ запертъ.

LXIX.

Мнѣ нездоровится, дорогой Василій Васильевичъ, и нѣсколько дней просижу еще дома. Еслибъ не то, давно бы я побывалъ у Васъ—пріѣхалъ уже въ среду, 5-го. Не зайдете-ли какъ-нибудь? Дай Богъ здоровья! Варварѣ Дмитріевнѣ большой поклонъ.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ

1894, 11 янв. Спб.

LXX.

Дорогой и многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Чтобы просить за г. Овсянникова [1]), нужно знать его имя, отчество, чинъ, лѣта, время службы, пенсію и пр.—словомъ все то, что давало бы о немъ совершенно опредѣленное понятіе. Это всегда забываютъ и дамы и многіе кавалеры. Пожалуста, напишите объ этомъ г-жѣ Овсянниковой.

Какое горе, что Варвара Дмитріевна больна! Сегодня я собирался къ Вамъ, но долженъ былъ вернуться домой за теплымъ пальто,—и такъ меня за-

---

[1]) Овсянниковъ, Николай Николаевичъ, инспекторъ Нижегородской гимназіи, гдѣ я учился, затѣмъ директоръ народныхъ училищъ Тверской губерніи, иниціаторъ «концентрической системы преподаванія исторіи» у насъ,—авторъ многихъ трудовъ, особенно по изученію Нижегородской ярмарки. Очень начитанный, и самъ себя называвшій Рудинымъ. О немъ, очевидно, просила его жена, Елизавета Алексѣевна. Многочисленныя дѣти ихъ всѣ пошли въ педагогическую службу. Сынъ Алеша былъ моимъ товарищемъ по гимназіи. *Примѣчаніе 1913 года.*

держали, что я не могъ выгадать времени для поѣздки на Петербургскую [1]).

Получилъ вчера печальную новость: Марія Петровна Шеншина, вдова Фета, скончалась.

Простите меня, и отъ души желаю Вамъ здоровья и благополучія.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1894, 22 марта. Спб.

[1]) На Петербургскую сторону,—гдѣ я и «колонія славянофиловъ» жили. *Примѣчаніе 1913 года.*

LXXI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Очень хотѣлось мнѣ поговорить съ Вами о Вашей статьѣ. Поэтому, захвативъ ея оттискъ, сегодня въ половинѣ третьяго я зашелъ въ Контроль. Сказали— Васъ нѣтъ, и я поѣхалъ на Петербургскую. Тамъ справлялись у Варвары Дмитріевны (очень радуюсь, что ей лучше), и узнали, что Вы ушли на службу. Я опять пустился въ Контроль, но опять не нашелъ Васъ. Такъ проѣздилъ я все время до настоящей минуты.

Изъ чего слѣдуетъ: напрасно искать другъ друга, не уговорившись и не условившись напередъ. И еще: не хорошо Вы дѣлаете, что не зайдете ко мнѣ хоть на пять минутъ, зная, что утромъ я всегда дома, кромѣ понедѣльника, а вечеромъ не бываю дома чрезвычайно рѣдко [1]).

Вашъ преданный

Н. Страховъ.

1894, 24 марта. Спб.

---

[1]) «У Торговаго моста» (Страховъ) и «Петербургская сторона» (я)—представляютъ разстояніе столь далекое, что—«точно переплы-

Тверь, Семеновская ул., д. *Нечаева*. Елизаветѣ Алексѣевнѣ Овсянниковой [1]).

Помогай Вамъ Боже, дорогой Василій Васильевичъ.

Н. Страховъ.

1894, 26 марта. Спб.

вать Атлантическій океанъ». И поѣздка (въ кошкахъ) къ Страхову въ сущности дѣлала «неработоспособнымъ» весь день. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Вѣроятно, списанъ адресъ (для моей нужды) съ письма Ел. Ал. Овсянниковой,—каковое письмо, съ просьбою о мужѣ, я, вѣроятно, (для ясности и полноты пониманія, въ чемъ просьба) переслалъ Н. Н. Страхову. *Примѣчаніе 1913 года.*

LXXII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Я обѣщалъ Вамъ принять изданіе Вашей книги [1]) на себя, и ничуть не отказываюсь отъ этого обѣщанія. То есть, если Вамъ будетъ предстоять уплата, которой Вы не можете сдѣлать изъ выручки, то я Вамъ помогу. Поэтому можете кому Вамъ угодно говорить, что изданіе принадлежитъ не Вамъ, а мнѣ. Но печа-

[1]) «Легенда объ Инквизиторѣ» Ѳ. М. Достоевскаго,—первое изданіе. Напечатать ее книгою посовѣтовалъ Н. Н. Страховъ; но когда Т. И. Филипповъ узналъ о намѣреніи моемъ выпускать ее отдѣльнымъ изданіемъ, то отнесся столь неблагопріятно къ этому, что я вынужденъ былъ искать, «кому бы приписать изданіе», и спрашивалъ Страхова, нельзя ли «ему» (приписать). Въ это время степень матеріальной нужды моей дошла до крайней степени (100 рублей въ мѣсяцъ, при платѣ 37 рублей за квартиру),—и между тѣмъ Т. И. Филипповъ въ разговорѣ сухо и зловѣще предсказалъ, что это положеніе можетъ еще ухудшиться отъ изданія. Понимать это можно было очень растяжимо и неопредѣленно, но тутъ во всякомъ случаѣ было нѣчто зловѣщее. Отъ Страхова отношенія мои къ Филиппову были скрыты мною (отношенія—необъяснимо и немотивированно антипатичныя, съ обѣихъ сторонъ). *Примѣчаніе 1913 года.*

тать о томъ [1]), я думаю, нѣтъ надобности; это неловко и для Васъ, и для меня. Это вызвало бы разные вопросы, которыхъ въ сущности нѣтъ, и разныя помѣхи, тоже мнимыя.

Дай Вамъ Боже всего хорошаго

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1894, 12 апр. Спб.

[1]) На *обложкѣ* книги,—ad oculos Т. И. Ф—ва. *Прим. 1913 г.*

LXXIII.

Завтра не могу быть у Васъ, дорогой Василій Васильевичъ, ни утромъ, ни вечеромъ—подошли разныя хлопоты.

А работать я буду и очень желаю перечесть *Легенду*; поэтому, если можно ее получить, буду очень радъ.

И Виндельбанду радъ.

Постараюсь выгадать время и побывать у Васъ, а Васъ прошу къ себѣ.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1894, 8 мая. Спб.

LXXIV.

Дорогой

Василій Васильевичъ,

Очень Вы меня огорчаете: Вы не только пишете *необдуманныя статьи*, но въ письмѣ ко мнѣ вы хотите возвести необдуманность въ принципъ. Зачѣмъ люди думаютъ? спрашиваете Вы [1]). Гораздо спо-

[1]) Странный вопросъ тезисъ,—какъ странны и непріятны мнѣ всѣ статьи того времени. Всѣ онѣ объясняются крайней матеріальной стѣсненностью, подобной которой я никогда въ жизни не переживалъ, и оглянувшись на которую до сихъ поръ смотрю на эти годы, 1893—1898—9 (переходъ въ «Нов. Вр.» и оставленіе службы въ контролѣ) съ какимъ-то подавленнымъ страхомъ.

Душа наша—въ тискахъ жизни; въ тискахъ квартиры, въ тискахъ обѣда, въ тискахъ долга въ мясную и зеленную лавочку. Исторія съ Филипповымъ разыгралась такъ: онъ передалъ мнѣ черезъ Ас. В. Васильева, что «жаждетъ меня (только-что пріѣхавшаго въ Петербургъ) увидѣть»; можно бы и «такъ» пойти,—но я пошелъ въ пріемный день (среда), и когда форменный фракъ (контрольный; а учительскій *я* подарилъ съ отвращеніемъ кухаркѣ въ Ельцѣ) былъ готовъ. Бываютъ люди антипатичные видомъ,—и подозрѣваю, что я былъ таковъ на тотъ часъ. Въ пріемной кабинета Т. И. Ф—ва я ходилъ взадъ и впередъ съ часъ,—и какъ сейчасъ помню («всегда мысль не о томъ, что къ *сейчасъ относится*») пытливо и страстно размы-

койпѣе, не думая, повторять чужія слова и вѣрить, что все за насъ другіе обдумали. Вашей статьи въ іюльской книжкѣ я еще не читалъ—здѣсь нѣтъ. Если пришлете мнѣ оттискъ, сдѣлаете большое одолженіе. И *Конца спора* тоже не читалъ; но онъ здѣсь скоро получится.

Легенду мы теперь читаемъ вмѣстѣ съ Л. Н. Толстымъ, но пока добрались только до начала легенды:

шлялъ, отчего *тѣло погребеннаго фараона* клалось приблизительно на высотѣ 1/3—считая снизу—пирамиды (общей высоты ея), и такъ какъ камера съ тѣломъ была собственно «вписана въ треугольникъ»,—если представлять пирамиду въ разрѣзѣ,—то изъ какихъ именно египетскихъ идей все это могло вытечь? изъ какихъ тенденцій мысли? изъ какихъ вкусовъ? Какъ вдругъ высокая дверь отворилась,—и ко мнѣ медленно и маленькими, усталыми шажками сталъ подходить человѣкъ невѣроятно большого объема. Поднявъ глаза, я уже зналъ, что это Филипповъ. Видъ его былъ блатъ, мягокъ, добръ; и сѣдые волосы по-русски были расчесаны на двѣ стороны,—проборомъ по срединѣ, по-крестьянски. Я все смотрѣлъ. Когда, подойдя ко мнѣ и ничего не сказавъ, онъ нагнулся и, трижды поцѣловавъ, сказалъ: «Еще отданія Пасхи не было» (т. е. «христосуются»). Я ничего не сказалъ. Онъ вздохнулъ. И что-то сказалъ. Что—я не помню. Въ «сію неизъяснимую минуту» и возникла та антипатія между нами, отчета въ которой я никогда не могъ себѣ отдать, но которая заключалась въ «терпѣть не могу» съ обѣихъ сторонъ. Жизнь—въ шуткахъ, улыбкахъ, остроуміи; жизнь во всякомъ случаѣ—въ движеніи; здѣсь же—въ тихой пріемной (никого не было) и особенно въ тихо склонившейся ко мнѣ фигурѣ я увидѣлъ или почувствовалъ такое отрицаніе *движенія*, такое до *преисподней доходящее* запрещеніе шутить, говорить и двигаться, что почувствовалъ, что я умираю, и точно сдѣлалъ движеніе—выскочить изъ могилы. «Выскочить изъ могилы» должно быть онъ и прочелъ на моемъ лицѣ; и очевидно въ душѣ его шевельнулось:—«А, такъ вотъ *какъ*...» И съ тѣхъ поръ началось мое закапы-

немножко устали, но вѣрно отдохнемъ при дальнѣйшемъ чтеніи. Пока ничего не скажу.

Все время я былъ занятъ писаніемъ: кончилъ статью *Историческіе взгляды Рюккерта и Н. Я. Данилевскаго*. Это полемика съ Соловьевымъ.

Здоровье мое, слава Богу, очень хорошо, хотя старость не приходитъ да и не проходитъ. Лѣто стоитъ здѣсь холодноватое, и часто у моихъ любезныхъ хозяевъ бываютъ легкія заболѣванія; но все обходится благополучно. Л. Н. по прежнему кипитъ мыслью

ваніе... Мать написала женѣ (узналъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда уже все кончилось): «Не доводи нужды до мужа,—скрывай все, не разстраивай его». И она, пока я считалъ въ контролѣ, сносила все въ ломбардъ, что было возможно. И все—не хватало. Изъ острыхъ минутъ помню слѣдующее. Я отправился къ Страхову,—но пока еще не дошелъ до конки, видѣлъ лошадей, которыхъ извозчики старательно укутывали попонами и чѣмъ-то похожимъ на ковры. Видъ *толстой ковровой* ткани, явно *тепло укутывавшей* лошадь, произвелъ на меня впечатлѣніе. Зима дѣйствительно была *нестерпимо*-студеная. Между тѣмъ каждое утро, отправляясь въ контроль, я на углу Павловской прощался съ женой: я—направо въ контроль, она—налѣво въ зеленную и мясную лавку. И *зрительно* было это: она—въ мѣховой, но *короткой, до колѣнъ*, кофтѣ. И вотъ увидѣвъ этихъ «холено» закутываемыхъ лошадей, у меня пронеслось въ мысли: «лошадь извозчикъ теплѣе укутываетъ, чѣмъ я свою В...»..., такую нѣжную, никогда не жалующуюся, никогда ничего не просящую. Это сравненіе судьбы лошади и женщины и судьбы извозчика и «все-таки философа» («О пониманіи») переполнило меня въ силу возможно-гнѣвной (т. е. она *можетъ* быть гнѣвною, хотя вообще не гнѣвна) души такимъ гнѣвомъ «на все», «все равно—на что», —что... Можно поставить только многоточіе. Всѣ статьи тѣхъ лѣтъ и можетъ быть и письма тѣхъ лѣтъ и были написаны подъ давленіемъ единственно этого

и дѣятельностью. Но объ этомъ разскажу Вамъ, когда вернусь—въ письмѣ не много скажешь.

Работы у меня здѣсь очень много: и по Ученому Комитету, и по своему писанію, и наконецъ, по корректурѣ,—присылаютъ изъ Петербурга. Потому Вы на меня не сѣтуйте. Пріятно только то, что когда устану,—кругомъ готовъ отдыхъ и развлеченье.

Простите меня. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго. Варварѣ Дмитріевнѣ мое почтеніе и всякая похвала за то, что бережетъ Васъ. Просите ее быть осторожной.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

P. S. Кусковымъ и Ганзенамъ [1]) усердно кланяюсь.

14 іюля 1894 г.
Ясная Поляна.

пробужденнаго гнѣва,—очень мало въ сущности относимаго къ тѣмъ предметамъ, темамъ, лицамъ, о которыхъ или противъ которыхъ я писалъ. Я считаю всѣ эти годы *въ литературномъ отношеніи* испорченными. Приходъ Перцова (П. П.), и вскорѣ предложеніе имъ издать сборники моихъ статей,—было собственно началомъ «выхода къ свѣту». У меня не было до этого самыхъ знакомствъ, самаго *видѣнія лица человѣка*,—который бы мнѣ помогъ куда-нибудь выбраться. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Ганзены—Петръ Готфридовичъ и Анна Васильевна, переводчики на русскій языкъ «Сказокъ» Андерсена, Киркегора и другихъ датскихъ и норвежскихъ писателей. *Примѣчаніе 1913 года.*

LXXV.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Я уже дома, у Торговаго моста, и уже здѣсь получилъ Ваше письмо. Въ Москвѣ я заходилъ къ Александрову и была рѣчь и объ Вашихъ «Афоризмахъ»; онъ говорилъ объ нихъ, какъ о статьѣ, которую собирается печатать, и я похвалилъ ее. Такъ и вышло, что безъ Вашего письма я сдѣлалъ то, чего Вы желали.

Ваши денежныя затрудненія очень меня печалятъ, и думаю, что сбереженіемъ окурковъ папиросъ они едва ли много поправятся. Исторія съ Буренинымъ и проч. тоже меня не радуетъ, и обо всемъ хотѣлось бы поговорить съ Вами. Одно хорошо: что Вы пишете о Казеріо. Написать стоитъ, и мнѣ тоже пришла эта мысль,—даже кой-что набросалъ. Но я напишу такъ, что статью сейчасъ напечатаютъ, а Вы, чего добраго, никакъ не попадете въ рамки. Статью Вашу *Что нашли* и проч. прочиталъ я уже здѣсь

и развелъ руками. Нѣтъ, ужъ лучше поговоримъ при свиданіи.

Во всякомъ случаѣ, дай Богъ Вамъ здоровья, и Варварѣ Дмитріевнѣ.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

P. S. Вы бываете близко отъ меня: загляните.

1894, 15 авг. Спб.

А я въ Парголово едва ли успѣю собраться.

LXXVI.

Завтра, въ четвергъ, меня не будетъ дома, дорогой Василій Васильевичъ. Мнѣ нужно быть въ Павловскѣ и тамъ обѣдать. Но очень жажду Васъ видѣть; поэтому прошу и требую—назначить другое время. Пожалуйста.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1894, 17 авг. Спб.

LXXVII.

На всякій случай (т. е. если Вы не зайдете завтра) пишу Вамъ, что въ пятницу вечеромъ ко мнѣ собираются Радловъ и Каринскій. Не вздумаете ли и Вы присоединиться къ нашей компаніи? А между тѣмъ, допросите у Шперка, что такой Гильшеръ, которымъ онъ такъ восхищается? Я прочиталъ его [1]) афоризмы.

Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ.

1894, 22 ноября. Спб.

---

[1]) Т. е. Шперка. Съ Анной Лавровной (жена) и съ ребенкомъ Шперкъ «отошелъ отъ матери»,—аки «блудный сынъ» отъ богатаго «Отчаго Дома»,—и мечтая, гнѣваясь, не умѣя писать (странная идіосинкразія собственно *на бумагѣ*,—при глубоко ясной и интересной устной рѣчи)—началъ на «наслѣдственныя» послѣ отца 3.000 рублей издавать брошюру за брошюрой, крошечнаго, въ 16-ую долю листа, формата. И—въ полномъ недоумѣніи, «куда дѣваться» и «что дѣлать» съ собою. Вскорѣ—желая себѣ обезпечить будущее—купилъ съ братомъ землю и усадьбу «для травы въ кавалерію»; братъ (младшій его) хозяйничалъ и продавалъ траву, хотѣлъ заводить пчелъ,—Федоръ Шперкъ бродилъ, читалъ, безумно увлекался Ницше и Ѳедоромъ Сологубомъ, и писалъ эти брошюрки. Анна Лавровна кормила ребенка и молчала. Онъ былъ счастливъ и несчастливъ. Счастливъ какъ безумные и несчастливъ какъ безумные. Вскорѣ они землю продали или съ землей что-то сдѣлалось, онъ поселился въ сырой квартирѣ священника (текло въ залѣ со стѣнъ, и священникъ, отка-

LXXVIII.

Дорогой

Василій Васильевичъ,

Вчерашній обѣдъ [1]) очень меня опечалилъ. Вы больны, чѣмъ-то огорчены (вѣрно, моею статьею?), много работаете и очень нуждаетесь. Не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь Вамъ? Напримѣръ, у меня теперь есть деньги и я могу заплатить за Васъ Николаеву, а мы потомъ сочтемся. Что Вы на это скажете? Въ былыя времена я часто дѣлалъ это—новыми зай-

---

зываясь разорвать контрактъ, отвѣчалъ по поводу сырыхъ стѣнъ, что больному жильцу «не надо ѣхать *къ сырому воздуху на берегъ моря*, потому что сырой воздухъ онъ имѣетъ въ комнатахъ»; т. е. притворился непонимающимъ, что̀ такое въ квартирѣ «сырой воздухъ»). Шперкъ, разсказывая съ улыбкой объ этомъ, имѣлъ силы не гнѣваться. Вскорѣ онъ перешелъ въ православіе и умеръ отъ чахотки, перешедшей въ скоротечную. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Т. е. вѣроятно—обѣдъ *у меня*. Жена позвала его вообще приходить по воскресеньямъ обѣдать, и эти обѣды его всегда были мнѣ и намъ душевнымъ отдыхомъ. Его постоянная ясность, доброта и мудрость клали спокойствіе и на душу всѣхъ, съ кѣмъ онъ сидѣлъ. Вмѣстѣ—онъ *никогда не былъ пассивенъ и вялъ*,—и въ живости его безъ утомленности, прекрасно отражался его высокій талантъ.

мами уплачивая старые. Пожалуйста, примите мое предложеніе, и отдохните.

Вообще, Вы очень меня утѣшите, если будете здоровы, спокойны и станете благополучно и твердо пользоваться и наслаждаться Вашею извѣстностію и Вашимъ талантомъ.

Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ.

1894, 28 ноября. Спб.

Приглядываясь къ нему, вспоминая его, думаю, что Страховъ былъ талантливъ рѣдчайшею въ Россіи формою таланта (отъ этого Тургеневъ и не замѣтилъ его въ немъ), которая у грековъ обозначалась словомъ εὐσωφροσύνη — *благомудріе*. Онъ именно былъ *благомудренъ*, и сколь многимъ прыткимъ тупицамъ въ Петербургѣ онъ казался «недостаточно даровитымъ». Для меня его *труды* и *личность* сливаются совершенно *въ одно. Примѣчаніе 1913 года.*

LXXIX.

Вернувшись домой, принялся я читать, дорогой Василій Васильевичъ, Ваши афоризмы [1]) въ 12-й книжкѣ, и пришелъ въ восхищеніе. Какъ Вы хороши, когда хорошо пишете! Характеристика учителей—прелесть. Обличеніе сознательной фальши—поразительно! Ну, когда-нибудь я Вамъ похвалю это подробнѣе,—и откладываю всякія критическія замѣчанія.

Есть у меня просьба къ Вамъ. Мнѣ нуженъ *Сборникъ* Данилевскаго, и сегодня я непремѣнно хотѣлъ взять его у Васъ, да забылъ! Будьте добры, захватите его, *когда* пойдете на службу, и оставьте у нашего швейцара. А если зайдете сами въ пятый этажъ, то очень, разумѣется, утѣшите. Только по понедѣльникамъ я утромъ не бываю дома.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1894, 11 дек. Спб.

P. S. Праздникъ Маркса не сегодня, а въ слѣдующее воскресеніе. Чуть было я не далъ маху!

---

[1]) «Афоризмы и наблюденія». *Примѣч. 1913 года.*

LXXX.

Какъ поживаете, дорогой Василій Васильевичъ? Когда Васъ не видать, я всегда очень о Васъ безпокоюсь [1]). Двѣ недѣли я просидѣлъ дома — простудилъ горло. Вчера сталъ выходить, но съ большою осторожностью, только разъ въ сутки. Не будете ли завтра, въ среду? Если нѣтъ, черкните мнѣ нѣсколько словъ, что и какъ съ Вами. Варварѣ Дмитріевнѣ усердно кланяюсь. И простите

Вашего искренно преданнаго

Н. Страхова.

1895, 7 февр. Спб.

---

[1]) Вообще я отъ Страхова скрывалъ свое положеніе (матеріальное), чувствуя, что онъ уже много для меня сдѣлалъ, что утруждать его въ его годы *и опять*—страшно, да, собственно, и видя, что онъ самъ весь «въ зависимостяхъ» и «безсиленъ». Его *книжки*—то-же, что̀ мое бѣдственное «*О пониманіи*»,—па какихъ-то «любителей» и въ сущности «безъ читателя». А начальникъ Георгіевскій «переводитъ псалмы»... «По-русски» все... *Примѣчаніе 1913 года.*

LXXXI.

Я все еще боленъ, дорогой Василій Васильевичъ, перенесъ довольно сильное обостреніе своей простуды. Сегодня прочиталъ Вашу статью, и очень захотѣлось мнѣ съ Вами браниться [1]). Если Вамъ можно зайти, то не только исполните евангельскую добродѣтель, но и окажете ревность къ литературѣ.

Варварѣ Дмитріевнѣ желаю здоровья и благополучія.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1895, 14 февр. Спб.

[1]) Должно быть опять какая-нибудь «выходка» (подспудно—отъ нужды). Страховъ справедливо видѣлъ мою литературную гибель («слово—не воробей, выпустишь—не поймаешь»), и она дѣйствительно гибла. *Примѣчаніе 1913 года.*

LXXXII.

Вчера Васъ не было, дорогой Василій Васильевичъ. Что Вы и какъ? Очень хочу повидать Васъ. Не могу ли я у Васъ въ воскресенie обѣдать? Прошу Васъ черкните мнѣ двѣ строчки—подаю Вамъ на то примѣръ.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1895, 15 марта. Спб.

LXXXIII.

Никуда я не гожусь, дорогой Василій Васильевичъ. Сегодня я боленъ, послалъ записку Достоевской, что не могу у нея обѣдать, а отъ нея получилъ записку, что меня она ждала вчера, что я обѣщалъ ей быть именно въ понедѣльникъ. Такъ я все перепуталъ: простите меня и Вы и Варвара Дмитріевна.

Впрочемъ, я теперь самъ не свой: съ того дня, какъ умеръ Вишнеградскій [1]), у меня все перепуталось въ мысляхъ. Сегодня чувствую какое-то кишечное разстройство, прегадкое.

Прошу Васъ извините меня. И дай Вамъ Богъ здоровья!

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1895, 4 апр. Спб.

P. S. Пожалуйста, не забудьте моей середы.

---

[1]) Вышнеградскій (министръ финансовъ) былъ школьный (по Педагогическому Институту въ Спб.) товарищъ Н. Н. Страхова. Онъ нерѣдко у него бывалъ и высоко цѣнилъ его дѣятельность какъ министра и любилъ какъ человѣка. *Примѣчаніе 1913 г.*

LXXXIV.

Въ воскресенiе я написалъ Вишнякову о Вашей статьѣ, дорогой Василiй Васильевичъ. Онъ не отвѣчалъ. Тогда я вторично писалъ ему вчера. Сегодня пришли за Вашей статьею, и Вишняковъ пишетъ, что она пойдетъ въ iюнь, что теперь уже нѣтъ мѣста, что онъ былъ занятъ юбилеемъ, что мой отзывъ «послужитъ Ѳеодору Николаевичу [1]) укоромъ, что онъ не одобряетъ содержанiя статьи».

---

[1]) Ѳедоръ Ник. *Бергъ*, редакторъ «Русск. Вѣсти.», Вишняковъ—директоръ-распорядитель «Товарищества Общественной пользы», къ которому за долги по печатанiю и за бумагу перешелъ уже, или сталъ въ это время переходить, «Русск. Вѣстн.». Бергъ, «весь въ тискахъ», разъ сказалъ мнѣ, почти со слезами (и униженiя, и ярости) въ глазахъ: «Вонъ *они* уже сидятъ всѣ тамъ...» «Они»—это были «ближайшiе сотрудники журнала и друзья Берга», которые всегда, приходя къ Вишнякову (добрѣйшей и простѣйшей души человѣкъ, но не образованный) ранѣе редактора, усаживались рядомъ съ кабинетомъ редактора, или въ самомъ кабинетѣ, и говорили вслухъ при немъ и *для* него, «до чего журналъ ведется *не такъ*», «какiя статьи печатаются!», и «нѣтъ ли чего-то темнаго, денежно-темнаго въ принятiи и одобренiи такихъ статей отъ авторовъ»... «Журналъ падаетъ!» и «спасти его можно только перемѣною редактора!». Вишняковъ, не понимавшiй ничего въ литературѣ и журналистикѣ, становился недовѣрчивъ къ Бергу,

Очень досадно, но бѣда небольшая: хорошо, что статья пойдетъ цѣликомъ—это было необходимо.

Все еще сижу дома; но завтра надѣюсь выйти.

Дай Богъ здоровья Вамъ и Вашимъ. Простите

Вашего

Н. Страхова.

1895, 14 апр. Спб.

но его толкали и къ болѣе «рѣшительнымъ» дѣйствіямъ. Бергъ долженъ былъ скоро уйти, и на его мѣстѣ усѣлся Дм. Ив. Стахѣевъ, всегда пунцовый, всегда въ шуткахъ и русскихъ присказкахъ, всегда въ богословіи,—купецъ родомъ. Сейчасъ же онъ открылъ у себя «день недѣли» и вѣчно непризнанный романистъ увидѣлъ себя окруженнымъ литераторами. Разъ (но только *одинъ* разъ) и я у него пилъ вечерній чай,—причемъ онъ объяснялъ, какъ дешево купилъ особенную свою легкую и изящную, «именно для литераторовъ», мебель. Онъ всегда мнѣ и казался добродушнымъ; когда Страховъ, въ отвѣтъ на мои похвалы его характеру и душѣ, сказалъ: «Это—*мрачнѣйшей души* человѣкъ». Не объясняя, да и я не распрашивалъ. Теперь потекли въ журналѣ романы и стихи Стахѣева, «которые онъ писалъ какъ Золя: отъ 11 утра до часу; потомъ—два часа прогулка. Обѣдъ. И опять—два часа за рукописью. Прогулка. Ужинъ. Сонъ. И завтра съ 11-ти—опять за рукопись». «А что отбрасываю, главки, страницы—то изъ нихъ составляю новую повѣсть, покороче, уже придумывая связующія сцены». «Такъ писалъ Золя и пишу *я*». Но его литература была менѣе оживленная. Разъ онъ прислалъ мнѣ томовъ 12-ть повѣстей и романовъ: и я началъ одинъ. И почувствовалъ то-же, что на пріемѣ Филиппова: умираю!!! Такъ что кто хочетъ лишить себя жизни, могъ бы вмѣсто мучительной уксусной кислоты заставлять себя «выпить до дна» романъ Стахѣева. *Прим. 1913 года.*

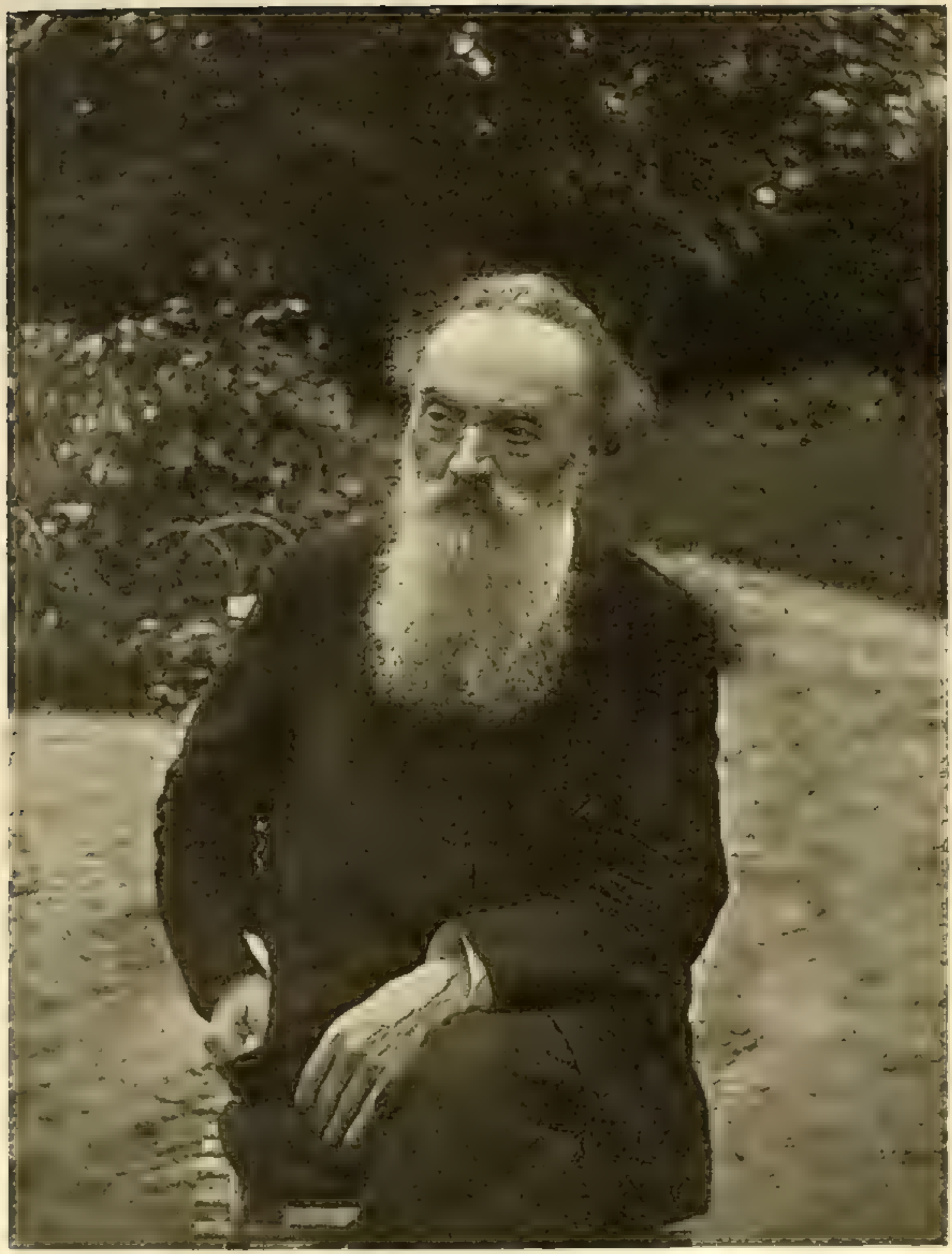
LXXXV.

Очень желаю видѣть Васъ, дорогой Василій Васильевичъ, и хоть что-нибудь знать о Васъ. Прошу объ этомъ усердно. Самому мнѣ все нездоровится и потому не могъ забраться на Петербургскую. Теперь уже одиннадцать часовъ вечера; записки отъ Васъ нѣтъ и потому рѣшаю завтра идти обѣдать къ Иванъ Павловичу. Простите

Вашего искренно преданнаго

Н. Страхова.

1895, 29 апр. Спб.



Очень жажду я Вашу фотографію,
Василій Васильевичъ, но боюсь, что
изъ нея ничего не выйдетъ —
11 апр. 1895. Спб. Н. Страховъ

Снятъ въ Ясной Полянѣ въ
концѣ іюня 1895 г. П. И. Бирюковымъ.

С. М. Прокудинъ-Горскій.

LXXXVI.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Завтра въ воскресенье я буду дома до 4 часовъ и потомъ вечеромъ съ 8-ми часовъ. Зайдите ко мнѣ и получите чекъ, по которому въ понедѣльникъ или во вторникъ можете получить деньги [1]) между 10-ю утра и 4-ми пополудни.

Вотъ такъ и сдѣлается это дѣло.

Дай Вамъ Богъ здоровья!

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

1895, 13 мая. Спб.

[1]) Расчетъ съ типографіей Николаева за напечатаніе «Легенды о Вел. Инкв.» *Примѣчаніе 1913 года.*

LXXXVII.

Напишу Вамъ только нѣсколько строкъ, дорогой Василій Васильевичъ, на Ваши присылки и на Ваше милое письмо. Дѣло въ томъ, что теперь почти 27° по Реомюру и я томлюсь и млѣю. Статью Вашу читалъ Л. Н. и я перечитывалъ. Отъ Л. Н. Вы заслужили похвалу, что хорошо пишете и дѣлаете топкія замѣчанія. Но столько слишкомъ общаго и неточнаго, что въ цѣломъ почти ничего не выходитъ. Самъ я искренно Васъ благодарю и, разумѣется, не огорчаюсь, развѣ за Васъ, что у Васъ на этотъ разъ не вполнѣ вытанцовалось. Книга Лебона оказалась не серьезнымъ сочиненіемъ, а фельетономъ, хотя и очень интереснымъ.

Чувствую себя вообще хорошо, сталъ полнѣть [1])... Дней черезъ десять собираюсь ѣхать отсюда дальше.

---

[1]) Увы!.. Имѣетъ вообще значеніе «сглазенье» и никогда *вслухъ* не надо говорить о хорошемъ состояніи своего здоровья. Демоны—«глухонѣмые», какъ и назвалъ ихъ Тютчевъ. Они оглушены Богомъ, пораженные Имъ въ борьбѣ. И слышатъ только громко, вслухъ произносимое; но по тупости (оглушены) вовсе не могутъ читать нашихъ мыслей. Поэтому вслухъ всегда надо нѣсколько жаловаться на здоровье, охать (изрѣдка) и говорить «плохо». Тогда они оставятъ васъ

Покорно Васъ благодарю! Варварѣ Дмитріевнѣ пошлите мой поклонъ. Простите

Вашего душевно преданнаго
Н. Страхова.

P. S. Главнаго и не сказалъ: Л. Н. бодръ и здоровъ и усердно пишетъ новую повѣсть. Меня это и радуетъ и удивляетъ: въ такой жаръ! Самъ я не пишу и почти не думаю.

95, VII—23.

въ покоѣ (такъ я живу много лѣтъ не хворая). Мнѣ случилось знать человѣка, очень добраго, расположеннаго,—которому достаточно было сказать при встрѣчѣ: «—Какъ вы *хорошо* выглядите»,—какъ «порадовавшій своимъ видомъ» къ вечеру или на другой день захварывалъ. Она была очень пылка и не удерживалась отъ такихъ восклицаній при видѣ одного или другого изъ своихъ дѣтей: и этого именно «благополучнаго» поражала какъ ударъ болѣзнь, недомоганіе, бѣда, случайность. Римляне знали «bonus eventus» и «malus eventus», «хорошій случай»—«дурной случай» (есть *боги* этого на монетахъ). «Демоны» именно завѣдуютъ «худыми случаями» и наводятъ ихъ на человѣка, о которомъ *слышатъ*, что онъ «благополученъ»,—и завистливо наводятъ особенно въ томъ случаѣ, если радость о нихъ выражаетъ добрый человѣкъ. Такъ что самъ *сглазывающій* отнюдь не есть злой, худой человѣкъ. Изъ писемъ читатель постоянно видитъ, что Страховъ радовался состоянію своего здоровья послѣднія пять лѣтъ, между тѣмъ какъ къ нему подходила неумолимая смерть. *Примѣчаніе 1913 года.*

LXXXVIII.

Дорогой

Василій Васильевичъ,

Вы мнѣ не пишете, вѣроятно потому, что не получили моего письма изъ Ясной Поляны, а можетъ быть и потому, что заняты работою. Между тѣмъ я уже погостилъ въ Бѣлгородѣ, въ Кіевѣ, въ Севастополѣ и теперь гощу въ Мшаткѣ. Все идетъ благополучно, но я тѣмъ яснѣе чувствую приближеніе дряхлости. Господь далъ, Господь и отнялъ,—будь благословенно имя Господне!

Статью Вашу о Толстомъ я читалъ только въ Кіевѣ—*Русскій Вѣстникъ*, какъ извѣстно, не удостаиваетъ Толстого присылки своихъ книжекъ. Статья Ваша довольно-таки огорчила меня [1]).

---

[1]) Статья эта—оставляя въ сторонѣ внутреннія качества—могла быть понята какъ *грубая* по формѣ, и была именно такъ понята въ печати,—и вызвала жесточайшія на меня нападки, между прочимъ Михайловскаго, по поводу ея именно предложившаго раньше Струве «исключить меня изъ литературы». Замѣчательно, что всѣ эти крики

Толстой боится смерти—не доказано.

Разсужденія Толстого о смерти всѣ неосновательны—не доказано, а говорится только, что это *показалъ* [1]) Михайловскій. Значитъ его нужно читать. Между тѣмъ тутъ же приведено замѣчаніе Михайловскаго, показывающее, по моему, что онъ ничего не понимаетъ [2]).

Странно! Описанія смерти и мысли Толстого о смерти составляютъ предметъ величайшей важности и достойны самаго прилежнаго изученія. Но Вы къ этому неспособны, не умѣете вникать въ чужія мысли; да отъ Васъ все заслонено вопросомъ, вѣритъ ли Т. въ безсмертіе или не вѣритъ, и о самой смерти Вы не желаете думать.

по содержанію совпадаютъ съ упрекомъ добрѣйшаго директора «Т-ва Общ. пользы», Вишнякова:—«В. В., Толстой съ вами *брудершафта не пилъ*, какъ же вы обращаетесь къ нему на *ты*». Но Вишнякову, по причинамъ, я не могъ объяснить, что «ты» мы говоримъ Государю, Богу, и говоримъ вообще *всякому*, получаемъ право говорить всякому, если говоримъ съ нимъ подъ угломъ Вѣчныхъ Безпокойствъ. А моя статья была такова; и мое волненіе во время ея писанія было какъ ни при какомъ другомъ писаніи (*внѣшняя* объ этомъ память—что «щипало въ носу» при писаніи; каждый знаетъ, что̀ это значитъ). Тонъ Страхова,—ко̀торый любилъ и цѣнилъ Толстого больше Вишнякова и Михайловскаго,—въ письмѣ совершенно спокоенъ и онъ меня ни за какую грубость не упрекаетъ. Но я далекъ отъ того, чтобы *теперь* защищать статью,—въ то время защищаемую (въ душѣ) всячески. *Примѣчаніе 1913 года.*

[1]) Это было въ ироническомъ смыслѣ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Потому-то, ради иронiи, я и привелъ совершенно глупое сужденіе М—го. *Примѣчаніе 1913 года.*

Ну, простите меня. Мнѣ все хочется съ Вами спорить, а это ни къ чему не ведетъ у насъ съ Вами. Лучше отложу до свиданія другія замѣчанія [1]).

Духа не угашайте [2]) прочиталъ я до конца и былъ

---

[1]) Въ бытность у Толстого въ Ясной Полянѣ, я замѣтилъ ему, что встрѣчалъ отличной души торговцевъ, подобныхъ тому, какого онъ описалъ въ «Хозяинѣ и Работникѣ»: они копятъ, торгуютъ, радуются прибытку, и нисколько не жадны, отлично относятся къ «подручнымъ своимъ» и суть полные на мой взглядъ христіане. Не забуду живости, съ какой онъ поднялъ голову и глубоко активно сказалъ: «О, да! да!—Конечно!!», какъ бы продолжая мысленно или лишь по старости не договоривъ: «И я такихъ зналъ: богаты—и *полные христіане*!..». Такъ какъ я имѣлъ въ виду именно «Хозяина и работника», и, оспаривая его взглядъ на «хозяина» *при жизни, въ торговыхъ трудахъ его*, становился на точку зрѣнія всѣхъ возраженій Толстому въ этой моей статьѣ,—то я почувствовалъ, что и *тогда* ни мало Толстой не былъ раздраженъ моею статьею, а горячее заступничество въ ней Церкви, вѣроятно, даже одобрилъ. Вообще по существу-то,—*морально*,—статья была очень права. Она только *написалась* не хорошо, какъ не хорошо писалось все въ то время, по объясненнымъ выше причинамъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Николая Петровича Аксакова,—въ пользу того, что Отцы и Учители Церкви всегда были противъ угашенія духа и почти за свободу печати. Столько же авторитетовъ и цитатъ, сколько Аксаковъ набралъ въ пользу *этого* тезиса, можно было набрать—и *противъ*. Вообще его методъ inductio per enumerationem simplicem слишкомъ элементаренъ и вовсе не убѣдителенъ. Свободолюбивъ ли христіанство, Церковь? Всегда нужно помнить возраженіе епископа Антонина (на Религ.-фил. собраніяхъ), что Церковь «экскоммуникативна въ отношеніи всѣхъ однородныхъ съ собою значительностей», т. е. въ отношеніи всѣхъ другихъ авторитетовъ и исповѣданій (т. е. *противъ* свободы),—и что иною она быть не можетъ по абсолютной природѣ своей,—какъ *верховное и конечное исповѣданіе*... Это ужъ не induct. per enum. simpl!.. *Примѣчаніе 1913 года.*

очень доволенъ. Поучительная и отлично написанная книга. Жаль, что ея никто не будетъ читать.

Самъ я многое задумывалъ писать и ничего не написалъ. Между тѣмъ этою зимою придется писать—стыдно жить безъ работы. Этотъ стыдъ бездѣйствія много мѣшалъ моему удовольствію въ житьѣ на прекрасныхъ мѣстахъ и среди милыхъ людей.

Простите меня. Дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Варварѣ Дмитріевнѣ усердно кланяюсь.

Къ 1 октября надѣюсь быть у Торговаго моста и найти Васъ здоровымъ и благополучнымъ.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ

P. S. Здѣсь стоитъ еще лѣто въ полной красѣ.

1895, 13 сент. Мшатка.

LXXXIX.

Завтра, въ воскресеніе, не могу быть у Васъ, дорогой Василій Васильевичъ. День вышелъ такой хлопотливый, что заѣхать на Петербургскую мнѣ невозможно. Досадно очень, что не увижу Варвару Дмитріевну. Но все это исправится со временемъ. Я еще не видѣлъ доктора, и вообще нужно многихъ людей повидать и нѣкоторыхъ не очень добрыхъ.

Простите

Вашего искренно преданнаго

Н. Страхова

1895, 7 окт. Спб.

XC.

Завтра, въ середу, не буду вечеромъ дома, дорогой Василій Васильевичъ. Но я Вамъ всегда радъ и потомъ разскажу, отчего такъ случилось.

Вашъ

Н. Страховъ

1895, 17 окт. Спб.

XCI.

Многоуважаемая

Варвара Дмитріевна [1])

Можетъ быть завтра, въ воскресеніе, Вы будете ждать меня къ обѣду. На этотъ случай пишу Вамъ, что не могу быть у Васъ. Изъ вѣрныхъ источниковъ узналъ я, что Василій Васильевичъ уѣхалъ по поводу смерти брата [2]). Душевно жалѣю, что его постигаютъ такія несчастія. Очень желалъ бы навѣстить Васъ и все отъ Васъ услышать; но мнѣ это трудно и я усердно прошу Васъ извинить меня.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ

1895, 11 ноября. Спб.

---

[1]) Ко мнѣ въ домъ. *Примѣчаніе 1913 года.*

[2]) Димитрія, въ Кострому. *Примѣчаніе 1913 года.*

XCII.

Завтра, въ воскресенiе, я буду у Васъ, дорогой Василiй Васильевичъ, по обѣщанiю. Пишу Вамъ это потому, что въ понедѣльникъ [1]) мнѣ никакъ не доведется загляшуть къ Вамъ, какъ мнѣ этого ни хотѣлось бы. Вообще, со мною случилась маленькая бѣда, которая можетъ помѣшать мнѣ въ разныхъ отношенiяхъ, а Вы будьте ко мнѣ снисходительны.

Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ

1895, 2 дек. Спб.

[1]) День ангела жены. *Примѣчанiе 1913 года.*

XCIII.

Завтра я у Васъ обѣдаю, дорогой Василій Васильевичъ, по заведенному порядку. Можно ли? Второпяхъ я не успѣлъ спросить Васъ.

Вашъ

Н. Страховъ

6 янв. 1896 г. Спб.

XCIV.

Вы правы, дорогой Василій Васильевичъ. Въ воскресеніе мнѣ не быть у Васъ, да и ни у кого: докторъ засадилъ до середы. Но, вѣдь, Вы зайдете хоть разокъ? Очень утѣшите

Вашего искренно преданнаго

Н. Страхова

20 янв. 1896. Спб.

Городская телеграмма: Павловская ул. № 2, Василію Васильевичу Розанову.—24 января 1896 г.

Страховъ сегодня утромъ скончался. Первыя панихиды хотятъ устроить въ 12 часовъ.

Ганзенъ.

НЕКРОЛОГИ И ЗАМѢТКИ

24-го января, въ 8 часовъ утра, скончался на 68 году отъ рожденія Николай Николаевичъ Страховъ. Еще на-дняхъ одно изъ наиболѣе выдающихся дарованіями и знаніями въ средѣ нашей высшей духовной іерархіи лицо, поздравляя покойнаго (по поводу недавнихъ журнальныхъ статей) съ сорокалѣтіемъ его литературной дѣятельности, выразилось въ своемъ письмѣ, что въ лицѣ Н. Н. Страхова «привѣтствуетъ просвѣщеннѣйшаго въ Россіи человѣка». Если прибавить къ этимъ справедливымъ словамъ, что «просвѣщеннѣйшій изъ русскихъ людей» былъ въ то же время глубокимъ, независимымъ и самобытнымъ мыслителемъ, плодовитымъ и разнообразнымъ писателемъ, однимъ изъ лучшихъ въ нашемъ столѣтіи литературныхъ критиковъ, то мы все же укажемъ этимъ только на то, чѣмъ покойный былъ для насъ, его младшихъ и старшихъ современниковъ. Между тѣмъ текущей минутой далеко не исчерпывается вліяніе и значеніе покойнаго. Увѣренность въ томъ основывается на главномъ свойствѣ покойнаго, всегда умѣвшаго при чуткости и отзывчивости на все его окружающее, при постоянномъ интересѣ и вниманіи къ мельчайшимъ особенностямъ текущей минуты, ко всѣмъ деталямъ занимавшихъ его событій и вопросовъ—сохранить полную зоркость взгляда, полную ясность сужденія. Никакая мода, никакая сила общественнаго увлеченія не

могла уклонить или затемнить его пониманіе и приговоръ. Потому современный читатель сквозь произведенія покойнаго прямо подымается изъ всѣхъ мелочей и пустяковъ текущей минуты въ возвышенную область основныхъ задачъ бытія, знанія, художественнаго творчества.

Оттого всѣ, кому придется такъ или иначе считаться съ коренными основами современныхъ вліяній и вѣяній, со всѣмъ наслѣдіемъ эпохи шестидесятыхъ годовъ и позднѣйшими наслоеніями нашей общественной мысли, должны будутъ начинать свои счеты съ произведеній Страхова. Сущность міра и роль человѣка въ мірѣ («Міръ, какъ цѣлое»), возможность и задачи самобытнаго русскаго просвѣщенія и его отношеніе къ западно-европейской культурѣ («Борьба съ Западомъ»), основныя проблемы русской художественной литературы («Критическія статьи» и «Замѣтки о Пушкинѣ»), значеніе философіи въ просвѣщеніи и выработкѣ правильныхъ научныхъ методовъ («Философскіе очерки»), вопросы естествознанія съ точки зрѣнія философіи («О вѣчныхъ истинахъ», «Основныя понятія физіологіи и психологіи», отчасти «Борьба съ Западомъ» и «Міръ, какъ цѣлое»),—вотъ вопросы, подымаемые и раскрываемые Страховымъ въ его произведеніяхъ, вопросы, къ которымъ онъ ведетъ своего читателя отъ самыхъ ничтожныхъ частностей современной дѣйствительности, очищая вѣковѣчныя задачи мысли отъ той случайной и тѣсной оболочки, въ которую облекаютъ ихъ потребности минуты. Всѣ модныя заблужденія, всѣ Америки, открытыя въ нашей литературѣ, всѣ «обязательныя» ученія, всѣ подавляющіе свободу сужденія авторитеты современности—разоблачены, отвергнуты и преданы самой неотразимой ироніи въ тѣхъ десяти небольшихъ книжкахъ въ желтыхъ обложкахъ, которыя оставлены потомству только-что скончавшимся писателемъ. Въ этомъ смыслѣ произведенія Страхова воистину просвѣтительны и ихъ освобождающее отъ путъ современности, ея модъ и предразсудковъ, значеніе—огромно. Всякая самобытно работающая мысль

невольно будетъ сознательно или инстинктивно тяготѣть къ тѣмъ книгамъ, которыхъ главною цѣлью было освободить эту мысль, отрѣшить ее отъ всего временнаго и случайнаго и удержать на *царскомъ* пути человѣческаго познанія—на пути философіи.

Трудно въ бѣгломъ очеркѣ дать полную характеристику и оцѣнку значенія покойнаго въ дѣлѣ русской философіи и литературы; но безспорно уже теперь, что въ области изящной словесности его имя неразрывно связано для всего потомства съ именами Пушкина, Фета, гр. Л. Толстого, Тургенева, Герцена, Ап. Григорьева и Н. Я. Данилевскаго. Извѣстность и вліяніе Страхова начались собственно только съ середины 80-хъ годовъ, хотя начало его дѣятельности относится еще къ концу 50-хъ; потому мы еще не можемъ видѣть передъ собою даже самыхъ близкихъ ея воздѣйствій; быть можетъ, даже не скоро и не вдругъ принесетъ свои обильные и благотворные плоды это поздно начавшееся, но глубокое и могущественное вліяніе произведеній покойнаго на русскую жизнь, русскую мысль, русское искусство.

Сынъ протоіерея и преподавателя словесности въ Бѣлгородской семинаріи, магистра Н. П. Страхова, Николай Николаевичъ Страховъ родился 16-го октября 1828 года въ городѣ Бѣлгородѣ, Курской губерніи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Бѣлгородскомъ и Каменецъ-Подольскомъ духовныхъ училищахъ и четыре года провелъ въ Костромской семинаріи, гдѣ его дядя былъ ректоромъ. Кончивъ курсъ философскаго отдѣленія, Н. Н. самостоятельно подготовился къ университетскому экзамену, который сдалъ вполнѣ успѣшно, переѣхавъ въ 1844 году въ Петербургъ, и поступилъ въ университетъ сначала вольнослушателемъ по камеральному, а съ 1845 года студентомъ по математическому факультету. Не имѣя средствъ продолжать занятія въ университетѣ, онъ съ 1847 года перешелъ въ студенты Главнаго Педагогическаго Института на казенный счетъ. Въ 1851 году кончилъ курсъ по физико-

математическому отдѣленію и былъ назначенъ во вторую одесскую гимназію учителемъ физики и математики. Въ 1852 году переведенъ въ Петербургъ учителемъ естественной исторіи. Въ 1857 году получилъ степень магистра зоологіи послѣ защиты диссертаціи «О костяхъ запястья млекопитающихъ». Въ 1861 году вышелъ въ отставку и послѣдовательно былъ постояннымъ сотрудникомъ журналовъ «Время» и «Эпоха» и редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Зари», а также помощникомъ редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ 1873 году Н. Н. вновь поступилъ на службу библіотекаремъ юридическаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки и окончательно вышелъ въ отставку въ 1885 году съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Кромѣ того, съ 1874 года до кончины состоялъ членомъ Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1889 году избранъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ. На литературное поприще выступилъ въ журналѣ «Русскій Міръ» статьями «Письма объ органической жизни», составляющими теперь начало книги «Міръ, какъ цѣлое». Къ шестидесятымъ годамъ относится его полемическая журнальная дѣятельность; произведенія этого времени вошли въ составъ книги «Изъ исторіи литературнаго нигилизма». Тогда же былъ имъ изданъ превосходный переводъ «Исторіи новой философіи» Куно Фишера, «Исторіи матеріализма» Лапге, «Объ умѣ и познаніи» Тэна, «Жизнь птицъ» Брема и мн. др. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ появились по поводу «Войны и мира» критическія статьи о гр. Л. Н. Толстомъ, дающія великому романисту такую широкую и вѣрную оцѣнку, что до настоящаго времени, несмотря на множество новыхъ произведеній самого гр. Л. Толстого и еще большее количество книгъ и статей, посвященныхъ анализу его дѣятельности, пониманіе знаменитаго писателя ни на шагъ не подвинулось дальше первоначальныхъ статей Страхова. Тогда же были написаны статьи о Герценѣ и

Тургеневѣ. Въ 1872 году появилась первая значительная книга Н. Н.: «Міръ, какъ цѣлое». Изданіе не имѣло рѣшительно никакого успѣха и разошлось лишь черезъ 20 слишкомъ лѣтъ черезъ букинистовъ. Въ 1876 году Н. Н. Страховымъ былъ изданъ первый, оставшійся единственнымъ, томъ сочиненій Ап. Григорьева, точно также не встрѣтившій ни покупателей, ни читателей. Совершенно иначе были приняты первыя двѣ книжки «Борьбы съ Западомъ» (1882 и 1883 гг.) и «Критическія статьи о Тургеневѣ и Толстомъ» (1885 г.). Съ этихъ книгъ начинается, строго говоря, литературный успѣхъ покойнаго, доставшійся, такимъ образомъ, на его долю только послѣ 25 лѣтъ непрерывной литературной дѣятельности. Его прежніе противники признаютъ съ тѣхъ поръ необходимымъ прекратить становящуюся опасной тактику замалчиваній и считаются чуть не съ каждой замѣткой, выходящей изъ-подъ его пера; другіе же, наоборотъ, съ безпристрастіемъ, дѣлающимъ великую честь искренности ихъ мнѣній, не побоялись стать изъ горячихъ противниковъ столь же горячими приверженцами Н. Н. Страхова. Наконецъ на нашихъ глазахъ, въ послѣдніе годы, наряду съ новыми книгами покойнаго, появляются все новые и новые послѣдователи его взглядовъ и почитатели его произведеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнія книги и изданія Н. Н. понемногу начинаютъ пользоваться все большимъ и большимъ успѣхомъ и авторитетомъ въ нашемъ обществѣ, доросшемъ, наконецъ, до пониманія столь долго покрытаго всеобщимъ пренебреженіемъ мыслителя. Всего три года тому назадъ, въ присутствіи пишущаго эти строки, покойный Н. Н. воскликнулъ, обращаясь къ горячо споришимъ съ нимъ очень зеленымъ молодымъ людямъ:—«Какъ это, однако же, пріятно, господа,—увидѣть, наконецъ, своихъ читателей!» Пускай же наше общество, принесши позднюю дань признанія одному изъ своихъ лучшихъ руководителей лишь у порога его могилы, сумѣетъ дорасти и до созданія достойнаго ему памятника, завоевавъ и отстоявъ свою умственную

свободу, свою духовную самобытность въ той борьбѣ съ Западомъ, въ которой покойный былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся борцовъ [1]).

Б. Никольскій.

Ю. Николаевъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 27) сообщаетъ нѣсколько воспоминаній о скончавшемся недавно выдающемся русскомъ философѣ-публицистѣ. Онъ говоритъ:

«Какъ человѣкъ, Николай Николаевичъ былъ чрезвычайно симпатиченъ,—мягкій, въ высшей степени деликатный, готовый на всякую услугу, готовый помочь всякому и совѣтомъ и дѣломъ. Но его мягкость и деликатность не мѣшали ему быть въ высшей степени правдивымъ. Я никогда не забуду его въ высшей степени вѣрныхъ и мѣткихъ отзывовъ объ иныхъ литераторахъ и ученыхъ. Отъ тѣхъ и другихъ онъ прежде всего требовалъ ясности мысли, точности выраженій, и его нельзя было подкупить никакою фразеологіей. Онъ былъ *истинный литераторъ* въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Литература была для него цѣлью сама по себѣ, и онъ, всегда мягкій, очень раздражался, видя какъ у насъ литературу, искусство обращаютъ въ средство для достиженія посторонннихъ литературѣ и искусству цѣлей. Онъ любилъ литературу, можно сказать, нѣжною любовью, и тщательно слѣдилъ за ея развитіемъ. Всякое проявленіе дарованія, серьезная и искренняя мысль,—приводили его въ восторгъ. Онъ *вѣрилъ* въ литературу, вѣрилъ, что побѣдитъ въ концѣ концовъ здоровая мысль, здоровое чувство; и потому цѣнилъ самое дѣло, не придавая никакого значенія тому, что называютъ успѣхомъ.

Эта его вѣра оправдалась на немъ самомъ. Подобно всѣмъ нашимъ дѣйствительно значительнымъ писателямъ—если это были не беллетристы—онъ не имѣлъ успѣха въ публикѣ, руководимой извѣстною частью журналистики. Но уже съ восьмидесятыхъ годовъ значеніе

---

[1]) «Новое Время», 25 января, 1896 г., № 7151.

его стало расти и ростетъ до сихъ поръ. Иныя сочиненія его вышли вторымъ и третьимъ изданіемъ, и, безъ сомнѣнія, значеніе ихъ будетъ расти и расти».

Въ «Новомъ Времени» приводятся слова о Н. Н. Страховѣ одного духовнаго лица, «наиболѣе выдающагося дарованіями и знаніями среди нашей высшей духовной іерархіи». Это духовное лицо, поздравляя покойнаго съ сорокалѣтіемъ его литературной дѣятельности, выразилось въ своемъ письмѣ, что въ лицѣ Н. Н. Страхова «привѣтствуетъ *просвѣщеннѣйшаго* въ Россіи человѣка».

Безъ сомнѣнія, такое понятіе о Н. Н. Страховѣ утвердится среди русскаго образованнаго общества, когда это общество ближе ознакомится съ его произведеніями.

Н. Н. Страховъ сдѣлалъ чрезвычайно много и какъ ученый, и какъ философъ, и какъ литературный критикъ,— но все же онъ далеко не вполнѣ высказался. Онъ говорилъ мнѣ, что у него задуманы еще новыя работы, и между ними—очеркъ исторіи *русской* философіи. И несмотря на то, что онъ умеръ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, смерть его—невознаградимая потеря для русской литературы...

Прочувствованную статью посвятили покойному и «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 25), по мнѣнію которыхъ

«для насъ, современниковъ маститаго писателя, особенно важное значеніе имѣютъ критическіе его труды, посвященные Толстому, Тургеневу, Фету, Полонскому, въ которыхъ эстетическое чувство и тонкое пониманіе прекраснаго соединились съ сильнымъ философскимъ умомъ и способностью къ анализу. Изданіемъ книги Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа» и критическихъ трудовъ А. Григорьева онъ оказалъ неоцѣнимую услугу русскому обществу.

«Н. Н. Страховъ, неразрывно связавшій свое имя съ именами людей, составляющихъ гордость и украшеніе русской литературы, создалъ себѣ нерукотворный памятникъ, и пусть ему лишь въ послѣдніе годы дано было «увидѣть своихъ читателей», за то, умирая, онъ могъ сказать себѣ: «Я умираю, но спокоенъ душой».

«Биржевыя Вѣдомости» не преминули лягнуть уснувшаго лѣва русской національной мысли. Высказавъ нѣсколько двусмысленныхъ сожалѣній о кончинѣ Н. Н. Страхова, нѣкто Гамма написалъ въ этой газетѣ (№ 26) слѣдующее:

«Извѣстной средѣ болѣе всего нравится наиболѣе спорная книга Н. Н. Страхова «Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ»; но самое заглавіе этой книги, въ которой даже слово «литература» позаимствовано съ Запада, показываетъ, что несчастье Страхова, какъ писателя, заключалось въ томъ, что онъ попалъ въ среду «почвенниковъ», которые отъ однихъ отстали, а къ другимъ не пристали, представляя нѣчто переходное, межеумочное, очень похожее на то, что и свѣтитъ, да не грѣетъ.

«Борьбы съ Западомъ» въ философскомъ смыслѣ не могло и не можетъ быть. Это выраженіе неточное и двусмысленное, какъ неправильно было бы озаглавить книгу: «борьба съ цивилизаціей», или «борьба съ человѣчествомъ», или «борьба со свѣтомъ и добромъ». Слово «борьба» умѣстно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о побѣдѣ надъ зломъ, неправдой, невѣжествомъ. Общеніе съ Западомъ, сближеніе съ общечеловѣческою цивилизаціей, съ наукой вызывало обычное противодѣйствіе невѣжества, узкаго національнаго, китайской замкнутости, трусливой боязни затеряться и обезличиться въ томъ общеніи, которое обыкновенно обогащаетъ, оплодотворяетъ и развертываетъ во всю ширь и глубину истинныя способности, таланты, достоинства, самостоятельность и независимость какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ. Еслибы Страховъ написалъ исторію этого противодѣйствія, этого слѣпого противленія свѣту и добру, всѣхъ проявленій мыслебоязни и забвенія своей же собственной (до-татарской) старины,—то книга его имѣла бы громадное просвѣтительное значеніе, и ее можно было бы упрекнуть лишь въ неточности заглавія. Но въ «Борьбѣ съ Западомъ» эти-то проявленія и заблужденія и возводятся на высоту борьбы со зломъ, причемъ сами «борцы» не обнаруживаютъ даже сознанія, въ какой мѣрѣ общенію съ Западомъ они обязаны самою возможностью проводить и отстаивать свои мнѣнія и доводы».

Все это очень грустно, такъ какъ показываетъ, какъ трудно инымъ людямъ отрѣшиться отъ затверженныхъ когда-то прописей! [1]).

Очень дѣльную статью, посвященную памяти Н. Страхова, мы нашли въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Южнаго Края». Авторъ ея, г. Н. Ч., указавъ на то, что

«исторія русской литературы и исторія русской мысли причтутъ Н. Страхова къ числу благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ ревнителей русскаго просвѣщенія, благодаря которымъ стала разсѣиваться мгла и тьма нигилизма, радикализма и либерализма, среди которой такъ долго блуждало наше общество»,

поясняетъ это въ слѣдующихъ словахъ:

«Страховъ выступилъ на литературное поприще въ то самое время, когда обаяніемъ моды пользовались идеи Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева; когда имена Дарвина, Ренана, Штрауса, Фохта и Герцена произносились съ благоговѣніемъ, и когда религія, государственность, мораль и эстетика предавались безшабашному поруганію, во имя грубѣйшаго матеріализма и разныхъ соціально-политическихъ бредней. Страховъ, пройдя хорошую классическую школу и основательно ознакомившись съ естественными науками (Страховъ, какъ извѣстно, былъ магистромъ зоологіи), не могъ смотрѣть на естествознаніе съ той ребяческой точки зрѣнія, съ какой на него смотрѣлъ Писаревъ. Страховъ прекрасно понималъ, что натуралисты преслѣдуютъ совсѣмъ не тѣ цѣли, къ какимъ должны стремиться философы и художники, и поэтому прежде всего долженъ былъ столкнуться съ тѣми подбитыми вѣтромъ господами, которые проповѣдывали, что въ естествознаніи заключается разгадка всѣхъ тайнъ мірозданія и всѣхъ основныхъ запросовъ человѣческой мысли и нравственнаго чувства. Вслѣдствіе этого Страховъ сразу возстановилъ противъ себя крикуновъ нашего общественнаго недомыслія 60-хъ и конца 50-хъ годовъ и торжественно былъ провозглашенъ ими мистикомъ

---

[1]) «Русское Слово», редакціи А. А. Александрова, № 27.

и ретроградомъ. Наши самозванные прогрессисты, третировавшіе Страхова en canaille, хотя въ глубинѣ души и сознавали свое полное ничтожество въ сравненіи съ нимъ, тѣмъ не менѣе весьма развязно и не безъ успѣха роняли его въ глазахъ публики, перевирали его слова, замалчивали его труды, отпускали пошлыя остроты по поводу его воззрѣній,—словомъ, пользовались въ борьбѣ съ нимъ всѣми пріемами литературнаго шулерства и достигли своей цѣли. Страховъ долго и долго былъ писателемъ для немногихъ. Онъ сталъ пользоваться широкой популярностью и широкимъ вліяніемъ лишь за послѣднія 10—15 лѣтъ, когда въ нашемъ обществѣ стала проявляться реакція противъ увлеченій и лжеученій 60-хъ и 70-хъ годовъ, и когда уже даже самые глупые люди начали догадываться, что издѣвательство надъ религіей и отрицаніе философіи, семьи, государства и искусства отнюдь не служатъ доказательствомъ блестящаго ума. Его имя стало тогда упоминаться съ уваженіемъ и въ газетахъ, и въ журналахъ, и съ университетскимъ каѳедръ, и въ ученыхъ сочиненіяхъ. Это отразилось и на полемикѣ, которую вели со Страховымъ его литературные враги. Они увидѣли, что ихъ прежніе нечистоплотные маневры ни къ чему не ведутъ, и что со Страховымъ нужно считáться, и считаться серьезно. Они и пробовали это дѣлать, но безъ малѣйшаго успѣха, ибо у нихъ не было ни дарованія, ни подготовки» [1]).

О Н. Н. СТРАХОВѢ.

Тяжелую утрату понесло русское образованное общество. Еще болѣе осиротѣли ряды выдающихся писателей нашего времени. Не стало оригинальнаго и убѣжденнаго мыслителя Н. Н. Страхова.

Имя это давно занимало почетное мѣсто среди немногихъ именъ, украшающихъ страницы исторіи русскаго просвѣщенія, но это имя не пользовалось широкою извѣстностью, никогда не было популярнымъ въ тѣсномъ

---

[1]) «Русское Слово».

значеніи этого слова. Никогда оно не выставлялось ни на какомъ «знаменіи». Это имя было дорого и хорошо знакомо немногимъ, но за то эти немногіе могли вполнѣ цѣнить и понимать носителя этого имени; а сколько мы знаемъ случаевъ, что люди, чрезъ каждыя десять словъ поминающіе имя своего «великаго учителя жизни»,—сумѣвшаго снискать популярность,—сами его произведеній или совсѣмъ не читали, или читали поверхностно, кое-какъ...

И, разумѣется, не Страхову было желать для себя такой популярности. Зато, какъ радовался онъ, когда какой-нибудь томикъ его сочиненій приходилось выпускать новымъ—вторымъ или третьимъ—изданіемъ. Онъ спѣшилъ писать къ этому изданію предисловіе, и каждая строчка его такъ и дышала радостью, что вотъ и у него увеличивается кругъ читателей, и значитъ его идеи и мысли найдутъ себѣ теперь болѣе широкое распространеніе.

Это была законная и справедливая радость, ибо Страховъ зналъ, какіе читатели будутъ читать его книгу, ибо онъ безъ всякой гордости могъ сказать себѣ:—«А, увеличивается спросъ на мои книги, значитъ увеличивается кругъ людей, способныхъ къ серьезному мышленію».

Со стороны, разумѣется, будетъ иное дѣло. Смотря на радость Страхова по поводу выпуска второго или третьяго изданія какого-нибудь изъ его сочиненій, нельзя было не огорчаться, нельзя было не ощущать горькаго стыда, что въ то время, какъ сочиненія Страхова едва-едва расходятся въ тысячѣ-другой экземпляровъ—шесть томовъ собранія сочиненій Д. И. Писарева, чье невѣжество граничило только съ его самомнѣніемъ, расхватываются въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

Неужели ужъ такой зарокъ положенъ на Россію, что въ ней громкою извѣстностью могутъ пользоваться только тѣ писатели, которые или льстятъ толпѣ, или ошеломляютъ ее своей наглостью, своимъ безцеремоннымъ лганьемъ?

Какъ бы то ни было, но популярностью Страховъ при жизни своей не пользовался. По крайней мѣрѣ мы лично знаемъ не мало образованныхъ людей, которымъ имя Страхова извѣстно только по наслышкѣ.

Можетъ быть теперь, послѣ его смерти, сочиненія Страхова пріобрѣтутъ бо́льшую извѣстность и войдутъ въ библіотеку каждаго образованнаго человѣка.

Подобные примѣры не разъ вѣдь бывали у насъ.

Леонтьева мало знали при жизни—теперь его стали читать.

Почти не знали при жизни Н. Я. Данилевскаго. Теперь въ короткое время книга его «Россія и Европа» вышла пятымъ изданіемъ.

Но кто былъ издателемъ сочиненій Н. Я. Данилевскаго?

Никто какъ Н. Н. Страховъ. И это уже заслуга предъ русскимъ обществомъ, дающая право на безсмертіе въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія.

Страховъ понялъ все значеніе Н. Я. Данилевскаго, этого глубокаго мыслителя-естествоиспытателя, и онъ рѣшился пропагандировать въ русскомъ обществѣ его произведенія, въ надеждѣ, что ему удастся пробить ледъ равнодушія къ любимому имъ автору.

Когда гора не пошла къ Магомету, Магометъ подошелъ къ ней, говоритъ преданіе.

Такъ поступилъ и Страховъ. Общество не подходило къ Н. Я. Данилевскому, игнорировало его дѣятельность, его произведенія. Страховъ пошелъ къ обществу съ этими произведеніями, заставилъ общество обратить на нихъ вниманіе... и успѣлъ въ этомъ.

Удастся ли, когда-нибудь, сдѣлать кому-либо то же самое съ произведеніями Страхова? Это будетъ, конечно, во столько разъ труднѣе, во сколько произведенія Страхова глубже и проникновеннѣе хотя бы «Россіи и Европы» Н. Данилевскаго,—сочиненія, пользующагося особымъ успѣхомъ.

Замѣтьте, въ дѣятельности Данилевскаго есть двѣ стороны: одна—какъ мыслителя-публициста, другая—какъ естествоиспытателя.

Результатомъ первой явилась книга «Россія и Европа», результатомъ второй—«Критика дарвинизма».

Нисколько не умаляя значенія первой книги Н. Я. Данилевскаго, мы все-таки не можемъ не дать первенства другому произведенію его, а именно его замѣчательной критикѣ дарвинизма.

И вотъ тогда какъ первая книга выходитъ пятымъ изданіемъ, вторая не распродана и въ первомъ.

Грустно, если такая же судьба ожидаетъ и сочиненія Страхова, которыя въ своей области такъ же серьезны и значительны, какъ «Критика дарвинизма» въ области естествознанія.

Просматривая списокъ произведеній Н. Н. Страхова, мы удивляемся ихъ разнообразію и колеблемся, какъ назвать Страхова — философомъ, критикомъ или публицистомъ.

Онъ былъ и первымъ, и вторымъ, и третьимъ.

Но, вникнувъ хотя немного въ сущность его долголѣтней литературной дѣятельности, мы не станемъ болѣе колебаться.

Страховъ прежде и главнѣе всего—философъ.

Это помогло ему быть и хорошимъ публицистомъ, и выдающимся критикомъ.

Для критики достаточно имѣть извѣстную чуткость къ прекрасному и извѣстныя познанія въ области исторіи искусства.

Для публициста надо имѣть любовь къ своему отечеству и—знать, а главное—понимать его исторію.

Философомъ надо родиться. Самъ Н. Страховъ такъ говоритъ объ этомъ: «Писателя, имѣющаго въ какой-нибудь степени философскій талантъ, всегда можно ясно отличить отъ того, кто этого таланта не имѣетъ; совершенно такъ, какъ по одной страницѣ, и даже по нѣ-

сколькимъ стихамъ, можно узнать истиннаго поэта и того, кто только старается быть поэтомъ. Многіе изъ тѣхъ, кто пишетъ о философскихъ предметахъ, дѣлаютъ это только по ошибкѣ, такъ какъ вовсе не обладаютъ философскими пріемами мысли. Поэтому можно говорить о *философскомъ талантѣ* почти также, какъ говорятъ о поэтическомъ дарѣ, посылаемомъ природой, а не зависящемъ отъ обученія [1]).

Итакъ прежде всего скажемъ о Н. Н. Страховѣ, какъ о философѣ. Кѣмъ онъ былъ въ философіи? Создалъ ли онъ свою систему?

Нѣтъ, системы онъ не создалъ, да въ этомъ, по нашему мнѣнію, у насъ въ Россіи пока и надобности нѣтъ. У насъ требуется, главнымъ образомъ, вѣрная оцѣнка философскихъ ученій, возникающихъ на Западѣ и разными путями проникающихъ къ намъ. И это—трудъ не легкій и весьма почтенный, требующій большого философскаго ума. Если, не будучи музыкантомъ, трудно судить объ абсолютномъ достоинствѣ какого-нибудь музыкальнаго произведенія, то какъ же, не будучи философомъ, судить о той или другой философской системѣ, какъ произносить надъ ней авторитетный приговоръ?

Философскія произведенія Страхова (кстати сказать, только недавно собранныя вмѣстѣ и изданныя отдѣльною книгой) и сводятся главнымъ образомъ къ оцѣнкѣ разныхъ теченій современной философской мысли и къ опредѣленію ихъ дѣйствительнаго значенія.

Больше всего, кажется, Н. Н. Страховъ интересовался указаніемъ надлежащаго мѣста матеріализму и правильною оцѣнкой философіи пессимизма.

---

[1]) Н. Страховъ. Философскіе очерки. Спб. 1895. Предисловіе.

«Недостаточно», говоритъ онъ, «грубаго отрицанія эмпиризма и матеріализма»... «Когда намъ говорятъ: «истинно сущее есть *матерія* и *только* матерія», или: «истинное познаніе есть *опытъ* и *только* опытъ», то намъ не слѣдуетъ увлекаться ходомъ этихъ рѣчей и отвѣчать на нихъ какими-нибудь доказательствами, что матерія и опытъ достаточны для пониманія природы и нашего познанія. Если утвержденіе совершенно нелѣпо, то и отрицаніе его не имѣетъ никакой цѣны, потому что совершенно безплодно. Гораздо лучше будетъ, если мы матеріалистамъ и эмпирикамъ сможемъ дать такой отвѣтъ: «Мы знаемъ *настоящее мѣсто* и *значеніе* вещества въ природѣ и опыта въ нашемъ познаніи, мы ограничиваемъ ихъ надлежащею *мѣрой*, почему и отвергаемъ все *переходящее эту мѣру*».

Оцѣнивая ученіе матеріализма и эмпиризма, Страховъ отвѣчаетъ, между прочимъ, и на вопросъ, почему эти ученія такъ легко и быстро распространяются и находятъ себѣ сторонниковъ. Этотъ отвѣтъ очень важенъ самъ по себѣ, ибо для многихъ и многихъ оцѣнка какого-нибудь ученія вполнѣ зависитъ отъ количества его адептовъ. Это именно тѣ «многіе», которые вѣрятъ въ непогрѣшимость «большинства».

И вотъ какъ отвѣчаетъ Страховъ на этотъ вопросъ: «Матеріализмъ»,—говоритъ онъ,—«есть самая легкая метафизика, а эмпиризмъ—самая легкая теорія познанія; вотъ въ чемъ сила этихъ ученій. «Всякій человѣкъ желаетъ *знать*»—такъ начинаетъ Аристотель свою «Метафизику»;—точно также можно сказать: всякій человѣкъ желаетъ *дѣйствовать*, и, слѣдовательно—представлять себѣ, что̀ и какъ онъ можетъ дѣлать. Такимъ образомъ, твердое понятіе о познаніи и твердое представленіе о сущности вещей составляютъ неизбѣжную потребность. Какъ только человѣкъ захочетъ довѣрять только себѣ, онъ естественно останавливается на ученіяхъ самыхъ удобныхъ для пониманія и вмѣстѣ вполнѣ удовлетворяющихъ его же-

ланія. Опытъ даетъ намъ дѣйствительныя познанія, которыя *каждый* можетъ пріобрѣсти и которыя простираются, повидимому, на сферы существующаго: «будемъ же держаться опыта». Матеріализмъ есть представленіе, при которомъ мы получаемъ *полную свободу дѣйствовать*. Тутъ сущность вещей у насъ, такъ сказать, въ рукахъ, и нѣтъ въ мірѣ ничего, что̀ могло бы помѣшать намъ употреблять эту сущность по нашему разумѣнію. Ради этой свободы люди готовы приравнять себя къ обезьянамъ и даже къ муравьямъ и пчеламъ, *лишь бы избѣжать обязательствъ, которыя налагаетъ на человѣка его исконная природа*. Вотъ объясненіе великой привлекательности этого ученія для тѣхъ, кто убѣгаетъ всякаго подчиненія, въ которомъ не можетъ дать себѣ полнаго отчета. И они упорно держатся на этихъ точкахъ зрѣнія, не видя, или закрывая глаза на то, что эмпиризмъ приводитъ къ совершенному скептицизму, къ отрицанію познанія, и матеріализмъ—къ совершенному равнодушію, къ отверженію всякой дѣятельности».

Такъ замѣчательно ясно и кратко опредѣлилъ Страховъ причины чрезвычайно быстраго успѣха и распространенія матеріалистическаго ученія.

Не менѣе удачна и та оцѣнка, которую Страховъ далъ пессимистической философіи Шопенгауера. Онъ въ числѣ немногихъ понялъ и истинное значеніе этого пессимизма, и показалъ вмѣстѣ съ тѣмъ его различіе съ пессимизмомъ христіанскимъ.

Тогда какъ послѣдній пессимизмъ, исходящій изъ положенія, что «міръ во злѣ лежитъ», основанъ на любви къ ближнему и на желаніи ему вѣчнаго блага, пессимизмъ философскій, пессимизмъ Шопенгауера и Гартмана, держится весь на эгоизмѣ.

Въ этомъ заключается объясненіе того, почему философія пессимизма не можетъ явиться для человѣка *положительнымъ* ученіемъ, и въ концѣ концовъ приводитъ только къ мысли о самоистребленіи.

Къ опредѣленію значенія философіи Шопенгауера Страховъ обращался неоднократно, но всего яснѣе это выражено въ его предисловіи къ Фетовскому переводу главнаго сочиненія Шопенгауера «Міръ, какъ воля и представленіе».

Съ самаго начала Страховъ указываетъ, что «дабы наслаждаться и поучаться имъ (Шопенгауеромъ)—вовсе не нужно быть непремѣнно послѣдователемъ, держаться его системы».

У Шопенгауера «она до такой степени проникнута чувствомъ и правдой, что дѣйствуетъ на насъ съ неотразимою силой, даже если мы не согласны съ теоретическою постановкой дѣла».

Про Шопенгауера у насъ говорили не мало. Существуетъ даже рядъ сборниковъ наиболѣе яркихъ мыслей, выбранныхъ изъ его произведеній,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это очень часто бываетъ именно съ нами, объ истинномъ значеніи философіи Шопенгауера мы знаемъ очень мало.

Въ чемъ же значеніе философіи Шопенгауера по Страхову?

Въ томъ, что онъ показалъ и разъяснилъ, что *пессимизмъ есть основная черта религіознаго* [1]) *настроенія*. «Пессимизмъ можетъ быть различенъ. Есть пессимизмъ пошлый и даже гадкій. Но относительно Шопенгауера слѣдуетъ признать, что у него пессимизмъ имѣетъ настоящій религіозный характеръ... Зло, которое онъ видитъ въ мірѣ,

[1]) Сравните съ тѣмъ, что говорилъ К. Н. Леонтьевъ о пессимизмѣ Гартмана, который ничего — сравнительно съ Шопенгауеромъ—новаго не сказалъ. Прим. *Скоп—аго.*

оцѣнивается имъ по его дѣйствительному достоинству: зло нравственное для него несравненно важнѣе зла физическаго; онъ достигаетъ до самаго корня этого зла—эгоизма (самъ до конца оставаясь *эгоистомъ*), и послѣдовательно приходитъ къ своему чистому идеалу, отрицанію эгоизма, отсѣченію эгоистической воли. Такимъ образомъ, книга Шопенгауера», заключаетъ Н. Страховъ, «можетъ служить прекраснымъ введеніемъ къ пониманію религіозной стороны человѣческой жизни. Кто былъ чуждъ или сталъ чуждъ религіознаго настроенія, тотъ найдетъ здѣсь поученіе, исходящее изъ самыхъ доступныхъ точекъ зрѣнія,—изъ матеріалистическаго и эгоистическаго взгляда на жизнь».

Но и для менѣе глубокаго читателя философія Шопенгауера можетъ оказаться небезполезною. Страховъ говоритъ: «Одинъ пессимизмъ этого философа, если мы поймемъ его, дастъ намъ *болѣе нравственное настроеніе*, чѣмъ тотъ благодушный оптимизмъ, то наивное довольство земною жизнью, въ которомъ мы (т.-е. большинство насъ) теперь живемъ и которое такъ естественно соблазняетъ насъ въ наше относительно спокойное время, при такомъ порядкѣ, многолюдствѣ и движеніи, какого еще никогда не видала исторія. Нужда, заразы, война и всякія бѣдствія, конечно, не перестаютъ; но, вообще говоря, никогда еще столько людей такъ спокойно не жили и не наслаждались земными дѣлами и благами, какъ въ наше время; и та тоска, то внутреннее безпокойство, которое слышится и по временамъ прорывается среди этого благополучія, обыкновенно совершенно заглушается общимъ тономъ жизни и, даже у самихъ сознательно тоскующихъ, разрѣшается въ попытки, цѣль которыхъ то же наивное (пошлое!) довольство. Въ этомъ отношеніи»,—заключаетъ Страховъ,—«книга Шопенгауера можетъ быть горькимъ и полезнымъ лѣкарствомъ, можетъ предохранить насъ отъ наказанія, немшуемо имѣющаго постигнуть насъ за наши розовыя мечтанія; она закры-

ваетъ всѣ выходы къ оптимизму и наводитъ насъ на другой путь, истинный внѣ всякаго сомнѣнія».

По нашему мнѣнію, приведенныя выдержки изъ произведеній Страхова въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ его, какъ философа: Отчасти изъ приведеннаго можно уразумѣть сущность его убѣжденій и какъ публициста и какъ критика.

Впрочемъ, думаемъ, что намъ не разъ еще представится случай поговорить объ этомъ замѣчательномъ мыслителѣ, и тогда мы укажемъ его отличительныя качества въ области критики и публицистики. Пока же мы можемъ сказать только одно: въ нѣкоторыхъ пунктахъ, напримѣръ въ оцѣнкѣ произведеній (изъ послѣдняго періода) гр. Л. Н. Толстого можно не соглашаться,—но вообще игнорировать этого писателя или ставить его въ ряду другихъ нельзя. Такихъ именъ, какъ имя Страхова, у насъ немного...

А. Скопинскій [1]).

---

[1]) Если не ошибаюсь, это псевдонимъ *Владиміра Карловича Петерсена*, который много лѣтъ писалъ въ «Новомъ Времени» подъ другимъ всевдонимомъ—*А—тъ*. В. Розановъ.

P. S. Здѣсь мы перепечатали посмертныя замѣтки о Н. Н. Стр—вѣ, которыя тогда-же вырѣзали изъ газетъ. Собрать его *библіографію* дѣло людей спеціальнаго призванія, изъ коихъ назовемъ г.г. *Гершензона, Коноплянцева, Цвѣткова*. У меня хранится пожелтѣвшая книжечка-тетрадь, въ 16-ую д. л., *съ юношескими* (студенческими) стихотвореніями Н. Н. Страхова, взятая у него послѣ кончины *Пл. А. Кусковымъ* и при кончинѣ послѣдняго—завѣщанная имъ мнѣ. Я хотѣлъ ихъ приложить здѣсь,—но мнѣ отсовѣтовали. *Прим. В. Р—ва.*

Ю. Н. ГОВОРУХА-ОТРОКЪ

ВЪ НѢСКОЛЬКИХЪ ПИСЬМАХЪ.

I.

Милостивый Государь
Василій Васильевичъ!

Я только-что получилъ записку С. А. Петровскаго [1]) съ приложеніемъ Вашего письма и статьи [2]), которую онъ проситъ меня прочесть и дать свой отзывъ. Я тотчасъ же прочелъ ее. Безъ сомнѣнія, она будетъ напечатана, по крайней мѣрѣ я настойчиво выскажусь въ этомъ смыслѣ, но когда—это ужъ ихъ редакціонное дѣло, относится къ редакціонной техникѣ [3]), въ ко-

---

[1]) Редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* сейчасъ (кажется) послѣ Каткова. *В. Р.*

[2]) «Пушкинъ и Гоголь»,—полемическое возраженіе на статью *Ю. Николаева* (псевдонимъ Ю. Н. Говорухи-Отрока) въ *Моск. Вѣд.*, гдѣ онъ рѣзко напалъ на меня за взглядъ на Гоголя, высказанный въ началѣ статьи «Легенда о Великомъ инквизиторѣ». *В. Р.*

[3]) Денежная моя сжатость (165 р. въ мѣсяцъ) была такъ велика въ то время и въ ближайшіе годы, что при всякой горячности и принципіальности полемикъ всегда стояло побочною и жгучею тревогою: «а *когда* будетъ напечатана?» Къ счастью это только мѣняло *тонъ* моихъ статей, придавая ему разражительность, муку и сомнѣнія: но вообще «обстоятельства» (эти и *многія другія*) не давили на ходъ мысли, на умозаключенія, на resumé. И «въ *идеяхъ*» я всегда былъ вѣренъ

торой я ничего не понимаю. Вѣроятно въ непродолжительномъ времени, но, не видавши никого изъ редакціи, не могу Вамъ точно сказать когда.

Я очень радъ, что случай даетъ мнѣ возможность хотя письменно вступить съ Вами въ непосредственныя отношенія. Изъ моихъ статей Вы, вѣроятно, уже замѣтили, что Ваши работы возбуждаютъ во мнѣ живѣйшій интересъ. У насъ съ Вами много точекъ соприкосновенія и даже, въ сущности, одна общая идея [,] изъ которой мы оба исходимъ; но о Гоголѣ— конечно мы стоимъ на разныхъ концахъ, хотя, возможно, кончимъ тѣмъ, что и здѣсь сойдемся, если обои доведемъ до конца взгляды [слово неразборчиво. *В. Р.*]: конечно, буду Вамъ отвѣчать, хотя очень трудно хотя что-нибудь выяснить въ необльшой статьѣ. Необходима монографія о Гоголѣ, которую я, рано-ли поздно-ли, рѣшился написать [1]). Читали ли Вы мою статью

себѣ и *одному себѣ*, переходя отъ однихъ идей къ другимъ идеямъ по ходу внутренняго своего развитія, по «впечатлѣніямъ новымъ» (очень дѣйствовало), по встрѣчамъ съ новыми людьми (тоже дѣйствовало): и—ни по *чему* еще. Всѣ самыя «безвѣрныя» и самыя вѣрующія, самыя анархическія и самыя монархическія статьи суть «мои статьи». *В. Р.*

[1]) Едва ли бы что-нибудь вышло изъ этой «монографіи», самой фактической, самой подробной, еслибы ее написать умный и талантливый, но «все же человѣкъ 60-хъ и 70-хъ годовъ», Говоруха-Отрокъ. «*Не* убо прійдѣ часъ...». Всякому *сроку* историческому своя *мѣра пониманія*. Еще не раскрылось *ухо* для Гоголя, не разверзлось *обоняніе* для его тайнъ... И Чернышевскій, и Добролюбовъ, и теперь Овсянико-Куликовскій, и раньше Страховъ или Говоруха-Отрокъ— *развѣ не искренни были* въ уразумѣніи Гоголя, какъ «великаго *реалиста*» и

въ *Русс[комъ] Вѣстникѣ*, январь, «Литературно-критич. очерки», подписанную Ю. Елагинъ? Тамъ тоже кое-что говорится о Гоголѣ, на что мнѣ хотѣлось бы обратить Ваше вниманіе[1]). Статью, о которой

какъ безстрашнаго «гражданина-*обличителя*» и «христіанина-*проповѣдника*»... Но *страшенъ онъ лежалъ въ гробу*. С. Т. Аксаковъ записалъ: «*Отъ роду* боялся покойниковъ, и когда бывалъ такой—не рѣшался *одинъ* войти въ комнату, гдѣ стоитъ гробъ. А вотъ съ Гоголемъ—странность: вхожу и не *боюсь*, точно это не *покойникъ*, не *умершій человѣкъ*», т. е. «а что-то *другое*». Между тѣмъ весь міръ содрогнулся (и содрогается) при чтеніи нѣкоторыхъ у него строкъ: 1) и какъ церковь *заросла бурьяномъ* («Вій»), и что 2) у вѣдьмы *темное пятнышко* внутри тѣла, и 3) «буквы святой книги *налились кровью*» («Страшная месть»), и какъ 4) «розовый и голубой свѣтъ *съ тихимъ звономъ* переливались въ комнатѣ, и смѣшивались и не смѣшивались» (ворожба колдуна), да и 5) странный весь очеркъ колдуна;—очень страненъ главный его грѣхъ, мысль о коемъ никогда не пришла бы Пушкину на умъ, не вошла бы въ его чистое и (здѣсь чуть-чуть) наивное воображеніе. Я указалъ пять точекъ, и около нихъ есть еще подобныхъ же точекъ десять, говорящихъ намъ о *такой сторонѣ* въ Гоголѣ, какая вообще никогда *реалистамъ* не приходила на умъ, и не могла привлечь ихъ вниманіе, и не могла найти въ нихъ какое-нибудь *пониманіе* себя. Между тѣмъ эти точки, эти стороны души,—*есть*. Какъ чуть-чуть пріоткрывшіяся окна, онѣ даютъ намъ прозрѣть въ самое святилище Гоголевскаго творчества, святилище весьма темное, святилище во всякомъ случаѣ до-христіанское, святилище миѳологическое, колдовское; во всякомъ лучаѣ странное и волшебное. Остановимся на одномъ, безъ риска на этой чертѣ или границѣ ошибиться: Гоголь былъ великій фантастъ, великій вообразитель, съ силою въ этой области до того потрясающей и глубокой, что его собственно *наблюдательныя* и *осмѣдомительныя способности* растворялись въ ней не болѣе какъ капля въ морѣ. *В. Р.*

[1]) Запятая Гов.-Отрокомъ и безчисленными «защитниками» (пусть будетъ такъ) Гоголя позиція и точка зрѣнія заключалась въ томъ,

я упомянаю въ своей замѣткѣ, *Нѣчто о Г[оголѣ] и Д[остоевскомъ]*, я Вамъ вышлю. Она именно написана по поводу мнѣній Градовскаго, и, т[акимъ] о[бразомъ], бьетъ прямо въ центръ дѣла.

На Ваше отрицаніе Гоголя я смотрю какъ на послѣдній фазисъ той борьбы, которая приведетъ къ пониманію Гоголя. Это фазисъ необходимый, и Ваша заслуга въ томъ, что у Васъ достало мужества довести дѣло до конца, т. е. до прямого отрицанія Гоголя [1]).

чтобы отстоять *величіе* Гоголя и душевную чистоту и благородство его. Вообще отстоять его «монументальность въ общепринятыхъ чертахъ» («монументъ», «памятникъ благодарнаго потомства»)... Но «монументъ» какъ извѣстно не удался (въ Москвѣ) и въ этой неудачѣ есть немножко улыбки бѣса. *Величія* его ни я, ни другіе и не затрагиваемъ. «Чистота» и «благородство» какъ-то не идутъ къ вопросу о Гоголѣ: когда говорятъ о Родшильдѣ—говорятъ о *богатствѣ*, когда говорятъ о Бисмаркѣ—говорятъ объ *умѣ*, о Наполеонѣ говорятъ—и говорятъ о *побѣдномъ мастерствѣ*; но о «душѣ» ихъ вопроса не затрагиваютъ. «Душу» спрашиваютъ у святыхъ, праведниковъ и обыкновенныхъ людей, отъ людей дружбы и своего дома. А какой у нихъ «свой домъ», у этихъ людей; у нихъ «всемірный домъ», весь міръ—ихъ «домъ», они—странствователи, блуждатели, пролетающія птицы. Таковъ былъ и Гоголь,—и вопросъ можетъ быть не о «чистомъ его души», а о *загадкѣ его генія*. И вотъ тутъ совершенная перемѣна точки зрѣнія на его геній впервые открываетъ настоящую *интересность его души*. Такимъ образомъ съ серіей новыхъ вопросовъ Гоголь *не понижается*, а необыкновенно *возростаетъ*; возростаетъ и «монументальность» его, но только не отъ «благодарнаго потомства», а отъ потомства любопытствующаго, спрашивающаго, недоумѣвающаго, удивляющагося. *В. Р.*

[1]) Ну, это—какъ вѣроятно думалъ Говоруха—«должно привести къ пониманію *христіанскаго духа* Гоголя»..., «въ *основѣ* православнаго», который «показалъ *безуміе* пустой и безбожной жизни» свѣтскаго общества, «забывшаго обязанности передъ народомъ». Можно и сюда по-

Не бываете ли въ Москвѣ? Какъ бы одолжили, если сіе Вамъ не противно, посѣтивши меня.

Вамъ преданный

Юрій Говоруха-Отрокъ[1])

(Ю. Николаевъ).

Софійская Набережная,
Кокоревская гостинница № 78.

вернуть, и Гоголь повертывалъ сюда въ вознѣ своей съ Матвѣемъ Ржевскимъ. Но какъ-то не «заворачивалось»,—какъ не заворотился «конь, на которомъ скакалъ колдунъ», и все хотѣлъ повернуть его отъ Карпатъ. Но конь донесъ его куда надо. О «христіанскомъ духѣ» Гоголя можно только улыбаться. *В. Р.*

[1]) Чуткій, внимательный слухъ разслышитъ въ этихъ строкахъ письма душу совсѣмъ иного *тона*, нежели у Н. Н. Страхова; и дальше, послѣ этого краткаго «знакомящагося письма», это слышаніе другой души сдѣлается еще звончѣе. Страховъ былъ уже слишкомъ—

не для *житейскаго волненья*

но не въ ангельскамъ смыслѣ, а въ ученомъ и кабинетномъ, съ чѣмъ связуется (увы, судьба и рокъ законовъ *соотношенія*) доля сухости, отчужденности («голодъ народный волнуетъ меня *только въ извѣстіяхъ, которыя читаю*»,—см. «Письма»). Страховъ былъ чистъ особенною институтскою чистотою (женскіе институты): но нельзя скрыть, что иногда хочется изъ ихъ тихихъ дѣвичьихъ коридоровъ и дортуаровъ спуститься въ подвальный этажъ, въ кухню, и тамъ покопаться около кушаній, сковородокъ, широговъ и проч., и что иногда въ «прислугѣ на кухнѣ» найдешь и услышишь тонъ рѣчи болѣе *народный* и болѣе *созвучный сердцу*, чѣмъ у классныхъ наставницъ, учителей и у директрисы. Такъ и Говоруха: съ нимъ легче, естественнѣе льется рѣчь, онъ больше «нашъ», чѣмъ великолѣпный и ученый Страховъ, хотя онъ и не такъ солиденъ и надеженъ. *В. Р.*

II.

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ!

Извините, что немного запоздалъ съ этимъ письмомъ, такъ что оно прійдетъ къ Вамъ позже, нежели напечатанная Ваша статья и мой отвѣтъ на нее. Жалѣю, что не могъ отвѣтить Вамъ пространнѣе, чувствую, что отвѣтъ не удовлетворитъ Васъ. Мою первую статью о Гоголѣ, которую обѣщалъ прислать Вамъ, никакъ до сихъ поръ не могу разыскать, но какъ только разыщу, пришлю,—равно и о Достоевскомъ. То [,] что Вы пишете о Леонтьевѣ [,—] мнѣ очень пріятно: я также большой его поклонникъ. Въ цитатѣ моей не было неточности [неразобранное мною слово. *В. Р.*], на которую Вы сѣтуете. Я цитировалъ его книгу *Византизмъ и Славянство*, которая уже вторымъ изданіемъ вошла въ одинъ изъ томовъ *Востокъ, Россія и Славянство*. Съ Леонтьевымъ я знакомъ. Въ сентябрѣ онъ былъ въ Москвѣ, и, заинтересованный моими статьями, посѣтилъ меня. Такимъ образомъ мы познакомились, а потомъ, впродолженіе двухъ мѣ-

сячнаго его пребыванія здѣсь, часто бывали другъ у друга, ведя безконечные и азартные споры. Онъ, хотя старикъ, но ужасно живой и жизненный. Живетъ онъ постоянно въ Оптиной Пустыни и я все собираюсь навѣстить его тамъ, да разныя дѣла задерживаютъ. Если Вамъ случится быть въ Оптиной, зайдите къ нему, онъ, безъ сомнѣнія, радъ будетъ Вашему посѣщенію [1]).

---

[1]) Я припоминаю сейчасъ, что однажды, лѣтъ 6 или 8 тому назадъ, видѣлъ во снѣ К. Н. Леонтьева (никогда лично не видѣннаго): сонъ былъ чрезвычайно радостенъ (т. е. мое ощущеніе во снѣ), и я началъ словами:—«Вотъ, свидѣлись! О сколькомъ *надо переговорить*». Сейчасъ я не помню, но разговоръ былъ необыкновенно сложенъ и послѣдователенъ, весь «правильный», безъ признаковъ, что «въ сновидѣніи». Двѣ черты изъ сновидѣнія я помню: 1) что Леонтьевъ, весь изнеможенный и больной, весь бѣлый старикъ, хотя чрезвычайно обрадовался мнѣ, но произвелъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ какое я воображалъ (внѣ сна). Именно, что онъ былъ *слабъ до непріятности*, и что былъ весь какой-то жалующійся и точно о чемъ-то просящій, не то о лекарства, не то о пенсіи. Вообще, я не получилъ симпатіи отъ личнаго впечатлѣнія. 2) Самый ходъ бесѣдъ былъ *уходящій дальше, чѣмъ сколько высказалъ Леонтьевъ*, но совершенно не помню, я ли или онъ былъ говорящій: но сохранилось это впечатлѣніе, разрѣшившееся почти восклицаніемъ, когда я проснулся:—«Какое велико лѣпіе!!!» Споръ (какъ бываетъ во снѣ) тянулся на часы, это была «цѣлая книга» споровъ, или точнѣе—открывающихся дальше горизонтовъ, и съ какимъ-то свѣтомъ и счастьемъ *утвердительныхъ тезисовъ* (когда у Л—ва есть только отрицательные). Почти навѣрно, что онъ состоялъ въ томъ, что увидя его столь больнымъ и «просящимъ пенсіи», я началъ укорять его, что онъ находится въ такомъ жалкомъ положеніи отъ того, что не «проломилъ ломомъ стѣны тѣхъ пещеръ», куда завелъ человѣческій умъ, и вотъ если проломить ихъ (и я будто проламывалъ)—«то видите, Константинъ Николаевичъ, куда ведутъ эти озаренныя свѣтомъ дороги», и было (это ясно помню) впечатлѣ-

Онъ оставилъ мнѣ экземпляровъ 25 своихъ книгъ съ просьбою раздавать ихъ даромъ всѣмъ интересующимся подобными идеями [1]). Если между Вашими знакомыми есть таковые, то напишите [,] сколько экземпляровъ Вамъ выслать.

О Гоголѣ никакъ не могу Вамъ уступить, и думаю, что еслибы намъ пришлось поговорить съ Вами, то я успѣлъ бы убѣдить Васъ, что я правъ. Въ печати это трудно сдѣлать по отношенію къ такому упорному человѣку, какъ Вы.

Все, что Вы пишете о Гротѣ [,] чрезвычайно вѣрно—включительно до того, что онъ всетаки очень полезенъ именно своею юркостью. Безъ сомнѣнія. И, въ виду этого, я никогда бы не сталъ «вскрывать его черепъ» [,] если бы онъ самъ назойливо не вызвалъ меня на это.

ніе какъ будто желтыхъ, уходящихъ круто-вверхъ и отлого-вверхъ дорогъ, залитыхъ солнцемъ. Такъ-что «ходъ и *выводы* спора, *тенденціи* спора» слились съ зрительнымъ, для глаза, впечатлѣніемъ желтыхъ дорогъ, какъ бы въ пустынѣ и сверкающихъ (кварцъ, кремень, песокъ подъ солнцемъ). Спы вообще у меня рѣдки, и этотъ по *разумности* (отчетливости и ясности) былъ удивителенъ. Леонтьевъ соглашался и былъ удивленъ, «какъ же у него все такъ умякло въ болотѣ» и еще больше просилъ пенсіи. Я былъ пораженъ, что не вижу его «великимъ» (всегдашнее ожиданіе). *В. Р.*

[1]) Александръ Михайловичъ *Конопляницевъ*, составившій (послѣ чрезвычайныхъ трудовъ) первый его *біографію* и ставшій самъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ и понимающихъ «до ниточки» его идеи учениковъ,—есть важнѣйшее идейное пріобрѣтеніе Л—ва за послѣдній десятокъ лѣтъ. Вообще въ «толпу» Леонтьевъ не входитъ и повидимому не войдетъ; но его *личныя* пріобрѣтенія всегда высоко цѣнны. *В. Р.*

Вы очень проницательны [,] если послѣ одного свиданія съ нимъ такъ вѣрно его угадали.

Ну, желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ Юрій *Николаевичъ*[1])
Говоруха-Отрокъ.

Елагинъ—собственно и есть тоже моя фамилія, такъ какъ мать моя урожденная Елагина.

[1891 г.].

[1]) Вѣрно на мой запросъ въ отвѣтъ ему на предыдущее письмо объ *отчествѣ*. Отъ имени отца онъ и произвелъ псевдонимъ (Ю, *Николаевъ*) въ *Моск. Вѣд. В. Р.*

III.

Простите, многоуважаемый, Василій Васильевичъ, что такъ долго не отвѣчалъ Вамъ: все время болѣлъ. Осень всегда мнѣ обходится не дешево. До того расхворался, что, какъ видите, уже 3-ій мѣсяцъ не даю ничего въ *Русскій Вѣстникъ*. Здѣсь[1]) былъ Леонтьевъ[2]), я съ нимъ видѣлся: много говорили объ Васъ. Онъ живетъ теперь у Троицы[3]) и тоже болѣетъ[4]). Смерть отца Амвросія[5]), боюсь, очень его поразитъ. Кстати, Петровскій просилъ меня переслать Вамъ статью о Катковѣ, которую и прилагаю[6]). Ее нельзя напечатать[7]) вотъ по какимъ соображеніямъ. Теперь изъ агитаціи направленной на сооруженіе памятника Кат-

---

[1]) Въ Москвѣ. *В. Р.*

[2]) Константинъ Николаевичъ. *В. Р.*

[3]) Троице-Сергіевъ Посадъ Моск. губ. *В. Р.*

[4]) Предсмертная болѣзнь. *В. Р.*

[5]) Старецъ Оптиной Пустыни, который благословилъ Леонтьеву, дотолѣ жившему въ Оптиной, переѣхать въ Троице-Сергіевъ монастырь. *В. Р.*

[6]) Ничего объ этомъ не помню. *В. Р.*

[7]) Должно быть значитъ моя статья? *В. Р.*

кову кромѣ скандала ничего не выйдетъ. Слишкомъ не приготовлено къ этому общество. Только по этимъ соображеніямъ, т. е. потому, что въ наст[оящее] время М[осков]. В[ѣдом.] *вообще* не находятъ удобнымъ поднимать это дѣло, Ваша статья не напечатана. Вообще же Петровскій очень проситъ Васъ присылать ему статьи, которыя онъ охотно будетъ помѣщать въ М[осковскихъ] В[ѣдомостяхъ]. Выбирайте любыя темы. Пишите побольше, мнѣ одному не разорваться и Ваши статьи сильно бы подкрѣпляли и мою дѣятельность. Я слышалъ, что Вы женились: поздравляю Васъ. Теперь-то и писать, когда Вы имѣете свой уголъ [1]) и слѣд. больше спокойствія [2]). Ну, до свиданія. Жалѣю, что лѣтомъ не пришлось повидаться съ Вами. Не собираетесь ли въ Москву?

Вашъ всегда
Юрій Говоруха-Отрокъ.

15 октября (1891 г.).
Малая Бронная, д. Фальковской.

---

[1]) Увы...: «Жена есть, а *гдѣ* съ нею жить—не знаю». И учительство въ г. Бѣломъ, и потомъ Петербургъ и контроль сжали «уголъ» до полнаго задыханія; и только переходъ въ «Нов. Вр.» далъ возможность мнѣ взять полнымъ дыханіемъ воздухъ. *В. Г.*

[1]) Спокойствіе наше—въ кошелькѣ нашемъ, а онъ былъ пустъ. *В. Р.*

IV.

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ!

Я передъ Вами виноватъ: одно Ваше письмо пропустилъ безъ отвѣта. Пожалуйста извините меня: все дѣло въ моей лѣни на писаніе писемъ. Если не отвѣчу тотъ часъ же по полученіи, то уже оно такъ и застрянетъ.

Фотографію свою послалъ бы Вамъ очень охотно, но дѣло въ томъ, что у меня ея нѣтъ. А какъ только соберусь сняться, то тотчасъ же пришлю Вамъ—и, кстати уже сказать, ничего такого особенно страшнаго въ Вашемъ желаніи не вижу. Мнѣ самому часто хотѣлось видѣть хотя бы портреть людей меня интересующихъ: это очень естественно.

И еще долженъ извиниться передъ Вами. Я могу Вамъ выслать 4 и даже 5 экз. книгъ Леонтьева, для того онъ мнѣ ихъ и оставилъ, но вотъ до сихъ поръ не собрался этого сдѣлать. На дняхъ непремѣнно вышлю *Востокъ*, *Россія и Слав.* Оттискъ же его статьи о Толстомъ у меня всего одинъ, такъ же какъ и другихъ его

брошюръ. Кстати, знаете ли Вы его книгу о Зедергольмѣ? Вотъ ея точное заглавіе: *Отецъ Климентъ Зедергольмъ Іеромонахъ Оптиной Пустыни. Сочиненіе К. Леонтьева, изданіе 2-ое. М. 1882 г., цѣна 75 к.* У меня тоже одинъ всего экземпляръ, который онъ мнѣ подарилъ. Книга интереснѣйшая. Не знаю, продается ли она въ Москвѣ, но Вы можете выписать ее изъ Оптиной Пустыни. Первоначально она была напечатана въ видѣ статей въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ концѣ 70-хъ или въ началѣ 80-хъ годовъ. Въ Ельцѣ вѣроятно можно найти *Русск. Вѣстн.* за эти годы—въ гимназической библіотекѣ напримѣръ? О Достоевскомъ вотъ мой Вамъ совѣтъ: повременните со статьями о немъ. Онѣ лучше у Васъ улягутся. Въ статьѣ Вашей въ *Русск. Вѣстн.*, мартъ, очень много вѣрнаго, есть и одушевленіе, но она *внутренно* ужасно разбросана, такъ-что не произведетъ на читателя всего того дѣйствія, которое могла бы произвести.

По поводу нашего спора о Гоголѣ Страховъ мнѣ пишетъ: «У Гоголя взглядъ зрѣлаго, крѣпкаго, строгаго человѣка безъ пѣжничанья и малодушной сантиментальности». Подумайте надъ этимъ. Кстати: никакъ не могу разыскать свою 1-ую статью о Гоголѣ, потому до сихъ поръ и не прислалъ Вамъ.

Въ отчетѣ *Русскихъ Вѣдомостей* о засѣданіи *Псих[ологическаго] Общ[ества]*, гдѣ я спорилъ съ Соловьевымъ, все ужасно переврано: и его и мои слова. Впрочемъ споръ вообще былъ безтолковый, благодаря тому, что онъ уклонялся отъ прямой и ясной постановки вопроса.

Я такъ же очень желалъ бы повидаться съ Вами: неужели это не устроится? Что бы Вамъ на праздникахъ, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, проѣхаться въ Москву? Отъ Ельца, думаю, всего-то полъ-сутокъ ѣзды. Прямо и пріѣхали бы ко мнѣ въ Кокорево. У меня номеръ большой, есть широчайшій диванъ, и Вы бы меня нисколько не стѣснили. Право хорошо было бы.

Ну до свиданія—и желаю Вамъ прежде всего какъ можно больше бодрости духовной—и все остальное «приложится» [1]).

Вашъ Юрій Говоруха-Отрокъ.

14 марта [1892 г.].

---

[1]) Портретъ Ю. Н. Гов.-Отр. былъ у меня,—полученный не помню когда. Со сложенными на столѣ руками, онъ сидитъ надъ этимъ столомъ, въ позѣ столь же задумчивой, какъ выдвинувшейся впередъ. Нѣсколько лохматые волосы, небольшая борода (онъ былъ шатэнъ). Много лѣтъ она хранилась у меня,—но въ семьѣ тѣ одинъ, тѣ другой членъ бралъ «за симпатичность лица». Однако все онъ былъ «какъ-то на глазахъ», «гдѣ-то тутъ»,—и я увѣренъ былъ, что «возьму и приложу его къ этой книгѣ». Но когда при изданіи хватился, то при всѣхъ усиліяхъ нигдѣ не могъ отыскать. Очевидно у дочерей «захватили подруги», по русскому обыкновенію,—и «забыли вернуть», тоже по-русски. *В. Р.*

V.

Многоуважаемый
Василій Васильевичъ!

Вотъ какая досада, что Вы меня не застали—рѣдко мнѣ было такъ досадно! И почему Вы не могли денька два прожить въ Москвѣ? Вѣдь теперь Страстная и въ гимназіи занятій нѣтъ. И еще досада: еслибы Вы меня застали, я могъ бы Вамъ отдать книги Леонтьева, которыя по своей ужасной лѣни и безалаберности никакъ не соберусь Вамъ выслать.

Что касается до Вашего желанія промѣнять учительство на журналистику, то заклинаю Васъ всѣми святыми не предпринимайте въ этомъ направленіи никакого рѣшительнаго шага не повидавшись со мной и не посовѣтовавшись съ Н. Н. Страховымъ. Вы можете совершенно и на всю жизнь погубить себя. Нужна черезмѣрная нравственная и умственная выносливость, кошачья живучесть, чтобы, сдѣлавшись журналистомъ, не обратиться въ журнальнаго *смерда*, не погубить окончательно своего дарованія. И вотъ что я Вамъ скажу: я зарабатываю журналистикой отъ 5 до

6 тысячъ въ годъ, но еслибы мнѣ предложили мѣсто учителя въ уѣздномъ городѣ на 2 тысячи жалованья [,—] я сейчасъ же и охотно бросилъ бы журналистику. Я не пересталъ бы писать, конечно, но бросилъ бы, чтобы избавиться отъ обязательнаго писанія. А Вы, сколько я могу судить, человѣкъ далеко невыпосливый и поэтому для Васъ журналистика была бы чистою гибелью. Ну, Христосъ съ Вами. И не рѣшайтесь сами ни на что.

Преданный Вамъ Юрій Говоруха-Отрокъ.

Къ моему великому удовольствію студентики начинаютъ меня читать—иные приходили ко мнѣ [1]).

[1]) Нельзя вообще огульно порицать студентовъ (какъ иногда хочется). Не говоря о томъ, что въ средѣ этой попадаются *оригинальнѣйшія лица* (какихъ пожалуй въ профессурѣ нѣтъ),—но и въ массѣ—это «добрые бурши», и становятся несносными только тогда, когда объѣвшись похвалами себѣ—дѣлаются бездумны, безсмысленны, хвастливы какъ забалованное испорченное дитя. *В. Р.*

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ.

(24 января—27 іюля 1896 г.).

Тѣсенъ въ литературѣ нашей кругъ людей, остающихся еще вѣрными завѣтамъ, смыслу и духу земли русской. Противъ широко раскинувшихся рядовъ противниковъ эта кучка гонимыхъ, эта партія литературныхъ гёзовъ едва имѣетъ нѣсколько разрозненныхъ именъ. Грустна судьба ихъ. Безъ личнаго счастья, безъ какого-либо привѣта, въ нуждѣ и часто униженіи, задыхаясь среди безжалостной клеветы, они отстаиваютъ предметы своего культа, съ очень слабой надеждой на ихъ сохраненіе и только съ вѣрой, что эти предметы суть лучшее, драгоцѣннѣйшее изъ всего дѣйствительнаго. Угрюмо проходитъ ихъ жизнь; они почти не перекидываются словомъ другъ съ другомъ, едва имѣютъ возможность не терять изъ виду одинъ другого. И когда выбываетъ товарищъ—едва имѣютъ время оглянуться на него и сказать торопливо: *вѣчная память*.

Такъ свѣжа еще утрата незабвеннаго *Николая Николаевича Страхова*,—и вотъ потерянъ *Юрій Николаевичъ Говоруха-Отрокъ*. Да, нѣтъ въ нашей партіи ликованія, огней; противники могутъ веселиться—все угрюмо и печально у насъ.

Они не были связаны дружбой—*за недосугомъ*; лишь проѣзжая черезъ Москву, Николай Николаевичъ Страховъ пользовался нѣсколькими днями и почти постоянно проводилъ ихъ у Юрія Николаевича Говорухи-Отрока. Онъ высоко цѣнилъ умъ покойнаго и его образованіе. Когда однажды пишущему эти строки случилось говорить о печальномъ состояніи текущей литературы, онъ съ живостью указалъ на Юрія Николаевича и назвалъ его критическую дѣятельность «свѣтлымъ явленіемъ нашей литературы за послѣдніе годы». Онъ находилъ въ немъ существеннѣйшую черту критика: любовь къ литературѣ въ ея *собственныхъ* задачахъ и оцѣнку каждаго порознь литературного произведенія съ точки зрѣнія *правильности* способовъ, въ немъ употребленныхъ для осуществленія такой задачи. «Всегда онъ умѣетъ схватить», продолжилъ еще маститый критикъ, «главную мысль обсуждаемой статьи *(не беллетристической)* и подвергаетъ ее суду основательному и точному». Особенно онъ цѣнилъ разборъ, имъ сдѣланный, литературной дѣятельности Тургенева; менѣе удачнымъ ему представлялся критическій очеркъ произведеній Владиміра Короленко, и онъ тогда же писалъ ему о своемъ неудовлетворительномъ впечатлѣніи; онъ не имѣлъ уже случая прочесть истинно превосходное раскрытіе, имъ сдѣланное, «музы» Некрасова (въ весенніхъ нумерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» за этотъ [1]) годъ). Однако, завѣтныя его темы остались не-

[1]) 1896 г.

выполненными; необходимость писать еженедѣльно, крайнее утомленіе силъ къ мѣсяцамъ лѣтняго отдыха—все это годъ за годомъ отодвигало выполненіе долго лелѣяннаго имъ плана—написать полный и обширный разборъ «Гамлета», любимѣйшаго его произведенія въ европейской литературѣ.

Какъ ни странно будетъ сказать, этотъ приземистый, темноволосый, типично *русскій* человѣкъ [1])—былъ самъ Гамлетъ, точнѣе—та трансформація этого вѣковѣчнаго и универсальнаго типа, которая для русской дѣйствительности была оттѣнена и обрисована такими вѣрными и тонкими штрихами Тургеневымъ. Говоруха-Отрокъ обильно пережилъ глубочайшія сомнѣнія; онъ былъ благороднѣйшая и *тонкая* натура, тонкая именно въ ощущеніяхъ истиннаго и ложнаго въ человѣкѣ, достойнаго въ немъ или только грубой поддѣлки подъ достойное. Печальная полузадумчивость никогда почти не оставляла его; и вы чувствовали, какъ бы ни мало времени пробыли съ нимъ, что между предметомъ текущаго разговора и главнымъ устремленіемъ его мысли есть непереступаемая черта, что есть эта черта между предметомъ всѣхъ его видимыхъ заботъ и центромъ его души,

[1]) Редакція «Русскаго Обозрѣнія» вѣроятно выполнила бы невысказанное желаніе многихъ любителей литературы, если бы дала его портретъ; кстати, и редакція «Московскихъ Вѣдомостей» воздвигла бы лучшій памятникъ покойному, если бы дала сборникъ лучшихъ его критикъ. Въ послѣднемъ случаѣ, думается, едва ли есть нужда сохранять его некрасивый и безцвѣтный псевдонимъ-*отчество* (Николаевъ).

что литература, писаніе не только не есть для него ремесло, но и не есть даже самое священное; и что онъ охотно отдался бы погруженію въ себя, пò-просту—*теченію* своихъ мыслей, о предметѣ ли, вопросахъ ли, но во всякомъ случаѣ о чемъ-то, чтò для него несравненно цѣннѣе самой литературы и чтò онъ задѣнетъ въ ней не иначе, какъ побочно, но такъ, что вы почувствуете, что при этомъ побочна для него именно литература. Онъ былъ реалистъ въ томъ благородномъ смыслѣ, что словесное искусство освѣщалось для него нѣкоторымъ высшимъ свѣтомъ, идущимъ отъ реальнаго; и онъ былъ мистикъ, потому что это реальное хотя и могло бы быть названо «жизнью», однако не имѣло ничего общаго съ «дѣлами и днями», бѣгущими въ ней, съ частностями, хлопотами;—что это была скорѣе *мысль* жизни, нежели ея фактическое содержаніе. Все освѣщалось въ полѣ его зрѣнія глубокимъ, неяснымъ, нѣсколько *матовымъ* свѣтомъ; въ этомъ свѣтѣ онъ читалъ и любилъ жизнь, любилъ ее какъ носительницу этого свѣта, то есть *не самостоятельно*; литературу любилъ онъ—только какъ третье. И вотъ отчего самый взглядъ его на литературу былъ глубокъ и чистъ, никогда не былъ тревоженъ; вотъ отчего онъ никогда не сталъ публицистомъ въ критикѣ, имѣя всѣ внѣшнія и техническія средства къ этому.

Отсюда же нѣкоторая небрежность въ немъ, какъ бы невнимательность къ писаніямъ своимъ, въ которыхъ далеко не выразилось богатство его силъ и топ-

кость натуры; случайность избираемыхъ темъ; не избѣганіе *поводовъ*, вызывающихъ на слово, но его вовсе не требующихъ; и, однако же, ко всѣмъ этимъ поводамъ не первное, не нетерпѣливое отношеніе,—отношеніе какъ бы чуждое полнаго напряженія силъ. При всякой темѣ онъ не терялъ сокровища своихъ размышленій, и ни въ одной не высказалъ его прямо. Это какъ бы равенство для него *всякихъ* темъ, отутствіе вотъ въ *эту* минуту потребности и объ *этомъ* именно сказать—ослабляло его силы, какъ пищущаго, сообщало нѣкоторую идейную вялость порознь взятымъ его трудамъ. Есть именно *разсѣянность* въ его писаніяхъ,—та разсѣянность, которая бываетъ у говорящаго, когда онъ не занятъ очень лицомъ, къ которому говоритъ, и вопросомъ, который предложенъ ему этимъ лицомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ предметомъ, фиксировавшимъ его вниманіе, едва ли была мысль, *теоретическій* вопросъ, и здѣсь разграничивающая черта между имъ и Страховымъ. Страховъ также рѣдко былъ *возбужденъ* въ своихъ писаніяхъ; но онъ ровнымъ и спокойнымъ языкомъ высказалъ цѣлый обширный организмъ мысли, и побужденіемъ къ писанію для него было именно—членъ за членомъ высвободить изъ себя этотъ организмъ, пожалуй—въ какомъ угодно порядкѣ, но—*весь*. Разсѣянность Говорухи-Отрока была скорѣе всего разсѣянность чувства; онъ былъ фиксированъ на нѣкоторой мысли сердца, не развивающейся, не нудящей браться за перо. Скорѣе онъ отрывался отъ нея, чтобы взяться за перо и начать говорить о предметахъ не слишкомъ интересныхъ, но среди ко-

торыхъ нѣтъ-нѣтъ и вдругъ мелькнетъ нѣчто, что поддается освѣщенію этого постояннаго чувства, что можно осмыслить имъ или сознать въ немъ.

По мелькающимъ тамъ и здѣсь словамъ, по оживленности, которая вдругъ овладѣваетъ тутъ или въ иномъ мѣстѣ его рѣчью, можно даже конкретнѣе отгадать это чувство: это—нѣкоторое ощущеніе вѣчности, въ противоложность временному. Если бы усопшаго спросить, который изъ аттрибутовъ Божіихъ, обычно исчисляемыхъ, ему представляется особенно понятнымъ и необходимымъ, онъ навѣрно не назвалъ бы ни разума, ни благости, ни святости и вообще могущества; онъ навѣрное назвалъ бы—*вѣчность;* и, можетъ быть, назвалъ бы еще—*милосердіе.*

Вотъ два угла, подъ которыми онъ особенно хотѣлъ созерцать міръ; точнѣе, безъ которыхъ ему міръ не былъ бы нуженъ. Нельзя забыть здѣсь *второго* фельетона изъ двухъ, посвященныхъ имъ Антону Рубинштейну (кажется, по поводу выхода его книжки о музыкѣ и музыкантахъ); нельзя не припомнить глубокой любви, съ которой онъ остановился, и потомъ еще все возвращался, къ прекрасному и трогательному разсказу Вл. Короленко—«Въ дурномъ обществѣ»; да и множество другихъ подробностей въ его писаніяхъ. Эту-то *вѣчность* онъ особенно любилъ на ней фикспровалъ свой взглядъ; этого-то милосердія онъ особенно хотѣлъ, безъ него не понималъ жизнь, отвергалъ людей. Отсюда, какъ уже послѣдующее,—его почти невниманіе къ политическимъ трево-

гамъ своихъ дней, его гуманизмъ, демократизмъ его ощущеній и симпатій. И, наконецъ, отсюда его—*индивидуализмъ*, эта еще Гамлетовская черта. Онъ вовсе не имѣлъ «общественныхъ» чувствъ; кажется, въ юности онъ принялъ участіе въ нѣкоторомъ массовомъ движеніи; кажется, для интересовъ и успѣха этого движенія онъ пожертвовалъ, гдѣ-то на югѣ Россіи, родовымъ имѣніемъ своимъ (онъ былъ дворянинъ); но—это ясно было внѣ основныхъ чертъ его характера. Въ его писаніяхъ общество, его судьба, тревога объ его будущемъ не занимаютъ никакого мѣста; вѣроятно, смѣна царствованій въ 94 году и возможная перемѣна «политики» не вызвала никакого въ немъ вопроса, ни—недоумѣнія, ни—страха. Онъ весь былъ погруженъ въ то единственное, что въ исторіи, въ народѣ можно было созерцать подъ угломъ вѣчности въ человѣкѣ. Черта его характера, выведенная въ томъ или иномъ литературномъ произведеніи,—черта характера, не скрытая въ себѣ писателемъ,—его занимала болѣе, чѣмъ всякій новый законъ или предполагаемая важная мѣра. Вопросъ о гибели *Русалки*, то есть технической и административный, не могъ бы его занять; иное дѣло, если бы у погибшаго на *Русалкѣ* моряка нашлась записная книжка,—онъ съ интересомъ раскрылъ бы ее. Человѣкъ, его лицо, его сердце, и никогда «человѣчество» 60 годовъ—его занимало. И въ этомъ онъ представляетъ собою замѣтное и цѣнное звено перехода тѣхъ лѣтъ въ нѣчто новое и противоположное. Счастливо и благодатно сухія тревоги политики оставили его; счастливо и

благодатно взоръ его упалъ на то вѣчное, въ потокѣ чего эти тревоги проходятъ, какъ дни и ночи землевращенія проходятъ въ теченіи около-солнечномъ. Онъ, нѣтъ-нѣтъ, и все возвращался къ Гамлету; помню, онъ любилъ цитировать изъ него части этого монолога:

Окончить жизнь—уснуть,
Не болѣе. И знать, что этотъ сонъ
Окончитъ грусть и тысячи ударовъ,
Удѣлъ живыхъ? Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ. Умереть?.. уснуть?..
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что̀ за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?
Вотъ что̀ дальнѣйшій заграждаетъ путь!
Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!
Кто снесъ-бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды горечь и забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ?—
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни?
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
Да!—только страхъ чего-то послѣ смерти:
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращался къ намъ—смущаетъ волю;
И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ.

Вотъ удивительное сплетеніе земного съ небеснымъ,—вотъ взглядъ сюда, на землю, брошенный подъ угломъ *не раскрытыхъ*, но ощущаемыхъ небесныхъ тайнъ.

Пишущій эти строки видѣлъ покойнаго не болѣе трехъ-четырехъ разъ, и также при случайномъ проѣздѣ черезъ Москву. Помнятся обширныя двѣ комнаты, съ неуклюжими книжными полками, закрывавшими большую часть стѣнъ: бездна книгъ, и изъ нихъ особенно выдѣлялись громадные фоліанты Отцовъ Церкви, въ кожаныхъ переплетахъ, съ бѣлыми *серебряными* надписями на корешкахъ и краснымъ обрѣзомъ; Тургеневъ, кажется, былъ его любимецъ и стоялъ въ прекрасномъ шагреневомъ переплетѣ. За исключеніемъ богатства полокъ, все было пустынно въ комнатахъ; помню скудный обѣдъ, непзмѣнную рюмку водки передъ щами, которая при оживленномъ разговорѣ удваивалась, даже утраивалась,—деревянныя ложки, всегда мнѣ напоминавшія дѣтство и археологію; была какая-то прекрасная умная запустѣлость, нѣчто печальное и задумчивое въ квартирѣ и хозяинѣ: «старый буршъ, старый сорокалѣтній studiosus», думалось глядя на него,—«сколько ты бурь пережилъ, отъ шумныхъ сходокъ 70-хъ годовъ и до этихъ Отцовъ Церкви?» Онъ весь ушелъ въ себя; помню его восклицаніе: «Да я *ничего* не люблю читать позднѣе XVII вѣка!—нахожу, что чѣмъ позже, тѣмъ люди начинаютъ скучнѣе, *вялѣе* писать: живость и правда только въ старыхъ книгахъ!. Однажды, идя по улицѣ, я смѣясь сказалъ ему, что «если представить апостола Павла вставшимъ среди живыхъ, и вотъ—онъ входитъ со своимъ словомъ... въ *Литературно-Артистическій кружокъ*, въ Петербургѣ?..» Говоруха-Отрокъ расхохотался: «—Конечно, конечно, ничего не вышло бы!

не произвелъ бы рѣшительно никакого впечатлѣнія!!». Человѣкъ *здѣсь*—умеръ; въ значительной степени—въ новой цивилизаціи человѣкъ *умеръ*. Вотъ источникъ того, что̀ звали или могли бы назвать въ покойномъ «консерватизмомъ». Нѣкоторая глубокая мизантропія лежала въ основѣ этого,—т. е. то̀ страшное, въ высокихъ лишь душахъ соединимое, чувство обоготворенія почти человѣка въ идеяхъ, въ представленіяхъ, въ нѣкоторыхъ *запомненныхъ* образахъ, и—глубокаго негодованія къ нему-же, насколько онъ мечется въ глаза. Плодъ недостаточнаго углубленія въ Отцовъ Церкви, недостаточнаго укрѣпленія въ богопознаніи, которое отмываетъ отъ человѣка эту желчь идеализма и даетъ силы ему, умѣнье, любить «всяческая во всемъ»... До этого возросли *избранные*—отецъ Амвросій-Оптинскій, Ѳеофанъ Тамбовскій-затворникъ, Іоаннъ Кронштадтскій, Климентъ Зедергольмъ; — счастливцы, труженики, обрадованные за правильный трудъ.

Прекрасно и благородно вполнѣ было сліяніе усопшаго съ Православіемъ, этимъ «путемъ и жизнью»,— «идѣ же нѣсть ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная». Православіе есть вѣчная религія, въ противоположность временнымъ католицизму и протестантству: вѣчная, ибо она не раздражаетъ, какъ тѣ, но удовлетворяетъ душу человѣческую и всѣ мѣры ея исканія, всѣ степени ея тоски. Религія совершенной простоты и совершенной мудрости. Покойный не былъ конечно теоретическимъ умомъ въ достаточной мѣрѣ погруженъ въ ея ученіе; и также онъ

иногда трудился, писалъ, не справляясь съ Отцами Церкви. Но, думается, какъ и многіе уже теперь, онъ дѣлалъ все это какъ бы *условно*, т.-е. при молчаливомъ согласіи отмести все въ своихъ мнѣніяхъ и осудить все въ своихъ поступкахъ, чему одобренія не произнесла бы Церковь. Этотъ духовный строй, напоминающій канунъ иноческаго пострига, когда все еще отдается сегодня міру съ тѣмъ, чтобы завтра отъ этого всего отказаться, т. е. уже *сегодня* отдается съ нѣкоторою *условностью*,—есть строй лучшихъ, нѣжнѣйшихъ душъ нашего времени, такъ чуждыхъ специфическаго ощущенія 60-хъ годовъ: личной автономіи, самонадѣянности, гордости.

Въ жизни покойнаго былъ случай, очевидно повліявшій на его сліяніе съ Церковью во всѣхъ ея частностяхъ и подробностяхъ, со всей ея *полнотою*; нижеслѣдующія строки навѣрное будутъ въ печати прочтены лицомъ, разсказывавшимъ мнѣ его,—такъ довѣріе можетъ быть дано этимъ строкамъ. Въ юности Юріемъ Николаевичемъ былъ пережитъ романъ—съ печальнымъ исходомъ: любовь *ея* не была раздѣлена *имъ*, и она умерла съ глубокой вѣрой въ Бога, но насильственно. Въ любви есть столько *само*-опредѣленія, ея пробужденіе и угасаніе такъ мало зависятъ отъ нашей воли, что лишь никогда не любившій могъ бы осудить покойнаго за то, что возбужденное имъ чувство онъ оставилъ нераздѣленнымъ. Но,—и здѣсь сказывается поворотъ духа отъ самонадѣянныхъ 40-60-хъ годовъ къ совсѣмъ новому настроенію,—

то, что прошло бы у человѣка прежней структуры какъ горделивое воспоминаніе (типъ *Печорина*,—кое-гдѣ, въ слабыхъ чертахъ, повторенный и у Тургенева), въ памяти Юрія Николаевича легло какъ воспоминаніе мучительное, можетъ быть—какъ незабываемый укоръ; во всякомъ случаѣ—какъ тревога, жалость. Эта часть факта была передана покойнымъ разсказывавшему мнѣ лицу независимо отъ слѣдующей: всѣмъ знавшимъ извѣстно было, что какое-то женское имя, но не имя матери или сестры, имъ подается постоянно въ церковь къ поминанію «за упокой». «Одна женщина», разсказывалъ Говоруха-Отрокъ, «нерѣдко видѣлась мнѣ во снѣ, всегда печальная и одѣтая въ черное; разъ моя дальняя родственница отправлялась на богомолье, и я, давъ ей записочку, попросилъ ее отслужить панихиду объ этой покойницѣ у мощей мѣстнаго угодника. Прошло не меньше двухъ недѣль, и снова она привидѣлась мнѣ во снѣ, но, къ удивленію, одѣтая въ бѣлое, только съ черной каймой на платьѣ, и безъ печали на лицѣ. Прошло еще нѣсколько времени, и снова я встрѣчаю свою родственницу; съ первыхъ же словъ она стала извиняться передо мной, говоря, что по болѣзни не попала *тогда* же въ монастырь и только *черезъ двѣ недѣли* могла исполнить мою просьбу. Изумленный, я сталъ разспрашивать подробнѣе о числѣ и днѣ недѣли, и она назвала день: это былъ *тотъ самый* день, когда мнѣ приснился удивившій меня сонъ». Кто слѣдилъ за фельетонами покойнаго, можетъ припомнить, что въ нихъ не разъ и не два упоминалось «о мощахъ святыхъ угодниковъ,

къ которымъ спѣшитъ народъ русскій и несетъ туда свои скорби»,—также о воспитательномъ значеніи для народа монастырей и паломничествъ. Въ свѣтѣ приведеннаго разсказа это становится ясно: покойный писалъ объ *испытанномъ*.

Не подобаетъ христіанину свѣтъ Божій ставить подъ спудъ,—и такъ, за спѣшностью, не испросивъ позволенія, разскажу еще случай, переданный мнѣ изъ жизни своей г. А. Въ первое же свиданіе со мною онъ читалъ мнѣ рукопись статьи: «*Христіанство, какъ основа гражданской и политической жизни*». По прочтеніи, во время разговора, отошедшаго далеко отъ темы статьи, онъ нить за нитью разсказалъ мнѣ жизнь свою, полную приключеній и случайностей: объ оставленіи университета за участіе въ безпорядкахъ, бѣгствѣ за-границу, черной работѣ въ Берлинѣ, участіи въ Парижской коммунѣ 70-го года, гдѣ былъ раненъ; наконецъ, о леченіи гдѣ-то около Ниццы, изданіи въ Прагѣ славянофильскаго журнала (кажется, «Славянскій Міръ»), и, наконецъ—новомъ бѣгствѣ на родину «отъ тоски», гдѣ былъ немедленно схваченъ, но, благодаря 2—3 нумерамъ «Славянскаго Міра», найденнымъ при немъ, былъ скоро выпущенъ. Выслушавъ разсказъ, столь не сродный темѣ статьи, я съ удивленіемъ спросилъ: какимъ образомъ могло произойти въ немъ это коренное измѣненіе убѣжденій, что̀ побудило его думать и вотъ писать о христіанствѣ? «Былъ случай у меня въ жизни, заставившій

меня другими глазами смотрѣть на религію», отвѣтилъ онъ: «была при смерти больная моя дочь, дѣвочка лѣтъ четырехъ; болѣзнь тянулась долго, докторъ уже не подавалъ надежды и пересталъ прописывать лекарства; не въ состояніи будучи видѣть смерть ребенка, я оставилъ жену и дочь и домъ и, сѣвъ въ вагонъ, уѣхалъ дня на два-три въ Москву. Въ вагонѣ одинъ изъ пассажировъ, узнавъ причину моей поѣздки, сказалъ мнѣ: «да сходите въ часовню Пантелеймона-цѣлителя, отслужите молебенъ о здравіи болящей». Такъ какъ въ Москвѣ мнѣ нечего было дѣлать, и я не могъ не думать о дочери, то машинально я пришелъ по сказанному адресу и машинально же заказалъ молебенъ»; (на мой вопросъ:) «ничего рѣшительно не чувствовалъ во время молитвы, даже простой вѣры не было: крестился и клапялся, какъ всегда мы, т. е. о всемъ на свѣтѣ думая, кромѣ мѣста, гдѣ находишься, и дѣла, которымъ занятъ. По пріѣздѣ я нашелъ дочь здоровою, и она встала *въ тотъ именно часъ, какъ я былъ въ часовнѣ*»; (на новый вопросъ мой:) «да, есть *что-то такое*, чего мы не понимаемъ; ужъ тамъ какъ хотятъ — пусть опредѣляютъ; но всякій разъ, какъ у меня есть больной въ домѣ—я иду и служу молебенъ Пантелеймону-цѣлителю», (еще на мой вопросъ): «и всякій разъ помогаетъ». Онъ какъ эмпирикъ повидимому не обобщилъ факта, не вывелъ изъ него ничего, фактъ заставилъ его мягче относиться къ религіи, напр. положить евангеліе въ основу чисто-свѣтскаго разсужденія; но собственно вся религія, все христіанство только у него и выразилось какъ вотъ вѣра въ чу-

десную часовню, молитва о болящемъ и слѣдующее за-этимъ непремѣнно исцѣленіе. Весь храмъ потухъ,— только одна свѣча горитъ. Но есть теплое чувство къ невѣдомому храму [1]).

Вотъ факты, въ простой, обыденной обстановкѣ случившіеся и болѣе убѣдительные, чѣмъ онтологическое доказательство Анзельма Кентерберійскаго, императивъ практическаго разума Канта и ухищренія Декарта, Малебранша или Беркли. Нужно, чтобы *дѣйствительно* было нѣчто на небесахъ, дабы эти доказательства на землѣ имѣли какую-нибудь силу. Я не предупредилъ г. А. о томъ, что печатно передамъ его разсказъ (и да проститъ онъ меня за скрытую, можетъ быть, здѣсь деликатность); когда онъ передавалъ его (до смерти Говорухи-Отрока), мнѣ и въ мысль не приходило въ самомъ дѣлѣ опубликовать его; г. А есть не миѳъ, а живой человѣкъ, который самъ можетъ подтвердить все здѣсь разсказанное, его имя всякій

[1]) Я не разспрашивалъ его, но изъ манеры разговора почти навѣрное могу заключить, что онъ не соблюдаетъ постовъ и въ обыкновенное время едва ли часто посѣщаетъ церковь, и вообще не имѣетъ въ себѣ ничего *напряженно*-религіознаго, что бы было лично пріобрѣтено, и ничего *правильно*-церковнаго, что было бы вынесено изъ воспитанія, какъ *память* дѣтства или какъ *привычка*. Въ немъ я не замѣтилъ никакихъ эстетическихъ или слащаво этическихъ влеченій; простой эмпирикъ и дѣловой человѣкъ, очень добрый, благородный, но не болѣе. P. S. Никакого воспоминанія о разсказчикѣ и разсказѣ. Не былъ ли это (судя по инициалу «А») г-нъ Адамовичъ, теперь служащій въ Мин. пут. сообщ.? Разсказъ, конечно подлинный и конечно истинный, разителенъ. *Прим. 1913 года.* По справкѣ: это дѣйствительно *А. Ф. Адамовичъ*, Спб., Петрозаводская, 3. *В. Р*

можетъ читать на обложкахъ нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ. Словомъ—это проза, самая обыденная, какую можно представить себѣ. И въ ней—*чудо*, знаменіе дѣйствительности того, что хотѣли и были безсильны уловить въ свои силлогизмы тѣ философы.

Въ грустной *Легендѣ* своей о *Великомъ Инквизиторѣ* Достоевскій, изображая пятнадцать вѣковъ ожиданія «смраднымъ и болѣющимъ» человѣчествомъ обѣщаннаго апостоломъ явленія Христа на землю, написалъ, между прочимъ, о *неподдержанности* этихъ ожиданій:

> Вѣрь тому, что сердце скажетъ:
> Нѣтъ *залоговъ* отъ небесъ.

И онъ думалъ, что сердце человѣческое устало ожидать, устало вѣрить. Но онъ обманулся: *есть* залоги, они приходятъ тѣ здѣсь, тѣ тамъ, тѣ къ этому, тѣ къ другому. Есть жизнь частная, и вотъ въ безвѣстной тиши этой жизни является *залогъ*; пусть только *одному* и *на одну минуту* онъ явился: онъ является ядромъ уже такой неразрушимой вѣры, которую не выжечь огнемъ изъ человѣка. Тамъ и здѣсь эти нити встрѣчаются, связываются: и вотъ—религія какъ твердая, каменная, неразрушимая увѣренность, что *есть* тамъ, на небесахъ, именно тѣ, о чемъ мы здѣсь молимся. Упомяну, кстати, что покойный К. Н. Леонтьевъ (лично мною никогда не видѣнный) писалъ мнѣ въ одномъ письмѣ, что причиной его обращенія къ Церкви было нѣчто чудесное, имъ видѣнное (или испытанное—не помню выраженія); я просилъ его передать мнѣ въ

письмѣ, что̀ именно, но, ожидая скораго со мной свиданія, онъ отвѣтилъ, что этого не можетъ передать на бумагѣ. Можетъ быть, кто-нибудь изъ ближе его знавшихъ могъ бы теперь это исполнить.

Покойный *Страховъ* всю жизнь ожидалъ этихъ *залоговъ*; логически и психически онъ былъ подготовленъ къ нимъ; но не было залоговъ,—и онъ умеръ съ вѣрою менѣе ясной, чѣмъ Говоруха-Отрокъ.

Помню, ранѣе напечатанія статьи своей *По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого*, я излагалъ ему доказательства безсмертія души, тамъ развитыя. Онъ слушалъ меня нетерпѣливо, и когда я кончилъ, сказалъ: «Душа безсмертна не отъ того, какъ вы говорите, что она есть одинъ изъ принциповъ бытія и что принципы неразрушаемы, но потому, что это твердо обѣщано намъ св. Писаніемъ». Я былъ изумленъ (потому что подозрѣвалъ въ немъ скептика) и сказалъ—что̀, уже не помню. «Да, да!—обѣщано и Ветхимъ Завѣтомъ и Евангеліемъ»—онъ привелъ 1—2 текста на память—«и этого совершенно достаточно».

Онъ относился съ величайшимъ неудовольствіемъ, когда богословы (профессора духовныхъ академій, между прочимъ въ *Вѣрѣ и Разумѣ*) пускались въ физическія, астрономическія и физіологическія изслѣдованія, чтобы подтвердить тотъ или иной свой тезисъ. «Они не уважаютъ», говорилъ онъ, «свой предметъ; имъ не кажется достойнымъ заниматься религіей, и вотъ они берутся за чуждыя имъ области

физическихъ и естественныхъ наукъ». Онъ не любилъ смѣшенія областей знанія; но область религіозную онъ признавалъ не только этически, но и трансцендентно. Уже идя за его гробомъ, я разговорился о религіозныхъ мнѣніяхъ покойнаго съ г-жею Алексѣевой, переводившею на нѣмецкій языкъ его книгу *Міръ, какъ цѣлое*. «Что покойный (сказала она мнѣ) былъ твердо убѣжденъ въ безсмертіи души,—это я знаю изъ слѣдующаго. Однажды я спросила его, не знаетъ ли онъ книги, гдѣ я могла бы прочесть объ Элевзинскихъ таинствахъ. Онъ далъ мнѣ изъ своей библіотеки. Я заинтересовалась ею и, помню, въ разговорѣ, передавая—въ составѣ таинствъ—о вкушеніи посвященными священныхъ зеренъ въ связи съ идеями о безсмертіи души, сказала: «это, безъ сомнѣнія, было у нихъ аллегорически, какъ и въ причастіи мы аллегорически принимаемъ тѣло и кровь Христа». «Какъ вы говорите: «аллегорически»—воскликнулъ онъ. «Нѣтъ, это—*есть*, это—*въ самомъ дѣлѣ*!» Онъ не пояснилъ, что̀ въ «самомъ дѣлѣ», но по связи разговора было ясно, что онъ высказалъ полноту вѣры въ таинство причащенія, какъ оно исповѣдывается Церковью.

Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, изъ-за границы, онъ, передавая содержаніе проповѣди русскаго священника, между прочимъ писалъ: «всѣмъ, кажется, она понравилась, а мнѣ было досадно, потому что онъ говорилъ ересь. Онъ говорилъ о двухъ заповѣдяхъ Евангельской любви: къ ближнему и любви къ Богу, и указывалъ, что первая особенно важна.

Но вѣдь это не такъ; въ Евангеліи сказано, что именно любовь къ Богу есть первая заповѣдь, а любовь къ человѣку — вторая, и конечно это правильно». Я упомянулъ о его нелюбви къ богословамъ, пускающимся въ физику; но, вотъ, не однажды онъ съ восхищеніемъ заговаривалъ со мною объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ, и всегда прибавлялъ при этомъ: «и не удивительно ли, что такой человѣкъ явился на самомъ крайнемъ пунктѣ нашего соприкосновенія съ Европой,—даже не въ Петербургѣ, а въ Кронштадтѣ» (кажется, онъ связывалъ эту радость свою со славянофильскими своими чаяніями). Однажды, года три назадъ, произнеся это, онъ прибавилъ: «Но вотъ чего вы, В. В., не знаете: Іоаннъ Кронштадтскій вовсе не единственное у насъ лицо; есть нѣсколько такихъ же; то-есть, они дѣлаютъ совершенно то же, что онъ,— и только не пользуются этой славой, не имѣютъ такой извѣстности». Я боялся разрушить это твердое слово, услышать ограниченія, поправки, и поэтому не спросилъ именъ и мѣстностей. Да и зачѣмъ это? Зачѣмъ заглядывать въ имена, мѣстности, годы? Не этотъ-ли скептицизмъ, это рвеніе Ѳомы во все «вложить палецъ», подсѣкъ и яркость вѣры у Страхова и лишилъ его, безъ сомнѣнія, величайшаго счастья, за которое онъ отдалъ бы и свою неоцѣненную библіотеку, и множество своихъ знаній... Его отношеніе къ религіи, какъ я уже сказалъ, было полно, но не ярко, не напряженно; форма вѣры была цѣлостна, не разрушена, но была блѣдность въ ней, какъ блѣдны бываютъ полныя черты въ слабо про-

ступившемъ негативѣ. Взамѣнъ этого, было нѣчто другое въ этомъ чувствѣ, и на вѣсахъ Божіихъ не сосчитано, есть ли это меньшее: постоянное *памятованіе* религіи. Въ какую бы минуту вы ни спугнули мысль его, эта спугнутая мысль отбѣгала именно отъ религіи, чтобы обратиться — конечно, на минуту и не съ настоящимъ интересомъ — къ предметамъ конкретнымъ, къ вопросамъ знанія, философіи, къ бѣгущимъ интересамъ политики. Невозможно представить себѣ, чтобы покойный просто *присутствовалъ* [1]) тамъ, гдѣ говорятъ съ неуваженіемъ о религіи, — чтобы онъ допустилъ себя *видѣть*, *слышать* шутливое отношеніе къ религіи. Но вотъ вы заговаривали *положительно*,—и какое-то безсиліе сказывалось въ немъ.

Онъ именно отрицалъ отрицанія, и ненавидѣлъ ихъ, презиралъ; но его невозможно было ввести въ утвержденія: онъ поднималъ палецъ и требовалъ указать «рану», куда бы могъ вложить его и ощупать. Разъ, въ обычную у него *среду*, среди довольно большого общества писателей, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ передавалъ содержаніе имъ прочтенной—кажется въ рукописи—брошюры, гдѣ были собраны медицинскія удостовѣренія объ исцѣленіяхъ въ Лурдѣ; «опущенная въ источникъ дѣвушка, стра-

[1]) Однажды, въ одну изъ *средъ*, одинъ изъ гостей неуважительно отозвался о Пушкинѣ и, не замѣчая впечатлѣнія или надѣясь, что онъ «гость», впалъ въ дальнѣйшую иронію. Сперва возражавшій Страховъ черезъ нѣсколько минутъ предложилъ ему просто *замолчать*,—что и было исполнено.

давшаяя костоѣдой ноги, по вынутіи изъ воды, оказалась *исцѣленной*»... Страховъ вспылилъ: «Какъ—*«исцѣленной?»* Что̀ же именно *сдѣлалось у нея съ раной?»* Добрый и прекрасный поэтъ растерялся: при чтеніи рукописи онъ не обратилъ на это вниманія, или въ самой рукописи не было ничего; Страховъ продолжалъ: «пишутъ Богъ знаетъ что̀ и какъ: она «исцѣлѣла», было «страданіе кости»; что̀ же, возстановилась ли *цѣлость* кости? или рана *зарубцевалась?* Можетъ быть, она только *снаружи* затянулась кожицей, или нога перестала *чувствовать боль?* Я не могу вѣрить тому, чего не знаю, и вы не можете мнѣ даже *описать факта»*. Онъ равнымъ образомъ прямо негодовалъ на неясность сообщеній проф. Дорабца объ исцѣленіи отъ спккоза: «пишетъ, что *стоялъ* (въ храмѣ Спасителя) *и ничего особеннаго не чувствовалъ;* ну, а не *«не* особенное»? вѣдь *что-нибудь* онъ чувствовалъ? думалъ о чемъ-нибудь?» (поэтому и при разсказѣ г. А. я повторилъ этотъ собственно Страхову принадлежащій вопросъ). Но въ самой ревности негодованія я замѣчалъ именно психическую и логическую готовность Страхова принять чудо: никогда надъ разсказомъ я у него не видѣлъ ни улыбки, ни шутки, ни даже простого невниманія; именно—всегда какой то порывъ, мысль чутко слушающая, и палецъ уже готовый влежиться въ «рану»; но не было раны, не открывались точныя, научныя формы знаменія, не было латинскаго названія исцѣлѣвшаго мускула,—и онъ, не отвергая, переставалъ слушать. Былъ ли правъ онъ? былъ ли онъ неправъ?—трудно судить.

Нельзя, не слѣдуетъ, не должно ожидать, чтобы исцѣленный,—въ томъ свѣтломъ сіяніи души, благодарной къ Богу, какое переживаетъ,—требовалъ скорѣе пера, бумаги, вынималъ циферблатъ часовъ и точно записывалъ фактъ. Такъ. Но и правъ невѣрующій, не зная, *чему* въ точныхъ формахъ онъ долженъ вѣрить. Однако, исцѣленный и не приглашаетъ никого вѣрить; онъ выражаетъ просто сіяніе души своей, и въ людяхъ такъ много благородства, такъ много интимнаго пониманія другъ друга, что, взглянувъ на это сіяніе, и безъ словъ они ощущаютъ причину его,—и вѣрятъ, почти удерживая, почти гоня доказательства. Тутъ если и есть доказательство, то психологическое; доказательство именно въ благородствѣ, въ относительной чистотѣ души человѣческой. Самъ Страховъ разъ зло смѣялся надъ Писемскимъ, когда онъ въ рядъ «русскихъ лгуновъ» наконецъ, увлекшись, помѣстилъ и Шекспировскаго Ромео. Но если люди всегда и только лгутъ, лгутъ одинаково въ словахъ, въ интонаціяхъ голоса, въ томъ, что̀ мы назвали «сіяніемъ души»,—почему наконецъ не лгалъ и Ромео передъ Джульетой, говоря о любви? Но есть красота, пробуждающая истинную любовь; есть истинныя сердца, чувствующія любовь; есть правда въ людяхъ; отъ того только есть и поэзія; и, наконецъ, есть чудеса, есть религія.

Кстати, *чудо* Страховъ опредѣлялъ какъ «нарушеніе какого-нибудь физическаго закона», временную и мѣстную отмѣну его дѣйствія; я запомнилъ это опредѣленіе и, забывъ слово «законъ», сказалъ

однажды кому-то при немъ: «чудо есть нарушеніе которой-нибудь изъ логическихъ или физическихъ аксіомъ». Страховъ съ живостью подтвердилъ: «вотъ! вотъ!»

Здѣсь я долженъ сказать, что Страховъ вовсе не отвергалъ, что *весь* міръ есть нѣкоторымъ образомъ чудо, а *не* чудесное есть рѣдкое въ немъ исключеніе. Раздраженный его требованіями «раны», въ которую можно было бы вложить «персты», я всталъ однажды, и, быстро пройдя по комнатѣ, сказалъ: «*вотъ*—чудо (т. е. что *я*—*иду*), ибо это вопреки всѣмъ аксіомамъ механики: 1) что движущее—*внѣ* движимаго, 2) что движимое—*пассивно* по отношенію къ двигателю, 3) что оно *не останавливается* до встрѣчи съ препятствіемъ или иначе какъ отъ сопротивленія среды и проч.». Онъ въ высшей степени принялъ это. Продолжая, я сказалъ ему: «Итакъ,—*весь живой* міръ есть *чудо*, и также—вселенная, объяснить происхожденіе которой механически мы не умѣемъ. Даже самое притяженіе тѣлъ (Ньютоновское)—развѣ это механика? то-есть, развѣ это не факты, нарушающіе принципы механики, мѣстно и временно исключающіе ея законы? Но, вотъ, изъ этихъ чудесныхъ фактовъ *слѣдствія уже текутъ механически:* и разъ *чудно* тѣла стягиваются, а центробѣжная сила планетъ равна и противоположна по направленію этой стягивающей силѣ,—планеты естественно, *механически*, удерживаются въ своихъ орбитахъ». Эта точка зрѣнія была въ высшей степени ему понятна; но она была слиш-

комъ обща, и перейти отъ нея къ Богородицѣ, мощамъ св. угодниковъ, чудесамъ исцѣленія не было возможности. Это давало основу для спиритуалистическаго только созерцанія міра, но не для церковнаго; Страховъ же, я видѣлъ, хотѣлъ церковнаго чуда; да, конечно, оно только и нужно. Спиритуализмъ—это пустыня; Церковь—это отчій домъ. Оба суть нѣкоторое «мѣсто», но одного намъ не нужно, мы въ немъ погибаемъ; во второмъ же—«жизнь безконечная».

То *постоянное памятованіе религіи*, о которомъ я сказалъ, что оно было у Страхова,—было именно памятованіе, *склоненное ухомъ къ церковному*. Нельзя сказать, чтобы онъ не допустилъ бы въ своемъ присутствіи кощунства надъ «спиритуализмомъ»; механическія и вообще совершенно матерьялистическія воззрѣнія онъ оспаривалъ въ длинныхъ бесѣдахъ, безъ тѣни какого-нибудь негодованія къ оспариваемому. Онъ именно не допускалъ кощунства тамъ, гдѣ въ спиритуалистическомъ начинало чувствоваться *лицо;* онъ этого лица не видѣлъ, не различалъ, не называлъ его имени; но вотъ вы подходили, чтобы его оскорбить—какъ пустоту нѣкоторую, какъ мертвый идолъ людского воображенія,—и онъ съ гнѣвомъ и презрѣніемъ васъ отталкивалъ. Его «перстъ» былъ не вложенъ; онъ не дотянулся до осязаемой раны; но значитъ же было твердое у него чувство, что лѣвѣе или правѣе, ближе или дальше къ этой темнотѣ, ему предстоявшей, есть живая «рана», есть *тѣло*, присут-

ствуетъ *лицо*. Можно сказать, онъ ненавидѣлъ гораздо сильнѣе, чѣмъ всякія матерьялистическія воззрѣнія, такъ называемыя «влеченія» къ религіи, исходившія изъ эстетическихъ или этическихъ иллюзій; былъ цѣлый рядъ «религіозныхъ» писателей (и поэтовъ), которыхъ онъ прямо не выносилъ за этотъ мотивъ ихъ религіозности; то-есть не читалъ ихъ, не видѣлъ, отвергалъ; не хотѣлъ, чтобы вы ихъ знали. Помню, едва я переѣхалъ въ Петербургъ, изъ ближайшаго сосѣдства къ Татеву, онъ сталъ меня внимательно разспрашивать о тамошнемъ труженикѣ, извѣстномъ Рачинскомъ. Почти боязливо онъ спросилъ меня: «Не есть ли его отношеніе къ религіи *эстетическое* только? не любитъ ли онъ только *красоту* въ ней, любитъ ли онъ ее какъ *истину*? Въ немъ столько *вкуса*,—не говорю уже о писаніяхъ, но въ выборѣ предметовъ интереса, предметовъ чтенія, занятія (съ ученпками)»... Разумѣется, я не могъ отвѣтить на такой вопросъ, касавшійся интимныхъ тайнъ души; но указалъ, что отношеніе Рачинскаго къ религіи такъ строго, почти сурово, что ни у него, ни даже въ его присутствіи—у другого, нельзя было бы спрашивать о подобномъ, то-есть спрашивать какъ бы съ сомнѣніемъ, съ собственнымъ скепсисомъ.

При этомъ тускломъ созерцаніи Божества, Его неясномъ ощущеніи,—онъ сдѣлалъ все, чѣмъ могъ восполнить недостающее: выправилъ строго свою жизнь по стезямъ Его заповѣдей, не писанныхъ, но запечатлѣнныхъ въ разумѣ человѣческомъ. Вполнѣ

можно назвать *религіозною всю жизнь Страхова;* сосредоточенная мысль была положена имъ въ основу ея; въ цѣломъ весь его прижизненный трудъ можно назвать «служеніемъ». Печать особливости, глубокаго въ себѣ уединенія, глубокаго и *постояннаго* внутренняго служенія чему-то, нѣкоторому Богу, никогда не называемому, печать и знакъ чего-то скрытаго отъ взглядовъ людей, чувствовалась въ немъ тотчасъ послѣ первыхъ словъ бесѣды, при входѣ въ его комнаты, при взглядѣ на ихъ убранство. «Келья», «монастырь», и во всякомъ случаѣ мѣсто, гдѣ даже нельзя вспомнить веселья, шума, какъ и ничего безстыднаго,—таково было впечатлѣніе, которымъ онѣ встрѣчали васъ и васъ провожали. Замѣчательно, что бесѣда его всегда *очищала* и *просвѣтляла*, какъ и всегда *успокаивала*. Я не помню за три года частыхъ собесѣдованій, чтобы вопросъ когда-нибудь коснулся фривольнаго, чтобы шутка была безстыдна, даже нескромна, равно чтобы въ разговорѣ сказалась зависть, недоброжелательство, злишество въ презрѣніи. И все это при отсутствіи какой-либо напряженности, преднамѣренности, при полной несвязанности рѣчей. Просто низкое или гадкое *естественно* не вилось около него; *здѣсь*—этому не было мѣста; корысти, угодничества здѣсь нельзя было бы высказать; оно ни къ чему бы не прилипло, ни на чемъ бы не зацѣпилось, и какъ ненужное—вылетѣло бы въ дверь вонъ. Есть собесѣдованіе, знакомства, связи, которыя понижаютъ; будятъ дурное въ васъ, даютъ ему ростъ; не создаютъ въ васъ *новаго* дурного, но манятъ распуститься то,

что всегда въ васъ было, и вы въ себѣ это осуждали. При общеніи со Страховымъ это дурное какъ бы *отсыхало;* не находя себѣ пищи,—оно позабывалось. И, нѣтъ сомнѣнія, долгое и постоянное общеніе съ нимъ могло бы поправить порочнаго человѣка,—или человѣка *склоннаго* къ пороку; какъ съ другимъ общеніе иногда губитъ его.

Здѣсь я долженъ сказать объ его отношеніяхъ къ графу Л. Толстому, которое часто неправильно понималось. Онъ его дѣятельность разсматривалъ въ исторической перспективѣ, то-есть какъ бы—*издали* и въ *цѣломъ*; вовсе онъ не сливался съ его «ученіемъ», даже просто—онъ отвергалъ его, или почти отвергалъ; во всякомъ случаѣ не придавалъ ему значенія. Но *смыслъ* его ученія, но *направленіе*, въ которомъ пошелъ Толстой,—его восхищало, вызывало въ немъ величайшій восторгъ, прямо энтузіазмъ. Вотъ—*путь* (то-есть для писателей), какъ бы говорилъ онъ: путь—къ исканію правды, путь—къ Богу; не эти тропинки, по которымъ бредетъ Толстой, но—это *направленіе*, въ которомъ онъ двинулся (да едва ли не *такъ* себя понимаетъ и самъ Толстой? См. его *послѣсловіе* къ Крейцеровой Сонатѣ). Какъ-то при немъ заговорили о «непротивленіи злу»:—«Да, это очень неясная, очень спорная вещь въ его ученіи», проговорилъ Страховъ; видно было, что онъ даже не давалъ себѣ труда вдуматься въ нее. «Когда пріѣхалъ изъ Кіева (едва ли не г. Витте), его спрашиваютъ:—*Ну, что тамъ новаго?* то онъ отвѣтилъ:—*Да что?*

развѣ то, что всѣ нигилисты подъѣлались толстовцами. Онъ сказалъ это небрежно: очевидно, онъ не слѣдилъ за фактомъ, фактъ—былъ въ глаза, и развѣ этотъ результатъ не поразителенъ, не благотворенъ? Сухой, черствый, жестокосердный нигилизмъ перевести къ мягкости, серьезности, религіозности Толстого!.. Еще разъ онъ сказалъ мнѣ: «Никто и *не останавливается* на ученіи Толстого; его посѣщаютъ, бесѣдуютъ съ нимъ, размышляютъ; и потомъ вы видите—*идутъ въ Оптину пустынь;* множество примѣровъ». Другой разъ, послѣ одного разсказаннаго у него эпизода, онъ проговорилъ съ задумчивостью и грустью: «Да, это печальная для Льва Николаевича сторона дѣла, что его писанія всецѣло овладѣваютъ какъ-то слабыми головами». Вообще *детали* въ ученіи Толстого его не занимали; его доктрина, въ составѣ своихъ *членовъ*, для него почти не существовала; но Толстой, какъ человѣкъ и писатель, какъ мыслитель,—былъ для него великъ и прекраснъ, онъ не находилъ словъ, чтобы выразить къ нему почтительность и любовь. Какъ-то однажды Страховъ очень спорилъ объ одномъ писателѣ, уже умершемъ,—очень порицалъ его:—Онъ (этотъ писатель) точно лишенъ былъ обоянія *чистаго* и *нечистаго;* въ немъ вовсе нѣтъ ощущенія этихъ вещей: съ великимъ талантомъ, чудеснымъ языкомъ, онъ говоритъ о прекраснѣйшихъ вещахъ, и вотъ начинаетъ говорить о величайшихъ мерзостяхъ,—безъ всякаго чувства, что это уже *другое*... (онъ на минуту остановился и поднялъ глаза на собесѣдниковъ:) Вотъ Толстой,—въ

немъ удивительно это чувство *чистоты;* какое бы у него сочиненіе вы ни взяли, вы увидите, что чистое и нечистое никогда *не смѣшиваются* въ его глазахъ, что онъ постоянно видитъ самъ и даетъ вамъ чувствовать *разграничивающую* ихъ черту». Я передаю не очень точно и поэтому очень слабо мысль Страхова; но онъ сказалъ это такимъ особеннымъ тономъ, что нельзя было не почувствовать, что *здѣсь* именно центръ его привязанности къ Толстому; что послѣ долгаго пытанія, долгаго всматриванія, онъ увидѣлъ въ немъ человѣка, къ груди котораго можно прилечь и не замараться, не обжечься, не «погубить душу». Онъ почувствовалъ къ нему *довѣріе,*—и, конечно, это выше терминовъ «геніальность» и всякой литературной гари и нечистоты, какою—едва ли *чувствуя* этого писателя глубоко—люди окружаютъ его имя.

«Вотъ, Господи, сколько было силъ—я подошелъ къ Тебѣ: возьми же и донеси меня силой Твоею черезъ остатокъ пути, гдѣ ноги мои не нащупываютъ почвы и руки тщетно протягиваются въ темноту»,—такъ, въ послѣднемъ синтезѣ, можно опредѣлить Страхова, эту правдивѣйшую и смиреннѣйшую душу, смиренную въ очень богатыхъ (кто могъ это *понимать*) дарахъ. Его жизнь и его нравственный образъ вполнѣ удивительны; я уже не хочу говорить, что они особенно удивительны въ нашемъ вѣкѣ. Долго будетъ это всѣми отвергаться, но когда-нибудь будетъ признано: что въ немъ, въ совершенно простыхъ чертахъ, среди насъ жилъ феноменъ, придавшій лучшее

и благороднѣйшее выраженіе всему лику нашего времени. Какъ незамѣтенъ повидимому онъ,—не ярокъ, безшуменъ. Страховъ умеръ,—что же случилось? о чемъ писать? о чемъ даже сожалѣть?.. Да, его могила закрылась...; чистѣйшее сердце—уже не *блюдетъ* насъ; осторожнѣйшая мысль—уже не *слѣдитъ* за нами; рука добрая, дрожащая, рука безконечно благородная, рука никогда не выжидавшая благодарности, даже не ждавшая рукопожатія,—уже не поддержитъ насъ въ паденіи. Страховъ умеръ,—о чемъ *писать*? Да, но *плакать* можно, и, быть можетъ, слѣдуетъ: литература въ немъ потеряла пѣступа своего; наша недозрѣлая, младенческая мысль потеряла въ немъ драгоцѣннѣйшую пяню, какъ-то естественно выросшую, само собой подпявшуюся съ почвы среди цвѣтовъ, деревъ, «пшеницы и плевелъ» нашей словесности. Это Богъ во благовременіи ее послалъ, послалъ въ самую тревожную, опасную минуту нашего роста... [1])

Его личная, индивидуальная жизнь была глубока и сложна; мы не имѣемъ почти слѣдовъ этой жизни въ его словахъ; мы имѣемъ въ нихъ только *плодъ*, только *выводъ* глубокой мудрости и великой старости.

---

[1]) Однажды, въ шутливомъ разговорѣ, онъ сказалъ: «Я люблю *три* вещи: логику, хорошій слогъ и добродѣтель». Разсмѣявшись и попрекая его за такой порядокъ любимыхъ предметовъ, я сказалъ: «А вотъ, я разскажу это въ вашемъ некрологѣ». Онъ съ живостью обернулся ко мнѣ и сказалъ: «Когда я умру,—скажите обо мнѣ: *онъ былъ трезвый среди пьяныхъ*». Ясно, что *такъ* опредѣлялъ онъ себя мысленно среди современниковъ.

Необходимо для характеристики покойнаго [1]) указать его отношеніе къ идеямъ вѣры и свободы; и при жизни, когда онъ отказывался печатно объ этомъ со мной полемизировать, я говорилъ, что это нужно для *дѣла*, для сохраненія важныхъ чертъ его *личности* и, по крайней мѣрѣ, по его смерти нужно будетъ указать на это. Трудно сказать, на какой сторонѣ здѣсь истина. Иногда думается, что весь источникъ спора заключается въ избраніи точекъ зрѣнія, *откуда* смотришь на религію,—моментовъ *въ ней самой*, въ которыхъ *ее* же разсматриваешь. Страховъ смотрѣлъ на религію исключительно подчиненно: *истина—дана*, и ее нужно—*принять*, а принятіе можетъ быть только—*свободно;* онъ вовсе не смотрѣлъ на религію *изъ ея центра*, изъ зерна *растущей* и *покоряющей* себѣ истины, силы, значенія. Религія im werden—это не приходило ему на умъ; религія im sein,—это одно онъ зналъ. И вотъ отчего активныя, дѣятельныя, даже разрушительныя, иногда грозныя манифестаціи религіозныхъ чувствъ въ исторіи были чужды и непонятны ему, были глубоко враждебны и антипатичны въ самой идеѣ; понятна была только мирная культура *усвоенія*. Съ какимъ-то недоумѣніемъ, тоскою, наконецъ съ негодованіемъ и истиннымъ неуваженіемъ, онъ выслушивалъ мысль о возможномъ насиліи въ сферѣ религіозныхъ чувствъ.

[1]) Да проститъ великодушно читатель, что ниже, какъ и ранѣе, я говорю много о себѣ: очень трудно «вспоминать» внѣ отношенія къ себѣ; а характеризуя мысли и выраженія слышанныя, такъ мучительно хочется повторить и защиту отъ нихъ.

Нельзя передать той красоты душевной, того порыва и чистосердечія, съ какими онъ указывалъ, что никогда и ни для какого случая Спаситель не указывалъ насилія; что весь духъ Евангелія есть духъ убѣжденія, и никогда—принужденія. Повидимому, тутъ было недоразумѣніе: принудить *вѣрить*, *слиться* со мною въ вѣрѣ—никого нельзя. *Усвоеніе* вѣры, какъ актъ чисто-субъективный, внутренній, сердечный,—со ipso можетъ совершиться лишь усиліями *вѣрующаго*, то-есть только свободно. Едва-ли, однако, это я ему оговаривалъ. Но *уже* вѣрующіе не только не могутъ, но и не должны выносить присутствія отрицаній своей вѣры около себя: итакъ, не—*принужденіе* къ вѣрѣ, но—актъ *сбрасыванія* съ себя, физическій и территоріальный, всякаго легкомыслія въ вѣрѣ и всякихъ ея искаженій,—это есть то, правоту и необходимость чего я чувствовалъ. Это я говорилъ ему, т.-е. въ формѣ отрицательной: не какъ принцишъ—*in*traire compelle, но—*ex*traire compelle. «Какъ сбрасывать? Да если я *не могу* вѣрить, чистосердечно, искренно?!!»... Въ смущеніи, я ничего не говорилъ... «Такъ рожномъ меня?» и онъ сдѣлалъ жестъ.—«Для *чего* вамъ жить *среди вѣрующихъ*,—уѣзжайте въ Германію», отвѣтилъ я. Всѣ наши разговоры объ этомъ текли какъ-то быстро и неясно; была какая-то несговариваемость, что-то непостижимое въ идеяхъ каждаго для другого. Не держали-ли мы факты различные въ умѣ? Онъ упомянулъ о духоборцахъ на Кавказѣ, куда-то сосланныхъ около этого времени; о толстовцѣ, у котораго отняли («взяли въ опеку») сына; я же держалъ въ

памяти (изъ *Дневника писателя* Достоевскаго) фактъ, когда жена, ежедневно избиваемая, чуть не полѣномъ, самодовольнымъ мужемъ, просила защиты у «міра», и міръ отвѣтилъ («промямлилъ», пишетъ Достоевскій) уклончиво-индифферентно: «живите согласнѣе»; она удавилась черезъ нѣсколько дней,—кажется, на глазахъ пятилѣтней дочери; и еще держалъ я въ памяти бездну любви истерзанной, оплеванной. «—Вы не только темно и запутанно, сквернымъ синтаксисомъ, написали эти статьи: это—*ваше* дѣло; но вы совершили ими *дурной поступокъ въ литературѣ*,— и это уже *мое* дѣло». И опять тутъ была пить, которая убѣждала меня въ истинѣ моихъ мыслей. «Это—*мое* дѣло»,—говоритъ онъ о *дурной* мысли; эта «дурная мысль» есть худой *поступокъ*, коего бы онъ въ себѣ не допустилъ, и, будь редакторомъ—*не допустилъ бы его на страницы своего журнала;* но, Боже, *чего же я хочу иного*, какъ чтобы жизнь, исторія также *хорошо редактировалась*, чтобы одна страница въ ней не говорила одного, и другая—противоположнаго. Не безъ боли я смотрѣлъ на выраженіе его лица, такъ убѣждающаго, съ которымъ такъ хотѣлось бы согласиться, и нельзя было [1]); однажды, забывшись,

[1]) Кусковъ (Пл. А.) и онъ однажды сидѣли у меня на дачѣ и пили чай. И Кусковъ, практическій (въ лучшемъ смыслѣ слова) и жизненный человѣкъ, сказалъ Страхову:—«Оставимъ съ нимъ (съ «В. В.») спорить о всѣхъ этихъ вещахъ («терпимости» и «нетерпимости»). Онъ теперь *переживаетъ такую пору:* онъ переутомленъ идейностью, и наконецъ—просто *усталъ*, отъ писанья, отъ неудачъ службы, и весь находится въ органической потребности безшум-

онъ просто сталъ кричать на меня, чего съ нимъ никогда не было, и потомъ спохватившись проговорилъ: «Ну, Богъ съ вами,—пейте чай». Мнѣ же казалось, что въ этой такъ непостижимой для меня мысли скрыть истинный λογος исторіи,—тайна управленія ею. «Евангеліе *кротко*»...—Но, Боже, родъ «лукавый и прелюбодѣйный» не обратилъ ли самую его кротость въ реторику для себя и прикрылъ ею жестокосердіе? Евангеліе разрушаютъ, и едва вы подняли руку, чтобы защитить его,—васъ спрашиваютъ: «развѣ это по Евангелію? Спаситель повелѣлъ Петру—*вложи мечъ въ ножны*»... И повсюду, во всѣхъ ея линіяхъ, жизнь наша облеклась въ христіанскую терминологію, при исчезновеніи духа христіанства; и, двигаясь по мотивамъ, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющимъ — въ неправдѣ своей, въ жестоковыйности, пытается опереть себя на Евангеліе, по крайней мѣрѣ защитить свое бытіе имъ, и обыкновенно успѣваетъ въ этомъ. «Хладѣющая любовь», которою грозилъ Спаситель «послѣднимъ днямъ»,—ея дни настали, и вотъ она произноситъ термины: «любовь», «милосердіе», «прощеніе», ничего этого *около сердца* не имѣя. Вотъ откуда жажда «опаляющей святыни»,

---

ности, *покоя*. Это простая реакція противъ дѣятельности, порывовъ, надеждъ. Какъ онъ отдохнетъ—заговоритъ *совсѣмъ другое*, заговоритъ *самъ* и *безъ нашихъ возраженій*. Такъ и вышло, и Кусковъ конечно—*правъ*. И *лицо* и *исторія* переживаютъ эпохи *усталости* и *возбужденій*, *утра* и *вечера*, *покоя* и *дѣятельности*: и въ каждую пору «хочется» совсѣмъ другого, нежели чего «хочется» неодолимо въ другую пору. *Примѣчаніе 1913 года.*

актовъ насильственныхъ въ предѣлахъ самой вѣры: изъ жажды нарушить всемірную наставшую условность языка, пробудить людей къ реализму и истинѣ; ибо это законъ природы человѣческой, что когда тѣлу очень жёстко, уста теряютъ искусство лгать. Не отъ этого ли всѣ бѣдные, нуждающіеся, всѣ кому *трудна* жизнь, всѣ истинно гонимые и мучимые въ исторіи—были просты и правдивы; жили грубымъ реализмомъ, въ которомъ спасеніе. Не отъ этого ли проповѣдь Спасителя понесена была *имъ*, и *они* ее услышали, когда фарисеи и книжные люди, жившіе въ «условной лжи» *закона*, то-есть въ законѣ истинномъ, но прикрытомъ условной ихъ ложью, остались къ словамъ Спасителя глухи?! Настала нѣкоторая всемірная глухота къ истинѣ и въ наши дни; и нѣтъ средствъ преодолѣть ее иначе, какъ жгучей истиной,—истиной, которая *кусала* бы ухо и *рвала* человѣка къ вниманію [1])...

Вотъ почему,—конечно въ идеѣ только,—статьею *Свобода и вѣра* я рѣшилъ нарушить этотъ всеобщій

---

[1]) Нѣтъ,—и *теперь* я чувствую нѣкоторую правду тогдашнихъ мыслей о «нетерпимости». Это не одна «усталость» во мнѣ говорила, не одно—«покоя бы *мнѣ*», но и инстинктъ дальнихъ горизонтовъ исторіи. Разумѣется, не къ «духоборамъ» нужна была нетерпимость, и безъ того—страдающимъ, «терпящимъ». Но эта «нетерпимость» очень и очень могла бы пройтись напримѣръ хоть по спинѣ В. М. Скворцова *тогдашнихъ* временъ, который послѣ такой «нетерпимости» къ себѣ по крайней мѣрѣ *внимательно бы изучилъ расколъ*, чего въ своемъ far niente онъ никогда не имѣлъ повода сдѣлать, и т. п.,—примѣры можно удлинить. *Примѣчаніе 1913 года. (Дочитавъ до конца отрывокъ и въ поправку предыдущему примѣчанію)*-

риторическій міръ: міръ, который ложенъ,—міръ, подъ прикрытіемъ котораго живетъ всякая неправда,—міръ, который не отъ Христа, но въ которомъ создается царство противу Него. Въ этой и послѣдующихъ статьяхъ, «такъ дурно синтаксически написанныхъ», данъ полный очеркъ мотивовъ къ нарушенію мира; именно въ интонаціяхъ ихъ, съ которыми и связана запутанность, лежитъ потенціально взрывъ чувствъ,—тѣхъ именно, какія могутъ и должны взломать ледъ всеобщей условности.

Но повторяю, такъ много красоты въ отверженіи этихъ идей, все-таки по существу жестокихъ,—такъ много красоты въ Евангеліи *всепрощенія*, и всякое отраженіе ея на каждомъ человѣческомъ лицѣ такъ прекрасно, что, не убѣждаемый нисколько доводами, смотря лишь на прекрасное лицо Страхова, я поддавался и предпочиталъ молчать, видя его гнѣвъ. «Никогда, никогда Православная Церковь этому не учила: въ вашихъ мысляхъ есть существенно католическій характеръ»... Это была наиболѣе смущавшая меня сторона дѣла; но—не «католическій характеръ» слѣдовало-бы сказать, а—«характеръ *послѣдовательности*», который «есть *также и въ* католичествѣ». Вся наша (русская) исторія—особенно въ эти два вѣка, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже—носитъ характеръ хаотичности; все въ ней «обильно», «широко»,—и все «не устроено»; мы какъ-бы живемъ афоризмами, не пытаясь связать ихъ въ систему, и даже не замѣчая, что всѣ наши афоризмы противорѣчатъ другъ-другу; такъ-что *мы* собственно, наше духовное *я*—не опре-

дѣлимы, не уловимы для мысли, и вотъ почему мы—не развиваемся.

«Существенно католическій?»... Нѣтъ, но—нравственно-*послѣдовательный*, *итакъ* во *внѣшнихъ* чертахъ, безъ измѣненія внутренняго *я*—пожалуй и католическій. Такъ-же мощно, прекрасно, такъ-же вѣковѣчно, какъ католицизмъ—и даже по внутреннимъ задаткамъ несравненно вѣковѣчнѣе—поднимется Православіе, доселѣ захудалое;—жемчужина, топущая въ навозѣ нашей дѣйствительности. Никогда *внутри* себя оно не станетъ истерзимо: кротость, милосердіе, чистый Евангельскій духъ—все то, что удивительнымъ образомъ въ немъ единственно на землѣ сохранено (это признавалъ и даже указывалъ мнѣ Страховъ)—тѣмъ прочнѣе сохранится въ немъ, чѣмъ тверже, *нетерпимѣе* оно отвергнетъ всѣ внѣшнія на себя посягательства, католичества-ли, протестантства-ли, или еще болѣе опасныя посягательства новаго ложнаго «просвѣщенія». Да не касаются его нечистыя руки; да подыметъ оно свѣтлый взоръ передъ всѣми вѣрами; да не устыдится, что мало въ немъ «учености». Нѣкоторая духовная гордость, гордость отъ обладанія истиной,—это все, это вся тѣнь упрека, какая могла-бы быть высказана новымъ пожеланіямъ, съ какими я обратился къ Церкви,—сколько смѣлъ это сдѣлать; и—ничего болѣе, ничего—еще, ибо смиренно я не коснулся ея содержанія, ни слова объ ея ученіи не высказалъ, поставивъ только «рожонъ» около ея внѣшнихъ притворовъ. Какъ всякая самоутверждающаяся истина, она отрицаетъ всѣ свои отрицанія; она удаляетъ ихъ

за горизонтъ своего вѝдѣнія: это пожалуй нетерпимость и *католическая* черта, но болѣе—черта *послѣдовательности*, которою въ свое время руководился католицизмъ и ею устроился. Это—вѣчная логика;—и нельзя-же Православію отказаться отъ употребленія силлогизма потому только, что онъ былъ открытъ «языческимъ философомъ». Но внутри этой черты, по *сю* сторону крѣпко запертыхъ дверей—что мѣшаетъ Православію сохранить весь свѣтъ и радость, и теплоту своего ученія, своихъ молитвъ; зачѣмъ ему сумракъ католицизма, тоскливость протестантскихъ сектъ: это—не отъ Бога, потому только ужѐ, чтò это—не радость. Снова и снова повторяемъ: только въ Сиріи, только въ Греціи, только въ Балканскихъ земляхъ и на широкихъ равнинахъ Россіи сохранена еще тайна молитвы; это—сокровище, уже всюду утерянное. Нѣтъ болѣе *умныхъ* молитвъ нигдѣ: храмъ потухъ повсюду въ западныхъ, протестантскихъ и католическихъ странахъ; тамъ есть догматы, богословіе, церковная археологія; есть залы музыкальныхъ собраній, морализированье съ церковныхъ каѳедръ,—и нѣтъ ничего подобнаго живому горящему молитвой храму Православнаго Востока. Дать его залить новой цивилизаціи (какъ онъ уже залитъ въ «латинскихъ» земляхъ южныхъ славянъ) изъ почтенія бо́льшаго передъ формулами французскаго просвѣщенія, чѣмъ передъ завѣтами Евангелія, не помѣшать «свободно» оспорить эти молитвы, поглумиться надъ ними (развѣ уже Щедринъ со своими «же за ны» и «же можаху» не простиралъ на это дер-

зости?)—совершить это нашъ вѣкъ, наше время, наше поколѣніе можетъ быть хотѣли-бы... Но вѣдь этого многоголоваго Louis XV, съ его après nous le déluge, не выроешь потомъ изъ могилы; и пусть можно будетъ развѣять его кости: это уже не поправить преступленія. Итакъ, лучше преступленію не совершиться, т. е. его не допустить,—хотя-бы даже по нуждѣ и насильственно.

И почему, почему въ «жёсткомъ для тѣла» не допустить нѣкоторый коррелятивъ грѣха: наша природа уже испорчена—признаемъ это смиренно и свой грѣхъ обречемъ жертвѣ. Дѣйствительно: слабость вѣры, блужданія ума, самый атеизмъ уже сталъ какъ-бы природой нѣкоторыхъ людей; но для чего въ этой природѣ человѣку гордо замыкаться? Не лучше-ли, уединившись отъ нея умственно,—и все-таки не будучи въ силахъ ее сбросить съ себя,—отдать ее какъ нѣчто чужое, постороннее себѣ, на судъ и на присужденіе. Здѣсь все-таки нѣкоторый просвѣтъ къ свободѣ, нѣкоторая дверь убѣганія отъ зла,—его отрицаніе. «Я—*не вѣрю*, я—совершенно *не могу повѣрить*: и вотъ—я *отрицаюсь себя*, становлюсь индифферентенъ къ своему *я*, и соучаствую самъ всему, что̀ съ нимъ производятъ»...Изгибъ духовный, имѣющій точку опоры для себя въ таинствѣ покаянія... Это даже для невѣрующаго, какъ-бы совершенно обреченнаго, лишеннаго всякихъ духовныхъ силъ,—средства не выдти изъ стада Христова...

И много еще аналогичныхъ доводовъ я развивалъ передъ Страховымъ, болѣе сбивчиво, чѣмъ здѣсь.

Онъ настаивалъ, что это выходитъ изъ предѣловъ литературы. «Литература есть существенно сфера духовнаго воздѣйствія и, по этому самому, о *матеріяльномъ* воздѣйствіи, о *физическихъ принужденіяхъ* она не можетъ даже поднимать вопроса: это всегда для нея *чуждо*, всегда *ей враждебно* въ силу самой *природы ея*». Въ другой разъ онъ говорилъ: «Вы можете это проводить гдѣ-нибудь въ комиссіи, но не на страницахъ журналовъ; усиливайтесь измѣнить законодательство—это ваше дѣло, никто этого права у васъ не отнимаетъ. Но оставаясь *писателемъ*, то-есть владѣя сами только духовными средствами и подчиняясь лишь духовнымъ-же воздѣйствіямъ,—заговаривать о *насиліи* вы не въ правѣ, не отрекаясь себя, не измѣняя своему призванію, избранной вами сферѣ труда». Какъ-бы въ отвѣтъ на это, предупреждая самый вопросъ, въ статьѣ «*Что противъ принципа творческой свободы нашлись возразить защитники свободы хаотической*»—я развилъ образъ исторической жизни, понимаемой какъ состязаніе каѳедръ, гдѣ люди произносятъ другъ передъ другомъ рѣчи, нагромождая горы словъ. «Но *кто-же начнетъ дѣйствіе?*»—спросилъ я тамъ; и отвѣтилъ: «*тотъ, кто имѣя болѣе вѣры, чѣмъ всѣ говорящіе, первый надъ ними произведетъ насиліе, создастъ фактъ; и въ отвѣтъ вызоветъ насиліе-же, новый фактъ*»... Вообще, нѣчто *несговоримое* было между мною и Страховымъ; у него была линія законченныхъ соображеній, куда мои доводы не проникали, не могли быть вставлены; мнѣ-же казалось все такъ аксіоматично въ линіи моихъ мыслей, что хотя я его

слушалъ и съ болью смотрѣлъ на его лицо,—вмѣстѣ какъ-бы и не слышалъ, но только любовался просвѣтами (противоположной своей) вѣры, которая въ немъ сказывалась. Такъ онъ говорилъ, помню: «Вы—славянофилъ, или по крайней мѣрѣ поднялись съ почвы славянофильской; вы приносите, поэтому, неизмѣримый вредъ школѣ, ибо ваши мнѣнія могутъ быть поставлены ей на счетъ; между тѣмъ славянофильство всегда было терпимо, никогда оно силы не проповѣдывало». Но онъ не замѣчалъ, что это была школа существеннымъ образомъ *словесная*,—школа замѣчательныхъ теорій, изъ которыхъ никакъ *не умѣлъ* родиться фактъ. Жизнь именно есть вереница фактовъ, и ео ipso—понужденій; понуждали Апостолы, понуждали святые; понуждалъ Спаситель «выдти торгующихъ изъ храма»; понуждали Соборы міръ, и на самыхъ соборахъ Отцы Церкви понуждали отступить іереіарховъ. Слово есть бичъ духовный такъ-же, какъ и питающая манна; бичъ тѣлесный поднимается, когда безуміе или порокъ не внимаетъ никакому слову. Зачѣмъ *это* или *то* возводить въ правило вѣчное? Не далъ-ли человѣку разумъ и совѣсть, чтобы различать, когда что̀ нужно? Нуженъ и мечъ въ исторіи, нужно и слово; прекраснѣе слово, но необходимъ бываетъ и мечъ. Не будемъ бояться меча; будемъ бояться въ себѣ лицемѣрія, при спрятанномъ мечѣ; будемъ бояться глухоты сердца при гремящихъ «словесахъ любви». Будемъ правдивы, будемъ грубы, будемъ просты...

Прекрасна вполнѣ была кончина Страхова,—прекрасна по обилію въ немъ терпѣнія и свѣтлаго духа. Въ Великомъ посту 95 г., на третьей или четвертой недѣлѣ, садясь однажды у меня за обѣдъ, онъ остановился на минуту и спросилъ: «Вы замѣчаете—я худѣю?» Онъ былъ широкъ въ кости, и поэтому особой худобы въ немъ не было замѣтно, кромѣ обычной старческой у *не* тучныхъ людей. Впрочемъ, какъ будто нѣкоторая худоба въ лицѣ была все-таки. Онъ въ это время лѣчился, то переставая, то возобновляя,—отъ чего-то за ухомъ, или въ ухѣ, или около уха, и посилъ—но только иногда—черную узкую повязку вокругъ всей головы, придававшую ему старческій видъ; но *болей* не было—и какъ онъ, такъ и никто не обращалъ вниманія на это—ничему не мѣшавшее недомоганіе. Видя его въ 89-мъ году, я уже тогда видалъ его—при выходѣ изъ дома—съ этой характерной повязкой.

— «Маленькая есть язвочка на языкѣ, и—не проходитъ», сказалъ онъ мнѣ въ этотъ-же постъ, вѣроятно на вопросъ о здоровьи; «и опухаютъ около-ушныя железы; Рюльманъ (лѣчившій его докторъ) говоритъ—«вставьте зубы, а то мы напрасно съ вами возимся»;—а мнѣ не хочется». Онъ годъ назадъ ѣздилъ лѣтомъ на воды въ Эмсъ, и вернулся бодрымъ и веселымъ; повязочки не было.—«Катаральное состояніе слизистыхъ оболочекъ носа и горла», пояснялъ онъ тогда, и кажется этому или почти этому приписывалъ теперешнія какія-то неопредѣленныя болячки. Очень скучалъ онъ однимъ—безсиліемъ писать: «стыдно жить, ничего не работая», писалъ онъ мнѣ какъ-то. Онъ не зналъ лучшей функціи,

какую выполнялъ: *присутствія* свѣтлаго и добраго, на кого работающіе могли-бы оглядываться въ своемъ трудѣ. Уже весной, какъ-то зайдя къ нему и не заставъ его дома, я машинально прошелъ, дожидаясь огня, въ его спальню-кабинетъ: листки узкой бѣлой бумаги, цѣлой пачечкой, лежали исписанными на письменномъ столѣ,—обыкновенномъ ломберномъ раскрытомъ столѣ, который ему служилъ вмѣсто письменнаго. На немъ стояла (кабинетная) карточка графа Л. Толстого, снятаго въ блузѣ, съ засунутыми за поясъ руками, и лежало 5—6 книгъ; въ 3-хъ шагахъ отъ стола, на-искось, стояла кровать, съ бѣднымъ шерстянымъ одѣяломъ; надъ изголовіемъ висѣла большая гравюра Божьей Матери Рафаэля—della Sedia, у ногъ—гравюра съ знаменитыми надгробными изваяніями аллегорическихъ *Дня и Ночи* Микель-Анджело. Далѣе, отъ потолка до полу, у всѣхъ 3 стѣнъ стояли полки съ книгами: тутъ особенно была замѣчательна полка съ классиками-математиками и натуралистами. Въ первыхъ и въ улучшенныхъ позднѣйшихъ изданіяхъ стояли Ньютонъ и его ближайшіе предшественники и продолжатели. Съ благоговѣніемъ, бывало, я разсматривалъ editio princeps, на сѣроватой бумагѣ, въ малую четвертку листа, «Philosophiae naturalis principia mathematica». Далѣе, стояли тутъ Линней и другіе основатели живой органологіи. На другомъ столѣ, близъ окопъ, обращенныя корешками кверху, лежали новыя книги, по естественнымъ-же наукамъ; здѣсь, въ его спальнѣ, жилъ новый міръ, не было humaniora. Онъ объяснилъ мнѣ, придя,

относительно листочковъ, что работаетъ надъ статьей *О естественной системѣ* или *Идеѣ естественной системы*[1]); онъ сталъ спрашивать о заглавіи, и, правда, всѣ были какъ-то неудобны въ словесномъ или логическомъ отношеніи, удобныя-же не выражали мысль статьи.—«Съ восторгомъ читаю Декандоля»,—онъ развелъ руками и что-то безсильное выразилось въ его фигурѣ, какъ всегда при восхищеніи: —«Вотъ книга! вотъ какъ нужно писать!.. Какое обиліе мыслей, что̀ за точность выводовъ»...Онъ не досказалъ, но ясно было, до какой степени слабы (въ его глазахъ и почти навѣрное—въ дѣйствительности) были новѣйшія пусто-писанія сравнительно съ полу-забытымъ этимъ классикомъ. Но онъ любилъ и новыя превосходныя сочиненія: какъ-то

[1]) Рукопись статьи этой находится или у его наслѣдника, или у г. Б. В. Никольскаго, автора обширныхъ посмертныхъ статей о покойномъ. *Ее необходимо издать*, ибо мѣсто ея въ *организмѣ* работъ Н. Н. Страхова—очень важно, и нѣтъ никакой важности, что она выполнена лишь на-половину или на четверть. Въ Страховѣ, какъ *писателѣ*, нѣтъ *пустыхъ* страницъ, и каждое его предложеніе, включая въ себѣ опредѣленную мысль, есть уже пріобрѣтеніе для ума размышляющаго. Кстати, послѣдніе 5—6 лѣтъ онъ очень занятъ былъ въ мысляхъ своихъ и, быть можетъ, на бумагѣ, темой статьи—*О мѣрѣ, числѣ и времени*. Редакція журнала *Вопросы философіи и психологіи*, уже такъ много сдѣлавшая для поддержанія у насъ философскихъ изученій, оказала-бы историческую услугу русской образованности, если-бы *теперь*, пока еще *не поздно*, приняла мѣры къ разыскапію и напечатанію фплософскихъ начатковъ усопшаго; плановъ, обрывковъ и т. п. На всякій случай—адресъ наслѣдника его бумагъ: Кіевъ, Реальное училище, Ив. Павл. Матченко; адресъ-же Б. В. Никольскаго можетъ быть узнанъ черезъ редакцію *Историческаго Вѣстника*.

однажды я засталъ его за чтеніемъ только-что появившейся французской книги объ *общественныхъ* (или *колоніально* живущихъ?) животныхъ, какъ кораллы и другіе: «Вотъ,—переучиваться приходится на седьмомъ десяткѣ лѣтъ», сказалъ онъ мнѣ на вопросъ о книгѣ. Вообще ничего *стариковскаго*, или враждебнаго къ *новому*, въ его умственныхъ симпатіяхъ и вкусахъ не было. Онъ, напримѣръ, терпѣть не могъ волюминозныя изданія XVIII вѣка классическихъ писателей. «Отвратительнѣйшая редакція!—весь текстъ перевранъ!..» И онъ или продавалъ букинистамъ, или дарилъ пріятелю классика въ пергаментѣ, когда появлялось лучшее изданіе въ Берлинѣ. Такъ, въ трудахъ, проходили его дни... И первый разъ *въ Троицынъ день* этого года я узналъ истину о его болѣзни... Сѣвъ въ кресло—онъ пришелъ ко мнѣ за часъ до обѣда—онъ оживленно заговорилъ:—«А меня, В. В., собирались рѣзать...—Да! да!.. Рюльманъ говоритъ:—«Никакого толку изъ вашего лѣченія не будетъ, пока вы зубовъ не поправите. Вставьте зубы, и болячка сама собой пройдетъ,—иначе языкъ постоянно раздражается острыми остатками корешковъ».—«Ахъ, думаю, напасть!—Ну, что дѣлать!.. Это было въ пятницу; въ субботу отправляюсь къ зубному врачу (кажется, *Лимбергу*), говорю: «нужно мнѣ вставить зубы». Онъ посмотрѣлъ: «нужно вамъ будетъ сдѣлать челюсть». И сталъ снимать мѣрку, форму десенъ. Я ему говорю—«мнѣ больно». Онъ снялъ—массу или шаблонъ измѣрительный—и посмотрѣлъ внимательнѣе зубы.—«Я вамъ не могу вставлять зубовъ: у васъ тутъ ранки, и вамъ нужно отправиться къ

хирургу и залѣчить ихъ предварительно». Въ понедѣльникъ—у насъ засѣданіе Комитета (Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ онъ служилъ). Во вторникъ отправляюсь къ Склифасовскому; рекомендуюсь ему: но онъ меня помнитъ, оказывается, по Одесской гимназіи, гдѣ онъ учился, когда я былъ тамъ учителемъ. Обласкалъ меня, какъ только можетъ ученикъ обласкать стараго, случайно встрѣченнаго, учителя. Я разсказываю ему, въ чемъ дѣло, и заключеніе зубного врача. Онъ усадилъ меня и сталъ изслѣдовать. «Вамъ нужно приготовиться къ мысли, что нужно сдѣлать операцію; я вамъ ее сдѣлаю, и это вамъ ничего не будетъ стоить»... До того хорошъ и деликатенъ и внимателенъ.—«Что̀ такое, думаю; нужно еще съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться. Есть у меня въ Медико-Хирургической Академіи хорошій и давнишній знакомый, профессоръ патологической анатоміи,—Ник. Алекс. Батуевъ. Иду къ нему, разсказываю все, и прошу совѣта,—какъ поступить: «Отправляйтесь къ Мультановскому»—операторъ при Николаевскомъ Военномъ Госпиталѣ и свѣтило въ хирургическомъ петербургскомъ мірѣ—«и что̀ онъ вамъ скажетъ, то̀ и нужно будетъ сдѣлать». Пропускаю среду и иду на другой день къ Мультановскому:—«Мы операцію успѣемъ сдѣлать, если необходимо, но я дамъ вамъ полосканіе и вы аккуратно его употребляйте, а черезъ два дня я у васъ буду»...

Присутствовавшее при этомъ лицо сказало потомъ, что съ первыхъ словъ разсказа я смотрѣлъ на Страхова съ ужасомъ: въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ-же

словъ *зубного* врача я понялъ, что это былъ ракъ... Отъ старыхъ и опытныхъ людей мнѣ приходилось слышать, что у умирающихъ людей Богъ какъ-бы отнимаетъ разумъ, наводитъ *затемнѣніе* на нихъ, вслѣдствіе котораго они не видятъ то, что̀ ясно какъ день для остальныхъ. Язвочка на языкѣ, не поддающаяся лѣченію; оказывается—такія-же и въ деснахъ, *около* зубовъ, уже не вызываемыя раздраженіемъ отъ пищи; худоба, замѣченная самимъ раньше; и—«мысль приготовиться къ операціи». Бѣдный и милый другъ,—«приготовиться къ смерти!», слѣдовало-бы сказать, если-бы хирургамъ было какое-нибудь дѣло до смерти, если-бы они не были «хирургами отъ *энтихъ* до *энтихъ*». —«Что̀-же вы не сказали намъ объ этомъ въ среду, когда мы были у васъ?» И вотъ никогда, никогда я не забуду его отвѣта, прошедшаго до глубины души, и въ которомъ вдругъ обнажилась и просіяла его прекрасная, смиренная и добрая душа: «—Зачѣмъ-же бы я сталъ огорчать моихъ друзей?» Невозможно забыть тона, какимъ это было сказано: истинно—праведная душа, которой заноза въ пальцѣ ближняго больнѣе, чѣмъ отсѣченіе своей руки; осторожно, безшумно, никого даже не заставивъ встать, онъ хотѣлъ уйти изъ міра, къ своему Богу, оставивъ людей такъ-же бесѣдующими, не замѣчающими его отсутствія, какъ-бы онъ на минуту только вышелъ, и вотъ они ждутъ, но онъ уже не вернется... Въ среду онъ не былъ ни смущенъ, ни разстроенъ; не былъ говорливъ, но и не былъ задумчивъ; также тихо шутилъ и подавалъ обычный свой чай.

Скоро—черезъ день или два—передано мнѣ было извѣстіе, что болѣзнь и дѣйствительно *ракъ*, чрезвычайно уже запущенный, и операція будетъ произведена г. Мультановскимъ, въ Николаевскомъ Госпиталѣ, гдѣ больному отводится свободная (за выводомъ собственныхъ больныхъ въ лѣтніе бараки) комната въ офицерскомъ отдѣленіи. Сказанъ былъ и день операціи, кажется—суббота.. Во всякомъ случаѣ, именно наканунѣ вечеромъ я пошелъ провести съ нимъ вечеръ.—«А, отлично, отлично!»—встрѣтилъ онъ меня, не вставая съ кресель и не выпуская изъ рукъ какую-то книгу: «будемъ пить чай»; и, сдѣлавъ торопливо распоряженіе,—«До чего, до чего вы были неправы, нападая на Гоголя! я вотъ перечитываю, по просьбѣ Майкова—его просилъ Марксъ сдѣлать выборъ статей для популярнаго дешеваго изданія—и изумляюсь; изумляюсь этой неистощимой силѣ творчества, этой вѣрности взгляда, этому чудному языку. Вы говорите — *Мертвыя души;* да, помилуйте, онѣ до сихъ поръ—*живыя*, оглянитесь только, только *умѣйте смотрѣть*!»... Онъ назвалъ знаменитаго нашего политика-дипломата, уже умершаго: «...Это былъ»—онъ развелъ руками—«въ огромнѣйшихъ размѣрахъ, въ грандіозныхъ, массивныхъ чертахъ, но—*только* Хлестаковъ; Хлестаковъ—и ничего болѣе! съ тѣми самыми индивидуальными черточками, какія подмѣтилъ въ этомъ типѣ Гоголь!»... И мы весело заговорили, заговорили какъ никогда оживленно. Рѣчь какъ-то коснулась Толстого, и, поспѣшно вставъ и выйдя въ другую комнату, онъ вынесъ томъ его послѣдняго дорогого изданія, гдѣ,

открывъ *Декабристовъ*—прочелъ мнѣ изъ нихъ нѣкоторые отрывки. Я и раньше читалъ этотъ неоконченный ортывокъ, въ какомъ-то литературномъ *Сборникѣ*, гдѣ онъ впервые появился, но ничего особеннаго въ немъ тогда не замѣтилъ. Въ превосходномъ, выразительномъ чтеніи Страхова я вдругъ увидѣлъ въ немъ бездну для себя новаго,—бездну значительнаго, и, что̀ меня заняло—значительнаго для самого Толстого (позднѣе я воспользовался этимъ для статьи—*По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого*). Я слушалъ чтеніе съ восхищеніемъ къ художественному мастерству разсказа и съ живѣйшимъ любопытствомъ относительно написавшаго разсказъ; но я также чувствовалъ съ горестью, что, въ силу дурного чтенія, въ силу *неумѣнья* читать, мы знаемъ, поняли и оцѣнили только малую долю тѣхъ сокровищъ ума и дивнаго художества, какія таятся въ нашихъ классикахъ. Мнѣ показалось, что отъ этого мы гораздо менѣе развиты и образованы, чѣмъ могли-бы, чѣмъ уже имѣемъ средствъ....

И, переносясь далѣе мыслью, я думалъ съ досадой о школѣ, гдѣ ничему, чему слѣдуетъ, не выучиваютъ; думалъ съ презрѣніемъ о «литературныхъ вечерахъ», гдѣ не читаютъ просто и задушевно, а *ломаются* передъ публикой литераторы... А чтеніе все продолжалось.

Часы летѣли, и около 12-ти я хотѣлъ подняться. Во все время, какъ мы говорили, я не забывалъ объ операціи. Но таково жестокосердіе человѣческое, что когда ему не было больно завтрашняго дня, и мнѣ не было его больно. Я не очень смѣялся, но былъ истинно

увлеченъ бесѣдой, и увлекающимъ былъ *онъ:* мысли, возбужденныя чтеніемъ, какъ-то текли по своему закону, когда тутъ-же, гдѣ-то въ сторонѣ, но не уходя, стояла мысль объ операціи.—Уже было за-полночь. «Ну, хорошо, Николай Николаевичъ,—но что-же Мультановскій и какъ ваше полосканіе?...»

«Мультановскій былъ сегодня утромъ и сказалъ, что нужно сдѣлать операцію»... Не перемѣняя тона и какъ-бы *его* продолжая,—«Ну, что-же, Николай Николаевичъ», сказалъ я, «нужно это сдѣлать, ужъ какъ *онъ* сказалъ»...«—О, да, да! Я нисколько, нисколько»... Онъ затруднился словомъ: «Да куда вы спѣшите: конки уже перестали ходить, и вамъ все равно придется взять извозчика». Я сидѣлъ у него еще часа $1^1/_2$, и спокойный ушелъ отъ спокойнаго, съ какимъ-то далеко стоящимъ ужасомъ въ душѣ...

Передъ операціей, на другой день, онъ сидѣлъ—это было уже въ больницѣ, куда его взяли утромъ—за чаемъ и началъ письмо къ гр. Л. Н. Толстому, безъ сомнѣнія съ увѣдомленіемъ о болѣзни. Вообще, чрезвычайна была любовь его къ этому человѣку; къ Даниловскому, Николаю Яковлевичу, онъ былъ привязанъ какъ къ типично собравшему въ себѣ свѣтлыя народныя черты—ясный умъ и твердый, открытый характеръ; къ Ап. Григорьеву—какъ къ инпціатору правильныхъ пріемовъ въ любимѣйшемъ его дѣлѣ, критикѣ; къ Толстому привязанность его была болѣе глубокая и мистическая: онъ любилъ его, какъ олицетвореніе лучшихъ и глубочайшихъ сторонъ души человѣческой, какъ особливый нервъ въ огромномъ тѣлѣ человѣче-

ства, въ коемъ мы остальные составляемъ менѣе понимающія и звучащія части; онъ любилъ его именно въ его неясности, неокончености.... Любилъ въ немъ темную бездну, дна которой никто не видѣлъ, изъ глубинъ которой еще поднимется множество сокровищъ; и, нѣтъ сомнѣнія, лучшаго друга Толстой никогда не терялъ.—Письмо не было еще окончено, когда вошли доктора и сказали, что все уже готово въ операціонной залѣ. «Я сейчасъ, сейчасъ»... сказалъ онъ, отодвигая письмо, и, запахнувая больничный халатъ, пошелъ... Операція—подъ хлороформомъ—длилась почти два часа; за дверями ожидало его нѣсколько друзей и знакомыхъ, изъ послѣднихъ одинъ мнѣ передалъ эти подробности. Дверь отворилась, и смертельно блѣднаго и недвижимаго его пронесли на носилкахъ.

Не выдержалъ и горько заплакалъ, среди присутствующихъ, любимѣйшій изъ друзей покойнаго—Иванъ Павловичъ Звѣревъ, директоръ одной изъ петербургскихъ прогимназій, старый-престарый....

Отрѣзана была половина языка и вырѣзаны были ранки въ деснахъ и железы около ушей, подъ нижнею челюстью. Это давало 6-8 мѣсяцевъ жизни и, главное, кончину безъ тѣхъ ужасныхъ мученій, какими осложняется ракъ полости рта въ случаѣ, если операція отсутствовала... Я увидѣлъ его только на четвертый день, занятый все это время у себя больнымъ; со-страхомъ, полу-живого я ожидалъ его встрѣтить и, робко отворивъ дверь, подходилъ къ постели съ неяснымъ силуэтомъ лежащаго на ней человѣка... Розовый,

свѣжій, вполнѣ прекрасный, съ веселымъ выраженіемъ глазъ—онъ пожалъ мнѣ руку и, указавъ на ротъ, далъ знакъ, что не можетъ говорить. «Запрещено говорить до снятія швовъ», пояснила мнѣ сестра милосердія, дальняя его родственница, за нимъ ухаживавшая, Наталья Ивановна—да будетъ благословенно ея имя. Лицомъ и рукой онъ сдѣлалъ ей какой-то знакъ: «Велитъ вамъ разсказывать, какъ производили операцію», пояснила она и повела разсказъ, при живомъ его вниманіи и остановкахъ, когда она должна была поправиться или вспомнить подробность. Хлороформъ не все время дѣйствовалъ, былъ перерывъ, онъ очнулся и закричалъ:—«Не давите мнѣ ноги!» А на ногахъ сидѣлъ солдатъ-служитель. Крови было потеряно мало, вслѣдствіе искусства оператора; долго продолжалась операція вслѣдствіе обилія кровеносныхъ сосудовъ въ языкѣ, требовавшихъ перевязки.

И потомъ я его часто посѣщалъ, иногда вечеромъ—надолго, иногда утромъ—на краткій часъ передъ службой. Мы пили безконечный чай и безконечно «говорили». Гдѣ тетрадочка, гдѣ онъ *писалъ*—карандашомъ, подкладывая дощечку, употреблявшуюся имъ при корректурахъ—свои вопросы, и на которой—отвѣчалъ. Такъ хотѣлось мнѣ сберечь ее на память, и я просилъ, но вѣрно онъ отдалъ другому, болѣе близкому человѣку. Въ первое-же посѣщеніе онъ написалъ мнѣ:

«Мультановскій сказалъ:—Въ васъ нѣтъ теперь никакой болѣзни,—только швы снять»; и еще: «*онъ* сказалъ—отличнѣйшее сердце и отличнѣйшіе первы». Его постоянно посѣщали, и тутъ сказалось, какъ много

и многіе любили этого добраго человѣка. Почти постоянно приходили письма, между прочимъ—отъ Толстого и его семьи, гдѣ онъ былъ такъ любимъ. Ни тѣни унынія я въ немъ не видѣлъ; ни тѣни сожалѣнія о пропшедшемъ; о потерѣ языка, о томъ, что вотъ онъ—въ больницѣ, что въ такіе годы ему пришлось перенести такой трудъ... Не успѣвалъ я сѣсть, или едва задумывался, какъ онъ уже писалъ: «Да разсказывайте-же»... Я рѣшительно не зналъ, о чемъ разсказывать: такъ все было обыкновенно кромѣ *его* самого, его *близящейся* смерти. Но онъ этимъ не интересовался; онъ интересовался суетой, міромъ, людьми, литературой. Около него, на столѣ, лежало 4—5 послѣднихъ книжекъ журналовъ; онъ отмѣтилъ въ библіографическомъ указателѣ г. Колубовскаго (въ *Вопросахъ философіи и психологіи)* нѣсколько строкъ подъ рубрикой «Н. Н. Страховъ» и написалъ мнѣ: «кажется, эта статья моя была содержательна: и—только! (то-есть такъ мало строкъ въ указателѣ).—Ну, что это?». Въ немъ была прекрасная черта открытости, и онъ не скрывалъ, не *затаивалъ*, какъ огорчает[illegible] ніе или радуетъ похвала. Занятый [illegible], статьей о Толстомъ, и желая проверить свое впечатлѣніе, я спросилъ его о Василіи Андреевичѣ (въ *Хозяинѣ и работникѣ*) что онъ думаетъ объ этомъ типѣ, кажется-[illegible]му дурнымъ, достойнымъ осужденія? Живо в[illegible]ку, онъ написалъ мнѣ: «отличнѣйшій человѣк[illegible]чій»—и подчеркнулъ «горячій». Въ самомъ [illegible], это—*главная* черта «хозяина», то-есть, по всей *основѣ* своего характера, онъ прекрасный чело-

вѣкъ, только нѣсколько запутавшійся «въ дѣлахъ». Толстой это *почуялъ* художественно, создавая типъ; а рефлективно, осудивъ его, *ошибся*. *До* операціи, я помню, Страховъ былъ ужасно возмущенъ статьей о *Хозяинѣ и работникѣ* въ «Вѣстникѣ Европы»—кажется Слонимскаго. Рецензентъ находилъ паскудство въ изображенной тамъ жизни и объяснялъ ее изъ отсутствія школъ въ нашихъ селахъ. Паскуденъ былъ и работникъ,—пьяница и грубіанъ («жену билъ» или собирался бить); а въ хозяинѣ, «эксплуататорѣ и кулакѣ»—критикъ уже и подобія человѣческаго не находилъ. Страховъ былъ очень взволнованъ... «Да успокойтесь!—это все отъ природы глупые пишутъ», сказалъ я. Онъ съ недоумѣніемъ на меня посмотрѣлъ: «—Критикъ чувствуетъ въ *себѣ*, что все, чему *онъ* обязанъ—это школѣ; природа ему ничего не дала; и вотъ, естественно, у него возникаетъ идея, что если нѣтъ школы—eo ipso окружающая жизнь паскудна, и именно—отъ ея отсутствія». Но статья, въ высшей степени оскорбительная, неблагородная какая-то, низкая по всему своему тону, глубоко втайнѣ возмутила и меня, и никогда я не написалъ-бы Толстому нѣсколько грубыхъ упрековъ за «хозяина», если-бы предварительно бѣдному, умершему на работникѣ Василію Андреевичу не надавалъ заушеній безсердечный, [illegible] глубоко неразвитый и необразованный рецензе[illegible] демическаго и великосвѣтскаго журнала.

Но свѣтлые дни прошли. На лѣто, почти тотчасъ по выходѣ изъ больницы, Страховъ поѣхалъ сперва въ

Ясную Поляну; потомъ къ семьѣ Дапплевскаго, въ Мшатку, на Южномъ берегу Крыма; и на обратномъ пути поѣхалъ и погостилъ въ Бѣлгородѣ, своей родинѣ, и въ Кіевѣ у родныхъ. Никогда и никому онъ не называлъ своей болѣзни, но едва ли онъ не зналъ ея существо: такъ похоже было на прощаніе это посѣщеніе всѣхъ ему дорогихъ по воспоминанію и по живой дружбѣ мѣстъ. Замѣчательно: придя къ нему на домъ, въ началѣ лѣта, еще до отъѣзда,—я его не нашелъ веселымъ. Былъ одинъ огромный недостатокъ въ его квартирѣ: недостатокъ яснаго, *бѣлаго*, древнаго свѣта; войдя, я почувствовалъ, что это огромный гробъ, среди книжныхъ сокровищъ.

Впечатлѣніе усиливалось еще отсутствіемъ комнатныхъ цвѣтовъ, всякой зелени и вообще всего живого: хоть бы онъ канарейку завелъ. Гробъ, гробъ ошибочно прожившаго человѣка, гробъ не понявшаго смыслъ жизни человѣка: гдѣ твоя ученость, для чего она? Куда ты унесешь ее? о тебѣ и поплакать некому и некому тебѣ пожать руку на прощанье. Въ родѣ этого я говорилъ ему и раньше; онъ смѣясь бывало отвѣчалъ: «О *женѣ* безпокоиться нужно,—книги не такъ притязательны и не требуютъ хлопотъ». Теоретическій интересъ сильно перевѣшивалъ въ немъ практическій, дѣйствіе живыхъ эмоцій. Взамѣнъ, онъ очень любилъ людей; любилъ толпу и въ ней имѣлъ друзей; любилъ воспоминанія и любилъ надежды—науки, политики, исторіи; *настоящее*, ослабнувъ въ напряженіи своемъ, въ яркости свѣта—какъ бы разлилось на *прошедшее* и *будущее;* онъ не жилъ сосредоточенною

теперь жизнью и болѣе ярко горѣла передъ нимъ жизнь минувшая, какъ и готовая настать. Богу извѣстно, которое изъ этого лучше; мнѣ же всегда казалась грустною, а слѣдовательно и ошибочною жизнь такихъ людей. Осенью, когда онъ пріѣхалъ ко времени открытія засѣданій Ученаго Комитета, онъ выглядѣлъ очень хорошо,—и замѣтно, несомнѣнно поправлѣлъ; состояніе здоровья было отличное. Я потомъ узналъ, что ему сказано было, для лѣта, время отъ времени показывать себя врачу; но не было случая, да и никакого повода къ этому. Одна перемѣна, однако, въ немъ была: онъ всегда и прежде былъ тихъ, безшуменъ, но онъ сталъ теперь *неуловимо* отчужденъ отъ всего. Никакой видимой, замѣтной перемѣны не было, но онъ болѣе слушалъ, чѣмъ спрашивалъ, не настаивалъ на отвѣтѣ; отвѣтъ, да и все окружающее, ему стало менѣе нужно. Только чудная его доброта не прошла. Въ эти послѣдніе мѣсяцы жизни онъ познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ [1]): поссорившись (изъ-за женитьбы) съ семьей родителей и начавъ литературную работу, онъ обрывался на ней, и вотъ, голодный, обратился къ Страхову, прося помощи въ пріисканіи вѣрныхъ занятій. Страховъ немедленно же направился къ г. Бычкову, директору Публичной библіотеки, и къ Л. Н. Майкову; и тамъ и здѣсь было обѣщано, но нужно было ждать. Молодой человѣкъ изрѣдка сталъ ходить къ Страхову, но, кажется, видѣлъ его не болѣе трехъ или четырехъ разъ. Послѣдній разъ онъ прихо-

[1]) Съ О. Э. Шперкомъ,—черезъ меня. *Прим. 1913 г.*

дилъ къ нему въ воскресенье, 21-го января, всего за три дня до смерти. Задыхаясь, едва сидя, Страховъ—какъ только онъ показался въ дверяхъ—воскликнулъ: «Что же вы не идете къ Бычкову?» Нужно было представиться тому, и со своей стороны попросить,—на что, по крайней степени застѣнчивости, не рѣшался юноша; дѣло же опредѣленія его на службу отъ этого затягивалось. И еще мнѣ извѣстны случаи, когда Страховъ начиналъ «ходить», даже по почти ему незнакомымъ людямъ «съ положеніемъ», чтобы помочь въ нуждѣ человѣку, дать ему заработокъ...

Онъ не торопился показаться Мультановскому по пріѣздѣ осенью въ Петербургъ, и видимо отдалялъ встрѣчу съ медицинскимъ міромъ; *трудъ* перенесенной операціи сказался въ этомъ. Освидѣтельствованный наконецъ, онъ услышалъ, что нужно еще кое-что сдѣлать, «швы внутренніе нѣсколько разошлись», и «нужно кое-что обчистить»,—во всякомъ случаѣ нужно быть готовымъ еще къ легкой, поправляющей операціи. Онъ видимо этого не хотѣлъ, и нежеланію своему нашелъ пособляющее понятіе. «Вѣдь они—не тераневты», говорилъ онъ мнѣ. Я не понималъ.—«Они—не лѣчатъ»,—объяснялъ онъ раздраженно, «и *не умѣютъ* и *не хотятъ* лѣчить; они—хирурги». Такъ тянулись неопредѣленные дни. Подъ нижнею челюстью, въ вершкѣ отъ уха, на мѣстѣ произведенной операціи, была небольшая опухоль; какъ бы лежалъ продолговатый мѣшечекъ, слабо набитый крупой, безъ всякой впрочемъ боли и даже простой неловкости; тутъ то и

были «внутренніе швы», которые нужно было «поправить». Невозможно было представить себѣ, чтобы тутъ содержалось что-нибудь значительное: царапина на лицѣ болѣе была бы замѣтна и болѣе бы садѣла,— и мысль объ операціи, какъ игру хирурговъ, онъ естественно гналъ. Не скоро еще онъ увидалъ Мультановскаго, безмѣрно занятаго и иногда больного, и, когда увидалъ—тотъ сказалъ ему, что «выпотъ можетъ еще всосаться, такъ что нѣтъ крайней необходимости въ операціи»: раковые узлы уже ушли такъ глубоко, что ихъ нельзя было сыскать ножомъ. Иногда онъ чувствовалъ—но только самыя легкія—боли подъ мышками; и вообще въ шеѣ и верхней грудной клѣткѣ прощупывались болящія при надавливаніи точки, не безпокоившія въ остальное время. Опять шли смутные дни, въ которые не прерывались ни его занятія для Ученаго Комитета (разборы представляемыхъ къ одобренію учебниковъ), ни посѣщенія ближнихъ своихъ друзей; однако, повидимому, силы его падали и худоба возрастала. Какъ то въ половинѣ января 96 года онъ долженъ былъ у меня обѣдать; утромъ приходитъ открытое письмо: «ни сегодня, ни завтра не могу я у васъ быть,—въ хлопотахъ, послѣ разскажу». Я пропустилъ день, и слѣдующій—была *среда*—Страховъ былъ разстроенъ и встревоженъ, задыхался. «У меня сердцебіеніе открылось», сказалъ онъ на вопросъ.—«Докторъ— на этотъ разъ «терапевтъ» — сказалъ, что это отъ желудка; желудокъ переполненъ и не очищается—давитъ на грудо-брюшную перегородку и стѣсняетъ сердце; прописалъ слабительное, назначилъ діэту и

велѣлъ дня 3—4 посидѣть дома».—«Развѣ radix rhei»—а опъ его обычно принималъ, кубиками, во время ѣды, уже много лѣтъ—«не помогаетъ?»—«Нѣтъ. Нужно болѣе энергическое. Непріятно, что лежать нельзя: ляжешь—сердцебіеніе усиливается; устаешь ужасно». Опъ былъ худъ, и видимо «среда» утомляла его. Мы разошлись раньше, чтобы «дать больному покой»... На лѣстницѣ, при спускѣ съ его пятаго этажа, мы остановились и переговорили; кто-то, видѣвшій доктора, сообщилъ, что развѣтвленія рака дошли до легкаго и сердца: отсюда—одышка и сердцебіеніе, которыя будутъ теперь все возрастать. «Какъ только узелки проникли въ околосердечную сумку—сердце потеряло свой ритмъ», объяснилъ мнѣ, уже послѣ смерти, Н. А. Батуевъ; и, въ самомъ дѣлѣ, оно билось теперь то такъ, то эдакъ, безъ всякаго порядка,—что̀ Страховъ и называлъ «сердцебіеніемъ», отмѣчая однако его странныя особенности. Въ слѣдующіе затѣмъ дни я посѣщалъ его каждый день; въ воскресенье—то самое, когда опъ такъ заботливо торопилъ молодого человѣка къ Бычкову—зашелъ ко мнѣ Кусковъ [1]), старинный и неизмѣнный другъ покойнаго, еще отъ юношескихъ дней, и пригласилъ вмѣстѣ пойти къ нему.—«Я не хочу одинъ идти къ нему—разговоръ его утомляетъ: мы будемъ говорить при немъ, но не съ

[1]) Платонъ Александровичъ,—авторъ простого и глубокомысленнаго разсужденія «Наши идеалы» («Русское Обозрѣніе» 1893 г., февраль), двухъ сборниковъ стиховъ, между которыми есть прекрасные, переводчикъ сонетовъ Шекспира и его «Ромео и Юліи». Къ сужденіямъ его всегда чутко прислушивался Страховъ.

нимъ». Мы пришли къ нему часовъ около 7—8 вечера. «Усталъ ужасно—ни часу сна; сердце однако *лучше*»... «*Гораздо* лучше», протянулъ онъ; «но вотъ спалъ пѣтъ,—это отъ безсонницы». Тревоги, къ *сейчасъ* относящейся, не было въ немъ, какъ въ среду; но выглядѣлъ онъ гораздо хуже: точно уходилъ куда-то, проваливался во что-то. Трудно было быть у него и съ нимъ, видѣть его, просто разговаривать съ нимъ: «Читали?»—спросилъ онъ, пододвигая книгу и показывая раскрытую страницу; это было—въ январьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* или *Русскаго Обозрѣнія*—стихотвореніе гр. Голенищева-Кутузова, что-то о природѣ, но я хорошо не помнилъ. Онъ укоризненно покачалъ головою:—«Я *четыре* раза перечиталъ», и онъ сдѣлалъ движеніе головой, какъ всегда, когда не хотѣлъ говорить и нужно было выразить удивленіе или удовольствіе. Стихотвореніе, правда, было хорошо и, главное, оно какъ-то шло, было *нужно* и *внятно* умирающему; Страховъ любилъ задумчивые и чистые оттѣнки музы этого поэта, котораго очень любилъ и какъ человѣка. Въ гостяхъ у него еще сидѣла дама, видимо имъ уважаемая. Мы говорили втроемъ, стараясь предупредить его вмѣшательство, но разговоръ былъ преднамѣренъ и напряженъ, тяжелъ. Что-то заговорили о службѣ и наградахъ—это былъ январь. —«Вѣрно вотъ Николай Николаевичъ и не знаетъ, какіе есть у него ордена», сказалъ кто-то; я вспомнилъ невольно и разсказалъ, какъ въ ночь на 1-ое января 89 года ему принесли звѣзду: послѣ звонка и минутнаго разговора въ передней, входитъ его старая Матрена

и подаетъ продолговатый ящичекъ. Онъ раскрываетъ и вдругъ заволновался: «Ахъ, да зачѣмъ же это? Богъ знаетъ что̀ такое! Кто ихъ просилъ? Что же, нужно теперь будетъ ѣхать и благодарить?» Я взялъ ящичекъ, тамъ лежала звѣзда и лента. До того мнѣ страннымъ представилось его крикливое почти волненіе (въ провинціи «звѣзду» всегда «спрыскиваютъ» шампанскимъ), что я недоумѣвалъ тогда и никогда потомъ этого понять не могъ. И теперь, передавая—въ затрудненномъ разговорѣ—гостямъ эту сцену, вѣрно я выразилъ то̀ же недоумѣніе. «Да вѣдь за нее нужно было заплатить почти *200 рублей*, а мое жалованье *87 рублей* съ копѣйками,—что̀ же вы не понимаете?»—воскликнулъ онъ, тоже недоумѣвая. Тутъ только—это было за три дня до смерти—я узналъ, до чего былъ бѣденъ этотъ человѣкъ, имѣвшій библіотеку, несомнѣнно стоившую нѣсколько тысячъ рублей, ѣзжавшій за-границу и убѣдившій меня издать *Легенду объ Инквизиторѣ*, взявъ на себя расходы.

Онъ всегда былъ безупречно чисто одѣтъ, но болѣе зоркій глазъ другихъ замѣчалъ, что все это было ужасно ветхо, хотя и хорошо сбережено. Какъ-то, мѣсяца за два, его спросили, какъ онъ справляется съ бѣльемъ (то-есть будучи безсемейнымъ): «Все—поношено, но—ужъ не хочется заводить, думаю—авось обойдется». Я вспомнилъ объ этомъ, послѣ похоронъ, студенту Вальневу [1]), жившему съ Данилевскимъ во

[1]) Собственно—окончившему курсъ филологу; ему принадлежитъ прекрасное выраженіе о Страховѣ (устно мнѣ сказанное): «онъ былъ для меня вторымъ университетомъ».

второй половинѣ его квартиры; онъ улыбнулся: «—Да, дѣйствительно,—все такъ оказалось изпошеннымъ и разваливалось въ рукахъ, что едва отыскалась перемѣна, въ которую можно было одѣть его» (послѣ смерти).

Въ понедѣльникъ, послѣ службы, я снова былъ у него: разница съ вчерашнимъ днемъ была поразительная. Куда-то дѣвались прежнія черты Страхова, и то, что оставалось въ лицѣ, лишь *напоминало* его. Онъ сидѣлъ въ спальнѣ, на креслѣ; теперь уже минута напряженія его истощала: «—Не смотрите на меня, это меня утомляетъ». Голосъ его былъ глухой, слова невнятны въ буквахъ; онъ опирался локтями—однимъ на столъ, другимъ о ручку кресла; шея съ трудомъ поддерживала голову; уже *недѣлю онъ сидѣлъ*. Нужно было сказать утѣшеніе и не было никакого; развлекать?.. Что-то гнало отсюда, гнало всякаго, какъ непужнаго. Скоро пришелъ докторъ, и я вышелъ. «Еще денька три, можетъ быть четыре, вамъ будетъ трудно,—даже труднѣе будетъ минутами; но потомъ мы справимся»...—«*Еще* три дня!» сказалъ онъ со страданіемъ, когда мы остались вдвоемъ; на лѣстницѣ я напалъ доктора,—помнится Павлова: «—Долго ли еще жить ему? вѣдь онъ постепенно задыхается! и откуда такая слабость?» Слабость была отъ сильныхъ возбуждающихъ средствъ, которыя возстановляли ритмъ сердца, но поглощали послѣднія жизненныя силы организма: какъ только сокращались дозы—силы были лучше, и въ то же время сердце начинало мучительно биться. Другого соотношенія не было,—кромѣ еще призыва скорой смерти.

И тутъ докторъ сказалъ памятныя слова: «—*Самому* страдающему больному предложите на выборъ: сейчасъ умереть *безболызненно* или жить *еще нѣсколько*, долго, съ такимъ же и даже бо́льшимъ страданіемъ; и *всякій* выберетъ—*жить*, *всякій* человѣкъ». Вѣрно есть своеобразная мудрость у медиковъ... Но развязка была ближе, чѣмъ онъ предполагалъ,—не черезъ полторы недѣли. Во вторникъ уже Страхова не было; была груда дышащаго тѣла и въ немъ билось сознаніе. Онъ все однако помнилъ, малѣйшія детали; сужу по невнятнымъ отвѣтамъ на мои растеряннно-неумѣстныя слова. Жизнь его, и весь трудъ, весь кругъ извѣстныхъ ему людей, съ ихъ ошибками, не потеряли отчетливости въ его духовномъ зрѣніи. Только отъ всѣхъ отъ нихъ, не теряя мысли, онъ *самъ* уходилъ куда-то, и почти уже ушелъ... Какъ отличительна, *нова* была его теперешняя слабость сравнительно съ тою, въ какой его, въ обморокѣ, принесли изъ операціонной компаты; тамъ была *жизнь* въ тѣлѣ, при безмолвіи и потерянномъ сознаніи,—здѣсь, при ярко освѣщающемъ сознаніи и рѣчи, уже почти отсутствовала жизнь... Есть, въ самомъ дѣлѣ, различіе между тѣлесной душой, мускульной жизненностью, одухотворенностью органовъ, и—между нашимъ νοῦς, какъ это замѣтилъ уже Аристотель. Первая есть какъ бы мысль кого-то *объ* насъ, и она намъ не принадлежитъ, отъ насъ отходитъ: тогда органы развязываются, тѣло гибнетъ; второй есть собственно наше *я*, во всемъ отвѣтственное,—и въ гаснущемъ тѣлѣ, когда его жизнь уже только «мигаетъ», оно полно, какъ и всегда.

Вечеромъ, въ этотъ же вторникъ, къ нему пришелъ Кусковъ и встрѣтился съ торопливо пришедшей дѣвушкой-родственницей, которая ухаживала за нимъ въ Госпиталѣ. Она служила въ одной изъ общинъ Краснаго Креста и, позванная еще наканунѣ Страховымъ, была задержана дежурствомъ на цѣлыя почти сутки. На этотъ разъ рѣшились его уложить: точно застывшая на немъ одежда, столько дней не снимаемая, наконецъ облегчила его. Долго за полночь сидѣлъ и читалъ надъ нимъ 40-лѣтній его другъ, и незамѣтно былъ выпущенъ въ дверь сидѣлкой. Незамѣтно же, гдѣ-то между полуночнымъ часомъ и утреннимъ, отошелъ и Страховъ... Все поздно было, что́ хотѣли около него сдѣлать [1]); опоздало все для его собственнаго, выраженнаго кивкомъ головы, желанія.

На другой день, въ среду 24-го, вернувшись послѣ панихиды по Достоевскомъ къ нему, я нашелъ странную свободу въ квартирѣ: никого не было, и двери были раскрыты. Машинально я прошелъ въ спальню,— и тамъ не было никого. На столѣ лежалъ какой-то огромный пакетъ, казенный, и машинально же я заглянулъ въ него: тамъ были рукописи и едва ли не книги. «Да гдѣ Николай Николаевичъ?»—громко спросилъ я. Вошла,—очевидно впрочемъ не на зовъ—Наталья Ивановна и, не здороваясь, странно и угрюмо посмотрѣла на меня.—«Гдѣ Страховъ?»..—«Какъ *гдѣ*?»— еще сердитѣе она отвѣтила:—«Умеръ». И она указала на комнаты Данилевскихъ. Тамъ, на сдвинутыхъ сто-

[1]) Исповѣдоваться и причаститься. *Примѣчаніе 1913 г.*

лахъ, подъ коленкоромъ, лежало дорогое тѣло; читали псалтырь; около него стоялъ какой-то господинъ: я едва узналъ—это былъ, однако, несомнѣнно Ал. Ив. Георгіевскій. Добрый начальникъ ничего не зналъ о трудномъ положеніи Николая Николаевича, онъ привезъ ему, кажется, жалованье и тотъ огромный пакетъ съ рукописями, требовавшими разбора и одобренія. Мы немного поговорили объ усопшемъ и разошлись. Началось обычное теченіе вечернихъ и утреннихъ панихидъ...

Такъ умеръ и умиралъ этотъ человѣкъ,—лучшій, какого я когда-либо зналъ. Многое можно было бы указать, чего недоставало ему, что̀ въ немъ отсутствовало, съ чѣмъ онъ не былъ рожденъ (именно—страстныхъ и порывистыхъ, творческихъ эмоцій); но то, что̀ въ немъ было,—имъ было упорядочено до высшихъ формъ совершенства, доведено до высшей степени культуры, просвѣщенія, блага. Это былъ земледѣлецъ, распахавшій свое поле съ заботливостью и умомъ, какого только могъ потребовать отъ него Пославшій его въ міръ. Вотъ почему эпитетъ *безупречности* не только можетъ быть данъ ему въ цѣломъ, но онъ навертывается на языкъ при разсмотрѣніи каждаго шага его жизненнаго пути, каждаго имъ совершеннаго дѣла. Именно этой постоянной вдумчивостью въ то, что̀ имъ дѣлается, дѣтской чистотой души, которая едва останавливалась на границѣ [1]) наивности,

---

[1]) Помнится мнѣ одно восклицаніе старика (ни фамиліи, ни имени не знаю) на какомъ-то парадномъ обѣдѣ, точнѣе—послѣ *обѣда*, когда

огромнымъ умомъ, истинной мудростью сердца въ распознаваніи свѣтлаго и темнаго, нужнаго и безполезнаго, серьезнаго и пустого,—онъ выдѣлялся на фонѣ людской толпы, онъ съ нею никогда не смѣшивался. Безъ страстныхъ, порывистыхъ движеній въ себѣ, никогда не составляя центра какого-нибудь шума, движенія, онъ былъ тѣмъ не менѣе неизмѣримо богатъ *индивидуальностью*, и богатство *индивидуальности* же лежитъ на его трудахъ. Но это была та индивидуальность, къ которой нужно было присматриваться, умѣть ей *внимать*, ее *ловить*. Чудно идутъ къ нему эти стихи Баратынскаго, обращенные къ своей музѣ:

Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
Прельщать...
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица *не общимъ* выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой...

Геній духовный почившаго критика былъ родственъ съ чертами музы прекраснаго поэта. Мы назвали выше его пяшей и пѣступомъ младенческой нашей мысли; можно еще сказать, что онъ былъ Баратынскимъ нашей философіи. Есть какое-то несравненное изящество и благородство въ чертахъ ихъ обоихъ, въ тру-

---

въ тѣсномъ, отдѣлившемся кружкѣ лицъ кто-то упомянулъ о дружелюбіи и постоянномъ расположеніи Страхова къ высокопоставленному человѣку, не знаменитому своей честностью: «—Да у Николая Николаевича и *органа нѣтъ*, которымъ *обоняется* нечестное!» Выраженіе это очень характерное и очень вѣрное.

дахъ ихъ; и мы охотно отвращаемся отъ болѣе звонкихъ, но неустроенныхъ струнъ, чтобы сосредоточиться на этихъ, гдѣ насъ ничто не оскорбляетъ, не мучитъ, не раздражаетъ и не смущаетъ; гдѣ, наконецъ, насъ ничто не *обманываетъ*.

Его труды есть истинный Thesaurus умственно и нравственно *должнаго*... Всѣ они, хотя это прямо и незамѣтно, обращены къ юности: не академіи, не каѳедрѣ онъ говорилъ, хотя былъ и академикъ, и часто оспаривалъ каѳедру, но—именно къ *развертывающимся*, *раскрывающимся* сплamъ ума и дарамъ души; въ немъ юность потеряла наставника и руководителя, какого можетъ-быть еще ей никогда не будетъ дано. Едва ли не входило въ жизненные планы покойнаго именно созданіе въ себѣ идеальныхъ чертъ *наставника;* не отсюда ли развитіе, какое онъ далъ въ себѣ критическимъ способностямъ, воспитаніе въ себѣ вкусовъ, такая осмотрительность въ полемикѣ, какъ бы заглядывающая въ будущность, и наконецъ вообще все возведеніе зданія жизни своей, куда не замѣшалось ничто нечистое, что̀ могло бы когда-нибудь оскорбить вкусъ или поколебать совѣсть. Входя въ рядъ томиковъ, имъ оставленныхъ—характеренъ самый форматъ ихъ, печать, раздѣленье на главы, все разсчитанное на *неутомленіе* вниманія—вы какъ бы входите въ прохладную сѣверную рощу, безъ колоссовъ южной растительности, колючихъ и перепутанныхъ, но гдѣ вы отдыхаете и можете научиться. Съ великой предусмотрительностью въ ней собраны образцы всѣхъ формъ ра-

стительнаго міра, и каждый экземпляръ обдуманно поставленъ: нѣтъ шага въ ней, который бы вы сдѣлали, нѣтъ взгляда, куда бы вы его ни бросили, который бы не просвѣщалъ васъ, не образовывалъ. Все, какъ я упомянулъ, въ нихъ расчитано на неутомленіе: между тѣмъ нѣтъ писателя, которой съ такимъ удовольствіемъ перечитывался бы во второй и третій разъ; именно потому, что во всякую точку здѣсь вкраплена мысль, при третьемъ чтеніи вы открываете столько же свѣжаго для себя и любопытнаго, какъ и при первомъ, когда масса деталей его мысли отъ васъ ускользнула...

Но не побѣжитъ, или еще долго не побѣжитъ юность въ эти образовательные сады, для нея взращенные; и гораздо скорѣе войдетъ туда и научится опытная старость. Мы, русскіе, не имѣемъ *оригинальной* и *живой*, не имѣемъ *самостоятельной* юности; мы имѣемъ только истощенную юность. Пряность продолжительной лести дала свой плодъ; уже ничто горькое не переносится ею, ничто трудное; и нѣтъ силъ въ ея мускулахъ для свободнаго и героическаго движенія. Робкою толпой она жмется еще и еще къ новой подачкѣ самолюбію своему. Но если вотъ человѣкъ «вся сладкая земли» для нея оставилъ, и какъ при жизни призрѣвалъ порознь разбросанныхъ въ ней овецъ, такъ призрѣлъ умомъ своимъ высокимъ и общія ея духовныя нужды и заботы,—что̀ въ томъ, она не откроетъ паломничества на его могилу, она даже не вспомнитъ, гдѣ эта могила; она не пойметъ ничего этого... И «хладною» толпой какъ вчера, такъ завтра, и еще долгіе годы—

пробредетъ къ своимъ повседневнымъ утѣшителямъ. Такъ и юный и дряхлый супругъ, оставляя цѣломудренную жену, бредетъ иногда и ищетъ въ навозѣ... я едва не сказалъ—Карѣева и Михайловскаго; онъ бредетъ и ищетъ красавицу съ прыщами и въ парывахъ.

Волна суетности, волна жизни уже играла около гроба умершаго. Нужно было хоронить, и хорошо; и не было денегъ, или точнѣе,—нельзя было ихъ получить. Бѣдный не расписался «20-го» въ требовательной вѣдомости, и жалованье нельзя было выдать; въ свою очередь «пособіе» должно было пройти черезъ контроль, и раньше трехъ дней его нельзя было получить, а трупъ разлагается иногда на второй.

Рѣшили, что имя покойнаго въ литературѣ могло быть достаточнымъ для увѣренія въ монастырѣ, что деньги *будутъ* уплачены; для парада полиція предложила жандармовъ, но они были отвергнуты: это было черезчуръ дорого. Бездна литераторовъ толпилась въ комнатахъ; и былъ съ цѣпью судебный приставъ, явившійся описывать имущество. Не забуду, какъ онъ спрашивалъ постоянно: «скажите, тутъ нѣтъ Суворина?» Очевидно, грозный владыка *Новаго Времени* подавлялъ воображеніе бѣднаго судебнаго чиновника. Какой-то литераторъ все хотѣлъ перевести «среды» къ себѣ, и собиралъ обычныхъ гостей покойнаго, спрашивая: «Такъ вы согласны?» Всѣ были «согласны». Но вотъ наступило третье утро; всѣ хотѣли нести «голову» покойнаго, но она была одна и рукъ гораздо

больше. Безконечно далекъ былъ путь на кладбище, но оно было прекрасно—далекій, уединенный женскій монастырь. И на самомъ кладбищѣ его могила была далека и уединенна. Какъ всегда чудно сплетается въ жизни прекрасное и смѣшное, сплелось оно и здѣсь: бѣдный Иванъ Павловичъ, тотъ Иванъ Павловичъ, который зарыдалъ, когда Страхова вынесли изъ операціонной комнаты,—карабкаясь на холмъ мерзлаго песку, имѣлъ неосмотрительность быть впереди важнаго сановника и почти писателя (Т. П. Ф.), также шедшаго «бросить горсть праха на дорогую могилу»; литераторъ, перетащившій къ себѣ «среды», быстро схватилъ его за горбъ шубы и во́-время оттащилъ въ сторону. Но хоть и позже, свою горсть онъ вѣрно также бросилъ. Когда комья перестали стучать по крышкѣ гроба, полотна были отхвачены назадъ, и все нѣсколько успокоилось, незамѣтно,—не выдвигаясь и даже какъ бы не обращаясь къ живымъ, заговорилъ объ усопшемъ старшій, кажется, изъ присутствующихъ его другъ—свою рѣчь. По *манерѣ* произнесенія—она не была вовсе рѣчью, но какъ бы размышленіемъ про себя, случайно выговорившимся вслухъ. И для внимающаго, поэтому, она была истинно прекрасна, не нарушая вовсе могильнаго покоя и смертнаго величія. Онъ говорилъ:

«Самый очевидный способъ, которымъ жизнь заставляетъ существа, одаренныя свободной волею, идти къ цѣлямъ ея, заключается въ томъ наслажденіи, которое ощущается при исполненіи ея велѣній. Судя по тому наслажденію, съ которымъ соединено всякое

творчество, надо думать, что творчество и составляетъ главную работу нашей жизни. Но «не *можетъ Сынъ творити о Себѣ ничего же, аще не еже видитъ Отца Творца*» (Іоанн., V, 19).

«Можетъ быть, оттого такъ и великъ восторгъ творчества, что въ минуты его человѣкъ видитъ Бога, и чѣмъ яснѣе мысль его сознаетъ ею видимое, тѣмъ необъятнѣе получается отъ этого наслажденіе. Вся жизнь нашего друга, котораго мы теперь хоронимъ, была почти непрерывнымъ рядомъ такихъ наслажденій. Онъ совершенно ясно выразилъ, въ чемъ состояло упоеніе его философствующей мысли, въ эпиграфѣ, который онъ поставилъ на заглавномъ листѣ одной изъ своихъ книгъ (*О вѣчныхъ истинахъ*): philosophari nihil aliud est, quam Deum amare—философствовать не иное что есть, какъ любить Бога. И съ этой любовью ему было такъ хорошо среди 10.000 томовъ его библіотеки, что его друзья никогда не находили его тамъ въ приниженномъ состояніи: онъ всегда былъ ясенъ духомъ и всѣмъ доволенъ.

«Въ послѣдней выпущенной имъ книжкѣ, третьей книжкѣ *Борьбы съ Западомъ*, онъ говоритъ въ предисловіи:

«Въ какой-то старой нѣмецкой книгѣ я видѣлъ, что на заглавной страницѣ третьей части послѣ заглавія было напечатано: *третья послѣдняя и лучшая часть*. Очень мнѣ хотѣлось бы имѣть право сдѣлать такую же надпись на этой третьей книжкѣ «Борьбы»: написать, что это *послѣдняя и лучшая* изъ трехъ. Что она *послѣдняя*—въ этомъ, кажется, мнѣ нельзя со-

мнѣваться, чувствуя какъ убываютъ у меня силы и расположеніе писать. Что она *лучшая*—этому мнѣ хотѣлось бы вѣрить; писатель вѣдь долженъ стараться идти впередъ, по мѣрѣ того, какъ проводитъ годы и десятки лѣтъ въ чтеніи и размышленіи. Но одного старанія здѣсь мало, и объ успѣхахъ своихъ стараній мнѣ слѣдуетъ ожидать и просить суда читателей».

«Душа его, исполнившая ту волю жизни—чтобы *ничего не погубить изъ того, что ей дано жизнью* (Іоаннъ, VI, 39), была освобождена отъ самаго ужаснаго изъ всѣхъ страховъ, отъ страха смерти. Онъ о смерти до послѣдней минуты не говорилъ. Она взяла его въ такое время, когда онъ самъ сознавалъ уже, что у него проходитъ расположеніе писать,—значитъ, когда онъ сознавалъ самъ, что все имъ сдѣлано, и когда могъ сказать: *Нынѣ отпущаеши*»...

«Онъ исполнилъ свой долгъ и умеръ спокойно, вполнѣ удовлетворенный».

«Намъ остается пожелать самимъ себѣ подобной кончины».

Такъ говорилъ Платонъ Александровичъ Кусковъ, проводя и свои любимыя идеи, которыя можно было бы назвать виталистическимъ пантеизмомъ,—крѣпышъ, поднявшійся съ почвы земли русской и образовавшій самостоятельно очень высокія созерцанія.

Едва произнесены были рѣчи—были сказаны еще двѣ—какъ уже кружки литераторовъ зашумѣли сборами на литературныя чтенія «памяти покойнаго», почти съ назначеніемъ темъ и распредѣленіемъ оче-

редей чтенія. Могила была засыпана; и когда она очистилась, на нее робко поднялся молодой человѣкъ, никому незнакомый,—также очевидно хотѣвшій сказать что-то. Онъ долго придумывалъ; всѣ стояли по-òдаль.«Прости, дорогой... Не осталось послѣ тебя у насъ еще такого писателя, только Левъ Николаевичъ Толстой и Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ». Онъ постоялъ еще съ полъ-минуты, но ничего больше не придумывалось, и онъ сошелъ. Бѣдный, онъ не былъ посвященъ въ подробности подраздѣленій литературы нашей, понималъ ее слишкомъ «вообще». Бурнымъ рокотомъ прошло неудовольствіе среди обдумывавшихъ «память» писателей, когда на «глубоко православной» могилѣ было упомянуто имя проблематичнаго христіанина и особенно имя ненавистнаго полемиста съ усопшимъ, тоже «схизматика» и почти язычника. Человѣкъ не замѣтилъ этого, къ счастью; и, по крайней мѣрѣ, навѣрное онъ никого не хотѣлъ оскорбить. Было очень холодно, и всѣ извощики уже разобраны; сѣли въ вагонъ конки—и туда же робко вошелъ послѣдній ораторъ. Худой, истощенный, почти несомнѣнно изъ актеровъ безъ мѣста (по характерно выбритымъ щекамъ), въ холодномъ пальто и лѣтней шляпѣ, онъ имѣлъ посъ самаго непріятнаго цвѣта.

Робко выглядывалъ онъ, какъ мышка изъ клѣтки, на насъ,—очевидно знакомцевъ усопшаго и слѣд. «писателей». Такъ чуждъ онъ былъ намъ. Конка остановилась передъ какимъ-то переулкомъ, на окраинѣ города. Вставъ и приподнявъ шляпу, онъ неувѣренно посмѣтрѣлъ на всѣхъ въ вагонѣ, очевидно прощаясь

и, можетъ быть, извиняясь за невольное сообщество. Мы смотрѣли на него. Онъ вышелъ и побрелъ по переулку, очевидно до мѣста перваго возможнаго «помиповенія» покойнаго...

Между тѣмъ, онъ не былъ такъ абсолютно неправъ. Великое солнце гдѣ-то въ полуденныхъ странахъ передвинулось черезъ равноденственную линію; и въ высокихъ широтахъ, еще запосимыхъ вьюгами и снѣгомъ, осязаемо зашевелились обмершія растенія; токъ соковъ пошелъ вверхъ, корни выпустили новыя мочки,— между тѣмъ какъ стужа сильнѣе чѣмъ въ декабрѣ. Неуловимы и таинственны пути и средства роста, различимъ только его источникъ. Тѣ имена, которыя онъ назвалъ,—что̀ вызвало ропотъ негодованія,—они имѣютъ истинное и глубокое родство между собой, болѣе значительное, чѣмъ раздѣлявшая ихъ рознь. Первые и ранѣе всѣхъ въ нашей обмершей, студеной странѣ, они поклонились истинному Богу; въ обществѣ, не хотѣвшемъ слышать святого Его имени—они произнесли это имя громко. Чуство *теизма*, самое глубокое, самое живое чувство,—не есть только реторика ихъ языка, средство политики; съ первыхъ трудовъ и до послѣднихъ, въ значительныхъ какъ и само-малѣйшихъ, оно сказывается уже, *есть*; какъ *есть* лѣто въ обратномъ движеніи растительныхъ соковъ. Богъ идетъ посѣтить насъ; *эти* первые увидѣли лучи Его; что̀ въ томъ, что изумленные, напуганные, они заговорили невнятно, розно, косноязычно; важное—въ ихъ *сердцѣ*, въ *жаждѣ* говорить; важное не въ словахъ ихъ

и даже не въ нихъ самихъ, но въ томъ именно, что Богъ идетъ...

Что это не-пусто, не незначительно—можно видѣть изъ того, что каждый изъ нихъ отдалъ бы, и уже осязаемо отдалъ то, что обыкновенные люди *ни за что* и *никогда* не отдаютъ. Какъ почти ненужную мишуру—одинъ отбросилъ всемірную свою славу, *мотивы* этой славы; другой—переходитъ изъ кружка въ кружокъ людей, изъ лагеря въ лагерь и почти изъ Церкви въ Церковь, вглядываясь всюду въ лица, на которыхъ онъ могъ распознать мятущее его чувство; третій какимъ-то далекимъ тяготѣніемъ заставляетъ его чувствовать въ каждой строкѣ своей, и разошелся съ временемъ своимъ, съ вѣкомъ и поколѣніемъ, которые ничего не знали объ этомъ чувствѣ. Всѣ три—потеряли вдругъ родину, потеряли—время, потеряли—людей. Не святое ли, не великое ли грядетъ, ради чего люди развязываютъ кровнѣйшіе узы бытія своего; не живое ли это, если питаетъ ихъ болѣе, нежели какъ можетъ напитать человѣка эпоха, люди, вся окружающая цивилизація?.. Не есть ли это небесная и истинная родина человѣка, ради которой онъ такъ легко оставляетъ земную?

1896 г. Спб.

Окончено печатаніемъ въ Типографіи Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». 10-го августа 1913 г.

БУЛГАКОВЪ С. Н. Два града. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Книгоизд. „Путь". Моск. Цѣна за оба тома 3 р.

ВОЛЖСКІЙ. Изъ міра литературныхъ исканій. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

ГИЛЯРОВЪ-ПЛАТОНОВЪ, Н. П. Сборникъ сочиненій. Москва. 1899 г. Съ портретомъ автора и вступительною статьею (LX стр.) князяН. Шаховского: „Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ". 2 тома. Цѣна 4 р.

Его-же. Университетскій вопросъ. Спб. 1903 г. Цѣна 2 р.

КИРѢЕВСКІЙ, И. В. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей **М. Гершензона.** 2 т. Книгоизд. «Путь». Москва. 1911 г. Цѣна 4 р.

КОЖЕВНИКОВЪ, Вл. А. Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Опытъ изложенія его ученія по изданнымъ и неизданнымъ произведеніямъ, перепискѣ и личнымъ бесѣдамъ. Москва. 1908 г.

КУСКОВЪ, П. Наша жизнь. Стихотворенія. — Природа. Міръ. Сердце. Люди. Между прочимъ. Женщины. Жизнь. Легенды. Respubli-cae. Онъ. Шутки полишинеля. Сонеты Шекспира. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же (анонимно). Наше мѣсто въ вѣчности. Кіевъ. 1900 г.

Его-же, переводъ. Ромео и Юлія. Трагедія Вилліама Шекспира.

Его-же, переводъ. Отелло. Трагедія Шекспира. Цѣна 1 р.

ОДОЕВСКІЙ, В. Ѳ., князь. Русскія ночи. Редактировалъ **С. А. Цвѣтковъ.** Книгоизд. „Путь". М. 1913 г. Съ портретомъ автора. Ц. 2 р.

ПЕРЦОВЪ, П. Венеція и венеціанская живопись. Очерки. Изданіе 2-е. Съ 12 иллюстраціями. Москва. 1912 г. Цѣна 75 коп.

Его-же. Панрусизмъ или панславизмъ? Москва. 1915 г. Ц. 50 к.

РАЧИНСКІЙ, С. А. Сельская школа. Сборникъ статей. Съ предисловіемъ Н. Горбова. Изданіе 2-е. Москва. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Татевскій сборникъ. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р. 50 к.

РОЖДЕСТВИНЪ, А. Просвѣтительная дѣятельность императрицы Екатерины II. Казань. 1897 г.

Его-же. Семь словъ Христа Спасителя со креста. Съ приложеніемъ статей: 1) Святая ночь. 2) День побѣды. 3) Ради свѣтлаго дня. Казань. 1903 г.

Его-же. Личность и творчество Гоголя. Съ портретомъ Гоголя и библіографическимъ указателемъ важнѣйшихъ сочиненій о его жизни и творчествѣ. Казань. 1909 г.

Его-же. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Жизнь и поэзія. Казань. Оттиски изъ „Педагогическаго сборника".

Его-же. Поэзія Тургенева. Къ 25-лѣтію смерти писателя-поэта († 22 августа 1883 года). Казань. 1908 г.

Его-же. Семья и школа въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстого. Казань. (Оттиски изъ „Педагогическаго сборника").

Его-же. Поэзія Некрасова (Оттискъ изъ „Педагогическаго сборника")

РОЖДЕСТВИНЪ, А. Вл. С. Соловьевъ, какъ поэтъ. Казань. 1901 г.

Его-же. Въ виду реформы средней школы. Казань. 1900 г.

Его-же. Книги по обученію русскому языку въ инородческой школѣ. Историко-критическій обзоръ. Казань. 1905 г.

Получать можно отъ *автора — Казань, Ново-Горшечная ул., д. Башарина. А. Р. Рождествинъ.*

РОЗАНОВЪ, В. В. Уединенное. Почти на правахъ рукописи. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Опавшіе листья. Спб. 1913 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Его-же. Литературные изгнанники. Томъ первый. Съ приложеніемъ портрета. Спб. 1913 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Его-же. Среди художниковъ. Спб. 1913 г. Съ портр. Цѣна 3 р. 50 к.

Его-же. О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1912 г. Цѣна 80 к.

Его-же. Библейская поэзія. Спб. 1912 г. Цѣна 50 к.

Его-же. Л. Н. Толстой и русская церковь. Спб. 1912 г. Цѣна 30 к.

Его-же. Темный ликъ. Метафизика христіанства. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Изданіе 2-е (увеличенное на 95 страницъ). Спб. 1912 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Его-же. Русская Церковь. Духъ. Судьба. Ничтожество и очарованіе. Главный вопросъ. Спб. 1909 г. Цѣна 40.

Тоже. Перев. на нѣмецкій языкъ. (Въ сборникѣ „Russen ueber Russland"). Франкфуртъ на-М.

Тоже. Переводъ на итальянскій языкъ. Миланъ.

Его-же. L'Eglise Russe. Traduit avec l'autorisation de l'auteur par **N. Limont-Saint-Jean & Denis Roche.** Paris. 1912.

Его-же. Около церковныхъ стѣнъ. Два тома. Спб. 1906. Цѣна 4 р.

Его-же. Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 р.

Его-же. Семейный вопросъ въ Россіи. Два тома. Спб. 1903 г. Цѣна 4 р. 50 к.

Его-же. Ослабнувшій фетишъ. Психологическія основы русской революціи. Спб. 1906 г. Цѣна 20 коп.

Его-же. Когда начальство ушло. Очеркъ русскихъ событій 1905—1906 гг. Цѣна 2 р.

Его-же. Итальянскія впечатлѣнія. Римъ—Неаполитанскій заливъ.—Флоренція.—Венеція.—Съ рисунками Л. С. Бакста и тремя видами Пестума. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго коментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 3-е. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р. (распродано).

Его-же. Природа и Исторія. Сборникъ статей. Изд. 2-е. П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. (распродано).

Его-же. Религія и Культура. Сборникъ статей. Изд. 2-е. П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 20 к. (распродано).

Его-же. Литературные очерки. Изданіе П. П. Перцова. Спб 1899 г. Цѣна 1 р. (распродано).

Его-же. О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія. Москва. 1886 г. Цѣна 5 р. (распродано).

РОЗАНОВЪ, В. В. Мѣсто христіанства въ исторіи. Изд. 2-е. Спб. 1908 г. Цѣна 20 к. (распродано).

Его-же. Мѣстото на християнството въ историята. Отъ В. В. Розановъ. Прѣводъ на болгарскій языкъ отъ Русски подъ редакцията на Д. Божковъ. Библіотека „Духовна Пробуда". Пловдинъ. 1906 г.

Письма А. С. Суворина къ В. В. Розанову. Съ портретомъ. Въ переплетѣ. Цѣна 2 р.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ И. И. Митюрникова (Спб., Литейный пр., д. 31, телеф. 90-12). Иногороднымъ, выписывающимъ наложеннымъ платежомъ, складъ высылаетъ книги В. В. Розанова съ первою почтою.

РОМАНОВЪ, ИВ. Ѳ. (РЦЫ). Червоточина исторіи. Сборникъ статей. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Его-же. Севильскій цирюльникъ. Опера Россини (Опытъ коментарія нѣсколькихъ тактовъ музыки). Спб. 1912.

Его-же. Листопадъ. Сборникъ статей. Кіевъ—1892 года.

Его-же. Тексты перепуталъ (противъ „Крейцеровой сонаты" гр. Л. Н. Толстого).

Его-же. Лѣтописецъ. Періодическій Сборникъ. За 1 годъ.

СТРАХОВЪ, Н. О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Спб. Цѣна 1 р.

Его-же. Міръ, какъ цѣлое. Изданіе 2-е. Спб. 1892 г. Цѣна 2 р.

Его-же. Изъ исторіи литературнаго нигилизма. 1861—1865. Спб. 1890 г. Цѣна 2 рубля.

Его-же. Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. Спб. 1888 г. Ц. 1 р.

Его-же. О вѣчныхъ истинахъ (Мой споръ о спиритизмѣ). Спб. 1887 г. Цѣна 1 р.

Его-же. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи. Спб. 1886. г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. Изданіе 2-е. Спб. 1887 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книга 1. Изданіе 2-е.—Герценъ. Миллъ. Парижская коммуна. Ренанъ. Историки безъ принциповъ. Штраусъ. Поминки по И. С. Аксаковѣ. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Тоже. Книжка вторая. Изданіе 2-е. Ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова. Роковой вопросъ. Наша культура и всемірное единство. Дарвинъ. Полное опроверженіе дарвинизма. Спб. 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к.

СТРАХОВЪ, Н. Философскіе очерки. Спб. 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Воспоминанія и отрывки. Цѣна 1 р.

ФЛОРЕНСКІЙ, ПАВЕЛЪ. Священникъ. Въ вѣчной лазури. Сборникъ стиховъ. Сергіевъ Посадъ. 1907 г.

Его-же. Столпъ и утвержденіе истины. Письма къ Другу.

Его-же. Дружба. Изъ писемъ къ Другу.

Его-же. Софія. Изъ писемъ къ Другу.

Его-же. Соль земли то есть сказанье о жизни старца Геѳсиманскаго скита Іеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойнымъ сыномъ его духовнымъ. Сергіевъ Посадъ. 1909.

ФЛОРЕНСКІЙ, ПАВЕЛЪ. Общечеловѣческіе корни идеализма. Сергіевъ Посадъ. 1909 г.

Его-же. Служба Софіи Премудрости Божіей. Свято-Троицкая Сергіева Лавра.

Его-же. Собраніе частушекъ Костромской губерніи Нерехтскаго уѣзда. Изданіе костромской Архивной комиссіи. Кострома. 1910.

Сборникъ, посвященный памяти Сергѣя Семеновича Троицкаго († 2 ноября 1910 г.). Тифлисъ. 1912.

Складъ изданій у автора: Троице-Сергіевъ Посадъ, Московск. губ., Штатная Сергіева улица, домъ Озерова. П. А. Флоренскій.

ШЕСТАКОВЪ, ДМ. Стихотворенія. Спб. 1900. Цѣна 1 руб.

Его-же. Изслѣдованье въ области греческихъ народныхъ сказаній о святыхъ. Варшава. 1910 г. Цѣна 2 р.

Его-же. Изъ Гомеровскихъ гимновъ. Пер. съ греч. Казань. 1899 г.

Его-же. „Персы" Тимоѳея. Вновь открытый памятникъ древне-греческой поэзіи. Казань. 1904 г.

Его-же. Новѣйшія изученія древне-греческой литературы и жизни. Казань. 1904 г.

Его-же. Героини Овидія. Переводъ съ латинскаго. Казань. 1905 г.

Его-же. Три поэта византійскаго ренессанса. Казань. 1906.

Его-же. Памяти Т. Г. Шевченка, къ 40-лѣтію кончины. Казань. 1902.

Выписывать можно у автора—Казань, Односторонка 3-ей горы, свой домъ (Дим. Петр. Шестаковъ, профессоръ Университета).

ШПЕРКЪ, ѲЕДОРЪ. Философія индивидуальности. Varia. Спб. 1895 г.

Его-же. О страхѣ смерти и принципѣ жизни. Спб. 1895.

Его-же. Мысль и рефлексія. Афоризмы. Спб.

Его-же. Книга о духѣ моемъ. Спб. 1896 г.

Его-же. Діалектика бытія. Аргументы и выводы моей философіи. Спб. 1897 г.

ЭРНЪ, ВЛ. Русскіе мыслители. В. С. Сковорода. Книгоиздательство „Путь". Москва. 1912 г. Цѣна 2 р.

ѲЕДОРОВЪ, Н. Ѳ. Философія общаго дѣла. Статьи, мысли и письма, изданныя подъ редакціей **В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона.** Томъ I. Семипалатинскъ. Томъ II. Москва. 1913 г. Цѣна 2 р. 50 к.

2007041689